

История реформации в Европе во времена Кальвина. Том 3 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

HISTORY
OF
THE REFORMATION IN EUROPE
IN THE TIME OF CALVIN.

BY J. H. MERLE D'AUBIGNÉ, D.D.

AUTHOR OF THE
'HISTORY OF THE REFORMATION OF THE SIXTEENTH CENTURY' ETC.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont passé leur temps.'

'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.'

CALVIN.

VOL. III.

FRANCE, SWITZERLAND, GENEVA.

LONDON:
LONGMAN, GREEN, LONGMAN, ROBERTS, & GREEN.
1864.

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 3 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 3 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Дата выхода: 24 ноября 2019 [Электронная книга № 60774]

Последнее обновление: 17 октября 2024

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Уилсон, Дэвид Эдвардс, Колин Белл, Крис Пинфилд и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА". ТОМ 3 (ИЗ 8) ***

Примечание переписчика:

Исправлены очевидные типографские ошибки. Упорядочена расстановка переносов. Сохранена непоследовательная орфография (включая ударения и заглавные буквы).

Бегущие заголовки в верхней части каждой правой страницы были перемещены перед абзацами, на которые они ссылаются, и окружены знаками =равенства=.

Ссылка на сноску 615 отсутствует и была вставлена в вероятном месте.

ЛОНДОН

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ"

НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

Дж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук

АВТОР "ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА" И ДР.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles out passé leur temps.

'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.'

Кальвин.

ТОМ III.

ФРАНЦИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, ЖЕНЕВА.

ЛОНДОН:

ЛОНГМАН, ГРИН, LONGMAN, ROBERTS, & GREEN.

1864.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Время появления этого тома, по-видимому, требует нескольких слов введения.

День, завершающий великую эпоху в истории нового времени, скоро будет призван в память христиан-протестантов. В реестрах Женевской консистории за 1564 год под именем Кальвина значатся следующие простые слова:

Allé à Dieu le Sabmedy 27 de May, entre huit et neuf heures du soir. [1]

Автор этой книги, приглашенный Евангелическим союзом выступить с речью о *Реформации и Женевском реформаторе* во время Вселенской конференции, состоявшейся в Женеве в сентябре 1861 г., отметил в ходе своей подготовительной работы эту важную дату и предложил ассамблее, чтобы в трехсотлетнюю годовщину смерти Реформатора Женева и Реформатские Церкви в целом публично возблагодарили Бога за то, что он воскресил Джона Кальвина в шестнадцатом веке, чтобы тот трудился над реформацией Церкви, переосмысливая ее. установление Священного Писания как высшего авторитета и благодати как единственного средства спасения. Члены Конференции, числом около двух тысяч, приняли резолюцию путем аккламации. [2]

Поскольку христиане-протестанты готовились отмечать годовщину, автор хотел внести свой вклад в соответствии со своими возможностями в возрождение памяти великого врача. Почти в то самое время, когда идея этого протестантского праздника пришла ему в голову, он предложил описать в специальном труде *Реформацию Европы во времена Кальвина*. Опубликовав первые два тома более года назад, он надеялся выпустить еще один до 27 мая и теперь представляет его публике. Пусть он займет свое скромное место среди памятников, предназначенных для увековечения труда Господа.

Преследующий иезуитизм семнадцатого века и поверхностное недоверие восемнадцатого оклеветали великого Реформатора Запада. Времена изменились, и девятнадцатый век начинает воздавать ему должное. Его работы, даже те, что все еще находятся в рукописи, ищут и публикуют; его жизнь и характер, его теология и влияние являются объектом многочисленных

исследований, которые в целом носят печать справедливости; и даже выдающиеся художники нашли в его жизни тему для своих лучших картин.

Мы не испытываем к нему слепого восхищения. Мы знаем, что иногда он употреблял едкие выражения. Мы признаем, что, разделяя ошибки своего века, или, скорее, десяти столетий, он верил, что все, что посягает на уважение, подобающее Богу, должно быть наказано гражданской властью точно так же, как и все, что может нанести ущерб чести или жизни человека. Мы сожалеем об этой ошибке. Но как может кто-либо проницательно изучать письма Реформатора и другие сочинения и не распознать в нем одного из самых благородных интеллектов, один из самых возвышенных умов, одно из самых любящих сердец, короче говоря, одну из тех истинных христианских душ, которые безоговорочно посвящают себя долгу? Выдающийся ученый, о котором Шотландия до сих пор скорбит, доктор Каннингем, преемник Чалмерса, сказал в работе, опубликованной незадолго до его смерти: "Кальвин - это человек, который после святого Павла принес человечеству больше всего добра".

Без сомнения, у него всегда будут враги. Авторитетный журнал с большим тиражом в Германии, говоря о клевете (используется слово *Schmæhschrift*), опубликованной некоторое время назад против Кальвина, спрашивает: "Из какого лагеря она исходит — из иезуитского романизма или атеистического либертинизма?" Действительно, именно из этих кругов исходят в основном враги Реформатора; но мы признаем, что человек может быть настроен против Кальвина и все же не принадлежать ни к одной из этих школ.

Давайте, однако, не будем беспокоиться по поводу подобных нападок; Учитель Кальвина сказал: *"Если они творят такие вещи на зеленом дереве, что же будет сделано на сухом?"* [3]

Автор настоящего тома считает, что лучший способ воздать должное его памяти - это сделать его известным. Читатель встретится в этом произведении со многими высказываниями и поступками этого великого человека, которых нет в других исторических источниках. Если бы писателю посчастливилось представить немецкой публике какую-нибудь неизвестную черту из жизни Лютера, ею была бы увлечена вся Германия. Должны ли мы быть более равнодушными к жизни нашего великого реформатора? Конечно, в жизни Лютера есть и более поразительные поступки, которые так легко завладевают нашими сердцами; но мы можем спросить, нет ли в жизни Кальвина черт, которые реже встречаются в жизни виттембергского врача; манера, например, в которой молодой врач из Нуайона, где бы он ни оказался (в Ангулеме, Пуатье и т. Д.), сразу оказывается в окружении выдающихся людей, которых он привлекает к истине?

Автор желает, однако, напомнить некоторым своим читателям, что эта книга не является историей Кальвина. Название выражает это достаточно ясно: *История реформации в Европе во времена Кальвина*. Это вторая серия работ, первой из которых была *"История реформации Шестнадцатого века"*. Реформация западных народов, душой которой был Кальвин, носила особый характер, и мы сочли своим долгом посвятить ей специальную работу; но мы не будем ограничиваться изложением фактов Реформации, в которой Кальвин принимал непосредственное участие. В одной части четвертого тома будет рассказано о Реформации в Англии, начиная с падения Уолси. Мы также намерены продолжить рассмотрение ведущих черт Реформации в Германии, как мы уже делали в первых двух томах этого труда, в которых нашли свое место Шмалькальдский союз, Нюрнбергский мир, освобождение Вюртемберга и другие аналогичные события. [4] Автор желает очертить Реформацию в целом.

После разговора о Франции и Кальвине автор приводит в настоящем томе факты, касающиеся Латинской Швейцарии (Suisse Romande), вальденских деревень Пьемонта и, наконец, Женевы.

Он не считает уместным оставлять без внимания некоторые упреки, которые навлекли на него первые два тома. "Странная идея, - говорили некоторые, - уделять столько места Женеве. Не делает ли это слишком много чести маленькому городу с населением в несколько тысяч душ? История требует великих людей и могущественных личностей. Мы встречаемся с ними, по крайней мере, в окружении Лютера; но в Женеве мы не находим никого, кроме скромных синдикатов и мелких горожан".

Верно, это так. В этой части нашей истории нам приходится иметь дело с маленьким городом и маленьким народом; и даже в наш демократический век есть люди, которые не будут мириться ни с чем, кроме выборщиков и королей. Да будет нам позволено ответить, что то, что мало с точки зрения внешних проявлений, иногда важно с точки зрения морального влияния. К этой истине часто возвращается Священное Писание: *Корабли, хотя и такие большие, все же разворачиваются с помощью очень маленького руля.* [5]

Эта часть нашего повествования состоит из двух частей: одна посвящена человеку - Кальвину; другая — городу Женеве. В глазах многих людей эти два существования развиваются порознь, как будто им никогда не суждено было встретиться. Но между ними существует тесная связь: с самого начала им суждено объединиться. Каждый из них энергичен, хотя и без парада, и их союз в будущем удвоит их силу. Когда Кальвин и Женева станут единым целым, многие люди и нации почувствуют их мощное и благотворное влияние. Это брак, который произведет на свет многочисленное и активное потомство. Что бы ни говорили сторонники светского величия, этот союз, когда он состоялся, был событием более важным для человечества, чем то, которое вызвало панегиризм Людовику XIV. воскликнуть по поводу знаменательного события —

Les Bourbons, ces enfants des dieux,

Unissent leurs tiges fécondes! [6]

Идея, высказанная выше, не будет общепринятой. Малочисленность сцены, в которой она разворачивается, не позволит второй работе быть такой же интересной, как первая. И все же нашлись критики, которые почувствовали важность истории Женевы. Можно нам привести несколько примеров?

В *Лондонском обзоре* говорится: "Несмотря на узость поля действия — маленький город - разнообразие представленных персонажей вполне может нас удивить. Капля росы достаточно велика, чтобы вместить изображение небес и земли; а город, внимательно изученный, отражает империю. История полна происшествий и сюрпризов, героических поступков и стойкости, а также грязных поступков и позора". Некоторые рецензенты зашли так далеко, что поставили факты второго произведения выше фактов первого. *New York Observer* пишет: "История времен, в которые зародилась швейцарская реформация, окружена возвышенностью, романтическим величием и интересом, которые не присущи ни одной части великого немецкого движения времен Лютера".

Мы опускаем замечания других журналов, в частности *Saturday Review*, который рад видеть, что "женевские борцы за свободу разоблачены". Мы должны, однако, процитировать еще один, *Patriot*, в котором говорится: "Женева - один из самых маленьких и один из самых героических

городов Европы. Если бы это было предсказано, его история была бы невероятной. Женева бросила вызов не только герцогу Савойскому и папе римскому, но и императору Карлу V, а также его едва ли менее могущественному сопернику Франциску I. И вопреки всем им она отвоевала сначала свои политические, а затем и религиозные свободы, и не только для себя, но и для Северной Европы. Не раз это были Фермопилы протестантизма и свободы, храбро удерживаемые маленьким героическим отрядом, едва ли большим по сравнению с теми, кто пытался их уничтожить, чем триста человек Леонида по сравнению с персами".

Но если мнения одних были благоприятны для маленького города, то критика других - нет; и поскольку автор снова будет говорить о Женеве в этом томе и (с Божьей помощью) в других, он желает сказать несколько пояснений по поводу этих возражений.

Если работа будет признана неинтересной, вина должна быть возложена на историка, а не на саму историю. Талант одного из великих мастеров истории предотвратил бы всякие упреки, но мастер повредил работу. Неужели нынешнее поколение стало настолько привередливым, что перестало испытывать интерес к тому, что велико и прекрасно само по себе, и нуждается во всех изысках стиля, чтобы возродить свои болезненные вкусы?

Женева - республика, и это, возможно, также противоречило нашему повествованию. Некоторым людям показалось, что, когда автор говорил о свободе, он имел в виду свободу только в республиканской форме, и это, возможно, вызвало у них неудовольствие. Но это ошибка; автор всегда имел в виду конституционную свободу, которая включает в себя все современные свободы, а не какую-либо конкретную их форму. Он даже считает, что монархическая форма правления наиболее благоприятна для свобод великой нации. На его долю выпало видеть бок о бок республику без свободы и монархию, в которой все были свободны.

Однако холодность некоторых читателей к "анналам маленького народа" в основном проистекает из другой причины. В действительности существуют две истории: одна внешняя и наделяющая много шума, но последствия которой непродолжительны; другая, внутренняя, имеет лишь жалкий вид, подобно семени, когда оно прорастает; и которая, тем не менее, приносит самые драгоценные плоды. Что нравится широкой публике, так это повествование, в котором маневрируют великие армии; в то время как, с другой стороны, что трогает автора, это движение души, сильные характеры, вспышки энтузиазма, низкое положение смиренных и спокойных сердец, святыне привязанности, животворящие принципы, вера, которая приносит победы, и Божественная жизнь, которая возрождает нации, — одним словом, нравственный мир. Материальный мир, физические и осязаемые силы, артиллерийские парки и блестящие эскадрильи представляют в его глазах лишь второстепенный интерес. Многочисленные пушки (это правда) дают больше дыма; но тем внешним силам, которые разрушают жизнь, он предпочитает внутренние силы, которые возвышают душу, согревают ее для истины, для свободы и для Бога и заставляют ее родиться заново для вечной жизни. Если эти внутренние силы развиты в среде маленького народа, они обладают для него еще большей привлекательностью.

Если скромные герои не пользуются популярностью, должен ли я поэтому оставить их благородные поступки в неизвестности? Должен ли я впредь ограничиться выводом на сцену

принцев и королей, государственных деятелей, кардиналов, армий, международных договоров и империй? Нет: я не могу этого сделать. Мне, конечно, придется говорить о Франциске I и Карле V., об Анне Болейн и Генрихе VIII и других великих личностях; но я по-прежнему останусь верен маленьким людям и мелким вещам. Это действительно маленький город, оборьбе которого я рассказываю; но это город, который в течение двух столетий выступал против Рима, пока он не передал возложенную на него задачу в руки более могущественных наций — Англии, Германии и Америки. Пусть либералы презирают ее, которая в это самое время больше всего наслаждается плодами своей жестокой борьбы.... Да будет так.... Что касается меня, у меня не хватает смелости последовать за ними. Я вспоминаю беженцев, которых она принимала ... убежище, которое они нашли там и которым до сих пор пользуются их дети ... и я желаю выплатить свой долг. О! если бы она только поняла, что не сможет существовать с честью в будущем, если, любя свободу, не будет любить Евангелие больше всего на свете.

Позвольте мне сказать еще несколько слов о принципах, которыми я руководствовался при составлении этой истории. То, что нам необходимо изучать прежде всего, - это, на мой взгляд, начало. Образование существ, происхождение последовательных фаз человечества обладают в моих глазах важностью и интересом, намного превосходящими представление о том, во что эти вещи превратились впоследствии. Творческая эпоха христианства, в которую мы созерцаем Христа и Его апостолов, кажется мне гораздо более восхитительной, чем те, что пришли ей на смену. Точно так же Реформация, которая является созданием евангельского мира в наше время, привлекает меня больше, чем протестантизм, который приходит позже. Я получаю удовольствие, наблюдая за зарождением жизни. Когда работа выполнена, *ееитоговые моменты* заканчиваются. В первых строках первого тома моего первого труда я сказал, что должен следовать этому правилу. Никто не упрекнет меня в том, что я остаюсь ему верен.

Было высказано возражение, что эта история слишком полна деталей. Я мог бы ответить, что нехорошо оставлять факты в неопределенности; что они должны быть проанализированы и описаны. Только окружающие обстоятельства могут дать точное представление о событиях и наложить на них отпечаток реальности. Автор может здесь процитировать авторитет, который никто не станет оспаривать. Он вспоминает, что, будучи в Париже у М. Гизо, как и первый том *истории Реформации* появились около тридцати лет назад, знаменитый писатель сказал ему: 'дайте нам детали, остальное мы знаем.' Мы не думаем, что многие наши читатели кажется, они знают больше, чем он.

Еще одно убеждение также оказывает определенное влияние на характер моего повествования. Мне кажется, что изучение неизвестного обладает особым очарованием. Женева и ее борьба за свободу и Евангелие - это *terra incognita*, за исключением ее граждан и нескольких литераторов. Когда историки описывают древние или современные времена — например, революцию в Нидерландах, Англии или Франции, — они могут лишь немного лучше сказать то, что другие уже сказали до них. Возможно, есть какая-то польза в исследовании девственной почвы — в добавлении новых фактов в ту сокровищницу, которая должна быть мудростью народов. Автор, однако, не слеп к истине, которая, возможно, содержалась в некоторых критических замечаниях в адрес его работы, и, следуя изложенным им принципам, он постарается извлечь из них пользу.

Он надеялся опубликовать третий и четвертый тома вместе в этом году. Вынужденный провести зиму 1862-63 годов в Ницце с предписанием воздерживаться от работы, он публикует одну только сейчас; но следующая, если Бог даст, не заставит себя долго ждать.

Возвращаясь из Ниццы, автор проехал через Пьемонт, отчасти для того, чтобы присутствовать на синоде в вальденских долинах, который напомнил ему синод, описанный в этой книге; и отчасти для того, чтобы провести исследования в Главном архиве королевства в Турине. Содержащиеся там ценные коллекции были щедро предоставлены ему, и он смог отобрать и расшифровать некоторые ценные документы, доселе неизвестные, которыми, как будет видно, он немедленно воспользовался. Выражая благодарность различным лицам, которые были полезны ему в его исследованиях, автор желает также выразить свою признательность переводчику этой работы, доктору Х. Уайту, который не пожалел усилий, чтобы донести до английского читателя точную и оживленную копию оригинала. Перевод был тщательно переработан автором, строка за строкой и слово в слово, и были внесены некоторые изменения, которых нет во французском издании.

Будет ли эта работа иметь успех, подобный тому, который сопутствовал предыдущей? Это относится к Реформации в Германии с Лютером в качестве ее героя; особенно это относится к Реформе в Западной Европе с Кальвином в качестве ее главы. Сцена последнего, находящаяся ближе к дому, должна была бы представлять больший интерес для британских читателей; или новорожденная страсть к Германии и немцам заставит их смотреть с безразличием на все, что не имеет прямого отношения к стране Лютера?... Франция, Голландия, Англия, Шотландия, Швейцария должны обладать для них некоторой привлекательностью. История Женевской реформации, до сих пор почти неизвестная, не только привлекательна сама по себе, но и важна для Англии. Женева является представителем христианской системы, великого учения о верховном авторитете Священного Писания и чистого Евангелия. Окончательный триумф этой доктрины имеет величайшие последствия для английских церквей. Известный британский теолог наших дней сказал: "Две системы доктрин сейчас, и, вероятно, в последний раз, находятся в конфликте - католическая и *женевская*". [7]

Пусть эта работа принесет хоть немного пользы при определении проблемы!

La Graveline, Eaux Vives:

Женева, май 1864 года.

[1] Обратился к Богу между восемью и девятью часами вечера субботы 27 мая.

[2] *Conférences de Genève en 1861*, i. pp. 390, 391.

[3] Лука, xviii. 31.

[4] См. Книгу ii. Главу xxi. xxii. xxvi. xxxi. xxxiii.

[5] Послание святого Иакова, iii. 4.

[6] "Эти дети богов, бурбоны, объединяют свои плодоносящие расы".

[7] Доктор Пьюзи, *Письмо архиепископу Кентерберийскому*.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА.

КНИГА IV.

ВРЕМЕНА ВРАЖДЕБНОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕФОРМЕ ВО ФРАНЦИИ.

ГЛАВА I.

БЕГЛЕЦ КАЛЬВИН В СВОЕМ УБЕЖИЩЕ В АНГУЛЕМЕ.

(ноябрь и декабрь 1533 г.)

Права совести, заявленные протестантами, отвергнутые Римом—Кальвин в бегстве—Принимает Крест—Дом Тийе, Женевская улица—Библиотека—Новый этап—Доксополис—Тихое гнездышко—Исследования Кальвина—Кузница, в которой Вулкан готовит свои стрелы—Люди, причисляющие себя к Зверям—Кальвин нападает на них—Благородное общение дружбы

Страница 1

ГЛАВА II.

ИЗГНАННИК СТАНОВИТСЯ ПРОПОВЕДНИКОМ.

(Декабрь 1533 и январь 1534 гг.)

Грек из Клайкса—Вокруг него собираются люди Марка—Конференции в Жераке—Молитва и поиск истины—Те, кто верит, и те, кто знает—Кальвин читает проповеди священникам—Он проповедует на латыни

15

ГЛАВА III.

КАЛЬВИН В НЕРАКЕ С РУССЕЛЕМ И ЛЕФЕВРОМ.

(Зима 1533-34 гг.)

Религиозное пробуждение на юге—Маргарет прибывает в Нерак—Евангелическое движение вокруг нее—Беженцы, бедняки и дети—Кальвин отправляется в Нерак—Уступки Русселя и твердость Кальвина—Искренний старик—Лефевр предсказывает будущее Кальвина—Урок, полученный Кальвином—Он осуждает неравноправных.

23

ГЛАВА IV.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРИ ДВОРЕ НАВАРРЫ.

(Зима 1533-34 гг.)

Вечеря Господня в По—Противодействие короля Наваррского—Тайна *Рождества*—Плотник и молодая еврейка—Их плохо принимают в Вифлееме—Они ночуют в конюшне—Господь посылает Своих Ангелов—Иосиф возвращается и поклоняется Младенцу—Забавная интерлюдия—Разговор между пастухами—Ангелы возвещают о Рождении—Пастухи и Пастушки отправляются в Вифлеем—Пастухи обнаруживают Младенца—Поклонение—Появляется сатана—Он отрицает Воплощение—Сатана побежден, и Христос торжествует—Эффект, произведенный тайна

32

ГЛАВА V.

КАЛЬВИН В ПУАТЬЕ, В БАССЕТ-ТРЕЙ И В ПЕЩЕРЕ СВЯТОГО БЕНЕДИКТА.

(Весна 1534 г.)

Кальвин и Дю Тийе в Пуатье—Кальвин в университете—Пробуждение и обновление—Друзья и враги—Успешное преподавание Кальвина—Приглашен к генерал-лейтенанту—Беседа о Лютере и Цвингле—Сад Бассов-Трея—Первый кальвинистский собор—Грот Кальвина—Искренняя молитва—Кальвин выступает против Массового перерыва—Апелляция—Вечеря Господня

51

ГЛАВА VI.

КАЛЬВИН И ЕГО УЧЕНИКИ НАЧИНАЮТ ЕВАНГЕЛИЗАЦИЮ ФРАНЦИИ.

(Весна 1534 г.)

Кальвин и четыре брата Святого Георгия—Они желают остаться аббатами, хотя и евангелисты—Они жертвуют блестящим положением—Франция на грани пробуждения—Отправленные миссионеры—Бабино и Верон—Реформация и молодежь—Реформация и наука—Как вера и наука должны объединяться—Оскорбительные высказывания в адрес Кальвина—Кальвин покидает Пуатье—Его письмо Церкви Пуатье—Он не будет вассалом папы—Пуатье сожалеет о Кальвине—Кальвин отказывается от своих Бенефиций—Его влияние в Нуайоне

65

ГЛАВА VII.

ХРИСТИАНЕ-ЕВАНГЕЛИСТЫ ПАРИЖА В 1534 ГОДУ.

(Лето 1534 г.)

Распространение Евангелия во Франции—Кальвин прибывает в Париж—Мученичество в Пуанте—Милон Паралитик—Его веселье и падение—Его обращение—Его христианская жизнь—Дю Бург, Драпировщик—Валетон, Получатель из Нанта—Джулио Камилло и его машина—Противоположные мнения Штурма и Кальвина—Ученый и каменщик—Кателль—Характеристика Кальвина

79

ГЛАВА VIII.

ПЕРВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАЛЬВИНА С ЛИБЕРТИНАМИ И С СЕРВЕТОМ.

(Лето 1534 г.)

Спиритуалы или распутники—Кальвин консерватор—Убийство и воровство—Кальвин начинает борьбу—Ложная либеральность спиритуалов—Трактат против распутников—Сервет—Он желает завоевать Кальвина и Францию—Кальвин и Сервет о Троице—Лютер, Цвингли и Буцер против Сервета—Назначена дискуссия—Сервет держится подальше—*Психопанихия*—Характер Божественности Кальвина—Его счастье у Ла Форжа—Решает покинуть Париж—Путешественники ограблены—Они прибывают в Страсбург

92

ГЛАВА IX.

ПЛАКАТЫ.

(Октябрь 1534 г.)

Временщики и составители Текстов—Ферет, посланный христианами Парижа проконсультироваться с Фарелем—Движение в Швейцарии—Фарель пишет плакаты—Изучено парижскими христианами—Должны ли они быть опубликованы?—Размещение плакатов — Их Содержание — Их Насилие нейтрализует их Успех

100

ГЛАВА X.

ГНЕВ КОРОЛЯ.

(Осень 1534 г.)

Переполох, вызванный плакатами—Новое послание—Плакат, вывешенный на двери короля—Его возмущение—Приказ короля—Муки Реформированного—Морен излагает свои планы—Художник-рисовальщик предает своих Братьев—Аресты—Валетон и его книги изъяты—Дю Бург и Паралистик схвачены—Многочисленные аресты—Дюпра и Де Турнон возбуждают короля—Горе королевы Маргариты—Она заступается за Русселя—Беда обвиняет короля—*Месса из семи пунктов*—Королевские проповедники перед королем

123

ГЛАВА XI.

ИСКУПЛЕНИЯ И ПРОЦЕССИИ.

(Конец 1534- начало 1535 гг.)

Мученическая смерть Милона—Дю Бург на костре—Страдания и мужество Пуайля—Террор и эмиграция—Качество беглецов—Трудности бегства—Руссель, Берто и Куро—Король призвал к преследованиям—Подготовка к процессии—Шествие—Кальвин у мощей—Покаяние короля—Два 21 января

140

ГЛАВА XII.

КРАСНОРЕЧИЕ И ПЫТКИ ФРАНЦИСКА I.

(21 января 1535 г.)

Ужин у епископа—Речь короля—Последствия риторики короля—Процессия по возвращении—Страппадо—Мученичество Валетона—Пытки в Халле—Прокламации и наказания—Ла Форж и другие мученики—Ла Габорит—Святая свеча—Мотивы короля—Франция подготовилась к реформе—Скорбь Штурма—Его письмо Меланхтону— Чувства Лютера—Ненависть короля—Его письмо немцам

157

ГЛАВА XIII.

КАЛЬВИН В СТРАСБУРГЕ С ЭРАЗМОМ И В БАЗЕЛЕ.

(Лето и осень 1534 г.)

Миссия Кальвина—Страсбург—Колледж и Мэтью Зелл—Жена пастора—Буцер и Капито—
Недостатки страсбургских богословов—Кальвин покидает Страсбург—Эразм—Его интервью с
Кальвином—Кэтрин Кляйн в Базеле—Питер Рамус о Кальвине—Внутренняя работа в Calvin—
Сор в Базеле—Гриней и Кальвин—Фабри—Кальвин призывает к миру—Переводы Библии

177

ГЛАВА XIV.

ИНСТИТУТЫ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.

(Зима 1534 г.)

Новости о парижских мучениках—Кальвин призывает к состраданию—Новые жертвы—
Возмущение в Германии—Освальд Миконий—Его первая проповедь—Его мнение о
мученичестве—Страдания Дю Тийе—Влияние этих жестокостей на Кальвина—Решает
защищать Дело своих Братьев—Возрожденная теология—Реформация — это творение—
Институты—Сознание Божественности внутри нас—Придирки и свидетельство Святого
Духа—Искупление—Вера и милосердие—Пламя в сердце—Уверенность в победе—Благодать —
это все— Бог не предопределяет Зло—Мораль восстановлена в религии-Церковь-
Оценка *институтов*

194

ГЛАВА XV.

КАЛЬВИН ОБРАЩАЕТСЯ К КОРОЛЮ И ОТБЫВАЕТ В ИТАЛИЮ.

(Август 1535 г.)

Мученики Корнон и Брион—Письмо королю—Евангельское учение есть истина—Истину
атакуют, а не защищают—Господство разбоя— Непобедимое учение—Причина рвения
монахов—Новое ли Учение?—Свидетельство Отцов Церкви—Состояние мира—Где находится
Истинная Церковь—Сатана тихий или активный—Пытки и терпение—Печать *Институтов*—
Кальвин отправляется в Италию—Его мотивы для поездки

216

КНИГА V.

БОРЬБА РЕФОРМАЦИИ.

ГЛАВА I.

УСИЛИЯ В PAYS DE VAUD.

(1521 г.)

Использование оппозиции—Необходимо примирение—Застой и новая борьба—Во и Женева—
Фарель—Его портрет—Величие начала Реформы—Генерал готовится к завоеванию—Фабри
навещает Фареля—Фарель желает вернуться к битве—Продавец Индульгенций в Орбе—Фарель
проповедует Прощение Спасителя—Монах Майкл восстал против него—Его первая и вторая
проповеди—Холлар лжет—Он жестоко избит

232

ГЛАВА II.

ЗАГОВОР ЖЕНЩИН ПРОТИВ РЕФОРМЫ; ПРОПОВЕДЬ ФАРЕЛЯ.

(1531 г.)

Судебный пристав Берна прибывает в Орбе—Монах в тюрьме—Ромен вынужден спасаться бегством—Избит женщинами—Заступничество в пользу монаха—Фарел прибывает в Орбе—Беспорядки—Заговор женщин—Экзамен монаха Майкла—Майкл освобожден, а Фарел проповедует—Единственное собрание—Процессия и проповедь—Фарел проповедует о покаянии, Индальгенциях, исповеди, образах и мирской жизни—Фарелу трудно угодить в отношении Служения

248

ГЛАВА III.

НОВЫЙ РЕФОРМАТОР И РАЗРУШИТЕЛЬ ИМИДЖА.

(1531)

Пьер Вире едет в Париж—Обратился и возвращается в Орбе—Его борьба—Обращение его родителей—Фарель и Вире—Вире проповедует в Орбе—Петр, Павел и Иоанн Швейцарские—Обращение Элизабет д'Арнекс—Обращение священника—Вечеря Господня в Орбе—Все изображения сброшены—Арест священников—Баннерет обращается к народу—Освобождение священников—Иконоборцы заключены в тюрьму

262

ГЛАВА IV.

БИТВЫ При ВНУКЕ.

(1531-32 гг.)

Болезнь мелких вопросов—Мудрость Фарела—Как он набирал рекрутов- Боевые кличи реформаторов-Фарел идет на битву—Битва при Внук в 1476 году—Фарел изгнан Серыми монахами—Борьба в бенедиктинском монастыре—Церковь открыта для реформаторов—Реформаторы заключены в тюрьму—Подкрепление из Ивердуна и Лозанны—Проповедь Серого монаха—Начало новой борьбы-Монахи—Стражи—Заговор набожных женщин-Обращение монахов—Рождественский фестиваль в Орбе-Беспорядки католиков —Реформатский совет —Первый акт о свободе вероисповедания

276

ГЛАВА V.

ПОЯВЛЯЮТСЯ ВАЛЬДЕНСЫ.

(с 1526 по октябрь 1532 г.)

Вальденсы расспрашивают о Реформе—Депутация к СЕОлампадию— Исповедь Барбов—Происхождение Вальденсов—Брак—Работа—Масса—Природная сила—Братская любовь СЕОлампадия—Предложения о Синоде—Мученическая смерть Массона—Опасность, грозящая Фарелу—Его путешествие и прибытие в Долины—Беседы—Открытие Синода—Выборы и работы—Мнения Фарела обретают почву—Обсуждение компромиссов—Гармония между вальденсами и реформаторами—Старые вальденсийские рукописи—Перевод Библии определен по— Фарель хочет поехать в Женеву

ГЛАВА VI.

ПЛАНЫ ИМПЕРАТОРА, ГЕРЦОГА САВОЙСКОГО И ЕПИСКОПА ПРОТИВ ЖЕНЕВЫ.

(1530-1532 гг.)

Бельгард прибывает в Аугсбург—Его аудиенция у Карла V.—Тревоги императора—Его ответ—Письмо Бельгарда герцогу Савойскому—Его замыслы против Женевы—Революционные меры—Епископ отправляет своего секретаря в Женеву—Его постоянное волнение и гнев—Его недовольство Б. Хьюгом—Карл V. приказывает Женеве изгнать сектантов—*Цвинг-Ури* из Женевы—Свобода на пороге

ГЛАВА VII.

РЕФОРМАТОРЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕФОРМАЦИИ ВЪЕЗЖАЮТ В ЖЕНЕВУ.

(Октябрь 1532 г.)

Фарель и Сонье едут в Женеву—Фарель консультируется с Оливетаном—Фарель обращается к лидерам гугенотов—Они идут послушать Фареля—Он показывает им их недостатки—Фарель и его слушатели—Сенсация в городе—Его вторая лекция и ее последствия—Женщины Женевы выступают против Реформы—Фарель перед городским советом—Совет разделился—Имя Берна защищает его—Епископальный совет обсуждает—Заговор против Фареля—Фареля вызвали к духовенству

ГЛАВА VIII.

РЕФОРМАТОРЫ ИЗГНАНЫ ИЗ ЖЕНЕВЫ.

(Октябрь 1532 г.)

Фарел перед Епископальным советом—Речь чиновника—Оскорбления Вейги—Ответ Фарела—Беспорядки среди клерков—Вмешивается синдик Хьюз—Опасность, грозящая Фарелу и его друзьям—Олар пытается застрелить Фарела—Фарела изгнали из Женевы—Буря—Священник пытается заколоть Фарела—Его защищают судьи—Отъезд Фарела

ГЛАВА IX.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДОЛИНАМ ПЬЕМОНТА И СРАЖЕНИЯ БЛИЗ НЕВШАТЕЛЯ.

(Конец 1532 г.)

Фарель желает отправить Фромана в Женеву—Воспоминания об их общих опасностях—Оливетана попросили перевести Библию—Он боится критики—Оливетан отправляется в Долины—Негостеприимная Женщина—Оливетан и трое его больных друзей—Монах святого Бернара—Оливетан в долине—Невшатель—Драка в церкви—Постановление Совета—Станный рождественский праздник—Кюре возглавляет Битву—Рождественская проповедь—Локль—Быки Бренетов

ГЛАВА X.
ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ И КЛОДИН ЛЕВЕ.
(Ноябрь и декабрь 1532 г.)

Фроман уезжает в Женеву—Сначала плохой прием—Хочет уехать из города—Его рекламные проспекты—Большой успех—Фроман учит—Разница между Римом и Реформой—Околдованная Паула водит Клодин послушать Фромана—Клодин крестится и слушает —Три дня и три ночи читать Евангелие —Ее совесть обретает покой—Ее обращение и беседа с Фроманом

373

ГЛАВА XI.
ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕРКВИ. ДРУЗЬЯ И ПРОТИВНИКИ.
(Середина-конец декабря 1532 г.)

Гнев епископа—Распространение Евангелия—Клодин снимает свое дорогое Одеяние—Женевские дамы—Обращение многих из них—Маленькие Собрания—Церковь без формы и Церковь сформированная—Монах проповедует Евангелие—Th. Муан и проповедь в церкви Мадлен—Четверо гугенотов требуют диспута—Дискуссия с викарием—Вооруженные священники—Беспорядки в церкви Мадлен—Викарию Сен—Жермена—Фроману запрещено проповедовать—Канун дня святого Сильвестра

388

ГЛАВА XII.
ПРОПОВЕДЬ В МОЛАРДЕ.
(Новый год 1533 года.)

Толпа у дома Фромана—Он призван проповедовать в Молар—Приглашает людей помолиться—Его текст—Проповедь в Молар—Прерывание—Лжепророки—Бог — единственный судья—Магистраты вмешиваются—Побег и сокрытие Фромана—Заседание Совета—Серьезное положение дел—На Фромана совершено нападение—Вынужден покинуть Женеву

403

ГЛАВА XIII.
СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ И ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ В ЖЕНЕВЕ.
(Январь и февраль 1533 г.)

Реакция Рима —Изгнанный монах Боке—Бодишон де ла Мезоннев— Евангелические собрания—Два вида протестантизма—Работа Оливетана—Перевод Библии—Слово и таинство—Герен—Первое причастие в Пре л'Эвеке—Герен вынужден уйти—Два ветра

423

ГЛАВА XIV.
ФОРМИРОВАНИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА.
(Великий пост, 1533 год.)

Протест и изгнание Оливетана—Приготовления клерикальной партии—Де ла Мезоннев в Берне—Берн требует свободы вероисповедания—Двести католиков перед Советом —Они

требуют справедливости—Агитация против лютеран—Заговорщики собираются—Тайные заговоры—Речи лидеров—Торжественная клятва—Католики встречаются в церкви Сен—Пьер—Реформаты у Мезоннева—Гулаз и Вандель призывают к миру-Вандель ранен

434

ГЛАВА XV.

ПЕРВОЕ ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ КАТОЛИКОВ НА РЕФОРМАЦИЮ.

(28 марта 1533 г.)

Католики готовятся к битве—Поднимаются королевские штандарты—Войска формируются—Тревога—Сбор у Молара—Три корпуса—Артиллерия и Знамя—Молитва монахинь—Волнения в городе—Жестокий муж—Подкрепление женщин и детей—Сцена у Мезоннева—Утешение и молитва—Битва между Филиппом и Бельссером—Сен—Жервезцы отступают—Преследуемая Клодин Лева—План выжечь гугенотов—Отряд Пейги меняет маршрут—Реформатские в Боевом порядке—Установлены пушки—Звучит труба-Слезы и молитвы

448

ГЛАВА XVI.

ПЕРЕМИРИЕ Между ДВУМЯ СТОРОНАМИ.

(С 28 марта по 4 мая 1533 г.)

Посредничество фрибургцев—Их обращение к синдикам и священникам—Совещание—Радость и ропот—План примирения—Статьи мира—Победная песня доминиканцев—Причастие в Страстной четверг—Тревога католиков—Доминиканец в Сен—Пьере—Посольство в Берне—За ним следует Мезоннев—Его речь перед Бернским советом-Синдик немой

470

ГЛАВА XVII.

ВТОРАЯ АТАКА, В КОТОРОЙ ПОГИБАЕТ ЛИДЕР.

(4 мая 1533 г.)

Война языков—Гугеноты отправляются в Лион—Фестиваль Священного Наматывания—Простыня—Массовая месса—Важность борьбы—Идеи становятся действиями—Праздничный вечер заканчивается дракой—Агент духовенства возбуждает толпу—Марин де Версоне—Звучит набат—Вернли вооружается для боя—Решающий момент—Его Призывы—Его первый вызов—Стычка в темноте—Вернли возглавляет бой—Его смерть—Как прошла ночь

486

ГЛАВА XVIII.

СМЕРТЬ КАНОНИКА СТАЛА ОРУЖИЕМ ПРОТИВ РЕФОРМЫ.

(С мая по июль 1533 г.)

Обнаруженный труп —Отчаяние католиков—Прибытие родственников Вернли—Похороны—Чудо—Подготовка к подавлению Реформы—Епископ в Арбуа—Папа приказывает ему вернуться в Женеву—Его нерешительность—Решает уехать—Назойливость Совета Мамлюков—

Необходим государственный переворот—Нужно одержать две победы—Фрибург требует суда над убийцами Вернли—Декларация религиозной свободы

503

ГЛАВА XIX.

КАТАСТРОФА.

(Начало июля 1533 г.)

Подготовка к приему епископа—Его появление—Епископ на Генеральном совете—Волнения—Судьи сверяются с Хартиями—Деспотические намерения епископа—Проскрипции—Гугеноты пойманы в ловушку—Побег многих—Одна из их жен заключена в тюрьму—Странная просьба епископа—Бегство Лева—Его преследуют и захватывают—Различные слухи—Епископ ссылается на Заключенных перед ним—Нападения на гугенотов—Мужество женеvцев—Старейшины Женевы перед епископом—Епископ упорствует в своей Незаконности—Твердость церкви Женевец—Фрибургцы взывают к Мести—Дж. Речь Вернли—Отказ от Двухсот—Аргументы в пользу мирской власти—Оппозиция абсолютной власти—Узники в своих застенках—Нетерпение мамлюков—Попытка убийства Курте—Накапливающиеся опасности—Женева и Кальвин—Триумф и скорбь—Надежда

516

ИСТОРИЯ

ОФ

РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ

ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

КНИГА IV.

ВРЕМЕНА ВРАЖДЕБНОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕФОРМЕ ВО
ФРАНЦИИ.

ГЛАВА I.

БЕГЛЕЦ КАЛЬВИН В СВОЕМ УБЕЖИЩЕ В АНГУЛЕМЕ.

(ноябрь и декабрь 1533 г.)

РЕЛИГИИ нужна свобода, и убеждения, вдохновляемые ею, должны быть освобождены от контроля Лувра и Ватикана. Совесть человека принадлежит одному Богу, и каждая человеческая сила, которая посягает на это царство и осмеливается командовать в нем, виновна в восстании против своего законного суверена. Религиозные преследования заслуживают осуждения не только во имя философии, но прежде всего во имя Божьего права. Его суверенное Величество оскорблен, когда меч входит в святилище. Преследующее правительство не только нелиберально, оно нечестиво. Пусть никто не встает между Богом и душой! Место, на котором они встречаются, - святая земля. Прочь, незванный гость! Оставь душу Тому, кому она принадлежит.

Эти мысли естественным образом приходят нам в голову, когда мы приближаемся к эпохе, когда во Франции вспыхнул фанатизм преследования, когда на улицах Парижа были воздвигнуты эшафоты и когда королевский кортеж восторженно приветствовал акты ужасающей жестокости.

Эти права совести, которые мы фиксируем, не новы. Они относятся ни к нашему веку, ни к шестнадцатому. Спаситель утвердил их, когда сказал: "*Воздайте кесарю то, что принадлежит кесарю, и Богу то, что принадлежит Богу*". С того часа их поддерживают многие мужественные голоса. В течение трех столетий мученики говорили языческим императорам: "Разве это не нерелигиозный поступок - запрещать мне поклоняться Богу, который мне нравится, и заставлять меня поклоняться богу, который мне не нравится?" [8] В четвертом веке Афанасий и Иларий сказали арианским князьям: "Сатана применяет насилие, он врывается в двери с топором... но убеждение - единственное оружие, которым пользуется истина". [9] В более поздние годы, когда варвары захотели согнуть Церковь под тяжестью грубой силы, доселе раболепствующее духовенство заявило так громко, как только могло, что религиозная доктрина не подпадает под власть мирского меча.

=РИМ, ДЕРЖАВА-ГОНИТЕЛЬ.=

Поэтому, когда в кровавые дни Реформации власть Рима, объединившись в некоторых странах с властью князей, захотела ограничить души людей и заставить их подчиняться своим законам, евангельские христиане, в свою очередь, претендуя на свободу, лишь утвердили великий принцип Иисуса Христа, ранее принятый самой Церковью. Но, как ни странно! этот принцип, который она находила таким замечательным, когда ей приходилось применять его для самозащиты, стал нечестивым, когда к нему обратились, чтобы спастись от преследований. Подобные несоответствия часто происходят в истории падшего человечества. Мы должны вспомнить о них, хотя и с грустью. В лоне католичества всегда было много великодушных людей, которые с ужасом протестовали против ужасных наказаний, с помощью которых пытались заставить наших предков отречься от своей веры; и сейчас их еще больше, поскольку законы религиозной свободы постепенно устанавливаются среди народов. Но мы никогда не должны забывать, что два столетия жестоких преследований были тем радушным приемом, который мир оказал Реформации. Когда в день Святого Варфоломея улицы столицы Валуа были залиты кровью, когда негодяи утолили свои дикие страсти на трупе этого лучшего и величайшего из французов, Колиньи, — безмерным было воодушевление в Риме, и яростный крик ликования пронесся по папскому городу. [10] Желая увековечить славу резни гугенотов, папа приказал отчеканить медаль, изображающую эту резню и несущую надпись: *Hugonotorum stragues*. Чиновники римского двора до сих пор продают (как мы знаем лично) эту медаль всем, кто желает увезти с собой хоть что-то на память о своем городе. Те времена далеки; преобладают более мягкие нравы, но долг протестантизма - напомнить миру об использовании римским двором, вышедшим из средневековья, того *превосходства* в католических странах, которое, как она утверждает, принадлежит ей всегда и на которое она все еще готова претендовать "с величайшей энергией". Соппротивление этому жестокому превосходству стоило Реформации потоков чистейшей крови; и именно эта кровь дает нам право протестовать против этого.

Прежде чем мы опишем ужасные сцены, осквернявшие улицы Парижа в тот период, мы должны проследить за бегством этого молодого врача, который, хотя и прославился в последующие годы, теперь стал жертвой преследований.

Поскольку праздник Всех Святых был днем, когда университет отмечал открытие учебного года, Кальвин (как мы видели) через своего друга, ректора Копы, продемонстрировал Сорбонне и многочисленной аудитории великие принципы Евангелия. Университет, монахи, священники - все были взволнованы, шокированы и выведены из себя; вмешался парламент; и Копу и Кальвину пришлось бежать.

Этот человек, чья рука однажды смело подняла знамя Евангелия в мире, чье учение должно было просветить многие народы и чье красноречие должно было взбудоражить всю Францию; этот человек, который должен был ежегодно посылать из Женевы около тридцати или сорока миссионеров и чьи письма укрепляли все Церкви; этот человек, еще молодой, преследуемый лейтенантом-уголовником и его сержантами, был вынужден выскользнуть из своей комнаты на улицу и переодеться в странную одежду; и в начале ноября он оказался в переулках на левом берегу Женевы. невод, оглядывающийся со всех сторон, чтобы никто не напал на его след. Он никогда не был так спокоен, как в тот момент, когда был поражен этим внезапным ударом. Франциск I сопротивлялся наглости монахов; Сорбонна была вынуждена отречься от их самых фанатичных поступков; многие лютеране могли свободно проповедовать Евангелие окружающим; реформаторское движение, казалось, распространилось по всей Франции ... как вдруг молния метнулась вперед и поразила молодого реформатора. "Я думал, что смогу беспрепятственно посвятить себя служению Богу, - сказал он во время своего бегства. - Я обещал себе спокойную карьеру... но в тот самый момент то, чего я ожидал меньше всего, а именно преследования и изгнание, было у дверей". [11]

=БЕГСТВО КЭЛВИНА.=

Однако Кальвин не пожалел о том, что свидетельствовал об истине, и смирился с изгнанием. Он вовсе не походил на необъезженного коня (по его собственному выражению), который отказывается нести своего всадника, он добровольно склонил плечи перед крестом. [12] *Никогда не уставай в середине своего путешествия*, всегда было его изречением. [13] И все же, путешествуя по этим неровным дорогам Мантуа, он часто спрашивал себя, чему должно было научить его это суровое устройство. Должен ли он был удалиться из Парижа и отказаться от идеи сделать этот город центром своей христианской деятельности? Это действительно было бы для него тяжелым испытанием. Его народ, казалось, просыпался, и он должен был покинуть их!... Он все еще продолжал свой путь. Прибыв близ Манта, он направился в резиденцию сира де Хазвиля, которому был известен, и там скрывался несколько дней. Затем он возобновил свое путешествие, либо потому, что считал себя слишком близко к своим врагам, либо потому, что его хозяин был напуган.

Кальвин направился на юг; он пересек очаровательные равнины и долины Турени, вступил на пастбища и леса Пуату, а оттуда повернул в сторону Сентонжа и Ангума. [14] Эта последняя провинция была концом его путешествия. На холме, у подножия которого "тихо текла" Шаранта, стоял кафедральный собор, старый замок и город Ангулем, место рождения Маргариты Наваррской. Кальвин вошел в ворота этого старинного города и направился к одной из главных улиц, которая впоследствии получила в его честь название, которое носит до сих пор, — *Женевская рю*. На этой улице находился большой особняк, главным помещением которого была длинная галерея, в которой было собрано более четырех тысяч томов, печатных или рукописных: это была одна из самых ценных частных библиотек, существовавших тогда во Франции. [15] Беглец остановился перед этим домом. Ученые труды, несомненно, были хорошо

рассчитаны, чтобы привлечь его; но им двигал и другой мотив. Этот особняк принадлежал семье Дю Тийе, члены которой считались одними из самых образованных в королевстве. Отец и двое его сыновей были задержаны в Париже своими обязанностями в Счетной палате, в Лувре и в парламенте; но другой сын, Луи, каноник кафедрального собора, находился в Ангулеме, и жил один в этом большом доме, когда не бывал в своем приходе Клэ. Людовик был другом Кальвина, [16] и именно воспоминание об этом мягком и довольно слабом молодом человеке, чей нрав был очень привлекательным, побудило беглеца направить свои стопы в сторону Ангуама.

=ДОМ И БИБЛИОТЕКА ДЮ ТИЙЕ.=

Кальвин остановился перед домом своего друга и постучал в дверь, она открылась, и он вошел: мы не можем сказать, нашел ли он там каноника или нет, но, во всяком случае, последний преисполнился радости, когда услышал о прибытии молодого врача, "великими дарами и изяществом" которого он так восхищался и близость которого была для него так приятна. Кальвин рассказал ему, как он был вынужден бежать от нападков парламента и какой опасности подвергались те, кто дал ему убежище. Но Дю Тийе считал себя счастливейшим из людей, если бы только мог укрыть своего друга от розысков его врагов. Он снова был готов насладиться теми духовными и назидательными беседами, о которых так часто сожалел и которые никогда не мог забыть. [17] Даже преследования, жертвой которых стал Кальвин, сделали его еще дороже своему другу; и Людовик ввел его в обширную галерею, поместил среди самых выдающихся умов всех веков, чьи знаменитые труды заполняли многочисленные полки, и поселил его, как в безопасном убежище, в этой прекрасной библиотеке, которая, казалось, была подготовлена для высокого интеллекта и глубоких исследований теолога.

Кэлвин, нуждавшийся в уединении и покое, чувствовал себя счастливым. "Я никогда не бываю менее одинок, чем когда я один", - любил говорить он. [18] В какой-то момент он возблагодарил Бога; в другой, взяв драгоценные тома с окружающих его полок, он открыл и прочел их, утоляя с недавшую его жажду знаний. Научное убежище, подобное тому, что ему сейчас дали, было мечтой всей его жизни. Благодетельные размышления переполняли его сердце, и если во время бегства он на мгновение погрузился во тьму, то теперь в его душе засиял свет. "Причины того, что с нами происходит, часто настолько скрыты, - сказал он в "after times", - что человеческие дела, кажется, вращаются случайным образом, как в колесе, и плоть искушает нас роптать на Бога, потому что он забавляется с людьми, бросая их туда-сюда, как мячи, ... но результат показывает нам, что Бог бдит за спасением верующих". [19]

=ДОКСОПОЛИС.=

Для Кальвина начиналась новая эпоха, новый этап: он заканчивал школу, собирался вступить в жизнь, и была необходима пауза. Будущий реформатор, прежде чем ринуться в бури бурной карьеры, должен был заново закалиться в огне божественного Слова и молитвы. Его ожидала великая борьба: Церковь пробуждалась от сна смерти, сбрасывала с себя покровы папизма и восставала из гроба. Один всеобщий крик был услышан среди всех народов Запада. В Вормсе монах потребовал Священное Писание Божье в присутствии имперского сейма; священник потребовал их в Цюрихе; студенты потребовали их в Кембридже; в Спайре собрание князей заявило, что они не желают слышать ничего, кроме проповеди этого небесного Слова; а его животворящие доктрины были торжественно исповеданы в Аугсбурге в присутствии Карла V. Германия, Швейцария, Англия, Нидерланды, Италия — одним словом, вся Европа была взволнована при виде этой новой веры, вышедшей из могилы веков.... Сама Франция была

тронута. Как мог молодой человек, такой скромный, такой робкий, который так боялся любого соприкосновения с страстями человеческими, как мог Кальвин сражаться за веру, если он не получил в уединении в пустыне крещения Духом и огнем?

И это крещение он принял. Одиноким и вынужденным скрываться, он испытал внутренний покой и радость, которых никогда раньше не знал. "Крестным ходом, - сказал он, - Сын Божий принимает насв *Свой орден* и делает причастниками Своей славы". Соответственно, он дал весьма необычное название малоизвестному городку Ангулем: он назвал его *Доксополисом*, городом славы, и таким образом датировал свои письма. Каким приятным и славным оказался для него этот выход на пенсию! Он нашел свой Вартбург, свой *Патмос*, не в силах больше скрывать от своих друзей то счастье, которым наслаждался, написал Франциску Даниэлю Орлеанскому: "Почему я не могу поговорить с вами минутку? - сказал он. - На самом деле, не для того, чтобы беспокоить вас своими спорами и борьбой; зачем мне это делать? Я думаю, что сейчас вас больше интересует то, что со мной все в порядке, и что, если вы примете во внимание мою известную *лень*, я делаю успехи в своих занятиях". [20] Затем, после разговора о доброте Дю Тийе, о его собственной ответственности и о том, как он должен использовать свой досуг ... радость, наполнившая его сердце, захлестнула его, и он с благодарностью воскликнул: "О! каким счастливым я считал бы себя, если бы мир, которым я сейчас наслаждаюсь, продолжался во время моего уединения и изгнания. [21] Господь, чье провидение предвидит все, обеспечит. Опыт научил меня, что мы не можем предвидеть заранее, что с нами произойдет. В тот самый момент, когда я пообещал себе отдых, на меня внезапно обрушилась буря. А потом, когда я думал, что меня ждет какая-нибудь ужасная берлога, для меня неожиданно было приготовлено тихое *гнездышко*. [22] ... Это сделала рука Божья. Только давайте уповать на него, и он позаботится о нас!" Таким образом, преследуемый Кальвин оказался в Ангулеме, под рукой Бога, подобно молодой птице, загнанной бурей, которая нашла убежище в гнезде под крылом своей матери.

=ТРУДЫ КАЛЬВИНА.=

Молодой каноник проявлял живейший интерес к судьбе своего гостя и надеялся увидеть, как гостеприимство, которое он ему оказал, принесет драгоценные плоды для обучения и Проповеди Евангелия. Кальвин, слишком скромный, чтобы поверить, что заботы Дю Тийе имели какое-либо отношение к нему самому, приписал их исключительно рвению своего друга к знаниям и делу Христа; ему казалось, что он никогда не сможет отплатить за такую доброту иначе, как постоянным трудом, и это было все, что он когда-либо мог отдать. "Доброты моего покровителя, - сказал он, - достаточно, чтобы развеять *лень* самого ленивого из людей. [23] Тогда ободритесь! позвольте мне сделать усилие, позвольте мне серьезно бороться. Больше никакой беспечности!" [24] Затем он заперся в библиотеке Дю Тийе, собрал вокруг себя книги, которые ему были нужны, и сказал: "Я должен уделить все свое внимание учебе; эта мысль постоянно дергает меня за ухо". Если он находил минутку свободного времени, он чувствовал, что "его дергают за ухо", то есть его совесть была обеспокоена; он спешил к своим книгам и принимался за работу с таким усердием, "что проводил целые ночи без сна и дни без еды". [25] Это было его *лень*!

В то время в его сердце росла великая идея. Парламент обвинил и даже сжег его братьев за мнимую ересь. "Должен ли я молчать, - сказал он, - и таким образом дать неверующим возможность осудить учение, которого они не знают? Почему реформатам не следует

исповедоваться перед своими противниками?" [26] Исследуя библиотеку Дю Тийе, он наткнулся на определенные книги, которые, как ему показалось, особенно затрагивают существующее состояние страданий среди евангельских христиан. Он увидел, что извинения ранее были принесены императору Адриану Квадратом и Аристидом, Антонину Юстином Мучеником и Марку Аврелию Афинагором. Не должны ли друзья Реформации представить аналогичную защиту Франциску I.? Если рот Кальвина будет закрыт, он возьмется за перо. Тогда Бог отделял его для одного из великих дел того времени. На самом деле он не сочинял свои *Христианские институты* в то время, даже в элементарной форме первого издания, но он обдумывал это; он исследовал Священные Писания; он набросал набросок и, возможно, написал несколько отрывков из этого труда, лучшего из созданных Реформацией. И поэтому один из врагов Реформы, бросив суровый взгляд на ученую библиотеку Дю Тийе, был вынужден воскликнуть: "Это кузница, где новый *Вулкан* готовил болты, которые впоследствии он должен был разбросать во все стороны.... Это фабрика, где он начал делать сети, которые впоследствии соорудил для ловли простейших, и из которых человек должен быть очень умен, чтобы выбраться. Именно там он сплел сеть своих *Институтов*, которые мы можем назвать *Кораном* или *Талмудом* ереси". [27]

=МАТЕРИАЛИСТЫ.=

Когда Кальвин писал свои первые заметки, до него дошли странные слухи. Люди рассказывали ему о неких материалистах, по мнению которых душа умирала вместе с телом. Сначала он колебался, не зная, что ему делать. "Как, - спросил он, - могу я вступить в бой с противниками, о лагере, вооружении и тактике которых я ничего не знаю и о которых слышал только смущенный ропот?" [28] Его остановило другое соображение. В союзе с ними были христиане, которые, отвергая эти заблуждения, говорили, что *времени* для души, отделенной от тела, не существует и что за моментом смерти немедленно следует момент воскресения. "Мне бы не хотелось, чтобы эти хорошие люди обиделись на меня", - сказал он. Кальвин отказался сделать хоть один выстрел по своим врагам, чтобы не ранить своих братьев.

Но однажды ему рассказали о чудовищных и унижительных софизмах. Эти учителя говорили своим последователям: "Бог вложил в человека душу, отличную от души животного. Душа - это не субстанция; это всего лишь качество жизни, которое проистекает из пульсации артерий или движения легких. Оно не может существовать без тела и погибает вместе с ним, пока человек не воскреснет целым". [29] Кальвин был поражен как громом. Быть человеком и причислять себя к животным казалось ему глупым и нечестивым. "О Боже! - воскликнул он. - пожар усилился и выбросил хлопья, которые, распространяясь повсюду, превратились в горящие факелы.... О Господь, погаси их, мы молим тебя, тем спасительным дождем, который ты приберегаешь для своей Церкви!" [30]

Именно этот грубый материализм привлек внимание Кальвина в Ангулеме. Он видел, какое зло могут причинить эти учителя Реформе, и содрогался при мысли об опасностях, которые угрожали простым людям. "Бедные тростинки, колеблемые каждым порывом ветра, - воскликнул он, - которых колышет малейшее дуновение, что с вами будет?"... Затем, обращаясь к материалистам, он сказал: "Когда Господь говорит, что нечестивые убивают тело, *ноне могут убить душу*, не имеет ли он в виду, что душа продолжает жить после смерти?" [31] Разве вы не знаете, что, согласно Писанию, души святых стоят перед престолом Божиим, и что белые одежды были даны каждой из них?" [32] Затем, прибегнув к иронии, он продолжил: "Сонные

души, что, я молю, вы понимаете под этими *белыми одеждами*? Вы принимаете их за *подушки*, на которых возлежат души, приговоренные к смерти?" [33] Такой способ аргументации не был редкостью в шестнадцатом веке. Кэлвин, взволнованный этими ошибками, взялся за перо и перенес на бумагу свои размышления, которые вскоре после этого опубликовал.

Кальвин любил отдыхать от этой борьбы на лоне дружбы. В обществе Дю Тийе в Ангулеме он вновь обрел те прелести, которые приобрел для него в Орлеане Дюшен. Всю свою жизнь он искал того благородного общения, тех *должностей*, той доброты, которую дает дружба. [34] Даже погруженный в учебу, он любил видеть, как открывается дверь библиотеки, появляется хорошо знакомое лицо и друг садится рядом с ним. Их беседы были невыразимо приятны для него. "Мы не нуждаемся, - сказал молодой каноник, - в тех секретах, которые использовал Пифагор, чтобы создать неразрывную дружбу между своими учениками. Бог посеял таинственное семя между нашими душами, и это семя не может умереть". [35]

[8] 'Adimere libertatem religionis, interdicere optionem divinitatis,' &c. Tertullianus, *Apol.* cap. xxiv.

[9] Athanasius, *Hist. Apuan.* § 3.

[10] 'Quis autem *optabilior* ad te nuncius adferri poterat, aut nos ipsi quod *felicius* optare poteramus principium pontificatus tui, quam ut primis illis mensibus *tetram illam caliginem*, quasi exorto sole, *discussam* cerneremus?'—*Mureti Orat.* xxii.

[11] 'Cum promitterem mihi omnia tranquilla, aderat foribus quod minime sperabam.'—Letter to Francis Daniel.

[12] Calvin, *Harmonie Evangélique*.

[13] Кальвин, *Французская литература*, опубликовано Жюлем Бонне, i. стр. 349.

[14] 'In agrum Santonicum demigrans.'—Beza, *Vita Calvini*.

[15] 'Conclavi quodam in Tili ædibus, plus quatuor librorum, tam impressorum quam manuscriptorum, millibus instructo.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь.* ii. стр. 248.

[16] См. Том II. книга ii. глава xx.

[17] *Соответствует. де Кальвин и де Дю Тийе*, опубликовано М. Кротте, стр. 30.

[18] 'Nunquam minus solum esse quam quum solus esset.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь.* ii. стр. 247.

[19] Кальвин, *Институты*, bk. i. глава xvii.

[20] 'Et pro ea quam nosti desidia, nonnihil studendo proficere.'—Berne MSS. vol. 450, Calvin to Fr. Данииел. *Доксополис*.

[21] 'Si id temporis quod vel exilio, vel secessui destinatum est, tanto in otio transigere datur, præclare mecum agi existimabo.'—Ibid.

[22] 'Nidus, mihi, in tranquillo componebatur præter opinionem.'—Ibid.

[23] 'Sane inertissimi hominis ignaviam acuire posset patroni mei humanitas.'—Berne MSS. vol. 450, Calvin to F. Daniel. *Доксополис*.

[24] 'Mihi conandum est, serioque contendendum.'—Ibid.

[25] 'Tam somni quam cibi omnino oblitus.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь*. ii. стр. 247.

[26] 'Debere nobis in promptu esse fidei confessionem ut cam proferamus quoties opus est.'—Calvin, *Opp.* v. pars 4ta, p. 34.

[27] 'In hac officina Vulcani....telam exorsus ad capiendos simplicium animos....Алькоранум великий Талмуд". —Флор. Rémond, *Hist. Здесь*. ii. стр. 246 и французское издание, глава vii. ix.

[28] *Opusc. Franç.* де Кальвин, стр. 3. Этого письма нет в латинском издании.

[29] 'Vim duntaxat vitam esse, aiunt, quæ ex spiritu arteriæ aut pulmonum agitatione ducitur.'—*Psychopannychia*, Op. Lat. p. 1.

[30] *Opusc. Французский*. стр. 2, Предисловие.

[31] Ibid. p. 12. *Opusc. Lat.* p. 5.

[32] Откровение vi. 11, vii. 9.

[33] 'O spiritus dormitorii! Quid vobis sunt stolæ albæ? Pulvinaria scilicet in quibus ad somnum decubent?' *Opusc. Lat.* pp. 10, 11, 15.

[34] Монтень, *Эссе*, жизнь. i. глава xxvii.

[35] Correspondance de Calvin avec Du Tillet, pp. 29, 34, 48.

ГЛАВА II.

ИЗГНАННИК СТАНОВИТСЯ ПРОПОВЕДНИКОМ.

(Декабрь 1533 и январь 1534 гг.)

Однако постепенно Кальвин вышел из своего уединения. Запершись в своей библиотеке, он начал тосковать по деревенскому воздуху, как Лютер в Вартбурге. Иногда он выходил из дома, один или со своим другом, и бродил по холмам и тихим лугам, орошаемым реками Шаранты. Окрестности Ангулема не представляли того величия, которое он однажды обнаружил на берегах Лемана; но для него все в творении было прекрасно, потому что он повсюду видел Творца. Он даже мог быть глубоко тронут красотами природы: "Перед творениями Божьими, - сказал он, - мы приходим в изумление, и наши языки и чувства подводят нас". [36] Недалеко от города находился виноградник, принадлежавший канонику, в который Дю Тийе однажды повел своего друга. Восхищенный Кальвин часто возвращался туда; память об этих посещениях все еще жива в тех краях, и виноградник до сих пор носит название *Ла Кальвин*. [37]

Примерно в это же время их круг расширился: в Ангулем прибыл Жан Дю Тийе, впоследствии епископ Мо. Он тоже всем сердцем привязался к Кальвину: последний, желая быть полезным двум братьям, предложил учить их греческому языку и, обучая их читать Новый Завет, побудил их искать Христа. Джон жадно прислушивался к словам молодого доктора; поэтому романисты

долгое время подозревали его, и, опубликовав в 1549 году очень старую рукопись, приписываемую Карлу Великому, *Направленную против изображений* — известно, что *Библиотеки Каролины* are known to be opposed to them—he occasioned loud murmurs: 'A man who has been Calvin's pupil,' said the famous Cardinal du Perron, 'cannot well have any other opinion.'

=КАЛЬВИН В КЛЭ.=

Эти уроки, начатые в Ангулеме, были продолжены в Клэ, где Дю Тийе проводил часть года. Люди спрашивали в деревне, кто этот невысокий, худой, бледный молодой человек, который выглядел таким серьезным и кротким и которого они часто встречали у Дю Тилле. Наиболее информированные говорили, что он давал им уроки греческого. Это занятие было настолько необычным для ангуума, что деревенские жители, не зная имени профессора, называли его *Греком из Клайкса* или *маленьким греком*. Некоторые из лучших людей квартала Кла иногда встречались с друзьями: они вступали в беседу, и, по словам современника, "все, кто любил учиться, уважали молодого ученого"; [39] его знание классики, его тонкий вкус привлекали их к нему. Некоторые друзья Дю Тийе, священнослужители из хорошей семьи, литераторы и чувствующие люди, вскоре разделили это восхищение его добродетелями и талантами: это были Антони де Шайю, приор Бутевиля, аббат Бальзака (близ Жарнака), знаменитый Де ла Плас, сьер де Торсак, Шарль Жиро и другие. Внешность Кальвина, его простая одежда и скромный вид заинтересовали этих добрых людей с первого взгляда; и тот ясный и проницательный взгляд, который он сохранял до последнего, вскоре раскрыл им острый ум и прямоту молодого грека. Они прониклись к нему самой искренней привязанностью. Им нравилось слушать, как он говорит о Спасителе и небесах, и они подчинились его евангельскому учению, не задумываясь о том, что они изменяют учению Церкви. Так было со многими католиками в то время. Они не нашли в Кальвине того, что делает его прекрасным собеседником в мире — "бессмыслицы, веселых шуток, подшучивания, розыгрышей и всевозможных глупостей, которые развеиваются как дым", [40] но очарование и полезность его беседы пленили всех, кто его слушал. Де ла Плас, в частности, получил глубокое впечатление: "Я никогда не забуду, - писал он много лет спустя, - как ваш разговор сделал меня лучше, когда мы были вместе в Ангулеме. О! что я должен дать тебе в этой смертной жизни взамен бессмертной жизни, которую я тогда получил?" [41]

=ДРУЗЬЯ КЭЛВИНА.=

Частые визиты к греку высокопоставленных лиц вскоре были замечены духовенством; с другой стороны, Бутвиль хотел заменить эти простые беседы более регулярными совещаниями. Он жил в замке Жерак, расположенном в менее посещаемом районе. [42] "Приходите ко мне домой, - сказал он своим друзьям, - и пусть каждый из нас свободно выскажет свои убеждения и возражения". Кальвин колебался, идти ли туда: "он любил одиночество и мало разговаривал в компании"; но мысль о том, чтобы привести своих друзей к Евангелию, решила его.

=КОНФЕРЕНЦИИ В ЖЕРАКЕ.=

Итак, однажды скромный доктор появился среди гостей приора Бутвилля; по дороге в Жерак его посетила одна идея. Он думал, что "истина - вещь необычная; что она намного превосходит возможности человеческого понимания и что мы должны приобрести ее любой ценой". Наконец, когда он присоединился к своим друзьям после обмена взаимными приветствиями, он заговорил с ними о предмете, который переполнял его сердце. Он открыл Библию, положил на

нее руку и сказал: "Давайте найдем истину!" [43] ... "Вся конференция, - говорит Флоримон Ремон, убежденный католик, - не имела другой цели, кроме *исследования истины*, фраза, которая обычно была у него на устах". Кальвин, однако, не выставлял себя оракулом: обращаясь к совести, он показал, что Христос отвечает на все запросы души; вскоре беседа стала оживленной, и его друзья выдвинули возражения. Он никогда не терялся в догадках; "обладая удивительной способностью, - говорили они, - внезапно преодолевать величайшие трудности и разрешать их". Гости Жерака радостно разошлись по домам.

После этих бесед Кальвин спокойно вернулся в свое убежище и помолился за тех, с кем он разговаривал, и за других помимо него. "Если иногда мы бываем холодны в молитве, - сказал он, - давайте сразу вспомним, как много наших братьев изнемогают под тяжким бременем и тяжкими заботами; как многих угнетает великая тоска в их сердцах и все крайности зла.... У нас должны быть сердца из железа или стали, если такая медлительность в молитве не может быть изгнана из наших сердец". [44]

Кальвин чувствовал необходимость заложить прочный фундамент для веры своих друзей. "Дерево, у которого нет глубоких корней, - сказал он, - легко вырвать первым порывом бури". Затем, как мы уже говорили, он перенес на бумагу первые идеи своих *христианских институтов*. Однажды, отправляясь в Жерак, он взял с собой свои записи и прочитал то, что только что написал, собравшемуся в замке кругу. [45] Впоследствии он проделывал это несколько раз; но заметки служили всего лишь текстом, который он красноречиво комментировал. "Никто не может сравниться с ним, - говорили они, - в возвышенности языка, лаконичности расположения и величии стиля". Он не довольствовался изложением той или иной доктрины: его тонкий разум улавливал органическое единство христианских истин, и он был способен представить их как божественное целое. [46] Без сомнения, это был крик его совести, который побудил его искать спасения в Священном Писании; но он не был в состоянии изучать, сравнивать и постигать их без того, чтобы его понимание не стало просветленным, развитым и освященным. Нравственная способность - это то, что сначала пробуждается в христианине; но она немедленно провоцирует проявление интеллектуальных способностей. Граждане царства Божьего - это не те, кто знает, а те, кто верит; не ученые, а возрожденные. Церковь, в которой интеллектуальные способности превыше моральных, не несет на себе печати протестантских и христианских принципов; но каждая церковь, в которой пренебрегают божественной способностью понимания и где к учености относятся с недоверием, легко впадет в прискорбную ошибку.

Объяснения Кальвина, такие глубокие и в то же время такие ясные, были бесполезны. Дю Тийе, Шайю, Де ла Плас, Торсак и другие взаимно выразили свое восхищение и радость после ухода молодого врача; затем, у себя дома, вдали от мира, они размышляли над услышанными ими утешительными истинами. Многие из самых известных людей округа были привлечены к евангельским убеждениям. [47] Приор Бутевиля, в частности, проявил с того времени столько веры и рвения — после ухода Кальвина он стал таким отцом и наставником тех, кто получил семя истины, что по всей провинции его называли "Лютеранским папой". [48]

Сфера деятельности Кальвина постепенно расширялась: он писал тем, с кем не мог говорить; [49] и вскоре его друзья спросили, почему они должны хранить только для себя хлеб жизни, которым они питались?... Один из них, высказав эту мысль молодому врачу, добавил: "Но вы можете достучаться до людей только в церквях". Едва ли Кальвин, беглец из Парижа, мог

посещать церкви Ангума в качестве евангелического миссионера. "Составь для нас несколько коротких христианских наставлений, - сказали ему друзья, - и мы передадим их благожелательно настроенным приходским священникам, чтобы они прочитали их своим прихожанам". [50] Он так и сделал, и скромные служащие, как могли, зачитали эти евангельские призывы со своих кафедр. Таким образом, Кальвин проповедовал устами священников бедным деревенским жителям, как он обращался к внушительной Сорбонне устами ректора.

=КАЛЬВИН ЧИТАЕТ ПРОПОВЕДИ.=

Это воодушевило некоторых церковных сановников, особенно приора, которые были одновременно его учениками и покровителями. Если Кальвин не мог проповедовать по-французски, почему бы ему не преподавать по-латыни? Они окружили молодого доктора, объясняя ему, что латынь, язык Римской церкви, не может вызвать никакого скандала, и попросили его произнести несколько латинских речей перед духовенством. Кальвин, твердо убежденный в том, что реформа должна начинаться с обучения священника, произнес несколько проповедей на латыни в церкви Святого Петра. [51] Таким образом, он положил начало своей карьере реформатора. Все это не могло быть сделано без того, чтобы не вызвать ропота. Верные последователи Рима жаловались на него, на приора, на всех его друзей, и это противодействие могло стать опасным. "Роковое орудие, - говорит один романист по поводу пребывания Кальвина в Ангума, - которому было суждено довести Францию до еще больших крайностей, чем это сделали сарацины, немцы, англичане и австрийский дом". [52] Однако он был не единственным, кто помогал в этой превосходной работе.

[36] Кальвин, *Псалтирь*, глава гражданская.

[37] Drelincourt, *Défense du Calvinisme*, p. 40; Crottet, *Chron. протест.* стр. 96.

[38] *Перрониана*.

[39] 'Ut erat omnibus qui litteras amabant carus.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь*. ii. 246.

[40] 'Sornettes, plaisantes rencontres, railleries, brocards, et toutes niaiseries, lesquelles s'en vont en fumée.'

[41] "Neque enim sum immemor quantum me meliorem reddideris". —Посвящается Кальвину. Женевская РУКОПИСЬ.

[42] 'In arce quadam, non procul ab oppido Engolismensi sita.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь*. ii. стр. 247.

[43] Флор. Rémond, *Hist. Bom.* (Французское изд. liv. vii. стр. 389; лат. изд. liv. vii. стр. 251.)

[44] Calvini *Opp.* Ephes. vi.

[45] 'Ibi *Institutiones* suas Calvinus depromebat quantum quoque die scripsisset ipsis recitans.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь*. ii. стр. 247.

[46] 'Theologiæ suæ mysteria revelabat atque explicabat.'—Ibid.

[47] 'Complures auctoritatis viros in suam sententiam pertraxit.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь*. ii. стр. 247.

[48]"Butevillani prior lutheranorum papa postea cognominatus". —Там же.

[49]Дю Перрон в "*Перрониане*" упоминает несколько писем Кальвина, сохранившихся у Дю Тилле.

[50] "Амиго куидам кужус рогату дает нам наставления по христианскому сценарию". —Беза, *Жизнеописание Кальвина*, лат. стр. 4; Французский, стр. 15. Байль (sub voce *Кальвин*) считает, что Дю Тийе был другом, о котором говорит Беза; возможно, это был Шайю.

[51] 'Semel atque iterum in æde S. Petri obivit.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь*. ii. стр. 251 и с. Кротте, *Хронология. протест.* стр. 97.

[52] Варильяс, *История. des Révolutions Religieuses*, ii. p. 459.

ГЛАВА III.

КАЛЬВИН В НЕРАКЕ С РУССЕЛЕМ И ЛЕФЕВРОМ.

(Зима 1533-34 гг.)

=РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ На ЮГЕ.=

В то время как Франциск I пытался задушить Реформацию на севере Франции, она распространялась на юге, и многие души были обращены в веру в районах, граничащих с Пиренеями. Евангельские христиане из других стран, некоторые из которых были священниками, нашли там убежище, и "города и деревни были *извращены* внезапно, услышав одну-единственную проповедь", - говорит римско-католический историк. В определенные дни простые крестьяне и даже несколько горожан, прибывающих разными путями, встречались в уединенном месте, на дне какого-нибудь пересохшего ручья или в горной пещере. Часто им приходилось подолгу ждать проповедника; священники и их приспешники заставляли его делать большой круг; иногда он вообще не приходил. "Тогда, - говорит католичка, - можно было бы увидеть, как женщины попирают скромность своего пола, берут Библию, читают ее и даже набираются смелости толковать ее в ожидании священника".

В это время королева Наваррская прибыла на юг. Шум, вызванный в 1533 году проповедью настоятеля и исчезновением Кальвина, побудил ее покинуть Сен-Жермен ради состояния своего мужа. Ее брат король находился тогда далеко от Парижа; ее племянницы со своими гувернантками, мадам де Бриссак и де Монреаль, а также несколько мрачный и гнетущий этикет, царивший при дворе королевы Португалии Элеоноры, были не слишком по вкусу живой и умной Маргарите Наваррской. Поэтому она направилась в Нерак. Два носилки с шестью мулами, тремя багажными мулами и тремя или четырьмя экипажами для придворных дам королевы [53] въехали в город и направились по дороге, ведущей к огромному готическому замку Д'Альбре. Это была очень скудная свита для сестры Франциска I.

=КОРОЛЕВА МАРГАРИТА В НЕРАКЕ.=

Маргарита вышла из носилок и едва успела устроиться в своих покоях, как почувствовала себя совершенно счастливой, ибо наконец-то сбежала от пышности и борьбы французского двора.

Она отбросила свои эффектные платья и величественные манеры; она спрятала величие своего дома под искренностью и дружелюбием, которые очаровывали всех, кто оказывался рядом с ней. Одета как простая дворянка, она покинула замок, пересекла Байз, протекающий через город, и побрела по живописным окрестным аллеям, сопровождаемая только сенешальшей Пуату или одной из ее юных фрейлин. Но она пришла за чем-то большим, чем это. Бежав далеко от дворцов и городов, где свирепствовал дух преследования Рима и парламента, она занялась тем, что придала новый импульс евангелическому движению в южных провинциях. Ее деятельность была неистощима. Она разослала *ювелиров*, которые заходили в дома и, продавая молодым женщинам драгоценности, дарили им также Новые Заветы, напечатанные мелким шрифтом, разлинованные красным и переплетенные в пергамент с позолоченными краями. "Один только вид этих книг, - говорит историк, - возбудил желание прочесть их". Вокруг королевы все было в движении, трудились и жужжали, как пчелиный улей. "Маргарита, - говорит королевский историограф, - была драгоценным цветком, украшавшим этот партер, и чей аромат привлекал в Беарн лучшие духи Европы, как тимьян привлекает пчел". [54]

Королеву часто можно было видеть в окружении толпы страждущих, к которым она проявляла глубочайшее уважение. Это были беженцы: Лефевр Этапльский, Жерар Руссель, обращенные священники и монахи, а также ряд мирян, вынужденных покинуть Францию, что они смогли сделать благодаря королеве, которая помогла им бежать. "Добрая принцесса, - сказал один католик, - на самом деле не имеет в сердце ничего большего, чем убрать с дороги тех, кого король желает предать суровому правосудию. Если бы я попытался назвать имена всех тех, кого она спасла от наказания, я бы никогда не закончил". [55]

Христиане, изгнанные за Евангелие, не заставили ее забыть о несчастьях ее собственной страны. Однажды, когда Руссель описывал ей плачевное положение бедной семьи, Маргарет ничего не сказала; но, вернувшись в свою комнату, она накинула на плечи беарнский капюшон и, сопровождаемая единственным слугой, вышла через отдельную дверь, поспешила к страдальцам и утешила их с самой нежной любовью. [56]

Ей доставляло удовольствие основывать школы. Руссель, ее капеллан, посещал скромную комнату, в которой дети народа учились читать и писать, и, подойдя к ним, говорил: "Мои дорогие дети ... смерть Христа - это настоящее искупление. Нет греха настолько малого, чтобы в нем не нуждаться, или настолько великого, чтобы им нельзя было загладить. [57] Молиться Богу, - добавлял он, - это не бормотание губами: молитва - это горячая и серьезная беседа с Господом". [58]

=КАЛЬВИН И РУССЕЛЬ.=

Однако в этом пробуждении на юге была одна особенность, которая, по мнению Кальвина, делала его несовершенным и преходящим, если не применять к нему какое-либо средство. В этом было определенное колебание между истиной и заблуждением. Благочестивый, но слабый Руссель проявлял в своем учении прискорбный дух компромисса. Утомленный борьбой, через которую ему пришлось пройти, он укрылся под покровом католической церкви. Он не молился Пресвятой Деве, он совершал Святое Причастие в двух видах; но он отслужил своего рода мессу — скорбный и в то же время трогательный пример того смешанного христианства, которое стремилось сохранить евангельскую жизнь в католических формах.

Кальвин в Ангулеме находился недалеко от Нерака, и его взор часто обращался к этому городу. Он страстно желал увидеть Лефевра до того, как старика заберут из мира, и беспокоился о Русселе, которого боялся увидеть поддающимся соблазну величия. Одной из христианских мыслей, которая сильнее всего овладела его умом, была убежденность в том, что мудрость свыше должна отвергать любой компромисс, предложенный честолюбием или лицемерием. [59] Не должен ли он попытаться вернуть Русселя на правильный путь, с которого он, казалось, сбился? Кальвин покинул дом Дю Тийе, вероятно, примерно в конце февраля, и зашел к Русселю, как только тот прибыл в Нерак.

Самые решительные и умеренные из богословов шестнадцатого века оказались теперь лицом к лицу. Кальвин, от природы робкий и колеблющийся, "никогда бы не набрался смелости настолько, чтобы открыть рот (используя его собственные слова); но вера во Христа породила в его сердце такую сильную уверенность, что он не мог молчать". Поэтому он решительно высказал свое мнение: "В католицизме не осталось ничего хорошего", - сказал он. "Мы должны восстановить Церковь в ее древней чистоте". [60] - "Что вы это говорите?" — ответил изумленный Руссель. "Дом Божий, без сомнения, должен быть очищен, но не разрушен". [61]— "Невозможно, - сказал молодой реформатор. - Здание настолько плохо, что его нельзя отремонтировать. Мы должны полностью снести его и построить на его месте другой". [62]— Руссель с тревогой воскликнул: "Мы должны очистить Церковь, но не путем поджога. Если мы возьмем на себя смелость снести его, мы будем раздавлены руинами". [63]

Кальвин удалился в печали. Тип протестантского решения в шестнадцатом веке он всегда свободно и смело протестовал против всего, что противоречило Евангелию. Он проявлял эту непоколебимую твердость не только в противостоянии католическим тенденциям, но и рационалистическим идеям. Было бы нетрудно найти у Цвингле, у Меланхтона и даже у Лютера некоторую крупницу неологии, ни малейших следов которой нельзя обнаружить у Кальвина.

=КАЛЬВИН И ЛЕФЕВР.=

Нерак, как мы уже говорили, приютил другого учителя — старика, которого возраст, возможно, сделал слабее, чем Русселя, но который под своими седыми волосами и дряхлой внешностью скрывал живую силу, которая внезапно возродилась при соприкосновении с великой верой молодого ученого. Кальвин спросил, где дом Лефевра: его все знали: "Он маленький человечек, старый, как Ирод, но живой, как порох", - сказали ему. [64] Как мы видели, Лефевр исповедовал великое учение об оправдании верой еще до Лютера; но по прошествии стольких лет престарелый врач все еще тешил себя тщетной надеждой увидеть реформу самого католицизма. "Должна быть только одна Церковь", - часто повторял он, и эта идея предотвратила его отделение от Рима. Тем не менее, его спиритуалистические взгляды позволили ему сохранить единство милосердия со всеми, кто любил Христа.

Когда Кальвина допустили к нему, он разглядел великого человека под его тщедушным ростом и был пленен обаянием, которое тот оказывал на всех, кто приближался к нему. Какая мягкость, какая глубина, какие знания, скромность, прямота, возвышенность, благочестие, нравственное величие и святость были сказаны о нем! [65] Казалось, все эти добродетели озарили старика человека небесным сиянием как раз в тот момент, когда могильная ночь собиралась накрыть его своим мраком. Со своей стороны, молодой человек понравился Лефевру, который начал рассказывать ему, как противодействие Сорбонны вынудило его укрыться на юге, "чтобы, - как он сказал, - избежать кровавых рук этих врачей". [66]

Кальвин попытался развеять иллюзии старика. Он показал ему, что мы должны получать все от Слова и от благодати Божьей. Он говорил ясно, решительно и энергично. Лефевр был тронут — он немного подумал и, рыдая, воскликнул: "Увы! Я знаю истину, но держусь в стороне от тех, кто ее исповедует". Оправившись, однако, от своего горя, он вытер глаза и, увидев своего молодого соотечественника, "отвергающего все оковы этого мира и готовящегося сражаться под знаменем Иисуса", он присмотрелся к нему более внимательно и спросил себя, не тот ли это будущий реформатор, которого он когда-то предсказал: [67] "Молодой человек, - сказал он, - однажды ты станешь могущественным орудием в руке Господа. [68]... Мир будет упрямо сопротивляться Иисусу Христу, и будет казаться, что все сговорилось против Сына Божьего; но твердо стойте на этой скале, и многие разобьются об нее. Бог воспользуется вами, чтобы восстановить царство небесное во Франции". [69] В 1509 году Лютер, будучи того же возраста, что и Кальвин в 1534 году, услышал подобное пророчество из уст почтенного врача.

Однако, если верить католическому историку, старик на этом не остановился. Его глаза, с добротой устремленные на молодого человека, выражали некоторый страх. Ему показалось, что он видит молодую лошадь, которая, каким бы замечательным ни был ее дух, может вырваться за пределы всяких ограничений. "Будьте осторожны, - добавил он, - с чрезмерным пылом вашего ума. [70] Возьми за образец Меланхтона, и пусть твоя сила всегда будет подкреплена милосердием." Старик пожал молодому человеку руку, и они расстались, чтобы больше никогда не видеть друг друга.

Видел ли Кальвин также королеву Наваррскую? Не похоже, что Маргарита в то время жила в Нераке; но у него были с ней какие-то отношения. Говорили, что она была заинтересована в его изгнании; [71] и, возможно, она разделяла его решение вскоре покинуть юг. Возможно, она заверила его, что ему нечего бояться в Париже, если он не совершит неосторожности. Но мы не нашли ничего определенного по этим пунктам.

=КАЛЬВИН УПРЕКАЕТ НЕРАВНОПРАВНЫХ.=

На данный момент Кальвин вернулся к Дю Тийе. Визиты к Русселю и Лефевру преподали ему урок. Он понимал, что неминуемой опасности подвергаются не только души, слепо подчиняющиеся Риму; он испытывал сильнейшую тревогу за те умы, которые метались между папой и Словом Божиим либо по слабости, либо из-за недостатка света. Он видел, что, поскольку граница между двумя церквями еще не была четко прослежена, некоторые из тех, кто принадлежал Риму, задержались под свежими и зелеными теньями Евангелия, в то время как другие, кто должен был принадлежать Реформации, все еще бродили под готическими арками римских соборов и падали ниц у подножия римских алтарей. Такое положение вещей — возможно, одобряемое многими — Кальвин считал опасным, и его принципы пошли дальше: он обязался "свободно обличать (как он говорит) тех, кто связал себя ярмом с неверующими, составляя им компанию во внешнем идолопоклонстве". [72]

[53] Brantôme, *Capitaines illustres*, p. 235.

[54] Ольга Гарай, *История. de Foix, &c.* p. 505.

[55] Флор. Rémond, *Hist. Здесь.* viii. глава ii.

[56] Sainte Marthe, *Oraison funèbre de la Reine de Navarre.*

- [57] РУКОПИСЬ. fol. 2. Шмидт, стр. 131.
- [58] Рукопись. fol. 89 a, 177 b.—Там же. стр. 145, 157.
- [59] Calvini *Opp.* Иаков iii. 17.
- [60] 'Ecclesia in pristinam puritatem restituenda propositum ei aperuit, inquiens nihil omnino sani in catholica superesse ecclesia.'—Flor. Rémond, *Hist. Здесь.* ii. стр. 272.
- [61] 'Non destruendam sed fulciendam.'—Ibid.
- [62] 'Vetus illud ædificium planissime esse dejiciendum, et novum instruendum.'—Ibid.
- [63] 'Ejusdem ruinis sepultum.'—Ibid.
- [64] Bayle, *Dictionnaire critique*, sub voce.
- [65] 'Eruditione, pietate, animi generositate nobilissimus.'—Bezæ/*cones.*
- [66] 'Ut vix illorum manus cruentas effugerit.'—Bezæ/*cones.*
- [67] 'Futurum augurant.'—Beza, *Vita Calvini.*
- [68]"Знак инструмента". —Там же.
- [69]"Лестис в Галлии во время правления". —Там же.
- [70] Ne perfervidum hoc ingenium omnia misceret atque everteret.'—Flor. Rémond, ii. p. 272.
- [71] Freer's *Life of Marguerite*, ii. стр. 120. В
- [72] 'Rédarguer librement ceux qui s'accouplant avec les infidèles, leur tenaient compagnie en idolâtrie externe.'—Calvin, *Comm. in 2 ad Cor.*, cap. vii.

ГЛАВА IV.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРИ НАВАРРСКОМ ДВОРЕ.

(Зима 1533-34 гг.)

ГЕНРИХ и Маргарита, покинув Нерак и отправившись в По, где они намеревались провести зиму, достигли тех живописных высот, разделенных оврагом, на которых стоит город, и вошли в замок. Королева с удовольствием украсила его самыми великолепными садами, какие тогда были известны в Европе, и любила прогуливаться по ним, беседуя с кардиналом де Фуа, епископом Тарбским, и многими другими выдающимися людьми, которые восхищались ее умом и изяществом. И все же эти священнослужители часто причиняли ей "много огорчений". Окруженная людьми, которые регулярно отчитывались перед Франциском I., под наблюдением короля, ее мужа, и сановников Церкви, находившихся при ее дворе, эта благочестивая, но слабая женщина согнулась под тяжестью. Она начала день с посещения утренней службы в католической церкви прихода; затем во второй половине дня она тайно собрала в своих покоях членов своего двора-евангелистов и небольшую группу изгнанников, а также нескольких

мужчин и женщин из народа, которые, неловко выйдя вперед, робко заняли свои места на красивой мебели королевы. Руссель, Лефевр или какой-нибудь другой священник произносили наставления, и небольшое собрание расходилось, чувствуя, что Бог действительно присутствовал среди них. [73]

=ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ В ПО.=

Однажды некоторые из этих смиренных верующих пожелали принять участие в Вечере Господней. Королева была смущена: она не осмелилась отпраздновать это событие ни в церкви, ни даже в своей комнате, опасаясь, что кто-нибудь из кардиналов внезапно войдет.... После некоторого размышления Маргарита решила, что нашла то, что искала. Под террасой замка находился большой зал под названием *Монетный двор*, секретное подземное место, к которому можно было подойти, не привлекая внимания. По приказу королевы ее слуги тайно перенесли туда стол, накрыли его белой скатертью и поставили на него таз с "несколькими ломтями простого хлеба", а рядом с ним несколько чаш, наполненных вином "вместо потиров". — "Таковы их алтари!" - иронически восклицает католический историк.

В назначенный день верующие, молчаливые и взволнованные, пришли и заняли свои места, не без страха быть обнаруженными. Королева, забыв о пышности Лувра, села среди них как простая христианка. Появился Руссель, но не в священническом наряде, и встал перед столом. "Те, кто верит, что в Причастии нет ничего, кроме пустого знака, — сказал он, - не принадлежат к школе веры". [74] Он взял обычный хлеб, - говорит возмущенный католический рассказчик, - "а не маленькие круглые облатки с изображениями". - "Помните, - продолжал Руссель серьезным голосом, - что Христос пострадал и умер за нас". Затем Он раздал чашу "без крестного знамения!" Глубоко тронутые прихожане имели небесное выражение на лицах и ощущали присутствие Господа : "Тот же самый Христос обитал в священнике и в народе". Ни шпион, ни кардинал не появились, и причастники, сделав пожертвование для бедных, удалились с миром. [75]

Несмотря на секретность, об этом празднике говорили в замке. Король Наварры был весьма недоволен этим. Легкомысленный, переменчивый и вечно вспыльчивый человек, подверженный случайным мирским срывам, он начал терять терпение из-за набожности своей жены, и особенно из-за "пиршеств в подвале". Он обычно был в плохом настроении и находил недостатки во всем, что делала Маргарет.

Однажды, вернувшись в замок с охоты, он спросил, где королева. Ему ответили, что в ее покоях проповедует священник. При этих словах лицо короля вспыхнуло. Верный слуга побежал предупредить королеву: министры и слушатели сбегали черным ходом, и едва они вышли из комнаты, как внезапно вошел Генрих. Он остановился, огляделся и, увидев только королеву, взволнованную и дрожащую, ударил ее по лицу, сказав: "Мадам, вы хотите знать слишком много". Затем он оставил ее возмущенной и сбитой с толку. Это оскорбление достоинства королевской семьи Франции не осталось незамеченным: Франциск "крепко отругал Генриха д'Альбре", - говорит Брантом. [76]

=ТАЙНА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.=

Маргарет, стремясь расположить к себе мужа и быть угодной своему двору, решила показать несколько библейских драм. Возможно, таким образом она смогла бы достучаться до тех, ктоне пришел бы на проповеди. Она выбрала для своей темы *Рождение Спасителя* и, закончив свою поэму, распределила роли между некоторыми благородными девицами. Эти библейские представления, которые не понравились Кальвину из-за их театральной формы, а римскому духовенству - из-за их евангельских истин, очаровали среднюю партию, и поскольку они принадлежат к религиозной истории той эпохи, мы не можем пройти мимо них незамеченными. Маргарет обустроила большой зал замка как театр. Декорации были подготовлены, и вскоре после Рождества плакаты объявили о представлении "Рождества Иисуса Христа". [77]

Когда настал день, зал был переполнен. В первом ряду амфитеатра сидели король и королева, последняя была одета в простое платье, отороченное мехом куницы, и медвежий капюшон. Рядом с ними находились кардиналы де Граммон и Де Фуа с другими представителями духовенства. Королевскую чету окружали неразлучные фрейлины Маргариты — мадемуазель де Сен-Патер, обычная раздавательница ее милостыни, мадемуазель де ла Батенаж, Бланш де Турнон, Франсуаза де Клермон, мадам д'Аванжур, величайшая "подслушивающая" при дворе, канцлер, камергеры и раздавальщицы милостыни. Большинство из них были ее десятью управляющими, оруженосцами и тридцатью восемью горничными, семнадцатью секретаршами и двадцатью камердинерами. [78] Приглашенные незнакомцы заняли места в соответствии со своим рангом. Первое представление редко возбуждало большее любопытство.

=СПЕКТАКЛЬ-МИСТЕРИЯ.=

Начинается первый акт. Действие происходит в Назарете, в доме бедного плотника. Мужчина в расцвете сил и молодая женщина разговаривают друг с другом. На рыночной площади только что было опубликовано воззвание, предписывающее всем отправиться в город, где проживает их семья, для регистрации. Но эти бедные люди принадлежат Вифлеему, а Вифлеем находится далеко от Назарета. Женщина скоро станет матерью, и мужчина обеспокоен последствиями путешествия. Молодая израильтянка, чьи спокойные кроткие черты лица свидетельствуют о безмятежности благочестивой души, говорит ему:

... Никакая опасность не приблизится к нам,

Для Того, чья сила затмила меня,

Держит в руке и плод, и дерево. [79]

Сцена меняется, и мы оказываемся в Вифлееме. Уже довольно темно, но в окнах домов видны несколько огней. Те же мужчина и женщина — их зовут Иосиф и Мария — только что прибыли из Назарета после утомительного путешествия. Иосиф, все еще встревоженный, начинает:

Уже поздно и ночь ...

Давайте подойдем к ближайшему свету.

Он стучит в дверь и просит впустить его. Хозяин дома презрительно смотрит на них и говорит, что он не принимает никого, кроме богатых людей. Джозеф проходит немного дальше и стучит в другую дверь:

Не могли бы вы, пожалуйста, приютить меня и мою жену?

Для бедной женщины, как вы видите,

Приближается ее время.

Этот человек смотрит на них так же презрительно, как и тот, другой, и отвечает, что он принимает только дворян. Джозеф, все еще не обескураженный, указывает своей жене на третьего мужчину и говорит:

Вот мужчина с приятной внешностью.

Он заговаривает с ним, но этот человек - *бонвиван*, и его раздражает изможденный вид путешественников. "Мне нравится", - говорит он,

Танцы, спорт, женщины, хорошее настроение...

Здесь не нужны развлечения с убийством.

Проходите дальше, друзья мои;

Джозеф, глубоко вздохнув:

Тогда вперед, и Бог скажет

Мы должны жить там, где ему заблагорассудится.

Но, утомленная путешествием и обеспокоенная своим состоянием, Мэри начинает меняться в лице:

Горе мне, я чувствую, что этот час приближается

Чтобы появился долгожданный фрукт.

При этих словах испуганный Иосиф оглядывается по сторонам и, обнаружив, наконец, убогую конюшню, в которую со всех сторон проникает ветер, уговаривает Марию войти в нее:

Я позабочусь

Чтобы защитить тебя от любого вредного воздуха.

Он устраивает молодую женщину как можно удобнее в грубом сарае и готовится отправиться в город за тем, что ей требуется.

МЭРИ.

Иди, иди, мой друг: я не буду один,

Ибо где Бог, там и мой дом.

Мария, оставшись одна, возносит трогательную молитву своему небесному Отцу; затем, поддавшись усталости, ложится на солому и засыпает.

Сцена превращается в рай. Очи Господа, которые "взирают на сынов человеческих", обращены на землю и с добротой устремлены на Марию, чей сон мягок и безмятежен. Затем, когда

приближается великий момент, Он приказывает ангелам покинуть небеса и возвестить человечеству весть о великой радости. Он дает каждому из них послание; одни должны отправиться к Марии, другие - к Симеону. Самый смиренный из них говорит:

... И я, Господи...

Я пойду искать наименьшее из всего,

И Расскажи ему, каким *великим* он стал

С тех пор, как великий стал маленьким.

Хвалебные гимны немедленно разносятся по небесам:

Слава Тебе, Всемогуший Господь!

И ангелы отправляются выполнять свою миссию.

Сцена меняется, и мы снова оказываемся в хлеву в Вифлееме. Мария просыпается, но по-прежнему одна. Ее сердце взволновано самыми поразительными мыслями: тайна Бога, которую она постигает, удивляет и сбивает ее с толку.

Странно! девственница ... и все же мать

О сыне превыше всего,

Настоящий Бог и настоящий человек!

Эммануэль! о дорогом Сыне Отца...

Могу ли я соединить свои руки с твоими?

Могу ли я коснуться твоих губ?

В этот момент появляются ангелы, посланные Богом: они входят в убогий хлев, наполняя его своей славой, и каждый по-своему приветствует бедную деву из Назарета. Один из них говорит:

Приветствую вас, счастливая дама,

Мать Сына, которого ты так нежно любишь!

Другой, чьим характером, по-видимому, является смирение, обращается к новорожденному ребенку:

Маленькое дитя, умоляю, не щади меня...

Хотя я и маленький, я буду радоваться

Прислуживать тебе день и ночь,

Помыть тебя или согреть твою постель. [\[80\]](#)...

В этот момент Джозеф возвращается с купленной провизией; он огорчен своей неспособностью достойно принять это дитя небес, но, решив отдать все, что у него есть, он продвигается конюшне. Внезапно он останавливается в удивлении ... он смотрит ... божественный свет наполняет скромный сарай и озаряет все вокруг.

Какой странный блеск

Это исходит изнутри!

Я как человек в лабиринте:

Я совершенно уверен

Я никогда раньше

Видел такое великолепное пламя.

Он останавливается на пороге и заглядывает внутрь. Ангелы исчезли, и он говорит:

Мэри, я понимаю,

Не утратила своего ликования,

Ее лицо сияет от радости...

Но почему она так пристально смотрит,

Эта дорогая девственница,

Так постоянно на полу?

Иосиф, неподвижно стоящий у двери, присматривается внимательнее и обнаруживает только что родившегося Иисуса:

Да! это ребенок!

Честный плотник не знает, что делать; он не осмеливается приблизиться, и все же он не может оставаться в стороне; в его душе происходит борьба.

Здесь я останусь ...

Нет! Я должен войти.

Наконец Джозеф выходит вперед: он смотрит на ребенка и, смиренно опустившись перед ним на колени, боготворит и целует его.

С этим поцелуем я бы остыл

Мое сердце горит милосердием.

Какое очаровательное дитя,

Такой красивый и кроткий,

И это правда, уверяю вас.

Мэри не по себе: она смотрит на ребенка, такого слабого и нежного, и огорчается из-за того, что ей не во что его завернуть,

Потому что ночь холодная.

ДЖОЗЕФ.

Я зажгу эту свечу.

Затем он зажигает лампу.

Куда мы его положим? Здесь, в яслях...

Лучшего места во всей гостинице нет.

На этом первый акт закончился. Зрители выразили интерес, который они испытывали к драме, одновременно такой серьезной и такой святой; и даже кардиналы Де Граммон и Де Фуа не нашли в ней ничего противоречащего доктринам Церкви. Поскольку это было время, когда люди очень любили развлечься, последовали шутки и прибаутки. В интерлюдии появилось несколько комических персонажей, особенно бедный монах, который был душой фарса. [81] Это сочинение не принадлежало Маргарет: даже католики не обвиняли ее в этом. Наконец шуты удалились, и драма продолжилась.

Сцена изображала поля вокруг Вифлеема, где пастухи и пастушонки пасли свои стада во время ночных дежурств. Один пастух, измученный работой, другой - "охотой на волка", заснул; несколько пастушек последовали их примеру; но один пастух и одна пастушка бодрствовали и делились друг с другом своими мыслями.

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Что-то не дает мне уснуть;

Свой обычный сон я вынести не могу.

Я уверен, что это не моя паства,

Для того, чтобы складка была достаточно надежной;

В моем сердце я чувствую радость

И, кажется, я рад слышать хорошие новости ...

Тем временем я обращаю свой взор

В усыпанные звездами небеса.

Он созерцает небесный свод.

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА.

Что видишь ты, брат, когда твой глаз

Ты обращаешь восхищенный взор к небу?

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Я восхищаюсь великим Творцом

Кто сотворил все сущее, и мы

Являются его храмом....

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА.

Скажи мне, пастух, что Он обещал

Патриархам , которые ждали

Терпеливо целую вечность?..

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Он обещал Мессию,

Его истинный Сын, через которого только

Жизнь к нам вернулась,

И спасение.

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА.

Молю Бога, чтобы этот час был близок!

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Приди, Господи, и больше не медли!

Внезапно яркий свет озарил поля Вифлеема, и небесный голос произнес:

Пастухи, проснитесь, восстаньте!

Узрите счастливый день,

Когда Бог трудится для вечно нового

Проявится ли его великая любовь.

Спящие пастухи и пастушонки просыпаются; они оглядываются вокруг и видят ангелов, окруженных небесной славой.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХ.

Небеса! что означает здесь это сияние?

Я почти оцепенел от страха.

ВТОРАЯ ПАСТУШКА.

Этим ясным и славным светом

Мои слабые глаза совсем ослепли.

ПЕРВЫЙ АНГЕЛ.

Кроткие пастухи, не бойтесь,

Я пришел подбодрить ваши сердца,

С радостной вестью....

Для тебя этим утром

Родился Спаситель Иисус Христос.

Как было написано; и это знак

Как познать божественное дитя;

Завернутый в пеленки Сын

Имеет ясли вместо трона....

Иисус, которого послал Господь

Чтобы исполнить свой завет.

Затем все ангелы поют хвалебный гимн:

Слава Богу всевышнему.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

Давайте поспешим и насладимся нашим зрелищем

Там, где лежит надежда смертных.

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

В такой убогой хижине,

Если мы не сможем пройти мимо двери,

Мы можем через какую-нибудь щель подсмотреть [\[82\]](#)

Где покоится наш Господь и Царь.

Пастухи и пастушатницы беседуют, готовясь к приему Мессии, с простотой, которая может показаться чрезмерной, но которая не лишена изящества и искренности.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХ И ПАСТУШКА.

Давайте от нашего изобилия потерпим

Подарки к их скудному питанию.

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Вот сыр, который я возьму с собой

В этой корзинке.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

И ты видишь,

Эту большую миску с молоком я понесу,

И я надеюсь, что это понравится милой Мэри.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХ.

Я отдам эту клетку и птицу.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

Я настоящий пидор, честное слово!

Погода холодная.

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Эта грубая игрушка,

Эта деревенская флейта понравится мальчику.

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА.

Я поцелую его в самую щеку....

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

Нет! Это, несомненно, честь

Но поцеловать его в ногу. [83]

Все пастухи и пастушонки покидают поля и спешат в Вифлеем.

Сцена снова меняется на этот городок, куда прибывают пастухи и пастушечки и ищут место, где лежит ребенок.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

В этом доме, выкрашенном такой веселой краской

Святое дитя никогда бы не осталось.

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

И в этом дворце он не нашел бы покоя,
Но скорее в каком-нибудь более скромном гнездышке.

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА, *тщательно обыскивающая.*

В этой грубой скале есть одно место;
Может ли это быть почетным местом?

Пастухи и пастушонки подходят ближе и, заглядывая сквозь щели в стене убогого хлева, обнаруживают Марию и Иисуса. Второй пастух восхищенно восклицает:

Вот ребенок ... а вот и мать....

ТРЕТЬЯ ПАСТУШКА.

Видишь, какой мягкий
Прижимает ребенка к груди матери.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

Позови того человека, чтобы открыл дверь

(Джозефу) Hola! мастер....

ДЖОЗЕФ.

Что означает этот шум снаружи?

ПЕРВЫЙ ПАСТУХ.

Истинный плод небес, который мы ищем.

МЭРИ.

Если Бог открыл этот великий факт,

Мы не должны это скрывать;

Ибо верующим мы должны показать Христа:

Открой дверь....

ДЖОЗЕФ, *открываю дверь.*

Ты можешь войти.

Пастухи и пастушонки почтительно приближаются, и каким бы тщедушным ни казался ребенок, они признают в нем вершину вечного Величия и поклоняются ему:

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

... Ты - обетованное семя

Адаму после его проступка.

Авраам и Давид на это полагались,

И то и другое в равной степени было оправдано.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

Глаз видит слабого и бессильного ребенка;

Но вера, которая приходит от знания, повелевает нам склониться

В знак уважения и обожания припадаю к его ногам,

Как истинный Бог.

После поклонения пастухов пастушки, немного заинтригованные, окружают Марию и вступают с ней в разговор.

ТРЕТЬЯ ПАСТУШКА.

Почему у него нет дорогих одежд:

Серебро, золото и драгоценные камни?

МЭРИ.

Простота ему нравится больше всего,

И не будет он одет в отборную одежду.

Начинают появляться первые проблески рассвета.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

День близок... Я должен уйти.

ПЕРВАЯ ПАСТУШКА, *приближающаяся к Марии.*

Могу я просто показать ему мизинец на ноге

Один-единственный поцелуй перед тем, как я уйду. [\[84\]](#)

ТРЕТЬЯ ПАСТУШКА.

Наши руки соприкасались, наши глаза видели,

Агнец, который берет на себя наш грех.

Затем пастухи и пастушонки приносят свои скромные подношения.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХ.

Служа тебе, мы будем жить и умрем,

Ибо без тебя жизнь - ничто.

Когда закончился второй акт, была представлена новая интерлюдия, чтобы развеселить зрителей. Шуты появлялись снова и декламировали несколько рондо, всегда содержащих какую-нибудь пикантную и неожиданную шутку, вызывавшую смех публики. Бремя *virelais* (стихотворений, состоящих из очень коротких строк и с двумя рифмами) обычно ложилось на плечи какого-нибудь монаха, что сильно развлекало зрителей. Кардиналы и католики, получавшие удовольствие от драмы, были раздражены сатирой. [85]

Начался третий акт. Сатана, совершавший кругосветное путешествие, прибыл на поля Вифлеема, куда вернулись пастухи, и, погруженный в свои собственные мысли, сказал себе:

Я правил до сего часа

И подчинил землю моей власти;

С Богом свыше воевали непрестанно,

И мои победы возрастают.

Пастушки, для которых он был невидим, выразили свою радость в гимнах:

Пастушки, прекрасные девы,

Послушайте песню, которую мы поем:

Мы приносим весть о великой радости,

Это лишает смертных всякой заботы.

Сатана остановился и прислушался; встревожившись, он воскликнул:

Этот гимн леденит мою кровь ...

Какие новости они услышали?

Пастушки, все еще не подозревающие о присутствии сатаны, продолжают петь:

Приветствую! рожденному от Девы,

Слава! Господу и Сыну,

Кто в это счастливое утро,

Покрывало земли опускается.

Да будет воздана громкая хвала Богу

Который делает нас наследниками небес.

Сатана слушает, и ему еще более неловко:

Как я трудился, чтобы узнать этот секрет!

Теперь это будет скрыто от меня?

Он переодевается и подходит к пастухам в облике великого лорда и говорит им:

Откуда ты взялся?

ПЕРВЫЙ ПАСТУХ.

От созерцания Христа, Спасителя человечества,

Которым в Боге мы возрождены.

Разве ты не пойдешь и не увидишь его, могущественный господин?

Я покажу дорогу.

САТАНА.

Может ли это быть правдой, или все это сон?

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

Пойдите и убедитесь сами

САТАНА.

Бог со своего престола на высоте

Ибо этому миру все равно....

Я его король... да, я....

....

Пойдем со мной и поднимем настроение ...

Но ты не должен никому верить

Что Бог когда-либо может пасть так низко.

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Он мой отец, брат, все...

Я принадлежу ему с головы до ног. [\[86\]](#)

Бог за меня, и нет никого фальшивого

Искоренит ли эта небесная вера.

САТАНА.

Дураки и безумцы! вы боги?...

ПЕРВЫЙ ПАСТУХ.

Сыну мы оставляем славу

Быть Богом. Для нас этого достаточно

Быть тем, кем ему заблагорассудится,

И знать, что Он такой же великий, как Я.

САТАНА.

Можете ли вы понять Священные Писания?

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

Со всем смирением мы читаем их.

САТАНА.

Был ли он твоим отцом, как ты его называешь,

Неужели он оставил бы тебя таким проклятым,

Страдаете от бедности и нужды?

Слепые, откройте пошире глаза!

Вы когда-нибудь знали богатого человека

Оставить своего сына, как непаханое поле?

Воистину, сыны Божьи! чей запас

- Это холод и голод, лохмотья и все, что есть бедного.

ВТОРОЙ ПАСТУХ.

Чем больше мы страдаем, тем больше удваиваются наши радости;

За все ваши удовольствия мы не дадим двойную цену. [\[87\]](#)

ТРЕТИЙ ПАСТУХ.

В наших сердцах обитает Христос

Который победил смерть и ад.

При этих словах сатана приходит в замешательство; он вспоминает свои прежние поражения и, зная, что Сын Божий должен сокрушить его своими ногами, в ужасе восклицает:

Убитый Ягненок, который изгнал

Я и мои близкие из рая в ад

Ты все еще ищешь, и нет места

Можешь спрятать меня от твоего разгневанного лица.

Затем снова раздается таинственный голос Бога, провозглашающий победу новорожденного ребенка:

Правление сатаны-тирана закончилось;

Клянусь непорочным Агнцем, все кончено,

Кому страдать на кресте

Ради нас, грешных, согласился...

Справа от меня сядет Агнец ...

Ангелы воспевают возвышенного Агнца

Возвышался над всеми, и сатана был подавлен.

Затем ангелы поют триумфальную песнь, которой заканчивается пьеса:

Слава Богу на небесах,

Кто наш злейший враг,

Сатана, одержавший верх.

Выражаем почтение Агнцу

От которого исходит все блаженство

Становится известно об Отце.

Представление было закончено, и все в восхищении удалились. Король был благодарен своей жене за такую снисходительность, и Маргарет воспользовалась этим, чтобы уговорить его послушать несколько проповедей. "От комедии он перешел к проповеди, которая происходила в покоях королевы", - говорит современный историк. [88]

Не все были одинаково удовлетворены этими представлениями. Кардиналы Де Граммон и Де Фуа удалились со двора, в то время как более строгие христиане спросили, законно ли представлять ангелов и даже самого Бога на сцене. Если бы Кальвин перешел из Нерака в По и присутствовал на этой мистерии неподалеку от кардиналов, он, без сомнения, осудил бы подобные представления, которые он назвал "переодетым христианством".

Пришло время последовать за реформатором.

[73] Флор. Rémond, *Hist. Здесь*. библиотека. vii. глава. iii.

[74] MS. de la Biblioth. импер., № 7021, фол. 146. Шмидт, *Руссель*, стр. 151.

[75] Флор. Rémond, *Hist. Здесь*. библиотека. viii. глава. xii.

[76] Brantôme, *Mémoires*. De Coste, *Reines illustres*. Матье, *Привет. de François I*.

[77] Эту драму, которую мы были вынуждены сократить, можно найти в "*Маргаритах де ла Маргарит*", том i, стр. 148-206.

[78] *Marguerite d'Angoulême*, par le comte de la Ferrière-Percy, pp. 9, 13.

[79] При переводе отрывков из этого стихотворения не было предпринято никаких попыток придать стихам лоск, которого не было в оригинале.

[80]

Petit enfant, ne veuillez épargner

Moi très-petit ... car, soit pour vous baigner,

Ou pour chauffer vos draps en votre lit,

À vous servir je prendrai grand délit (*délice.*)

[81] "Qui pro primo esset".—Флор. Rémond, *Hist. Здесь.* vii. глава iii.

[82] Il y aura quelque fente ou crevasse.

[83] C'est assez au talon.

[84]

Madame, au moins, son petit bout d'orteil

Pour le baiser.

[85] Флор. Rémond, *Hist. Здесь.* vii. глава iii.

[86] Je suis à lui de l'un à l'autre bout.

[87]

Plus nous souffrons, plus notre joie redouble;

De vos plaisirs ne donnons pas *undouble*. [87a]

[87a] *Двойной* стоил шестую часть су.

[88] Флор. Rémond, *Hist. Херес.* vii. глава iii.

ГЛАВА V.

КАЛЬВИН В ПУАТЬЕ, В БАССЕТ-ТРЕЙ И В ПЕЩЕРАХ СВЯТОГО БЕНЕДИКТА.

(Весна 1534 г.)

КАЛЬВИН размышлял о том, чтобы уехать с Юга. Он нашел убежище в час опасности; но когда буря, казалось, утихла, он смог, наконец, покинуть то место, где его прятали, и возобновить карьеру, которая была так грубо прервана. В Ангулеме он чувствовал себя не в своей тарелке. С

одной стороны, обращение Дю Тийе и некоторых его друзей породило слухи среди духовенства и народа; а с другой, определенные традиционные элементы, которые Маргарет и некоторые из его слушателей в Жераке хотели сохранить, были неприятны реформатору. Алтари, изображения, праздники, посвященные Марии и святым, исповедникам и исповедальне — ничто из этого не казалось ему библейским, и он вздыхал о том времени, когда сможет возобладать евангельский принцип во всей его целостности. У него была привычка говорить: "Превыше всего мы должны полностью исповедовать нашего Господа, не уклоняясь ни от чего". [89]

=ПРОЕКТЫ КАЛЬВИНА.=

Куда ему идти? Его мысли привели его сначала в Пуатье, откуда он предложил посетить Орлеан, Париж, а затем Германию и Швейцарию, чтобы учиться и набираться знаний, общаясь с реформаторами. В их беседах в Жераке сьер де Торрас часто упоминал Пьера де ла Пласа, который в то время учился в Пуатье. Кальвин также должен был встретиться там с Шарлем Лесажем, регентом университета, который, как и он сам, был уроженцем Нуайона. Его удерживало одно соображение: сможет ли он покинуть Дю Тийе? "Куда ты пойдешь, туда и я пойду, - сказал молодой каноник. - мое сердце наполнено верой, которая воодушевляет тебя". [90] Мысль о том, что он будет ежеминутно наслаждаться обществом Кальвина и видеть в Швейцарии и Германии благородных людей, реформирующих Церковь, наполнила его радостью. [91]

Оба друга отбыли: Кальвин под именем Шарля д'Эспевилля, а Дю Тийе - под именем Отмон, которое, по-видимому, носили некоторые члены его семьи. Они прибыли (вероятно, примерно в конце марта 1534 года) на те равнины и пустоши Пуату, где произошло так много великих сражений и где скромный воин приближался, чтобы принять участие в более благородных состязаниях. Немногие провинции Франции были так хорошо подготовлены. Абельяр, живший в этих западных районах, оставил после себя некоторые следы сомнений, изложенных в его знаменитом трактате "*Так и не*" ("Да и нет"), [92] о доктринах Церкви. Здесь тоже писатель, не связанный с Реформой, атаковал *папоманию*, а духовенство, составлявшее (как говорили) третью часть населения, раздражало двух других своей алчностью и неправильностями.

=КАЛЬВИН В ПУАТЬЕ.=

Кальвин остановился в Пуатье у мессира Фуке, приора Труа-Мутье, ученого священнослужителя и друга Дю Тийе, у которого там был дом. Университет процветал, в нем работали ученые профессора и имелась знаменитая библиотека. Здесь особенно ощущалось стремление к пониманию — чувство, возникающее повсюду во Франции. Приор Труа-Мутье беседовал со своими двумя гостями о публичных диспутах, которые происходили в университете. Это привлекло внимание Кэлвина: он вышел в зал, сел на одну из скамеек и внимательно прислушался. Никто, глядя на этого незнакомца, не предположил бы, что под этими бледными, непривлекательными чертами скрывается один из героев, которые меняют облик мира во имя одной только истины. Под множеством придирок и праздного хлама молодой доктор мог разглядеть вспышки света тут и там. После диспута он призвал к себе тех участников сражения, от которых слышал язык христианства; он изложил свои собственные идеи, и вскоре красота его гения и откровенность его языка покорили их. Кальвин и эти великодушные люди подружились и навещали друг друга; в конце концов, говорит историк, "они начали вместе

гулять за пределами города", [93] и когда они прогуливались по берегам маленькой реки Клейн или бродили по полям, молодой доктор открыто говорил им о Христе и вечности.

На самом деле они не утруждали себя схоластической теологией и метафизическими формулами: Кальвин стремился завоевать их души. Он требовал от каждого формирования нового человека и ни о чем другом не заботился. Посреди удручающих слабостей и огромных потребностей падшего человечества должно быть осуществлено великое духовное восстановление; час настал, и для выполнения этой работы требовались особые люди, облеченные властью свыше. Кальвин был одним из тех сильных людей, которых Бог послал на помощь человеческому разложению. В момент пробуждения, после средневекового сна, Небесный Отец даровал человечеству новые творческие силы. Евангелие, затем восстановленное в мире, обладало красотой, которая привлекала души людей, и авторитетом, который вызывал в них абсолютное послушание: это два возрождающих элемента. По всей Европе среди людей появлялись пророки, но они пророчествовали не по собственному побуждению. Над ними был суверенный, свободный, живой, сверхъестественный Бог, который действовал в них с высшей силой.

Кальвин собирался начать в Пуатье работу возрождения. Действительно, не прошло много времени, как вокруг него столпились многочисленные слушатели. Некоторых оскорбили его слова; и были такие, кто, ища только споров и софистики, мучили молодого доктора своей обычной дерзостью; в то время как другие противостояли еретику "дилеммами и хитрыми уловками". Третьи, опять же, считавшие себя хозяевами мира, повернулись к нему спиной, "как если бы он был обычным шарлатаном". Кальвин, удивленный таким сопротивлением, "вместо того, чтобы ввязываться в бесполезные споры", серьезно отбросил в сторону эти легкомысленные тонкости и "выдвинул то, что истинно". [94]

=ДРУЗЬЯ КЭЛВИНА.=

Но если доктрина, которую он провозгласил, встретила врагов, то она встретила и друзей. Слово Божье постоянно отделяет свет от тьмы в духовном мире, как это было во времена сотворения неба и земли. Щедрые люди с нетерпением собрались вокруг молодого и могущественного доктора. Это были Альбер Бабино, юрист, поэт и законоучитель; Энтони Верон, прокурор суда низшей инстанции; Энтони де ла Дюги, врач-регент; Жан Буассо де ла Бордери, адвокат; Жан Верну из Пуатье, сьер де Сен-Вертьюмиен, и Шарль Лесаж, врач-регент, человек очень уважаемый, пользовавшийся полным доверием мадам, матери короля. [95] Один из этих выдающихся людей особенно покорила сердце Кальвина: это был Пьер де ла Плас, уроженец Ангулема, друг Дю Тийе, впоследствии председатель Суда Спида, и один из мучеников Святого Варфоломея. Но Лесаж, еще один из этих выдающихся людей, держался довольно отчужденно; он был родом из Нуайона и не очень стремился стать на службу сыну старого епископального секретаря; более того, он искренне верил в чудо пресуществления.

Эта группа выдающихся людей, собравшаяся теперь вокруг Кальвина в Пуатье, как прежде в Ангулеме, привлекала внимание тех, кто имел с ним какие-либо отношения. Притягательная сила Кальвина, в которой в наши дни несколько сомневаются, поразила даже его врагов. "Знание, так же как и добродетель, - говорит по этому поводу один из них, - быстро завоевывает любовь, и выдающимся умам, творящим добро или зло, требуется немного времени, чтобы

стать известными. Кальвин, удалившись в Пуатье, вскоре встретился с большим количеством друзей". [96] Он познакомился с ними в университете, навещал их дома, искал их общества и свободно говорил о познании Бога. [97] По многим пунктам они с самого начала думали так же, как он. Когда он пожаловался, "что они поклоняются колодам и камням, молятся мертвым, верят в напраслину и желают служить Богу праздными церемониями", [98] все согласилось с ним, даже Лесаж. Но молодой врач пошел еще дальше. Несомненно, он осуждал "суровый аскетизм; он рекомендовал людям быть *любящими* (целеустремленными) и добрыми к своим соседям". [99] Но в то же время он был правдив, даже рискуя вызвать недовольство. Присутствуя однажды, когда некоторые искренние католики защищали доктрину пресуществления, Кальвин без колебаний заявил, что мы должны принять Христа, даже его тело и кровь, верой, духом, который дает жизнь, а не чувственным вкушением ртом. Лесаж воскликнул, совершенно потрясенный, что таково мнение еретика Уиклифа, и даже Ла Плейс "остановился в тревоге, увидев столь сильное отпадение от религии, в которой он был строго воспитан". [100] Кальвин был ранен в самое сердце.

=КЭЛВИН У ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА.=

Но если он терял одних друзей, то приобретал других. Главный судья Пуатье, генерал-лейтенант Пьер Ренье де ла Планш, пожелал его видеть и пригласил отобедать с Де ла Дюги, Бабино, Вероном, Верну и другими знакомыми. Кэлвин принял приглашение, что вызвало некоторое удивление. "Этот новатор, - говорили католики, - желает привлечь к себе внимание магистратов, чтобы они своим снисхождением придали ему значимость". Кальвин никогда не делал никаких подобных расчетов, но он "горел великим рвением распространять славу Господа повсюду". Его приняли с уважением, и он занял свое место за столом; во время ужина разговор, казалось, вертелся вокруг обычных мест. Как только трапеза закончилась, компания встала и вышла в сад. Именно в этом месте, известном как *Бассес Трей*, сьер де ла Планш часто принимал своих друзей. Этот судья, Кальвин, Бабино и другие гости беседовали на ходу, и хозяин заведения, переводя разговор на Лютера и Цвингле, обвинил реформаторов и особенно их мнение о мессе. "Это было частой темой для разговоров, - говорит писатель шестнадцатого века, - не только среди ученых, но и среди простых людей, и об этом даже говорили за столом". Кальвин, который был хорошо информирован и подготовлен, затронул эту тему и объяснил основные моменты. "Лютер видел истину, - сказал он, - но он подобен тем, кто идет по длинной и извилистой дороге; они видят издали тусклый свет лампы, с помощью которого они могут нащупать свой путь по тому пути, по которому они должны следовать. Цвингле приблизился к свету, но, подобно тем, кто слишком поспешно устремляется к добру, он вышел за его пределы". [101] Затем, желая, чтобы они поняли, что было в Вечере Господней, он более подробно изложил идею присутствия Христа, несомненно реального, но принимаемого верой, а не устами: таким образом, заняв среднюю позицию между Цвингле и Лютером. Эти речи, столь же ясные, сколь и убедительные, убедили генерал-лейтенанта и собравшихся у него друзей. Кальвина попросили записать их, что он и сделал, добавляет историк, с красноречием, которое принесло ему новых учеников. Ренье де ла Планш был приверженцем протестантизма, а его сын Луи впоследствии принял участие в борьбе против гизов. Именно его однажды вероломно допрашивала Екатерина де Медичи в своей камере, пока кардинал Лотарингии прятался за гобеленом.

=САД БАСОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ.=

Отныне сад Бассет-Трей стал излюбленным местом отдыха Кальвина: он привык бывать там свободно и открыто. Там, подобно Сократу в Академическом саду, молодой христианин Платон и его друзья искали истину. [102] Истина, которую Реформация тогда возвращала миру, была совершенно иного порядка и обладала гораздо большей силой, чем истина греческих философов. Везде, где раздавался его голос, исчезала идея клерикального священства, исчезали привилегии монашеской жизни, и их место занимало личное, индивидуальное, живое христианство. Божественные откровения давались мирянам на их родном языке, а таинства, лишенные своих мнимых магических свойств, оказывали духовное влияние на сердца. Таковы были принципы, исповедуемые Кальвином в саду генерал-лейтенанта. Прогуливаясь взад и вперед в приятной тени, он говорил своему другу о небесном Отце, о своем единственном Сыне, о благодати и вечной жизни. Слушая Его, ученики воображали, что все вот-вот станет новым, и говорили друг другу, что теперь, наконец, бесплодный формализм в церкви уступит место живой силе — дыханию с небес. Католики Пуатье были огорчены. "Как наши прародители, - говорили они, - были очарованы садом, так и в саду генерал-лейтенанта Бассет-Трей эта горстка людей была обольщена и одурачена Кальвином, который легко пробил брешь в душах тех, кто его слушал". Это замечательное признание.

Однажды там состоялось собрание, на котором Кальвин и его друзья посоветовались о том, в чем Франция нуждается больше всего. Ответ был прост: в Евангелии. Но Франция, увы! отвергла его. Они не ограничивались этой темой, и Кальвин стремился заменить в церкви форму духом, а ритуальные обряды - жизнью и реальностью. Он достойно справился со своей задачей и, перейдя к главному пункту, особо разъяснил свое духовное учение о присутствии Спасителя. "Это, - говорит католический историк, - был первый кальвинистский собор, состоявшийся во Франции". [103] Слово "совет" звучит слишком амбициозно, но это была встреча, которая принесла плоды. Живая вера, вдохновившая молодого доктора, одержала верх над несколькими мятежными духами. Де ла Плейс, который поначалу выдвигал многочисленные возражения, но который был человеком здравого смысла и "чистой совести", подумал, что, возможно, он ошибается. "Семя, упавшее в его сердце, начало прорастать, и оно принесло плод в назначенное Богом время года". [104]

Волнение, которое Кальвин вызывал в Пуатье, восхищение одних, беспокойство других, усиливалось с каждым днем. Друзья Евангелия начали подвергаться некоторому риску, собираясь вместе. Если бы какие-нибудь фанатики сделали себя хозяевами населения, сад Бассет-Трей мог бы подвергнуться нападению, и полиция под предлогом восстановления порядка могла бы даже зайти так далеко, что арестовала бы незнакомца. Часто случались ложные тревоги. Друзья Кальвина решили поискать какое-нибудь уединенное место, где они могли бы спокойно собраться. Один из них указал напустыню в соседней стране — несколько глубоких и изолированных пещер, которые могли укрыть их от любых расследований, — и они решили отправиться туда небольшими группами и разными дорогами.

=ГРОТ КАЛЬВИНА.=

На следующий день проект был приведен в исполнение. Кальвин отправился в путь с двумя или тремя другими; они пересекли симпатичный пригород Святого Бенедикта, свернули на живописную тропинку и примерно через час ходьбы оказались в диковатом месте перед руинами римского акведука. Под ними текли спокойные воды Глины: поросшие густым лесом скалы с пещерами различной глубины вздымали свои внушительные массы над потоком.

Кэлвин был очарован уединением. Постепенно прибывали другие, и вскоре собрание было завершено. Кальвин и его друзья вошли в одну из самых больших этих пещер. Обычно они были известны как пещеры Святого Бенедикта или Крутеллы, но эта называлась и с тех пор носит название "грот Кальвина". [105]

Реформатор занял свое место на возвышенности; его ученики собрались вокруг него, некоторые из них прислонились к скале; [106] и посреди торжественного молчания он начал учить их, разъясняя то, что было самым великим из всех — проповедовать им Христа. Это была тема, к которой он постоянно возвращался. "Лучше быть лишенным всего и обладать Христом", - сказал он однажды. "Если кораблю угрожает опасность, матросы выбрасывают все за борт, чтобы они могли благополучно добраться до порта. Поступайте так же. Богатство, почести, высокое положение, внешнее уважение — всем этим следует пожертвовать, чтобы обладать Христом. Он - наше единственное блаженство". Кальвин говорил с большим авторитетом; [107] он увлекал своих читателей и сам был увлечен. Внезапно почувствовав свою духовную слабость и ту нужду, которую все они испытывали в Святом Духе, он пал на колени под этими уединенными сводами; все собрание преклонило колени вместе с ним, и он вознес к престолу Божьему молитву, такую трогательную и искреннюю, что всем, кто слышал его, показалось, что они перенеслись на небеса. [108]

Эти паломничества в пещеры святого Бенедикта были вскоре замечены; недоброжелательно настроенные люди могли следовать за небольшими группами по пути на собрание и застать собрание врасплох. Друзья Кэлвина решили часто менять место своих встреч, иногда отправляясь в деревню, иногда в уединенный загородный дом. [109] Жители окрестностей присоединялись к маленькой пастве, а проповедник проповедовал ту христианскую истину, которая просвещает мир и человека. Когда они расставались, он раздавал всем книги, "и даже молитвы, написанные его собственной рукой".

=КАЛЬВИН О МЕССЕ.=

Противодействие Кальвина мессе с каждым днем становилось все более оскорбительным; католики обвинили его в том, что он осмелился отрицать, что священник принес самого Христа в жертву, как искупительную жертву за грехи народа. Он был тронут этими наблюдениями, но не потрясен. Однажды, когда он и его друзья собрались в пещере, он превознес крестную жертву, принесенную *однажды*, согласно Священному Писанию, а затем выступил с такой резкой речью против мессы, что, по словам ревностных католиков, невозможно было слушать его без содрогания. Это правда, что Кальвин не пощадил эту римскую церемонию. Иногда он называл это "простым обезьяньим трюком и пародией". "Я называю это обезьяньим трюком, - сказал он, - потому что они высмеивают вечерю Господню, точно так же, как обезьяна неуклюже подражает всему, что, как она видит, делают другие. [110] Я называю это бурлеском, потому что бессмыслица и жесты, которые они вводят, лучше подходят для театральной постановки, чем для такой святой мистерии". [111] В пещере были люди, которые искренне верили в пресуществление и обычно посещали мессу с благочестивыми чувствами. Слова Кальвина — хотя они, возможно, и не были буквально теми, которые мы скопировали, — ранили и раздосадовали их, и Лесаж, резко прервав его, воскликнул: "Наш Господь, истинный Бог и истинный человек, действительно и существенно находится под обликом хлеба и вина.... Во все века, где бы люди ни знали Христа, жертва мессы приносилась". Удивленный этой смелой вспышкой, Кальвин спросил себя, не совершил ли он преступление, поставив Слово Божье

выше традиций Рима. Несколько мгновений он хранил молчание, а затем, подняв руку и положив ее на Библию, которая лежала открытой перед ним, искренне воскликнул: "Это моя месса!" [112] Затем, обнажив голову и положив свою меховую шапку на стол, он возвел глаза к небу и сказал с волнением: "О Господь, если в судный день Ты пожелаешь наказать меня за то, что я оставил мессу, я скажу Тебе: о Боже, Ты не повелевал мне совершать ее. Узри Закон Твой.... Узри Священное Писание Твое. [113]... Ты дал это нам, чтобы оно было нашим проводником, и я не могу найти в нем никакой другой жертвы, кроме той, что была принесена на алтаре креста". Слушатели расходились в великом волнении, тронутые верой реформатора, одновременно такой простой и такой сильной, и с новыми убеждениями некоторые из них вернулись уединенными тропами, которые привели их в Пуатье.

С того времени многие люди проявили желание принять Вечерю в соответствии с установлением Господа. Различные церемонии, благоговения, хоровые песнопения больше не удовлетворяли их; они хотели простого и настоящего общения со Спасителем. Поэтому был назначен день, и они собрались в одной из пещер Святого Бенедикта. [114] Священник прочитал Слово Божье и призвал Господа излить Свой Дух на маленькое стадо. Он разломил хлеб и передал чашу по кругу, а затем пригласил верующих поделиться друг с другом такими размышлениями и опытом, которые могли бы быть полезны для веры. [115] Эти простые наставления после Ужина еще некоторое время продолжались в Реформатской церкви.

[89] *Lettres françaises de Calvin*, i. p. 119.

[90] 'Tilius haustis animo Calvinii opinionibus.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес*. ii.

[91] 'Miro desiderio eos videndi incensus, qui catholicæ ecclesiæ bellum indixerant.'—Ibid.

[92] Смотрите превосходное издание М. Кузена.

[93] Варильяс, *История. des Rév. rel.*, ii. p. 473.

[94] Беспорядки и придирки ... arguments cornus et surprises subtiles ... comme s'il était un bailleur de sornettes ordinaires ... au lieu de s'entortiller dans des contestations superflues ... il mettait en avant ce qui est ferme.'

[95] 'Magnæ existimationis vir, præsertim apud regis matrem.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес*. ii. стр. 251.

[96] Флор. Rémond, *Hist. des Hérésies* (éd. fr.), p. 890.

[97] P. de Farnace, *Brief Recueil de la Vie de Messire P. de la Place*, p. 11 sqq. *Диктант Бейла. История.* sub voce 'De la Place.'

[98] Calvin, *Lettres Françaises*, i. pp. 70-71.

[99] Кальвин об Иакове, iv. 17.

[100] П. де Фарнас, *Краткий обзор*, стр. 11 кв.

[101] Флор. Rémond, *Hist. Херес*. vii. глава xi. Ремон преувеличивает мнение Кальвина о Лютере и Цвингле.

[102]"Среди сильвов Академии истинных". — Гораций.

[103] 'In horto illo primum calvinisticum celebratum fuit concilium in Gallia.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 252.

[104] De Farnace, *Vie de la Place*, p. 11.

[105] La grotte de Calvin. См. Crottet, *Chronique protestante*, стр. 105; и A. Lièvre, *Hist. du Protestantisme du Poitou*, i. p. 23.

[106] 'In locis secretis frequenter convenerunt.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 253. Ремон заявляет, что он не пожалел усилий, чтобы проследить всю карьеру Кальвина во Франции. "In conquirendis variis quæo relevant documentis, nulli labori reperi". Это не помешало ему время от времени приправлять свое повествование оскорблениями и клеветой.

[107] Флор. Ремон, там же. vii. глава xi.

[108] 'Precem magna vehementia et devotione.'—Ibid. ii. p. 252.

[109] 'Per pagos etiam et villas.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 253.

[110] 'Quod sicut simiæ hominum opera perperam, ita hi sacram cœnam imitantur.'—Calvini *Opusc. lat.* p. 123.

[111] 'Histrionicam actionem appello quod ineptiæ gestusque histrionici illic visuntur.'—Calvini *Opusc. lat.* p. 123.

[112] 'Monstrato Bibliorum codice, dixisse: Hæc est missa mea.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 261.

[113] 'Ecce enim hic legem tuam.'—Ibid.

[114] 'In locis illis secretis prima calvinistica cœna celebrata fuit.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 253.

[115] 'Non ipse solum explicabat, sed aliorum sententias requirebat.'—Там же.

ГЛАВА VI.

КАЛЬВИН И ЕГО УЧЕНИКИ НАЧИНАЮТ ЕВАНГЕЛИЗАЦИЮ ФРАНЦИИ.

(Весна 1534 г.)

Необходимо было начать преобразование Франции в более широком масштабе. Не могла бы эта страна, волнения которой часто тревожили Европу и которая никогда не трепещет, но все вокруг нее потрясено, стать, если бы она приняла Евангелие, центром света и мощным средством укрепления наций в справедливости и мире? Это, несомненно, произошло бы, если бы она стала протестантской. Кальвин, трудясь тридцать лет для Женевы и Франции, трудился для всего христианского мира. Он провел первый эксперимент в Пуатье и (если можно так выразиться) начал ту славную евангелизационную кампанию, которой ему предстояло руководить до конца своей жизни.

=КАЛЬВИН И СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ.=

Не довольствуясь проповедью евангелия в городе, молодой и ревностный врач посетил замки, аббатства и деревни по соседству. В замке Куэ, в нескольких лье к югу от Пуатье, жила патриархальная семья, пользовавшаяся большим влиянием в Верхнем Пуату: это была семья Гишара де Сен-Жоржа, барона Куэ, и его жены Анны де Мортимер. После своей смерти они оставили четырех сыновей, которые рано научились соблюдать Божьи заповеди. Понтус, настоятель бенедиктинского монастыря, был самым известным из четырех братьев: "Он либеральный и щедрый человек, - говорили люди, - покровитель науки и образованных людей, которых он сердечно приветствует". [116]

=ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ НАСТОЯТЕЛИ.=

Слух о собраниях, проводимых в Пуатье, дошел до Понтюса; будучи близким с некоторыми учениками Кальвина и иногда принимая их за своим столом, он попросил их привести молодого доктора, и с этого дня Кальвин стал одним из его гостей, согласно традиции, сохранившейся в провинции. [117] Хотя беседы, которые он вел с аббатом, не обратили его, они заставили его получать удовольствие от Евангелия, и вскоре он спросил себя, почему этот удивительный молодой человек не должен проповедовать в бенедиктинской церкви? Обращение к ученой и религиозной общине понравилось молодому доктору. Аббат объявил своим монахам, что некий пикард, воспитанный в Парижском университете и получивший пособие в Нуайоне, будет проповедовать в церкви аббатства. Соответственно, Кальвин поднялся за кафедру и провозгласил, что всякий, кто имеет твердую и живую веру в благодать Христа, спасен. Некоторые из его слушателей были поражены доктриной, которая делала римское духовенство бесполезным. "Что за извращенное учение!" - говорили они. "Почему аббат позволяет этому Пикарду проповедовать его в своей церкви?" [118]

С другой стороны, аббат Сент-Джордж был в восторге от проповедей молодого человека, но не решался сделать решающий шаг. Бенедиктинские аббатства были независимыми, могущественными и богатыми; монахи обычно принадлежали к знатым семьям и превосходили другие религиозные ордена по интеллекту, нравственности и обширному знакомству с классическим и христианским образованием. Понтюсу было трудно оставить спокойную жизнь, которую он вел в своем аббатстве, или пожертвовать своим богатым пособием и подвергнуть себя мести законов.... Он вынашивал идею примирения Церкви с миром в соответствии с системой, которой покровительствовала Маргарита Наваррская. Он останется аббатом, но он будет христианским аббатом, как Руссель, и, хотя на кафедре будет облачение монаха, он будет проповедовать с нее Евангелие. Понтус провел эксперимент, и его проповеди вызвали много разговоров. Изумленные слушатели воскликнули: "Почему аббат Валанса (так назывался его монастырь) проповедует зачатки ереси". [119] Гишар, третий брат святого Георгия, *коммендам* аббата Боннево, долгое время разделял убеждения Понтюса и исповедовал их, как и он, но не отказывался от своего благодетельства. Ропот становился все громче по всей округе. "Смотрите, - говорили католики, - люди, попавшие в сети Кальвина, все еще цепляются за свои монастыри и не оставляют алтарей. Настоятели придерживаются своего мясного рациона (*marmite*) и одеваются в католические одежды, хотя они тайные лютеране. Они выполняют свои функции, не показывая, кто они такие". [120]

Понтюсу стало не по себе, его честная душа не позволяла ему долго останавливаться по обе стороны баррикад. Он пожертвовал блестящим положением, распустил своих монахов,

отправил одних учиться, а других осваивать ремесла; а затем, будучи убежден, как и Лютер, что вынужденное безбрачие - это беспорядок, изобретенный людьми, и что брак - это Божий приказ, он взял жену. Аббат Валанса (говорит историк) был первым аббатом во Франции, который снял маску и показал себя открытым лютеранином. Его братья последовали примеру, который он им подал. Сьер де Орильоньер, сын старшего из них (барона де Куэ), был первым в семье, кто отдал свою кровь за протестантское дело. Так четыре брата, полные рвения к Реформации, подготовили для себя и своих детей жизнь, полную страданий, сражений и изгнания, но также веры, надежды и мира. [121]

=ОТПРАВЛЕНЫ ТРИ МИССИОНЕРА.=

Когда Кальвин увидел это движение жизни, происходящее вокруг него, он подумал о Франции. Осталась бы она позади Германии и Швейцарии?... Нет. Франция проснется... она уже пробуждается; вскоре она примет Евангелие во всей его святой чистоте и возрастет в нравственности, свете и свободе: таковы были его надежды. Но для их реализации были необходимы люди, которые, будучи возрожденными, должны были быть соработниками Бога в этом новом творении. Кальвин спросил себя, не были ли некоторые из обращенных Пуатье призваны к этой работе? Увы! какая маленькая компания для такого большого королевства! Как велика слабость Евангелия по сравнению с великолепием Рима! "Бог действует так, - сказал он, - чтобы лишить нас всякой гордыни. И поэтому он выбирает слабых из этого мира, чтобы посрамить сильных. Если железо краснеет в огне, - добавил он, - это значит, что его можно выковать". [122] Он хотел выковать его и сделать из него пригодные инструменты. Однажды, находясь на обычном собрании, он сказал: "Есть ли здесь кто-нибудь, кто хочет пойти и дать свет тем, кого папа ослепил?" [123] Жан Верну, Филипп Верон и Альбер Бабино выступили вперед. Кальвин не забыл Ангумуа, где у него были любимые друзья; туда и в соседние провинции он в первую очередь пошлет своих миссионеров и начнет евангелизацию Франции: "Ты, Бабино, отправишься в Гиенну и Лангедок", - сказал он; "Филипп Верон, ты отправишься в Сентонж и Ангумуа; а ты, Жан Верну, останешься в Пуатье и окрестностях". Кальвин и другие братья не думали, что этим миссионерам требуется регулярное богословское изучение; если бы они не получили необходимых даров от Бога, они могли бы остаться в Пуатье". ни больше, ни меньше, как если бы Он дал их Своей собственной рукой?" [124] Но их нужно было рекомендовать всемогущей милости Божьей. Поэтому они помолились вместе, и Кальвин призвал Господа принять услуги этих благочестивых людей. Он велел им идти и провозглашать Евангелие не от имени какого-либо человека, но во имя Господа и потому, что так повелел Бог. Был собран сбор на расходы этой миссии, и евангелисты отбыли.

Бабино, достигнув берегов Гаронны и войдя в Тулузу, решил в первую очередь обратиться к молодым дворянам, которые там учились. Образованный человек (он читал лекции в Пуатье об *институтах* Юстиниана), он был тверд, прямолинеен, ревностен в вере и в то же время очень мягок, так что его называли *Добрый товарищем* (Bonhomme). Он вывел на свет многих студентов. Затем он начал посещать несколько небольших стад по соседству и праздновал с ними Вечерю Господню так, как научил его человек Божий (как он называл Кальвина). [125] "Он ездил по стране, тайно молясь то здесь, то там в скромных собраниях". Регент или школьный учитель Ажена по имени Саррасин, разрешив ему говорить в своей школе, сам обратился в Евангелие и немедленно начал преподавать Слово Божье, но не для того, чтобы привлечь внимание.

Верон, который отличался такой же активностью, как Бабино своей мягкостью, также повсюду разносил весть об истине: он проработал на этом поприще более двадцати лет. [126] Он прошел пешком через Пуату, Анжу, Ангумуа, Сентонж и даже Гиенну. "Я желаю, - сказал он, - собрать заблудших овец Господних". Куда бы он ни пошел, он приглашал души прийти к доброму пастырю, *который отдает свою жизнь за овец*; и те, кто мог отличить голос пастуха от голоса волка и увидеть разницу между призывом Бога и выдумками людей, откликались и входили в стадо. И поэтому его называли Собирателем (*рамассер*). "По правде говоря, - сказал священник Кайер, - этот Собиратель выступает маршем и не покидает ни одного уголка нашей провинции, куда бы он не отправился на разведку, чтобы попытаться раздобыть какую-нибудь добычу". [127] По прибытии в любой город или деревню он расспрашивал наиболее настроенных людей, входил в их дома и пытался наставить их в истине. Он взял с собой несколько рукописей Кальвина, и когда хотел укрепить души своих слушателей, то доставал их из своей записной книжки и показывал, говоря, что это труды великого человека; а затем, прочитав несколько отрывков, аккуратно возвращал их на место. "*Собиратель*, - говорили ревностные католики, - рассматривает эти бумаги как великую диковинку, как если бы это были стихи Сивилл". [128]

=РЕФОРМА И МОЛОДЕЖЬ.=

Эти евангелисты особенно обращались к молодежи. Кальвин не допустил бы, чтобы религиозным обучением пренебрегали или подчиняли его светскому обучению: ему должно быть отведено отдельное место. Он считал, что любая культура, но особенно религиозное обучение, должно начинаться с ранней юности; что тогда душа обладает способностью получать и присваивать то, что перед ней поставлено, чего у нее никогда больше не будет; и что если семена религиозной жизни не будут посеяны и не прорастут в сердце ребенка, мужчина полностью погибнет. Он сказал трем евангелистам: "Пусть ваше первое внимание всегда будет приковано к профессорам и школьным учителям". [129] Ревностные католики соблюдали этот метод. "Смотрите! - говорили они, - поскольку молодежь легко сбить с пути истинного, они прячут *министра* под плащом *magister* (учителя)". [130] Друзья Кальвина таким образом внедрились свои доктрины в школы Гиенны. Сарразен обратил в свою веру другого школьного учителя по имени Вандосен, который стал настолько убежденным христианином, что предпочел быть сожженным на медленном огне отказу от кальвинизма. [131]

Люди, свято придерживавшиеся римских формул, были опечалены, когда увидели, что молодежь с такой готовностью принимает евангельское учение. В Бордо и Тулузе, в Ангуме и Адене, в монастырях, в судах и даже на рыночных площадях раздавались самые громкие жалобы. "*Эти меркурианцы* (название, которое они дали миссионерам Кальвина) творят много зла в школах", - сказали они. "Как только капитаны молодежи (то есть мастера) побеждены, маленькие солдатики маршируют под их знаменами. *Молодые* головы *молодых* людей легче беспокоит еретический *аконит*, чем старые. Они бросаются навстречу опасности, не рассматривая ее; и они теряются прежде, чем осознают это. Они принимают эти новые доктрины с таким мужеством, что многие, у кого есть только пушок на подбородке, подвергают себя добровольной смерти и таким образом теряют и душу, и тело". [132]

=РЕФОРМАЦИЯ И НАУКА.=

Пока Бабино и Верон пересекали юг, Джон Верну твердо держался в Пуатье и будил студентов. Реформация любит ученость: она смотрит на науку как на друга религии. Вера, говорится в нем, не требует от христиан знать только то, что познается верой, или не знать научно, чему они

должны научиться. Она желает, чтобы мы знали, и знали хорошо. Но, с другой стороны, она верит, что истинная наука не может требовать от адепта презрения к истинам, которые открывает вера. Для прогресса человечества важно, чтобы между верой и наукой всегда было хорошее взаимопонимание. И, соответственно, Реформация призывает их к объединению. К несчастью, разногласия возможны и даже легки. Философ и христианин с большой легкостью впадают в прискорбную односторонность, которая заставляет первого презирать религию, а второго - науку. Для того чтобы вера и наука искали друг друга и объединились, моральный элемент должен преобладать в тех, кто занимается и тем, и другим. Если она ослаблена, религия легко порождает фанатиков, а наука - неверующих: моральное оцепенение, сон совести - вот во все века великое и единственное объяснение этих двух прискорбных ошибок. Как только пробуждается совесть, как только в человеке зажигается этот святой свет, больше нет никакого фанатизма или недоверия. Таковы были мысли Кальвина. Его ученик Верну, подобно ему самому, пытался объединить веру с наукой в университете Пуатье и, как гласит история, посеял среди молодежи, посещавшей его, семена христианского учения.

Три миссионера Кальвина, Бабино, Верон и Верну, вскоре прославились на весь запад Франции, и гнев духовенства всех рангов и даже известных мирян не знал границ. Профессора колледжей выискивали в своих Гомерах оскорбительные выражения, чтобы обрушить их на этих глашатаев слова Божьего. "Эти три достойных апостола, - говорили они, - являются проводниками декретов архиеретика Кальвина и поджигателей Франции.... Посмотрите на них ... это люди, которые хотят преобразовать мир.... Жалкий Терсит, жалкий Ирус, итакийские нищие ... которые считают себя равными Аяксу и Ахиллесу.... Они родились вчера, как тыквы, и все же ведут свою генеалогию, как будто произошли от апостолов!" Улисс, как мы знаем, убил нищего Ируса ударом кулака. Эти презрительные и ожесточенные критики помнили об этом и надеялись, что короли Франции нанесут смертельный удар Реформе. Они нанесли удар, но протестантизм не был побежден.

Впоследствии, когда Кальвин обосновался в Женеве, Бабино, Верон и Верну нанесли ему визит. Они были рады видеть, что профессор-христианин окружен уважением, и никогда не уставали слушать его, из уст которого они слышали в Пуатье первые слова жизни. Однако они не остались с ним. Бабино и Верон вернулись на запад Франции, чтобы продолжать распространять там Евангелие, чем и занимались до самой своей смерти. Что касается Верну, то он был схвачен при переходе через горы Савойи и заживо сожжен в Шамбери, исповедуя Иисуса Христа своим Спасителем. [133] Вернемся в Пуатье.

=КАЛЬВИН ПОКИДАЕТ ПУАТЬЕ.=

Приор Труа-Мутье, у которого остановился Кальвин, был одним из тех, кто, хотя и любил науку и Евангелие, не хотел порывать с Церковью. Беседы в Бас-Трее, "мандукации" в пещерах Святого Бенедикта, евангелизация города и страны ... все это вызывало у него беспокойство. Он был встревожен мыслью, что когда-нибудь офицеры могут постучать в его дверь и что *еретика* схватят в его доме. Поэтому он посоветовал Кальвину продолжать свой путь. Реформатор выполнил свою задачу; теперь ему предстояло повернуть в другое место; он попрощался со своими друзьями. Расставаясь с ними, он мог бы сказать, подобно своему Хозяину: *Что мне делать, если огонь уже разожжен?* Кальвин установил дату Реформации в Пуатье, когда, обращаясь позднее к Церкви, собравшейся в этом городе, он сказал: "Не отклоняйтесь от учения, которое вы получили *частично от нас*, поскольку Богу было угодно использовать *наш*

труд для вашего спасения". [134] Хотя он и был удален, он все еще продолжал быть главой этой Церкви. "Я прекрасно знаю, что за вами *шпионит* враг, - писал он им. - но пусть страх преследований не мешает вам искать пастбища жизни.... Существует средняя грань между безрассудством и робостью.... Оставайтесь спокойно (*в согласии*) в своем убежище; но берегитесь, братья мои, чтобы вам не затворить дверь перед теми, кто желает прийти в Царствие Божие". [135]

Одна мысль занимала его, когда он покидал Пуатье. Шел апрель 1534 года; 10 июля ему исполнилось бы двадцать пять лет. Устав Церкви, подтвержденный Тридентским собором, установил этот возраст как возраст, в котором те, кто принял постриг, были возведены в сан священника. В ранней юности он принял постриг, этот символ священной царственности, позаимствованный (по словам святого Иеронима) у языческих жрецов Исиды и Сераписа; [136] и теперь его возраст требовал от него вступления в священный сан. Он не нуждался в друзьях, которые советовали ему остаться в Церкви для ее реформирования; его ждали часовня Гезине в Нуайоне и кюре в Понт-л'Эвеке, и перед ним откроются многие другие двери. Его пригласили прийти и привести себя в надлежащий порядок. Но Кальвин в тревоге отшатнулся от мысли записаться в солдаты папы. "Если я стану вассалом папы, - сказал он, - как я смогу добросовестно сражаться против папистов?"... Суверенное величество Бога было бы оскорблено!... Я скорее отказался бы не только от одного бенефиса, но и от сотни, даже от самых блестящих. [137] О проклятое богатство Церкви! Из них нет ни единого пенни, который не был бы осквернен мошенничеством, святотатством и грабежом!" Не было такого церковного достоинства, к которому не мог бы стремиться столь выдающийся административный ум. Но Кальвин был убежден, что для спасения Церкви необходимо пожертвовать Римом. Перед ним лежали два пути: один широкий и легкий, другой узкий и трудный: его выбор не вызывал сомнений. "Евангелие, - сказал он, - это больше, чем все богатства, почести и легкость этого мира.... Я готов отказаться от всего, что отвлекает меня от этого".

Кальвин покинул Пуатье в сопровождении своего верного Дю Тийе, который в течение двух лет почти не покидал его. Молодой каноник был одной из тех честных, но слабых натур, которые абсолютно нуждаются в поддержке и, не зная, как найти ее в слове Божьем, ищут ее в сильных мужчинах. Поэтому он привязался к молодому реформатору, как виноградная лоза к вязу. Увы! должен был наступить день, когда, напуганный преследованиями и неспособный решиться порвать с Церковью, он будет цепляться за папство и принимать его за свою поддержку.

=ВПЕЧАТЛЕНИЕ, КОТОРОЕ ОН ПРОИЗВЕЛ В ПУАТЬЕ.=

В Пуатье произошла удивительная трансформация, и Кальвин оставил после себя много сожалений и слез. "О! молю Бога, чтобы у нас было много кальвинов!" - писал Шарль де Сте. Марта, одна из профессоров университета. "Я огорчен, что вас забрали у нас; я завидую стране, в которой вы находитесь, и моим единственным утешением является то, что наш университет теперь наполнен благочестивыми и образованными людьми. Молитесь Богу, чтобы Духом Христовым мы могли достойно провозглашать Евангелие среди наших врагов и даже среди пламени". [138]

Кальвин проехал через Орлеан, направился в Париж, а затем направился в Нуайон, куда прибыл в начале мая. Он немедленно сообщил своим родственникам и епископу, что пришел сложить с себя полномочия. Можно представить изумление его друзей. Что? упустил возможность сделать так много хорошего в Церкви! Отказаться от важных должностей, чтобы

присоединиться к малоизвестной секте! Это казалось поступком безумца; но ничто не могло поколебать его непоколебимой решимости.

В понедельник, 4 мая 1534 года, в присутствии великого викария монсеньора епископа и графа Нуайонского, его канцлера и нотариуса капитула Кальвин отказался от капеллы Гезине в пользу магистра Энтони де ла Марльера и своего кюре в пользу другого священнослужителя Нуайона. Похоже даже, что в то же время он продал свою родовую собственность. [139]

Порвав последние узы, связывавшие его с Римской церковью, Кальвин начал с большей свободой говорить окружающим о Евангелии.

Он нашел в доме своего отца двух братьев и сестру, Энтони, Чарльза и Мэри: это были первые люди, которых он пригласил ко Христу в нежных и благочестивых беседах. Затем он обратился к некоторым представителям епископального духовенства и другим жителям Нойона. Он положил руку (по его собственному выражению) на тех, кто бежал в другом месте, "чтобы остановить их". Энтони и Мэри были первыми, кто ему ответил. Чарльз сопротивлялся дольше; однако в то время в его сердце зародилось семя, которое впоследствии дало всходы.

Каноник по имени Анри де Коллемон, несколько других священнослужителей и несколько горожан, по-видимому, прислушались к благочестивым и красноречивым словам своего молодого соотечественника. Однако ему не терпелось вернуться в столицу, и примерно в конце мая он был в Париже, где его ждали новые испытания.

[116] Théodore de Bèze, *Hist. des Eglises ref.* i. p. 63.

[117] Lièvre, *Hist. des Protestants du Poitou*, i. p. 38.

[118] 'Hic Calvino in ecclesiæ navi suæ perversa dogmata prædicare permisit.'—*Gallia christiana* in loco. См. также Lièvre, стр. 38.

[119] Флор. Rémond, *Hist. Херес.* vii. стр. 919.

[120] Там же.

[121] Эта семья считала, что даже в наши дни мужчины принимают решения в пользу Евангелия. Хорошо известно интервью Армана-Луи де Сен-Жоржа, графа де Марсе, с Вольтером в его замке Шанген, недалеко от Женевы. Назначенный британским резидентом в этом городе в 1717 году, он приобрел права гражданства (*протестантской Франции при Святом Георгии*). Нынешний глава семьи, граф Александр де Сент-Джордж, в течение многих лет президент Евангелического общества Женевы, принимал активное участие в освобождении Мадии и в других христианских делах.

[122] 'Calvinus interim, ferrum sibi in igne esse intelligens.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 253.

[123] 'Ut miseris papistis oculos aperiendi provinciam susceperint.'—Ibid.

[124] Calvin, *Harmonie évangélique*.

[125] 'Manducationem quæ a viro illo Dei tradita erat celebrabat.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 252.

[126] Там же. lib. vii. cap. xii.

[127] Флор. Rémond, *Hist. Херес*. vii. глава xii.

[128] Там же. глава xi.

[129] Там же.

[130] Там же.

[131] Флор. Rémond, *Hist. Херес*. библиотека. vii. глава. xi.

[132] Там же. глава xi.

[133] Crespin, *Martyrol*. A. Lièvre, *Hist. des Protest. du Poitou*.

[134] Calvin à l'Eglise de Poitiers, *Lettres Françaises*, tom. ii. p. 12. See also Lièvre, *Hist. des Prot. du Poitou*, tom. i. p. 33.

[135] Calvin aux fidèles de Poitiers, *Lettres Françaises*, i. p. 433.

[136] 'Rasis capitibus sicut sacerdotis Isidis atque Serapidis.'—Hieron. xiii. в книге Пророка Иезекииля. глава. xliv.

[137] 'Optimis et splendidis sacerdotiis, se protinus abdicat.'—Calvini *Opusc. lat.* p. 90.

[138] Письмо Святой Марты от Кальвина, найденное Жюлем Бонне в библиотеке в Готе (рукопись № 404).

[139] Desmay, *Vie de Calvin hérésiarque*, pp. 48, 49. Levasseur, *Annales de Noyon*, pp. 1161, 1168. Дрелинкорт, стр. 171. У нас есть документ, согласно которому Кальвин продает одному из королевских конных сержантов свое поле в Тюильри за 10 турских ливров.

ГЛАВА VII.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ ПАРИЖА В 1534 ГОДУ.

(Лето 1534 г.)

=РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ ВО ФРАНЦИИ.=

КАЛЬВИН нашел Париж совсем не таким, каким он его оставил, когда покидал его в такой большой спешке восемь месяцев назад. Времена казались благоприятными для Проповеди Евангелия. Король Англии, хотя и оставался католиком в душе, решил освободиться от власти Рима: это событие произвело большую сенсацию по всей Европе, и люди спрашивали, не будет ли Франциск I подражать "своему доброму брату". Казалось, он был недалек от этого. В то время он объединялся с протестантскими князьями Германии, восстанавливал одного из них в своих государствах и излагал французскому духовенству символы веры, составленные автором *Исповедания Аугсбургского*. Кальвин знал об этих странных действиях монарха, и отчасти это побудило его вернуться в Париж. Франциск I был не единственным человеком во Франции, который почувствовал новые устремления. Во всех классах существовала склонность к реформации. Ученые призывали к свободе мысли и желали, чтобы правлению монахов

пришел конец. Некоторые государственные деятели хотели избавить Францию от порабощающего влияния Рима, даже сохранив ее католицизм. Уильям дю Белле, самый активный министр короля, назвал Буцера реформатором, "превосходным профессором лучшего богословия"; [140] и написал ему: "Все внушает нам надежду: вкус короля к лучшему обучению (то есть к Священному Писанию) растет день ото дня". [141] Сам Буцер, который был полон надежд, поделился этим со своими друзьями: "Правление папы во Франции идет на спад, - писал он, - и многие люди тоскуют по Иисусу Христу". [142] Духовенству стало не по себе, и монах-францисканец пожаловался, что "ересь Лютера, проникнув во Францию, уже распространилась так широко, что даже в Париже можно назвать себя ее владычицей". [143] Дворяне и литераторы, горожане, студенты и многие представители низших классов приветствовали Реформацию как начало нового дня. "Все, у кого есть хоть капля здравого смысла, - было сказано, - независимо от их возраста или пола, когда они слышат проповедуемую истину, оставляют фанатизм".

Таковы были обстоятельства, при которых Кальвин поселился в Париже в доме своего друга Лафоржа, у вывески *Пеликан*, на улице Сен-Мартен. Благочестивый торговец и его жена приняли его с самым сердечным гостеприимством и, опасаясь, как бы он снова не подвергнул опасности жизнь, столь драгоценную для Церкви, они заклинали его не слишком доверять тому, что говорилось о нравах короля, и остерегаться публичного преподавания, если он не хочет рисковать своей жизнью. [144] Пламя преследования, которое казалось потухшим, могло вспыхнуть снова в любой момент.

=МУЧЕНИЧЕСТВО В ПУАНТЕ.=

Одно мученичество, о котором ему рассказали во всех подробностях, было хорошо рассчитано для соблюдения этих правил благоразумия. Кальвин не нашел в Париже того сильного и решительного христианина, хирурга Пуанте, которого он часто видел на собраниях. [145] Монахи, которых этот смелый человек так сурово отчитал за их безнравственность, подняли против него шум; Леклерк, священник Сент-Андре-де-Ар, подал на него в суд; он был заключен в Консьержери и приговорен к сожжению после того, как был задушен. Это была очень дорогая плата за уроки морали, которые он преподавал монахам. Перед часом казни тюремщик отвел его в тюремную часовню и оставил там с монахом перед образом. Духовник начал увещевать его: "Преклони колени перед этим образом и проси прощения за свои грехи". Видя, что кающийся остается неподвижным, он схватил его за шею, чтобы поставить на колени. Но Пуанте, который от природы обладал "вспыльчивым нравом", грубо оттолкнул монаха, сказав: "Сатана, убирайся и не искушай меня стать идолопоклонником". Смущенный и разгневанный исповедник поспешно выбежал из часовни и, направившись в палату по уголовным делам, рассказал президенту и двум его заседателям о случившемся и умолял их прийти и образумить этого человека. "Он безумец, он не в своем уме", - восклицали судьи, сопровождая исповедника. Эти трое людей, которые только что приговорили Пуантета к удушению, повторив приглашение, которое дал ему монах, заключенный, раздраженный этим преследованием, обошелся с ними так же, как он обошелся с монахом; он назвал их "кроважадными негодяями, убийцами, грабителями, которые несправедливо и вопреки всякой причине предадут смерти детей Божьих!" Трое судей, в свою очередь взволнованные и напуганные, поспешили обратно в суд, и там, разгоряченные страстью, они ужесточили приговор, добавив, что Пуантет должен получить свое. ему отрезали язык, прежде чем с ним сделали что-либо еще. Разве этот язык не назвал их убийцами? Все надеялись, что теперь он

покажет себя более сговорчивым, но они ошиблись. Стойкий христианин не мог говорить, но он отказался подать малейший знак отречения и склонить голову перед образом. Враги истины (как называет их хроника), видя это, прибегли к новому ужесточению приговора: они приговорили его к сожжению заживо, "что было сделано настолько жестоко, насколько они могли придумать". Эта смерть произвела глубокое впечатление на умы евангельских христиан Парижа. [146]

Кальвин, уступив советам своих друзей, решил заменить проповеди на собраниях "частными наставлениями" и начал с посещения смиренных христиан, о которых он слышал у Ла Форжа.

=ПАРАЛИТИК.=

На улице, проходившей между двумя воротами судебных органов, находилась лавка сапожника. Войдя в него, никто не увидел никого, кроме бедного горбуна, искалеченного во всех конечностях, кроме языка и рук. Это парализованное существо было сыном сапожника по имени Бартоломью. "Увы! - сказал его отец Роберт Милон тем, кто выразил свое сочувствие при виде этого зрелища. - он не всегда был таким; в молодости он был совсем другим человеком, наделенным превосходными способностями как тела, так и ума". [147] На самом деле, Бартоломью когда-то был самым красивым мужчиной прихода, очень умным, полным живости и воображения. Он злоупотребил этими дарами; он последовал своему страстному нраву и пустился в жизнь, потакая всем похотям молодости, безрассудным увлечениям и другим видам распущенности, которыми молодые люди охотно оскверняют себя. Постоянно увлекаемый своим порывистым нравом, он в равной степени искал удовольствий и ссор, он бросался в самую гущу борьбы, как только возникал какой-либо спор, и проявлял несравненную безрассудность во всех своих спорах. Он устраивал балы и концерты, презирал дела Божьи, выставлял священников на посмешище и смеялся над благочестивыми людьми. Все в квартале говорили о Бертло (так его звали) и о его подвигах; одни с восхищением, другие со страхом. Все молодые люди смотрели на него как на своего лидера.

=ОБРАЩЕНИЕ МИЛОНА.=

Однажды, легкомысленно предаваясь своим обычным развлечениям, он упал и сломал ребра. Поскольку он не применял никаких лекарств, болезнь усугублялась; различные части его тела "мало-помалу умирали", и он был полностью парализован. Какая перемена в его жизни! Бедный Бартоломью, который так гордился своей красотой, теперь стал слабым, сломленным, лишенным конечностей, неспособным больше общаться со своими друзьями, и был вынужден целыми днями торчать в лавке своего отца. Он был глубоко огорчен не только сильными болями, которые испытывал, но еще больше видом своего уродства. Сидя у окна, он не находил другого развлечения, кроме как наблюдать за прохожими, и, поскольку настроение у него было все то же, или, скорее, испорченное пережитыми несчастьями, он не скупился на сарказмы. Однажды, увидев одного из евангелистов, проходящего мимо магазина, он начал оскорблять его и "насмехаться над ужасным величием Бога". — "Холлоа! Лютеранин! - крикнул он, добавляя всевозможные колкости. Христианин остановился; он был тронут, когда увидел жалкое состояние несчастного человека, который оскорбил его, и, подойдя к нему, ласково сказал: "Бедняга, почему ты насмехаешься над прохожими? Разве ты не видишь, что Бог согнул таким образом *твое тело*, чтобы выпрямить твою душу?" [148] Эти простые слова поразили Милон: он никогда не думал, что его *душа* была *искривлена* так же, как и его тело. "Неужели это правда, - спросил он, - что Бог обрушил на меня все эти несчастья, чтобы исправить свое

заблудшее создание?" Он прислушался к лютерану, который поговорил с ним, и дал ему Новый Завет, сказав: "Взгляни на эту книгу, и через несколько дней ты скажешь мне, что думаешь о ней". Милон взял Евангелие, открыл его и, начав, как говорит хронист, "вкушать плоды этого чтения, продолжал заниматься им день и ночь". Этого небольшого томика было ему достаточно: он не нуждался ни в каком учителе. Меч Слова Божьего пронзил до глубины его сердца, и его прошлая жизнь ужаснула его. Но Евангелие утешило его: "Оно было для него подобно громкой трубе, возвещающей хвалу благодати Христовой". Милон нашел Спасителя: "Милость была явлена мне, - сказал он, - для того, чтобы любовь Божья, прощающая величайших грешников, была установлена как бы на холме и была видна всему миру". Теперь у него были ограничения, которые сдерживали его и не позволяли ему "предаваться оскорблениям, ссорам, пререканиям, пререканиям и раздорам". Волк превратился в ягненка. Бартоломью делился богатствами, которые он нашел в книге Божьей, со своим отцом, другими членами своей семьи и со всеми покупателями, посещавшими лавку сапожника. В Париже не было ни одного зала, который предлагал бы зрелище столь интересное и разнообразное одновременно.

Христианское милосердие Варфоломея стало таким же неисчерпаемым, каким когда-то было его житейское мастерство в изобретении развлечений. Он полностью посвятил Богу ту неугомонную деятельность, которую расточал миру. В определенные часы дня бедный молодой человек, "не имеющий себе равных в искусстве письма", собирал соседских детей вокруг своей кровати и диктовал им несколько слов из Библии, уча их правильно составлять буквы. В другое время он думал о нуждах бедных и усердно трудился собственными руками: "гравировав аквафортисом ножи, кинжалы и лезвия мечей", он выполнил много необычных вещей для ювелиров. Он потратил доходы от своего труда на поддержку нескольких нуждающихся людей, которые обладали знанием Евангелия. У него также был прекрасный голос, и он играл на нескольких инструментах "с исключительной грацией"; соответственно, каждое утро и вечер он посвящал во славу Господа те дары, которые он раньше посвящал удовольствиям, сопровождая себя во время исполнения псалмов и духовных песнопений. Люди приходили со всех концов в этот магазин, расположенный в центре Парижа: одни приходили "из-за превосходных и редких вещей, которые он делал"; другие "навещали его, чтобы послушать его пение". Многих привлекла большая и внезапная перемена, произошедшая в нем. "Если Бог даровал мне эти дары, - сказал бедный паралитик, - то это для того, чтобы во мне возвеличилась Его слава". Он кротко учил смиренных принимать Евангелие, и если появлялись лицемеры, "он отводил их в сторону и обрушивал на них Божьи молнии". "Короче говоря, - добавляет хронист, - его комната была настоящей школой благочестия, днем и ночью в ней звучала слава Господня".

=ДЮ БУР И ВАЛЕТОН.=

На некотором расстоянии от этого места, но недалеко от магазина Де ла Форжа, у входа на улицу Сен-Дени, на углу бульвара, находился большой магазин тканей "*Черная лошадь*", принадлежавший Джону дю Бургу. Этот торговец был человеком независимого характера, которому нравилось видеть, понимать и судить самому: он никогда не посещал школы и даже не общался с евангелистами, но, несмотря на все это, говорится в хронике, ему не было отказано в мудрости с небес. Посредством Священного Писания, которое он постоянно читал и в котором смиренно искал истину, он получил от Бога знание о тех "благих вестях, которые (как было сказано) мудрые не могут получить своей собственной мудростью". Немедленно он начал распространять их вокруг себя с неутомимой активностью, которая удивляла его соседей. "Тот пыл, который вначале производит большое впечатление, - говорили некоторые из его

родственников, - скоро рассеется в дыму, как костер из пакли, как гласит пословица". Они ошибались; это Слово запало ему в сердце и пустило там такие глубокие корни, что его невозможно было вырвать. Священники плели интриги, родственники шумели, клиенты покидали его, но "ни деньги, ни родственники никогда не могли отвратить его от истины". [149]

В то время как его старые друзья отдалялись, к нему приближались новые. Получателя из "Нанта" по имени Питер Валетон часто видели заходящим в его магазин. Как и Дю Бур, он был "человеком здравомыслящим и честным", но в то время как торговец получил наставления от Святого Духа в уединении, получивший их пришел к познанию Евангелия "благодаря некоторым хорошим людям, с которыми он общался", [150], а затем изучение Нового Завета утвердило его веру. На этом он не остановился. Находясь в стесненных обстоятельствах и любя книги, он скупал все труды реформаторов, какие только мог раздобыть. Если бы таковая нашлась в подсобке у любого книготорговца, он бы схватил ее, немедленно заплатил за нее, спрятал под плащом, опасаясь, что книгу увидят, и поспешил бы с ней домой. Придя в свою комнату, он клал его на дно большого сундука, ключ от которого всегда носил с собой. Затем, как только у него выдавалась свободная минутка, он закрывал дверь, снова открывал сундук, доставал драгоценную книгу и жадно читал ее. Он прислушивался, не идет ли кто-нибудь, потому что, хотя он был верующей душой, он все еще был слаб в вере и боялся костра.

Все эти благочестивые люди радостно приветствовали тех, кто проявлял хоть какую-то любовь к Евангелию. Иногда на их встречах присутствовал пикардийский дворянин по имени Джон ле Граф, принадлежавший к семейству Эмираль де Бонниве, вдовы знаменитого фаворита Франциска I. Он родился в Этапле в 1500 году, присоединился к Лефевру, своему земляку, последовал за ним на службу к Брисонне и оставил его только для того, чтобы войти в семью мадам де Бонниве в качестве наставника ее троих сыновей. Постоянно посещая собрания маленькой Церкви, он часто выступал на них, и все ценили его знание Священных Писаний (он мог читать их на иврите), его здравую теологию и его талант излагать истину. Мы снова встретимся с ним в Швейцарии.

=GIULIO CAMILLO.=

Еще один довольно необычный человек привлек внимание собравшихся своим смуглым цветом лица, мрачным взглядом и таинственным видом. Это был знаменитый итальянец Джулио Камилло из Форли (в Штатах Церкви), философ, оратор, поэт, астролог, филолог и мифолог, обладавший большими способностями в каббалистической науке, [151] который притворялся, что общается с элементарными существами, и сорок лет трудился над созданием машины в форме театра, полной маленьких ниш, в которых он разместил все наши способности и многое другое помимо этого, и с помощью которых он притворялся, что обучает всем наукам. Франциск I. пригласив его в Париж, Камилло показал ему и объяснил свою замечательную машину, от которой король пришел в восторг и подарил ему 500 дукатов. Хотя он был молчалив и мечтателен, он искал общества благочестивых людей. Палеарио говорит о нем в своих письмах, [152] и в Париже он сблизился со Штурмом, который охотно принимал в своем доме ученых всех стран. Последний был очарован, увидев, что ученый, приглашенный королем из Италии и о котором говорил весь мир, склоняется к Евангелию; и однажды, написав Буцери, он сказал: "Камилло исповедует не только глубокую науку, но и замечательное благочестие.... Бог часто совершает что-то с помощью людей такого сорта; которые, когда их воля равна средствам, становятся великими образцами". [153] Камилло постучал в дверь и вошел, когда Штурм писал.

Штурм показал ему письмо, и итальянец написал внизу: "Молю Бога, чтобы мой разум был в моих руках или чтобы он мог выйти из-под моего пера!... Если бы вы могли его увидеть, вы бы, несомненно, признали его своим". [154] Похоже, что Камилло был обманут. Он был человеком оригинального ума, стремящимся изучать все новое, включая Реформацию; но в нем было какое-то шарлатанство. Если его знаменитая машина ничего не сделала для прогресса науки, она увеличила его состояние, что в его глазах было компенсацией. Кальвин был им доволен меньше, чем Штурм; орлиный взор реформатора не обманулся. За мрачным видом итальянца, казалось, скрывалось какое-то неверие или ересь. "Если духовная радость не царит в наших сердцах, - сказал он, - то Царства Божьего нет в нас". [155]

Многие другие известные люди посещали друзей Евангелия в Париже; среди них были Де Фоссет, впоследствии генерал-лейтенант Берри, Жак Канайе, впоследствии известный адвокат в парламенте, а также другие юристы, дворяне, королевские слуги, торговцы и профессора. Преследования сделали их известными, и нам придется назвать многих из них среди изгнанников и мучеников. [156]

Помимо этих взрослых мирян, на евангелических собраниях было замечено несколько ученых или студентов. Среди них был мальчик из Мелена по имени Жак Амьо, "очень низкого происхождения", как говорит Беза, подобранный на улицах Парижа дамой, которая, желая привлечь его к ответственности, заставила его сопровождать ее сыновей в колледж и носить их учебники. Амиот, которому суждено было стать одним из самых знаменитых писателей того времени, вскоре проявил замечательные способности к греческой литературе; он даже научился кое-что понимать в Евангелии. Впоследствии ему предстояло измениться, подчиняться приказам, забыть то, чему он научился, и даже стать "очень жалким гонителем"; [157] но в то время его считали другом нового учения.

Однако именно простые люди были самыми многочисленными на этих собраниях. Один из них, Анри Пуайль, бедный каменщик из деревни недалеко от Мо, однажды рассказал другу, "что он пришел к познанию истины в школе Мо благодаря епископу Брисонне". Увы! - добавил он. - с тех пор епископ был побежден врагами креста".

Даже самые нуждающиеся люди были активны в добрых делах. Бедная женщина по имени Кателле стала учительницей школы из любви к детям. "Было бы слишком жестоко, - сказала она, - лишать людей нежного возраста Божьей милости!"

Но из всех этих христиан-евангелистов Парижа ни у кого не было большего рвения, чем у Де ла Форжа. "Он никогда не жалел своего имущества для бедных", - говорит хронист. [158] Он приказал напечатать Библию за свой счет и вместе с милостыней, которую раздавал, всегда добавлял доброе слово, а часто Евангелие или какую-нибудь другую благочестивую книгу.

=ХАРАКТЕРИСТИКА КАЛЬВИНА.=

Однако Кальвину не все в Париже нравилось в равной степени. Он охотно оценил красоту города, но пришел в ужас, увидев страшные пропасти и (как он их называл) "глубины ада" бок о бок с его великолепными дворцами. Он почувствовал "крайнюю печаль" при виде этого. В то время по всему миру совершалось огромное движение. Подобно тому, как весеннее солнце возвращает семена, посеянные в землю, — как плевелы, так и добрые семена, — солнце

свободы, которое начинало светить, оживляло не только ростки истины, но иногда и ростки заблуждения. Душа Кальвина была глубоко опечалена этим; но он не стоял на месте. Он получил от Бога призыв выступить против всех ложных доктрин и готовился это сделать. Это одна из главных черт его характера. До последнего он боролся с гордыней тех, кто хочет знать все; с яростью на тонкости, мистические притязания, безнравственность, унитарные доктрины, деизм, отрицающий сверхъестественное, а также пантеистические и атеистические теории. В Париже он столкнулся со всеми этими отклонениями. Его главным средством борьбы с заблуждениями было выдвижение истины; однако иногда он считал полезным вести беседы и даже совещания со своими противниками, из которых мы увидим несколько примеров.

[140] 'Melioris theologiæ professor eximius.'—Strasburg MS. (20 июня 1534 г.).

[141] 'Etiam rex ipse, cujus animus erga meliores litteras in dies magis ac magis augetur.'—Ibid.

[142] 'Pulchre inclinabat regnum Papæ in Gallia. Ad Christum multi adspirabant.'—Ibid.

[143] 'S'y était fait place déjà fort large, jusqu'à presque se dire maitresse, même de Paris.'—Fontaine, *Hist. кэм. de notre Temps*, (Paris) p. 188.

[144] 'Magnum vitæ periculum.'—Beza, *Vita Calvini*.

[145] См. Том II этой истории, bk. ii. глава. xxxii.

[146] Crespin, *Martyrol*. fol. 107 verso.

[147] Crespin, *Martyrol*. fol. 112 verso.

[148] Креспен, *Мартироль*. фол. 113.

[149] Crespin, *Martyrol*. fol. 113 verso.

[150] Там же, стр. 113.

[151] Tiraboschi, *Lettere italiane*, vii. p. 315.

[152] Palearii *Op.* lib. i. ep. xvii.

[153] 'Per ejuscemodi homines, sæpe Deus aliquid facit, qui quum quantum possunt tantum velint, magno solent esse exemplo.'—Strasburg MS. Schmidt, G. *Roussel*, p. 220.

[154] 'Utinam animus esset nunc in manibus atque in calamo.'—Ibid.

[155] Кальвин, в *Первом Послании. ad Thessal.*

[156] См. Ниже, главу xi.

[157] Th. de Bèze, *Dict. Экллз.* стр. 11. *Протестантская Франция*, ст. Амьо.

[158] Креспен, *Мартироль*. фол. 113.

ГЛАВА VIII.

ПЕРВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАЛЬВИНА С ЛИБЕРТИНАМИ И СЕРВЕТОМ.

(Лето 1534 г.)

ДЕ ЛА ФОРЖ охотно принимал всех благочестивых незнакомцев, посещавших Париж. Однажды Кальвин увидел за столом своего друга некоторых людей, в которых, как ему показалось, было что-то необычное. Его глаза были прикованы к ним, и он пытался их разглядеть. Один из них, по имени Коппен, из Лилля, человек из народа, необразованный, но обладавший смелостью, превышающей его невежество, повысил голос, изобразил нравоучительный стиль и говорил как оракул. "Поистине, - сказал Кальвин, - у дурака никогда не бывает сомнений". Чуть дальше сидел Квинтин из Эно, который, казалось, был более образован и, безусловно, более хитер. Он напускал на себя вид превосходства, говорил внушительным тоном и, выражаясь двусмысленно, придавал себе вид пророка. "Последний кажется мне большим мошенником", - сказал о нем Кэлвин. [159] Квинтена обычно сопровождало несколько учеников, невежественных и фанатичных людей, которые повторяли все, что он говорил; это были Бертран де Мулен, Клод Персеваль и другие. Эти смелые и предприимчивые сектанты, не имея ничего и никогда не работая, повсюду высматривали какого-нибудь добродушного человека, который поддерживал бы их в праздности, снабжая съестными припасами и выпивкой. Они прокрались в дом кроткими соблазнительными путями, поначалу не выставляя напоказ свои особые доктрины, приберегая их только для посвященных. Они стремились привлечь на свою сторону всех, кто их слушал, и с этой целью постоянно говорили о Святом Духе и пытались заставить людей поверить, что они Его апостолы. Простые души позволили поймать себя. Они бы поверили, что совершили непростительный грех, если бы не смотрели на этих людей как на святых.

=СПИРИТУАЛЫ Или РАЗВРАТНИКИ.=

Однажды, когда у Де ла Форжа была большая вечеринка, Квинтин начал публиковать свои доктрины. О чем бы ни шла речь, дух проявлялся немедленно. Кальвин потерял всякое терпение: "Вы похожи на тех деревенских священников, - сказал он, - которые, имея в своей церкви всего одно изображение, заставляют его служить пяти или шести святым. Он либо святой Иаков, либо святой Франциск, либо святой Василий, и священник получает столько подношений, сколько есть святых". [160] Иногда, однако, эти "спиритуалисты", как их называли, выдавали себя и позволяли своим фанатичным взглядам выскользнуть наружу. "Духов не так много, - сказал Квинтин, - есть только один дух Божий, который есть и живет во всех созданиях. Именно этот единственный дух совершает все; [161] у человека нет воли, не больше, чем если бы он был камнем". [162]

Такой язык удивил Кальвина. Он исследовал странных пророков и обнаружил в них несколько серьезных ошибок. "Святой Дух - наш разум, - говорили одни, - и этот Дух учит нас, что нет ни осуждения, ни ада". — "Душа, - говорили другие, - материальна и смертна". — "Бог есть все, - говорил Квинтин, - и все есть Бог". Безнравственные доктрины сочетались с этой системой. Совесть Кальвина была в ужасе: он восстал с целью разрушить изъеденный червями каркас, который люди возвели вокруг храма Божьего, а теперь опрометчивые руки осмелились разрушить сам храм. Он хотел разрушить суеверные традиции столетий только для того, чтобы поставить на их место Божественные истины апостольских времен; и внезапно он оказался лицом к лицу с людьми, которые не желали никакого другого Бога, кроме природы, и

хотели превратить мир в бескрайнюю пустыню. Кальвин отделился от Рима не для того, чтобы быть менее христианином, а для того, чтобы быть им в большей степени. Поэтому он решил напасть на тех, кто под покровом протестантизма скрывает тайны веры; бороться с одинаковой суровостью как с папой римским, так и с сектантами, и если бы он взялся уничтожить людские басни, то еще больше постарался бы сохранить откровения Божьи. Если бы Лютер не воскликнул, говоря об этих потенциальных спиритуалистах: "Это дьявол стремится отвратить вас от истины.... Повернитесь спиной к разгильдяям!" [163] Различные обстоятельства, которые тогда происходили на глазах Кальвина, заставили его яснее понять необходимость противостоять этим угрожающим доктринам с предельной энергией.

=УБИЙСТВО И КРАЖА.=

Однажды на улицах Парижа был убит человек; вокруг его тела собралась огромная толпа, и благочестивый христианин воскликнул: "Увы! кто совершил это преступление?" Квинтин, который тоже был там, немедленно ответил на своем пикареском *нареции*: "Раз вы хотите знать, это был я!" Другой сказал ему с удивлением: "Что? как ты мог быть таким трусом?" "Это был не я, это был Бог". "Что? - воскликнул мужчина. - Ты вменяешь Богу преступление, за которое Он наказывает?" Затем несчастный, "выпуская свой яд более обильно", продолжил: "Да, это ты, это я, это Бог; ибо то, что делаешь ты или я, это делает Бог; и то, что делает Бог, делаем мы". [164] Другое аналогичное обстоятельство произошло в доме друга Кальвина. У де ла Форжа был слуга, которому он платил высокое жалованье; этот человек ограбил своего хозяина и сбежал с деньгами. Сапожник из соседнего района, разделявший мнение Квинтина, зайдя в лавку в тот же день, обнаружил, что торговец очень встревожен: "Человек, совершивший такой подлый поступок, - сказал он, - может легко воспользоваться моим кредитом и занять от моего имени". После чего, как рассказывает Кальвин, сапожник немедленно начал махать крыльями и взмыл в облака, восклицая: "Богохульствует Бог, называя этот поступок подлым; ... видя, что Бог делает все, мы не должны считать ничего плохого". Несколько дней спустя этот философ сам был ограблен слугой. Немедленно забыв все свои духовные познания, он выбежал из дома "как сумасшедший" на поиски вора и, добравшись до дома Де ла Форжа, не скупился на оскорбления в адрес преступника. Де ла Форж иронически повторил ему его же собственные слова: "Но вы обвиняете Бога, - сказал он, - поскольку это сделал Он". Сапожник смущенно улизнул, "как собака, поджавшая хвост". [165]

=ЛОЖНАЯ СВОБОДА СПИРИТУАЛИСТОВ.=

Состязание начал Кальвин. Он боролся с этими мнимыми спиритуалистами не философией, не умозрительными рассуждениями и не апологетикой. "Бог, - сказал он, - достаточно просвещает нас в Писании; именно наше незнание их досконально является причиной и источником всех ошибок". [166] Он набросился на Квинтина и сильно надавил на него. Он процитировал Божьи заповеди против воровства и убийства: "Вы называете Бога нечистым, - сказал он, - вором и разбойником, [167] и добавляете, что в этом нет никакого вреда. [168] Кто, я молю, осудил нечистоту, воровство, убийство, если не Бог?"... Квинтин, который обычно был очень щедр к отрывкам из Священного Писания, ответил с улыбкой: "Мы подчиняемся не букве, которая убивает, но Духу, который дает жизнь.... Библия содержит аллегории, мифы, которые Святой Дух объясняет нам". [169] "Вы делаете из своего Священного Писания восковую лепешку, — сказал Кальвин, — и играете с ней, как с мячом". [170] - "Вы придираетесь к моему языку, потому что не

понимаете его", - сказал Квинтин. - "Я понимаю это немного лучше, чем вы сами, - возразил Кальвин. - и я довольно ясно вижу, что вы хотите ввести в заблуждение (*эмбабуинер*) мир, используя абсурдный и опасный пустяк.

"Спиритуалы" по очереди становились протестантами или католиками, как им заблагорассудится. Их мировоззрение очень хорошо сочеталось с их пантеизмом, и они чувствовали бы себя столь же непринужденно среди индусов и турок. Эта широта взглядов, которая ввела в заблуждение умеренную партию, оскорбила Кальвина. Однажды, когда Квинтин произнес елеосвящением: "Я только что вернулся с торжественной мессы, которую отслужил кардинал.... Я видел славу Божью", [171]— "Я понимаю вас, - сказал Кальвин довольно грубо. - По вашему мнению, каноник должен продолжать жить в своей роскоши, а монах в своем монастыре, как свинья в хлеву". [172]

Пантеисты обращали в свою веру людей. "С помощью интриг и лести они привлекали простых невежественных бедняков, которых делали такими же ленивыми, как и они сами". Они пытались найти общий язык с учеными и великими людьми и даже проникнуть в сердца принцев. Их высокие претензии на духовность потрясали слабые умы, а удобный принцип, согласно которому каждый человек должен оставаться в Церкви, к которой он принадлежал, даже если он погряз в заблуждении, заставлял робких и нерешительных людей склоняться на их сторону. Священнику, который стал главным защитником Квинтина, удалось обмануть превосходного Буцера с помощью фальшивой внешности, которую он напустил на себя; и десять лет спустя избранная душа, Маргарет, была ослеплена и обманута их лицемерной духовностью. Около 4000 человек были сбиты с пути истинного во Франции.

Кальвин не был одним из тех людей, "которые пребывают в сомнении и неизвестности"; с самого начала он распознал пантеизм и материализм под завесами, которыми эти люди время от времени пытались скрыть свои ошибки, и смело указал на них. Его прямота и откровенность представляли собой разительный контраст с их лицемерием и хитростью. "Они каждую минуту выворачивают свой плащ наизнанку, - сказал он, - так что ты не знаешь, где их держать. Один из главных пунктов их вероучения состоит в том, что люди должны притворяться, в то время как даже язычники говорили, "что лучше быть львом, чем лисой". [173]

Он обнаружил, что их доктрины были нечестивыми и революционными. Смешивать Бога с миром означало (думал он) отнимать у мира живого личного Бога, который присутствует среди нас; и, следовательно, подвергать полному крушению не только Реформацию и христианство, но и всю социальную систему. Поведение этих мнимых "спиритуалистов" уже было в его глазах достаточным, чтобы охарактеризовать и осудить их систему. "Что превратило Квинтина и его товарищей из портных в учителей, - сказал Кальвин, - так это то, что, предпочитая хорошо питаться и чувствовать себя непринужденно, а не работать, они находят удобным зарабатывать на жизнь болтовней, как священники и монахи делают это пением". [174]

Лишь позже Кальвин написал свой превосходный трактат против развратников; [175] но, как говорит Теодор Беза, "именно тогда (во время своего пребывания в Париже) он впервые столкнулся с теми учителями, которые возродили в наше время отвратительную секту карпократианцев, упразднив всякое различие между добром и злом". [176] Он столкнулся, вероятно, с еще более опасным учением.

=СЕРВЕТ.=

Примерно в то же время незнакомец, поведение которого было довольно загадочным, время от времени появлялся в узких кругах Парижа. Многие люди высоко отзывались о нем. Они говорили, что его нельзя упрекнуть в каких-либо аморальных наклонностях, в то время как его тонкое понимание, его блестящий гений, его глубокое знание естественных наук и его пламенное воображение, казалось, сделают его одним из самых удивительных и влиятельных лидеров эпохи. Это был Майкл Сервет, мужчина того же возраста, что и Кэлвин. Родившийся в Вильнуэве в Арагоне, он изучал право в Тулузе, а впоследствии опубликовал смелую работу под названием "*Об ошибках Троицы*". Он выдвинул себя как учитель истины и основательный реформатор. Великие тайны веры должны были уступить место определенному пантеизму, окутанному мистическими и савеллианскими формами. Он хотел реформировать не только римско-католицизм, но и евангельскую реформацию, заменив ее библейский и практический характер философской и рационалистической тенденцией.

Чтобы осуществить эту трансформацию протестантизма, Сервет начал с общения с реформаторами Немецкой Швейцарии и Германии. СЕ Колумпадий, осмотрев его, заявил, что он не может считать его христианином, если тот не признает Сына причастным на всю вечность истинному Божеству Отца. Меланхтон был встревожен, услышав о его доктринах: "Его воображение смущено, - сказал он, - его идеи неясны. Он обладает многими признаками фанатичного духа. [177] Он бредит на темы Оправдания и Троицы.... О Боже! какие трагедии вызовет этот вопрос у наших потомков!" [178]

Мы легко можем понять, какое тягостное впечатление Сервет произвел на этих двух людей, самых терпимых в XVI веке. Он был, как мы уже говорили, мистическим рационалистом; но рационализм и протестантизм, которые многие люди путают вместе, - это два противоположных полюса. Ничто так не возмущало реформаторов, как эта гордыня человеческого разума, который претендует на то, чтобы без посторонней помощи объяснить Бога и совершить нравственное обновление человека. Испанский врач, обнаружив, что немецкие богословы отвергли его таким образом, покинул эти места в глубокой досаде, восклицая: "Да посрамит Господь всех тиранов Церкви! Аминь". [179] Он отправился в Париж под именем Мишеля де Вильнева.

У Сервета была цель отправиться во Францию. Если ему удастся водрузить свое знамя в этой могущественной стране, рядом с университетом, который на протяжении столетий был королевой интеллекта, его триумф (как он думал) будет обеспечен. Он добровольно оставил Германию немцам. Та французская нация, которая обладает прерогативой универсальности, которая преуспевает во всем, которая так умна, так откровенна, так общительна, так практична и так активна, — он выберет ее в качестве органа второй Реформации. Сервет считал французских реформаторов более смелыми, чем саксонских. Он слышал об одном молодом способном враче, который хотел продвинуть реформу дальше, чем Лютер, и думал, что нашел своего человека. Но он ошибался; этот человек был намного выше своих пустых теорий.

=КАЛЬВИН И СЕРВЕТ О ТРОИЦЕ.=

Кальвин не мог и не хотел иметь никакого другого Бога, кроме Того, Кто дает нам жизнь, кто искупил нас и кто освящает нас — Отца, Бога над нами; Сына, Бога за нас; Святого Духа, Бога в нас. Эта тройственная связь с Богом, которую раскрыло ему Священное Писание и которая

полностью удовлетворила его внутренние стремления, заставила его признать *различие* в Боге; но, с другой стороны, поскольку для Божества важно *единство*, он был обязан поддерживать его любой ценой, и поэтому чувствовал себя вынужденным принять идею божественной Троицы. Против этой доктрины Сервет высказывал свои самые горькие сарказмы. Испанец отвергал то, что он называл "воображаемой Троицей"; он называл тех, кто верил в это, "тритеистами" или даже атеистами и грубо оскорблял их. "Иисус - человек, - сказал он. - Божество было сообщено Ему по благодати, но Он не Бог по природе. Только Отец есть Бог в этом смысле". [180] Он пригласил Кальвина на конференцию; гордый и очарованный своей собственной системой, он воображал, что наверняка убедит реформатора, и льстил себя надеждой сделать его своим соратником.

Задача была не из легких. Целью Реформации было воздвигнуть духовный храм, в котором мятущиеся души могли бы найти убежище; и Кальвин видел, как опрометчивые руки осмелились превратить его вместилище всех ошибок и, выражаясь его собственным энергичным языком, "логово для убийства душ". Поэтому Он выступил в поддержку апостольского учения и утверждал, что Христос, называвший себя *единственным* Сыном Божьим, был *сыном* не так, как верующие, вследствие усыновления; не так, как ангелы, из-за их общения с Господом; но в собственном смысле: и что если сын человеческий имеет природу человека, подобную своему отцу, то Иисус, единственный Сын Божий, подобным образом имеет природу Бога.

Это был вопрос, который серьезно занимал многие умы в тот период. Сервет был не одинок; другие врачи, такие как Хетцер, Денк, Кампанус и Йорис, признавали аналогичные ошибки. Единый всеобщий крик раздался среди реформаторов, когда они увидели, что божественность Христа подверглась нападкам. Лютер заявил, что "эта маленькая искра вызовет большой пожар"; [181] Цвингле потребовал, чтобы "этой ложной, порочной и пагубной доктрине" противостояли всеми средствами; [182] и даже умеренный Буцер, забыв о своей христианской мягкости, зашел так далеко, что заявил с кафедры, что "такой человек, как Сервет, заслуживает того, чтобы ему вырвали кишки и разорвали тело на куски". [183] Кальвин решил принять приглашение Сервета. Эти два молодых человека, родившиеся в один и тот же год, одаренные каждый из них удивительным гением, непоколебимые в своих убеждениях, вот-вот попадут в списки. Какие удары они нанесут друг другу! Какая борьба! Что выйдет из *conqueror*? Если Лютер, Цвингле и Буцер так воодушевлены, то каким будет Кальвин? Он был единственным, кто проявлял самые умеренные чувства по отношению к Сервету. Увы! почему он не продолжал в том же духе до последнего? "Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вылечить Сервета", - сказал он. [184] "Если я появлюсь на публике, я знаю, что подвергаю опасности свою жизнь; но я приложу все усилия, чтобы привести его в такие чувства, чтобы *все благочестивые люди могли нежно взять его за руку*". [185] Справедливость требует, чтобы мы приняли во внимание эти чувства Кальвина по отношению к Сервету.

=НАЗНАЧЕНО ОБСУЖДЕНИЕ.=

Таким образом, дискуссия была окончена, и определенное количество друзей было приглашено присутствовать. Время и место были согласованы, и когда настал назначенный день, Кальвин вышел из дома Де ла Форжа и, спустившись по улице Сен-Мартен к улице Сент-Антуан, в назначенный час оказался у дома на этой последней улице, который был выбран для беседы. Сервет не пришел, и Кальвин ждал его; испанец по-прежнему не появлялся, а француз

был терпелив. В чем причина его задержки? Получил ли лейтенант-криминалист Морин информацию об этой встрече и готовился ли он поймать двух молодых лидеров одним забросом своей сети? Прождав некоторое время без всякой цели, Кальвин удалился. [186] Сервет, который жил католиком среди католиков и без колебаний принимал участие в богослужении римской церкви, вероятно, опасался, что публичная дискуссия с Кальвином сделает его известным и подвергнет серьезной опасности. [187]

Однако вызов Сервета не остался без последствий. Он вызвал Кальвина на ристалище, он сделал его поборником учения об Отце, Сыне и Святом Духе; возможность ответить на этот вызов представилась двадцать лет спустя в Женеве. Если бы борьба тогда свелась к ученой дискуссии между этими двумя великими умами, это было бы вполне справедливо; сам Сервет бросил ей вызов. Но идеи того времени, от которых Кальвин (даже стремясь к смягчению формы) не мог освободиться, привели к одному из тех прискорбных бедствий, столь частых в течение долгого ряда веков в анналах Рима, но за которые, слава Богу! в истории Реформации есть только один такой пример.

Кальвин боролся не только с языком: в то время он торопился с печатанием своего первого богословского труда. Это была книга, написанная против тех, кто утверждал, "что душа - это всего лишь движение легких, и что если она была наделена бессмертием при сотворении мира, то была лишена его грехопадением". [188] "Давайте опишем тех людей, - сказал он, - которые убивают души, не делая вид, что наносят им какие-либо раны": и с этой целью он написал работу о *Бессмертии души*, название которой было дано в письме, которое он написал Фабри. [189] Следует сожалеть, что впоследствии он заменил довольно неуклюжее название на *Психопаннихия*, "ночь или сон души", поскольку первое более четко указывает на предмет. В то же время он также боролся с мнением тех "добрых людей", как он их называет, [190] которые верили, что душа спит до судного дня. Первое издание этого труда, датированное Парижем 1534 годом, вышло, вероятно, сразу после того, как Кальвин покинул этот город, или незадолго до его отъезда.

=ХАРАКТЕР БОЖЕСТВЕННОСТИ КАЛЬВИНА.=

Эта работа обеспечила ему особое место в рядах реформаторов. В этом своем самом раннем богословском трактате он проявил характер, который отличал его и который те, кто его окружал, уже смогли распознать в его беседах. Его богословие было не негативным, а, напротив, чрезвычайно позитивным. Его первая работа не направлена против ошибок Рима. Он выступает как защитник души, сторонник христианского спиритуализма. Он будет, как сказал один великий историк, "человеком, призванным построить цитадель Господа, фундамент которой заложил Лютер". [191] Сила убеждения, весомость доказательств, мощь, с которой он использовал Священные Писания, простота и ясность стиля поразили каждого читателя. Мы не будем здесь говорить о Кальвине как о писателе: мы делали это в другом месте. [192] Однако в этом произведении можно было заметить недостаток, от которого Кальвин так и не смог полностью излечиться: оно содержало энергичное презрение и горькие оскорбления. Он видел это сам; он сделал больше, он смягчил эти выражения во втором издании. "Я сказал в нем определенные вещи, - писал он, имея в виду первое, - с горечью и суровостью, которые, возможно, оскорбили некоторые деликатные уши. [193] Поэтому я вычеркнул некоторые отрывки, добавил другие и многое изменил". Это не помешало ему снова впасть в ту же ошибку, которая, следует признать, была присуща эпохе.

Несмотря на частые дискуссии, Кальвин был счастлив в доме Де ла Форжа. Привыкший к бережливой жизни, он мало обращал внимания на изобилие всевозможных благ, которыми его окружали; но благочестие семьи очень радовало его. Ему нравилось видеть, как учитель распространяет Евангелие, помогает бедным и слушает толкование слова Божьего, и он получал удовольствие от его христианской беседы. "Совершенно очевидно, - сказал он, - что истинное счастье не ограничено узкими рамками этой бренной жизни, и все же Бог обещает верующим счастливую жизнь даже в этом паломничестве и земном жилище, насколько позволяет состояние мира". [194] Но счастьем этого благословенного дома не суждено было продлиться долго. Лейтенанту-уголовнику Морену вскоре предстояло войти в нее, бросить жену в тюрьму, привести мужа на эшафот и превратить счастье мирной христианской семьи в горе, стоны и слезы.

=КАЛЬВИН РЕШАЕТ ПОКИНУТЬ ПАРИЖ.=

Будет ли Де ла Форж единственной жертвой? Будут ли первые удары направлены на него? Разве они не были бы направлены против Кэлвина, автора этого смелого обращения, которое повергло в замешательство и город, и университет? Мог ли друг ректора Копа долго оставаться в столице, не привлекая лишнего внимания своих врагов? Вот-вот должно было разразиться великое гонение, и если бы Кальвин жил в то время на улице Сен-Мартен, его, несомненно, схватили бы вместе с благочестивым торговцем, сожгли бы на костре, как других мучеников, и история его жизни сократилась бы до абзаца в незатейливых "Анналах мучеников" Креспена. Но Отец Небесный не допустил, чтобы *этот воробей упал на землю*. У Кальвина были веские мотивы, побудившие его покинуть Францию. Его пребывание в Париже было настолько поглощено визитами, беседами и другими делами, что он согнулся под тяжестью этого бремени, не имея возможности выполнять то, что считал своим первым долгом. Он был призван быть учителем, а не просто проповедником Евангелия. Для выполнения великой задачи, которую он поставил перед собой, ему нужен был покой, досуг и учеба, помимо бесед и конференций с другими теологами. Он принял великую резолюцию. "Я покину Францию, - сказал он, - и отправлюсь в Германию, чтобы найти в каком-нибудь темном уголке покой, в котором мне было отказано в другом месте". [195]

Дю Тийе решил сопровождать его. Двое друзей сделали все необходимые приготовления; они раздобыли двух лошадей и двух слуг, и однажды, ближе к концу июля, Кальвин попрощался с благочестивым торговцем, который был ему как брат. Их одежду упаковали в чемоданы, в один из которых они спрятали свои деньги, а затем прицепили к сумке; и так путешественники отбыли, хозяева верхом, слуги пешком.

"Достигнув границы, - говорит католический историк, - Кальвин не смог сдержать своих эмоций; он возвысил голос от горя, что Франция отвергла людей, посланных ей Богом, и даже пыталась убить их". [196] Это восклицание кажется довольно сомнительным, и историк, сообщающий об этом, не всегда точен. Тем не менее, это возможно и не противостоит естеству.

Путешественники, въехав в Лотарингию, остановились в Дельме близ Нанси, где сделали привал и прогулялись по городу. За это время один из их слуг, знавший, где были спрятаны деньги, воспользовался их отсутствием, взвалил саквояж на лучшую из двух лошадей и ускорил так быстро, как только мог. Когда Кальвин и Дю Тийе вернулись, они обнаружили ограбление.

Они хотели преследовать вора, но не смогли его поймать. [197] Двое друзей были сильно смущены, когда подошел другой слуга и предложил им десять крон, которые у него были с собой. Они приняли его предложение и смогли добраться до Страсбурга.

Если бы Кальвин остался в своей стране, он никогда не смог бы сделать карьеру, к которой был призван; у него не было другой перспективы, кроме ставки. И все же он действительно станет ее реформатором.... Правда, он оставил ее, но божественная рука привела его как можно ближе к земле его привязанностей и печалей. Из живописной долины, откуда Рона постоянно изливает свои волны на Францию, Бог собирался с помощью Кальвина пролить по всем провинциям этого великого королевства живые воды Евангелия Христа.

[159] *Calvin contre les Libertins. Opusc. franç. p. 652; Opusc. lat. p. 510.*

[160] *Opusc. franç. p. 664; Opusc. lat. p. 520.*

[161] Там же, стр. 666; там же, стр. 523. 'Unicum esse spiritum Dei qui sit et vivat in omnibus creaturis.'

[162] 'Nullam homini voluntatem tribuunt, ac si esset lapis.'—*Opusc. lat. p. 669.*

[163] Лут. *Ep. iii.* стр. 62.

[164] 'Cest *ty*, c'est *my*, c'est Dieu; car ce quety ou *my* faisons, c'est Dieu qui le fait.'

[165] *Opusc. franç. p. 662; Opusc. lat. p. 518.*

[166] Кальвин, *Матф. xxii.* 29.

[167] 'Deum latronem, furem, scortatorem.'—*Opusc. lat. p. 530.*

[168] "Черный в альбоме commutare". —Там же.

[169] *Opusc. franç. p. 663; Opusc. lat. p. 519.*

[170] 'Scriptura nasus cereus fiat, aut instar pila, sursum deorsumque agitetur.'—*Opusc. lat. p. 519; Opusc. franç. p. 663.*

[171] 'Se gloriam Dei videre.'—*Opusc. franç. p. 688; Opusc. lat. p. 547.*

[172] 'Tanquam porci in hara stertere.'—*Opusc. lat. p. 541; Opusc. franç. p. 688.*

[173] *Opusc. lat. p. 501.* 'Præstabilius sit leoni quam vulpeculæ similem esse.'

[174] 'Ut quemadmodum sacerdotes et monachi cantillando, sic ipsi garriendo vitam quæerent.'—*Opusc. franç. p. 652; Opusc. lat. p. 511.*

[175] 'Adversus fanaticam et furiosam sectam libertinorum, qui *sespirituales* vocant, instructio,' &c.—*Opusc. lat. p. 506.*

[176] Théod. de Bèze, *Hist. Эклз. i.* стр. 9.

[177] 'In Serveto multæ notæ fanatici spiritus.'—*Corp. Ref. ii. p. 660.*

[178] "Костяной Бор! quales tragœdias excitabit hæc quæstio ad posteror."—*ib. p. 630.*

- [179] 'Perdat Dominus omnes ecclesiæ tyrannos! Аминь'. —*Христос. Restitutio*.
- [180] 'Declarat Christum esse Deum, non natura sed specie, non per naturam sed per gratiam.'—*De Trinitatis Erroribus*, 1531, fol. 12.
- [181] Лютер, *Ep.* iv. стр. 423.
- [182] Трехсел, *протестант. Антитринити*. i. стр. 100.
- [183] 'Pro suggestu pronuntiavit dignum esse qui avulsis visceribus discerperetur.'—Calvin, *Ep. et Resp.* p. 154.
- [184] 'Obtuli meam operam ad cum sanandum.'—Calvin, *Op.* viii. p. 511.
- [185] 'Nec per me stetisse quominus resipiscenti manum pii omnes porrigerent.'—*Ibid.*
- [186] 'Diutius quidem sed frustra expectavit.'—Beza, *Vita Calvini*.
- [187] Trechsel, *Die Protestant. Антитринити*. i. стр. 110.
- [188] 'Qua ruina immortalitatem suam perdiderit.'—*Opusc. lat.* p. 19.
- [189] Calvinus Libertino (Fabri). Невшательская РУКОПИСЬ.
- [190] 'Nonnullos bonos viros.'—*Opusc. lat. Психопан. Lectoribus*.
- [191] Johannes von Müller.
- [192] О влиянии Кальвина на французский язык см. Мою *Историю реформации*, том. iii, bk. xii. ch. xv.
- [193] 'Quædam paulo acrius atque etiam asperius dicta quæ aures quorundam delicatulas radere fortasse possent.'—*Calvinus Libertino*.
- [194] Calvin, *Psaumes*, 128.
- [195] 'Relicta patria, Germaniam concessi, ut in obscuro aliquo angulo abditus, quiete denegata fruerer.'—*Præf. in Psalm.*
- [196] Варильяс, *История. des Rév. rel.* ii. p. 490.
- [197] Beza, *Vita Calvini*.

ГЛАВА IX.

ПЛАКАТЫ.

(Октябрь 1534 г.)

Едва Кальвин покинул Париж, как над маленькой церковью метрополии сгустились тучи. "Не было года, - говорит хронист шестнадцатого века, говоря о 1534 году, - когда в разных странах

происходили такие великие чудеса; но из всех этих чудес ни одно не заслуживает того, чтобы его запомнили больше, чем то, из-за чего оно было названо *годом плакатов*". [198]

Парижские христиане часто встречались друг у друга в домах. "Господь, - сказали они, - повелевает Своим ученикам идти вперед и распространять учение о спасении во всех уголках мира". Улей кишел, как это недавно было в Пуатье. Граф, о котором мы упоминали, покинул своих друзей и после многих опасностей добрался до Мората, чтобы помочь Фарелю в его евангелической работе. [199] Другой лютеранин, чье путешествие привело к катастрофическим результатам, вскоре последовал тем же путем.

=ВРЕМЕНЩИКИ И СОСТАВИТЕЛИ СЦЕНАРИЕВ.=

Как мы видели, среди евангельских христиан Франции существовали две различные партии: *временщики* и *библеисты*. Иногда они соприкасались, и каждый из них решительно отстаивал свои взгляды. *Временщики* рассчитывали на Маргариту, на короля, ее брата, и на союзы с Генрихом VIII. и протестантами Германии. Зная, что Франциск I терпеть не мог монахов, они надеялись с помощью Дю Белле провести во Франции умеренную реформу и не желали делать ничего, что могло бы оскорбить его. Они ждали.

Что касается *библеистов*, то есть евангелистов школы Кальвина, дипломатия заставляла их чувствовать себя неловко; покровительство короля раздражало их, а идея признания епископов и папы встревожила их. Они видели, что за иерархией следуют всевозможные суеверия, и были полны решимости решительно противостоять всему, что могло вернуть *идолов* в храм Божий.

=ФЕРЕТ ПОСЛАН ПОСОВЕТОВАТЬСЯ С ФАРЕЛОМ.=

Поскольку обе стороны не смогли прийти к взаимопониманию, они решили отправить одного из своих членов в Швейцарию, чтобы узнать мнение Фареля и других беженцев. Должны ли они ждать или должны действовать? — таков был поставленный ими вопрос. Они выбрали для этой консультации простого, благочестивого, интеллигентного христианина по имени Ферет, который принадлежал к королевской аптеке: он принял миссию и удалился. В то время никто не подозревал, что это путешествие приведет к взрыву, который потрясет столицу, ужаснет Францию и, возможно, уничтожит дело Реформации.

Ферет направился в Швейцарию. Едва он пересек Юру, как его глазам предстало поразительное зрелище. Все было в смятении, как в пчелином улье. Фарель, Вире, Сонье, Оливетан, Фроман, Маркур, Холлар, Ле Конт и другие, кроме них, приехавшие из Дофини, Базеля, Парижа, Страсбурга или проживавшие в этой стране, повсюду смело проповедовали евангельское учение. В Невшателе всякое *идолопоклонство* было исключено из общественного богослужения; то же самое было сделано в Эгле и в его четырех *округах*. Орбе, Внук и Пай де Во начинали принимать решения; Женева колебалась; старые вальденсы Пьемонта протягивали руки новым реформаторам. Во многих местах они даже "разрушали жертвенники и разбивали изображения", согласно повелению из Второзакония. [200] Какой контраст с робкими предосторожностями парижских христиан! Ферет был совершенно поражен этим, и только это было ответом.

Он объяснил христианам, при которых был аккредитован, совершенно иное положение вещей в Париже; он описал трудности Франции и две партии, существующие среди реформатов, и попросил их совета. Фарель и его друзья считали, что подданный не должен поднимать

восстание против своего господина, но если король Франции приказывает что-либо, запрещенное Царем небесным, необходимо повиноваться тому, кто был хозяином другого. Эти убежденные христиане отвергли все те попури из Евангелия и папства, которых желали Франциск I, Маргарита Наваррская, Дю Белле и даже Меланхтон (как было сказано). "Эти двое (Евангелие и папа римский) не могут существовать вместе, - говорили они, - так же, как огонь и вода". Особенно месса, этот главный пункт римско-католической доктрины, должна, по их мнению, быть отменена. Если папская иерархия была деревом, чья смертоносная тень убивала живые семена Слова, то месса была его корнем. Его необходимо вырвать и, таким образом, предотвратить дальнейшее распространение его роковых ветвей по широкому пространству христианского мира. Было предложено написать и расклеить плакаты.

Что действительно можно было сделать? Угнетение заставляло замолчать самые смелые голоса. Необходимо было составить энергичный протест против ошибки и, по возможности, в тот же момент объявить его перед глазами всей Франции. Фарел взялся за эту задачу; он не мог писать, не используя "свой резкий стиль и громоподобное красноречие". [201] Он размышлял о бедствиях, обрушившихся на его страну. Негодование руководило его смелым пером; его стиль был неровным, возможно, резким, но мужественным, нервным и полным огня. Наконец евангелический протест был написан, и Фарел представил его своим собратям, которые приняли его, полагая, что это будет *подобно молотку, разбивающему скалу на куски*. Документ отправили в типографию и выпустили в двух формах: в виде плакатов, которые нужно было развесить по стенам, и небольших брошюр, которые нужно было разбрасывать на улицах. [202] Листы были упакованы и переданы на попечение Ферэ, который отбыл с драгоценными тюками, содержащими "молнию, выкованную на наковальне Фареля". [203] Никто не остановил его на границе; он без труда пересек Франш-Конте, Бургундию и Шампань и прибыл в Париж.

=ОБСУЖДЕНИЕ ПЛАКАТОВ.=

Евангельские христиане столицы, с нетерпением ожидавшие новостей из Швейцарии, поспешно собрались, и Ферет разложил перед ними плакат. Эти энергичные слова, написанные у подножия Юры, казались странно смелыми, когда их читали под стенами Сорбонны и у ворот Лувра. Этот храбрый и благочестивый министр Куро выступил на собрании в качестве органа "людей правосудия", как их впоследствии называли. "Давайте остерегаться вывешивать эти плакаты, - сказал он. - тем самым мы только разожжем ярость наших противников и увеличим рассеяние верующих". Но, с другой стороны, те, кто был встревожен шагами Франциска I. по объединению папы и Евангелия, были в восторге. "Давайте будем осторожны и проявим благоразумие, - говорили они, - чтобы это не заставило нас вести себя как трусы. Если мы будем робко переводить взгляд с одной стороны на другую, чтобы увидеть, как далеко мы можем зайти, не подвергая опасности свою жизнь, мы оставим Иисуса Христа". По их мнению, было важно исповедовать Господа в глазах Франции, и ради этого они были готовы, подобно мученикам древности, встретить смерть. Многие из противоположной стороны уступили, и вопрос о публикации плаката был решен. Эти искренние христиане были так твердо убеждены в божественности своего учения и так полны веры, что ожидали вмешательства Бога — на самом деле не чудесного, но экстраординарного — "несущегося сильного ветра с небес" и "раздвоенных языков, подобных огненным", которые должны были зажечь все сердца. Они думали, что Бог этим заявлением откроет Франции врата Своих духовных сокровищ.

Консультации продолжались. Где они должны распространить этот документ? спросили одни. "По всему Парижу", — последовал ответ. - "По всей Франции", - ответили другие. Это были небезызвестные люди, которые рассуждали таким образом: богатый торговец Дю Бург и его друзья были там, и если Бартоломью Милон не мог действовать, то, по крайней мере, он давал советы, которые должны были дорого ему обойтись. Самые горячие друзья Реформации делили работу между собой: у каждого человека был свой округ, своя провинция. "Они разделили королевство, чтобы сделать *то же самое в каждом городе*", - говорит католик Фонтэн; и для этого дерзкого предприятия была назначена ночь на 24 октября. [204] Плакаты были разделены между теми, кто должен был их расклеивать или распространять. Зная, что до тех пор, пока Бог не заставит истину войти в сердце, они ничего не будут делать, кроме как *напрасно бить кулаками по воздуху*, [205] эти благочестивые люди увещевали друг друга "молиться Богу с горячим усердием". Затем каждый мужчина вернулся домой, неся с собой пачку плакатов и брошюр.

=ВЫВЕШЕНЫ ПЛАКАТЫ.=

Когда наступила ночь, отобранные люди вышли из своих домов, неся в руках отпечатанные листы; и каждый молча и таинственно исполнил свой долг в своем квартале. Ревностный христианин, который таким образом рисковал своей жизнью, предпринял, однако, определенные меры предосторожности; он прислушался, не идет ли кто, поспешно прикрепил счет к стене, а затем бесшумно скользнул в какое-нибудь другое место, где вывесил другой. За короткое время улицы, рыночные площади и перекрестки были увешаны евангелическими воззваниями, некоторые из них были прикреплены даже к стенам Лувра. С наступлением дня большинство этих отважных людей вернулись домой; но другие спрятались и издали наблюдали, что будет дальше.

Из дверей начали выходить несколько человек; они подошли к большим рекламным листовкам и остановились, чтобы рассмотреть их. Постепенно образовалась толпа, подошло несколько монахов: сотни людей всех сословий собрались вокруг странных плакатов. Их читали вслух, по их поводу делались замечания и высказывались самые разнообразные чувства; многие давали волю негодованию и угрозам; некоторые одобряли, большая часть была поражена. Толпа была особенно велика на улицах Сен-Дени и Сент-Оноре, на Королевской площади, в городе, у ворот церквей, Сорбонны и Лувра. Давайте прочтем эту ужасную листовку так, как ее читали на улицах столицы. Публика нашего века сочтет его слишком суровым и, возможно, слишком длинным, и мы должны немного сократить его; но люди шестнадцатого века дочитали его до конца, и, несмотря на его недостатки, его действие было мощным. Подобно толчку землетрясения, оно заставило содрогнуться всю Францию. Оно начиналось с торжественного призыва: —

ПРАВДИВЫЕ СТАТЬИ
ОБ УЖАСНЫХ, ВЕЛИКИХ И НЕВЫНОСИМЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ
ПАПИСТСКОЙ МЕССЫ,
ВЫДУМАННЫЕ ПРЯМО
ПРОТИВ СВЯТОЙ ВЕЧЕРИ ГОСПОДА НАШЕГО,
ЕДИНСТВЕННОГО ПОСРЕДНИКА И СПАСИТЕЛЯ ИИСУСА ХРИСТА.

Я призываю небо и землю в свидетели истины против этой гордой и напыщенной папистской массы, ибо мир (если Бог не применит лекарство) был и будет полностью опустошен, разрушен, утрачен и уничтожен; видя, что в нем возмутительно хулят нашего Господа, а люди ослеплены и сбиты с пути истинного. Которое не следует больше терпеть.

"Во-первых, каждый верующий христианин должен быть совершенно уверен в том, что наш Господь и единственный Спаситель, Иисус Христос, великий епископ и пастырь, рукоположенный Богом, отдал Свое тело и душу, Свою жизнь и кровь для нашего освящения совершенной жертвой. Отказаться от этой жертвы, как будто она недостаточна, заменить ее видимой жертвой, а именно мессой, как будто Христос не полностью удовлетворил за нас справедливость Своего Отца и как будто Он не был Спасителем и Посредником, было бы ужасной и проклятой ересью.

"Мир был и во многих местах остается наполненным жалкими первосвященниками, которые, как будто они наши искупители, ставят себя на место Христа и притворяются, что приносят Богу угодную жертву за спасение как живых, так и мертвых: разве эти люди не выставляют лжецами апостолов и евангелистов, и разве они даже не опровергают самих себя, поскольку каждое воскресенье на вечерне поют, что Иисус Христос - *священник во веки*?..

- Да, благодаря великой и достойной восхищения жертве Иисуса Христа всякое внешнее и видимое жертвоприношение отменяется. Христос, говорится в Послании к Евреям (которое я умоляю всех внимательно прочитать), *был принесен в жертву раз и навсегда. —Одним приношением Он навеки усовершенствовал освященных*. Христос приносил жертву *один раз* и не часто.... Если жертвоприношение совершенное, зачем его повторять?... Тогда выходите вперед, жрецы, и отвечайте, если можете!

- Это еще не все. Эта несчастная месса повергла весь мир в всеобщее идолопоклонство. Разве нам не дано ложно понять, что под формами хлеба и вина Иисус Христос телесно, реально и лично содержится в плоти и костях, такой же длинный, широкий и цельный, как при жизни?... И все же Священное Писание и наша вера учат нас обратному, что Иисус Христос после своего воскресения вознесся на небеса. Святой Павел пишет Колоссянам: *Ищите того, что вверху, где Христос восседает Одесную Бога*. Послушайте: Святой Павел не говорит: ищите Христа, который находится на мессе, или в храме, или в ложе, или в шкафу. Он говорит: ищите Христа, *который на небесах*. Если тело находится на небесах, то оно не на земле; а если оно на земле, то оно не на небесах. Реальное тело никогда не может находиться одновременно более чем в одном месте, где оно занимает определенное пространство определенного размера. Невозможно, чтобы мужчина двадцати или тридцати лет был спрятан в таком куске теста, как их вафля.

Августин хорошо знал это, когда писал: "Пока мир не придет к концу, *Господь пребывает на небесах*; но Его божественность повсюду". [206] То же самое знал и Фульгенций, когда писал: "Господь отсутствовал на небесах, согласно своей человеческой природе, когда он был на земле; и *он покинул землю, когда вознесся на небеса*". Но что касается божественной природы, то она никогда не покидала небес, когда он спускался на землю, и не покидала земли, когда он возносился на небеса". [207]

Когда кто-нибудь из нас говорит: *Вот, здесь Христос, или там!* священники говорят: мы должны верить Ему. Но Христос говорит: *не верьте этому*. В момент причастия они поют

Sursum corda, Вознесите ваши сердца ввысь; но они делают обратное и призывают нас искать Христа *ненаверху*, а в их руках, в их шкатулках и шкафах.

Более того, эти слепые священники, добавляя ошибку к ошибке, в своем безумии учат, что после того, как они подышали или произнесли слова над хлебом, который они берут между пальцами, а также над вином, которое они наливают в чашу, не остается ни хлеба, ни вина, но что Иисус Христос пребывает там один благодаря *пресуществлению*.... Громкие и чудовищные слова ... доктрина дьяволов, противоречащая всему Писанию. Я спрашиваю этих людей, носящих плащи, где они нашли это громкое слово "Пресуществление"?... Святой Матфей, святой Марк, святой Иоанн, святой Павел и древние Отцы Церкви никогда не говорили об этом. Упомянув о Вечере Господней, эти святые писатели открыто и просто называли хлеб и *винохлебом* и *вином*. Святой Павел не говорит: "Ешьте тело Иисуса Христа", но: "Ешьте этот хлеб". Ах! Писание не прибегает к обману, и в нем нет притворства. Следовательно, хлеб есть хлеб.

"Самонадеянные враги Слова Божьего, бесстыдные еретики, они не довольствуются притворством, что заключают тело Иисуса Христа в свою облатку; но посмотрите, до каких нелепостей доводит их суеверие. Они не стыдятся говорить, что тело Иисуса Христа может быть съедено крысами, пауками и паразитами.... Да, там это напечатано красными буквами в их молитвеннике, в двадцать втором пункте, начинающемся так: "Если тело Господа будет съедено мышами и пауками, превратится в ничто, или будет сильно обглодано, или если личинка будет найдена внутри целой" ... пусть он будет сожжен и помещен в реликвиарий!

"О земля! почему ты не раскрываешься, чтобы поглотить этих ужасных богохульников? О ненавистные люди! Действительно ли это обглоданное тело - тело Иисуса Христа, Сына Божьего?... Допустил бы ли Господь, чтобы Его съели мыши и пауки? Тот, кто есть хлеб ангелов и всех детей Божьих, был дан нам на корм паразитам? Того, кто нетленен, по правую руку от Бога, ты сделаешь подверженным червям и гниению? Разве Давид не писал об обратном, пророчествуя о своем собственном воскресении?... Негодяи! если бы во всей вашей адской теологии не было другого зла, кроме непочтительности, с которой вы говорите о драгоценном теле Иисуса, разве вы не богохульники и еретики?... да, самый великий и необъятный из всех, что когда-либо видел мир.

- Разжигайте, да, разжигайте хворост, но пусть это будет для того, чтобы поджечь самих себя.... Зачем вам разжигать его для нас? Потому что мы не будем верить в ваших идолов, в ваших новых Богов, в ваших новых Христов, которые позволяют паразитам пожирать себя, а также в вас, которые хуже паразитов.

- Что означают все эти игры, в которые ты играешь вокруг своего Бога из теста, играя с ним, как кошка с мышью? Ты разламываешь его на три части ... и тогда вы принимаете жалостливый вид, как будто вы очень опечалены; вы бьете себя в грудь ... вы называете его Агнцем Божьим и молитесь ему о мире. Святой Иоанн показал Иисуса Христа всегда присутствующим, вечно живущим, живущим все в одном — восхитительная истина! но вы показываете свою вафлю, разделенную на кусочки, а затем съедаете ее, требуя чего-нибудь выпить.... Что бы сказал любой человек, который никогда не был свидетелем подобных обезьяньих трюков?... Ели ли

когда-нибудь святой Павел или святой Иоанн Христа таким образом? и признают ли они таких шарлатанов слугами Божьими?

"Наконец, практика вашей мессы сильно противоречит практике Святой Вечери Иисуса Христа!... Конечно, в этом нет ничего удивительного, ибо между Христом и Велиалом нет ничего общего.

"Святая Вечеря Иисуса Христа напоминает нам о великой любви, с которой Он возлюбил нас так, что омыл нас Своей кровью. Оно представляет нам со стороны Господа тело и кровь Его Сына, чтобы мы могли приобщиться к жертве Его смерти и чтобы Иисус был нашей вечной пищей. Это призывает нас заявить протест против нашей веры и той определенной уверенности, которую мы имеем в том, что будем спасены, что Иисус искупил нас. Раздавая всем нам только один хлеб, он напоминает нам о милосердии, в котором мы, будучи все одного духа, должны жить. Эта Святая Вечеря, будучи таким образом полностью понятой, радует душу верующего во всем смирении и наделяет его всей кротостью и любящим милосердием.

Но плоды мессы совсем другие. Это препятствует проповеди Евангелия. Время занято колокольным звоном, воем, песнопениями, пустыми церемониями, свечами, благовониями, переодеваниями и всевозможными заклинаниями. И бедный мир, на который смотрят как на агнца или овцу, подло обманут, обольщен, сбит с пути истинного — что я могу сказать? искусанные, обглоданные и пожираемые, словно хищными волками.

"С помощью этой массы они прибрали к рукам все, все разрушили, все поглотили. С его помощью они лишили наследства принцев и королей, лордов и лавочников, и всех, кого мы могли бы назвать, мертвых или живых.... О лжесвидетели, предатели, осквернители чести Божьей, более ненавистные, чем сами дьяволы!

- Короче говоря, правда преследует их, правда пугает их, и правдой их правление вскоре будет разрушено навсегда.

Таково было воззвание, расклеенное в Париже и по всей Франции. Мы должны сознаться, что в нем прослеживается грубость языка шестнадцатого века, и особенно в отрывке, который, должно быть, сильно возбудил гнев духовенства, где плакат, говоря о папе и кардиналах, священниках и монахах, называет их лжепророками, волками, соблазнителями и дает им помимо этого другие имена, которые в наши дни редко употребляются, за исключением булл римских понтификов. Мы обнаруживаем в этом письме антипапистский дух во всей его неотражающей силе. Конечно, когда говорится, что истинная Вечеря Христова "радует душу верующего и наделяет его всей кротостью и любящим милосердием", мы ощущаем благоухание Евангелия; но, вообще говоря, этот манифест представляет собой военную машину с медной головой. Если мы перенесемся в первые дни Реформации, то сможем понять, что было необходимо использовать мощные тараны, чтобы разрушить старые и, казалось бы, непоколебимые стены папства. Каждая строка на этом плакате раскрывает нам добросердечного, но также и "порывистого и красноречивого Фарела, откровенного, решительного, бесстрашного среди людей, у которого было замечательное сердце рыцаря без упрека, с его жаждой опасности, и который был Баярдом Божьих битв". [208] Работа напоминает рабочего.

Признавая кое-что относительно времени, в которое был написан и вывешен плакат, мы можем спросить, проистекал ли этот поступок исключительно из движения разума, свободного от

всякого оттенка человеческих страстей, и был ли он одним из орудий, которые использовали бы апостолы. В любом случае нам кажется несомненным, что более умеренные формулировки действительно были бы сильнее и с большей уверенностью достигли бы своей цели. Это то, что покажет событие.

[198] Креспен, *Мартирол*. fol. 3. Флор. Rémond, *Hist. Hérés.* viii. ч. v.

[199] Ruchat, *Hist. Réf. Суусс*, том. iii. стр. 132, по рукописи "Дневника Жана ле Конта".

[200] Глава vii. 5.

[201] Креспен, *Мартирол*. fol. III.

[202] Там же.

[203] Флор. Rémond, *Hist. Херес*. лив. vii. глава v. В латинском издании мы читаем: "Famoso libello a Farello, ut creditur, composito". — стр. 228.

[204] Эта дата приведена в "*Журнале парижской буржуазии*", стр. 440. Фонтейн в своей *Католической истории* приводит 18 октября.

[205] Кальвин, *пассим*.

[206] 'Sursum Dominus est.'—Aug. *Ep. ad Dardanum*.

[207] 'Secundum humanam substantiam dereliquerat terrain cum ascendisset in cœlum.'—Fulg. *ad Thrasimundum*, lib. ii.

[208] Мишле, *История. де Франс*; том под названием "Преображение".

ГЛАВА X.

ГНЕВ КОРОЛЯ.

(Осень 1534 г.)

=НОВОЕ ПОСЛАНИЕ.=

Ужасный плакат, расклеенный ночью в Париже и над большей частью Франции, "на каждом углу", - говорит Штурм, - [209] произвел огромную сенсацию. Народ был взволнован, женщины и слабые встревожены, а магистраты полны негодования. [210] Но противники папства не ослабляли своих ударов. Почти в то же время появился еще один трактат "Против папских торговцев и трактирщиков". Это сочинение, менее евангелическое, скорее в насмешливом духе Эразма. "Все должно служить алчности жрецов, - говорилось в нем. - небо, земля и ад, время, все живые и неодушевленные создания, вино, хлеб и масло, лен, молоко, сливочное масло, сыр, вода, соль, огонь и окуивания.... Из всего этого они знали, как извлекать... серебро и золото. А одежда торговца увеличивает цену его товара, поскольку месса аббата или епископа стоит дороже, чем месса викария или монаха. Подобно женщинам с дурной славой, они продают свой позор всем, чем дороже, тем веселее украшения, которые они носят". [211]

Волнение нарастало ежечасно; священники и монахи, рассеянные среди групп горожан и простых людей, разжигали их гнев, усиливали их ужас и распространяли ложные сообщения. "Еретики, - говорилось в нем, - решили заставить католиков врасплох во время богослужения и безжалостно убивать мужчин, женщин и детей". Абсурдное обвинение, придуманное, как говорит римский историк, для того, чтобы сделать реформаторов отвратительными. В это все равно поверили, и вскоре среди толпы поползли ужасные слухи. "Был составлен ужасный заговор против государства и Церкви. Этот плакат - сигнал; еретики намерены поджечь церкви и дворцы, истребить католиков, упразднить монархию и превратить королевство в пустыню.... Смерть лютеранам!"

Нигде ярость врачей не была столь велика, как в Сорбонне: первая вспышка их гнева была невероятно жестокой. "Это действие, - говорит хронист, - привело их в такую ярость, что их прежняя жестокость казалась терпимой. Ни одна буря никогда не могла сравниться с ней по силе". [212] "Тандерболту", однако, было суждено стартовать с другой стороны.

Франциск I, находившийся тогда в Блуа, в течение некоторого времени испытывал определенное беспокойство по поводу Реформы. Однажды в 1534 году, когда он жаловался на папу нунцию и намекал, что Франция могла бы легко последовать примеру Генриха VIII., "Откровенно говоря, сир, - ответил нунций, - вы пострадаете первыми; религию народа нельзя изменить без того, чтобы он в следующий раз не потребовал смены принца". Бесполезно было говорить Франциску, что ни немецкие принцы, ни Генрих VIII. сам он был свергнут с престола Реформацией: слова нунция стрелой пронзили его сердце.

=ТАБЛИЧКА НА КОРОЛЕВСКИХ ВРАТАХ.=

Блуа не был исключением из евангелического движения, и Реформа распространилась среди хористов королевской капеллы: именно одному из них было поручено расклеить плакаты в этом городе. Обладая смелым и восторженным темпераментом, этот человек решил вывесить протестантский манифест в самом замке, к которому у него был легкий доступ. [213] Войдя туда в благоприятный момент, он прокрался со своими листовками до покоев короля и, убедившись, что на галерее нет ни слуг, ни придворных, прикрепил листок к двери Его величества, а затем поспешно удалился. [214] Этот неосмотрительный и виновный поступок, поскольку он был неуважительным, должен был быть жестоко искуплен.

Утром Монморанси и кардинал де Турнон, по своему обыкновению, предстали перед королем. К ним прислушивался Франциск I, и они давно искали возможности нанести отчаянный удар Реформации. Как раз в тот момент, когда эти двое собирались войти в кабинет короля, они увидели табличку, прикрепленную к двери; они остановились и прочитали ее, и, не без причины отнесшись к этому серьезно, они сердито разорвали бумагу и отнесли ее своему хозяину. [215] Ничто в мире не могло взволновать его так сильно, как подобное нападение: его королевское достоинство было в его глазах почти таким же священным, как Божественное величие. Он задрожал и побледнел; он взял бумагу, затем вернул ее и, возмущенный такой неслыханной дерзостью, приказал им прочитать ее.

=НЕГОДОВАНИЕ КОРОЛЯ.=

Этого и добивался Турнон. Он прочитал документ королю, останавливаясь на наиболее раздражающих пассажах; но принц не смог дотянуть до конца. Оскорбление, нанесенное его личности, впечатление, которое такой публичный скандал мог произвести на его союзников, и

особенно на папу римского, мысль о том, что в тот самый момент, когда он готовил примирение протестантов и католиков, несколько фанатиков могут разжечь все страсти священников и народа и привести к краху его миролюбивых планов, — все это раздражало его больше, чем нападение на мессу. Те, кто был рядом с ним, воспользовались случаем и представили это дело как государственную измену. Монморанси и Де Турнон глубоко вогнали болт в сердце короля. "Он пришел в ярость", — писал Штурм Меланхтону; "он был так разгорячен", - говорится в *Книге мучеников*; [216] "он пришел в такую ярость", - говорит Теодор Беза; "он так разгорячился, что все вокруг него дрожали", - говорит католик Фонтэн. - "Пусть будут схвачены все без различия, - воскликнул он, - кто подозревается в *лютересии*. Я уничтожу их всех".

Это событие вызвало большое волнение; больше ни о чем не говорили, и каждый описывал его по-своему. "Знаете ли вы, - говорили некоторые, - что король в самый разгар своей страсти, вынув из кармана носовой платок, вытащил плакат, который упал к его ногам: какой-то умник подсунул копию". "Вы можете верить этому, если хотите", - говорит Фонтен, оценивая эту популярную историю по ее реальной ценности. Все домочадцы замка немедленно поднялись по тревоге, чтобы найти виновника злодеяния, что было нетрудно. Лютеранские взгляды хориста были известны многим; его арестовали, заковали в цепи и отправили в Париж для суда. [217]

Но гнев короля не должен был обрушиться только на этого человека. Преступление было совершено повсюду, и наказание должно было последовать повсюду. - Напишите и прикажите парламенту вершить строгое правосудие, - сказал король. - и скажите лейтенанту-преступнику, что, чтобы поощрить его, я пожизненно увеличиваю ему жалованье на шестьсот ливров в год. [218] Пусть инквизиция будет немедленно проведена по всему королевству в отношении людей, которые являются такими врагами Бога".

Парламент не стал дожидаться приказов короля. На следующий день после знаменитого дня, 26 октября, главный председатель Пьер Лизэ созвал все палаты, и переполненный суд, взволнованный и возмущенный, приказал произвести тщательный обыск и процессии. Зазвучали трубы, народ собрался, и представитель парламента провозгласил: "Всякий, кто сообщит информацию о человеке или лицах, расклеивших указанные плакаты, получит от суда награду в сто крон; а все, кто их скроет, будут сожжены". [219]

Все это время евангельские христиане, и особенно те, кто поджег шахту, встревоженные ужасным взрывом, который она произвела, прятались и молчали в своих домах. Они знали умение Морина находить свои жертвы и изобретать пытки; мрачное будущее омрачило их лица. Затем среди них слышались стоны, сожаления и скорбные размышления. "Что нам делать?" - спросили они. Бежать!— Что?! оставить дом, семью и страну, не зная, куда идти?... Какое мрачное будущее! Но разве не лучше потерять все это, чем потерять свою жизнь?... Такие душераздирающие разговоры велись почти повсюду. [220] Отцы, жены и дети со слезами умоляли тех, кого они любили, убраться с пути королевского гнева. Некоторые из них действительно ночью покинули свои дома и бежали. [221] Многие из тех, кто не вывешивал плакаты, но кого знали по откровенному исповеданию своей веры, думали, что опасность не может их касаться.... Несчастные люди колебались и медлили, и многие из них дорого заплатили за свою неосмотрительную безопасность. [222]

=БРАТЬЯ ПРЕДАЛИ.=

Лейтенант-уголовник, ярый противник религиозного движения и человек очень распутной жизни, отличавшийся редкой смелостью в поимке преступников и замечательной тонкостью в заманивании их в ловушку их ответами, [223] обдумывал план своей кампании. Его тщеславие, его жадность, его ненависть - все его страсти были задействованы в бизнесе. Он хотел поймать всех еретиков вместе одним забросом своей сети. Но как? Его осенила блестящая идея: схватив одного человека, он надеялся захватить и всех остальных. "Вы знаете лавку, где продают ножны и другие подобные изделия, на улице Ваннери, ведущей к Греву", - сказал он одному из своих офицеров. "Иди и арестуй изготовителя ножен и приведи его ко мне". - "Изготовитель ножен, — сказал он, - ты один из еретиков, и что еще хуже, ты их *организатор*, я прекрасно знаю. Не отрицай этого, именно ты сообщаем им о местах, где будут проводиться их тайные собрания. У меня есть желание собрать их; ты проведешь меня к их домам. ' Бедняга, понимая, что он имел в виду, с трепетом отказался совершить такую измену. Лейтенант-преступник приказал приготовить эшафот. Как только официальные лица покинули комнату, Морин повернулся к изготовителю ножен: "Это вы ведете людей в церковь, и вполне справедливо, что вы должны начать танец". Несчастный задрожал. Какая ужасная альтернатива! Как он мог пойти к тем, кого обычно призывал в храм Божий, чтобы предать их огню? В его душе происходила ужасная борьба, но страх Божий был преодолен, свет разума угас, всякое уважение к чести отброшено в сторону. "Сатана вошел в Иуду", и он искал, как бы ему предать своих братьев. Полагая, что он "на грани сожжения", по словам Безы, он пообещал все, о чем его просили. [224]

Весь Париж был в смятении. Улицы были завешены драпировками, устраивались процессии, и, чтобы стереть оскорбление, нанесенное мессе, *Corpus Domini* торжественно пронесли по каждому приходу. [225] Морин воспользовался этой агитацией, чтобы скрыть свои действия. Вероломный мастер ножен шел впереди, бледный и дрожащий; сержанты следовали за ним на небольшом расстоянии, и эта жестокая компания бесшумно скользила по улицам. Мастер по изготовлению ножен остановился и указал на дверь: вошел Морин. Пораженная семья тщетно доказывала свою невиновность. Лейтенант приказал надеть на бедняг наручники, а затем продолжил свой безжалостный путь. "Он не пощадил ни одного дома, ни большого, ни малого, - говорит хронист, - даже колледжей Парижского университета".

=ВАЛЕТОН И ЕГО КНИГИ ИЗЪЯТЫ.=

Постепенно весть об этой ужасной экспедиции распространилась по столице; тоска охватила не только друзей Фареля, но и всех, кто не был фанатичным приверженцем Рима, и даже простых приверженцев науки или удовольствий, у которых не было вкуса к Реформации. "Морин заставил содрогнуться весь город", [226] потому что никто не знал, что он, возможно, не входит в число подозреваемых. Во многих домах были выставлены дозорные, чтобы наблюдать, не приближается ли ужасный отряд. Получатель Николас Валетон, стоявший у окна, увидел приближающегося Морина; поспешно отвернувшись, он сказал своей жене: "Вот он, вынеси сундук с книгами из моей комнаты.... Я побегу ему навстречу; я поговорю с ним и задержу его, чтобы дать вам время. Испуганная молодая женщина взяла книги и поспешно засунула их в тайник. "Арестуйте этого человека", - сказал лейтенант-преступник, как только увидел Валетона. "Пусть его посадят в строгое заключение". Затем он поднялся наверх и обыскал каждый угол, увидел пустой сундук, но ничего не нашел. Ему не терпелось допросить своего пленника, и он, не останавливаясь, направился прямо в тюрьму, куда его привели. Он не мог заманить его в ловушку. Получатель, будучи умным человеком, уклонялся от всех его вопросов. Лейтенант

начал нервничать; подумав про себя, что получатель обладает влиянием и может затаить на него обиду, он решил уничтожить его, действуя более хитро. [227] Ему вспомнился пустой сундук; должно быть, в нем лежало что-то, что было убрано при его приближении. Он немедленно вернулся в дом обвиняемой и, стоя возле сундука, сказал естественным тоном: "Мадам, ваш муж признался, что хранил свои книги и секретные бумаги в этом сундуке. Кроме того, мы договорились; я желаю вести себя по отношению к нему милосердно; если вы дадите определенную сумму денег и скажете мне, где находятся книги, я клянусь вам перед Богом, что ваш муж не пострадает от какого-либо предубеждения. Жена, которая была "молода, легкомысленна" и сильно встревожена тем, что произошло, позволила поймать себя на эту уловку. Морин задавал так много "хитрых и изощренных вопросов", что, поверив в его обещание, она рассказала ему все. "Хорошо! - подумал лейтенант-преступник. - Он хотел спрятать от нас свои книги, потому что чувствовал себя виновным в ереси". Схватив их, он вышел из дома и, спрятав бумаги в надежном месте, отправился искать других жертв.

Если и был в Париже человек, которого нельзя было заподозрить в изготовлении плакатов, то это был бедный паралитик: он едва мог встать с постели. Это не имело никакого значения, и Бартоломью Милон был одним из первых, к дому которого Морин направил свои шаги. Он и до этого держал его в своих тюрьмах; "но, - говорится в *Книге мучеников*, - Господь избавил его, чтобы заставить служить утешению своего народа в это горькое время года". Лейтенант-уголовник очень хорошо знал сапожную мастерскую; это было отмечено в его книгах. Словно обезумевший, с пеной у рта от ярости, он вошел в комнату, где лежал бедняга Берто. - Ну же, вставай! - закричал он, свирепо глядя на него. Бартоломью, "не испугавшись отвратительного лица тирана", ответил с милой улыбкой: "Увы! сэр, нужен более могущественный хозяин, чем вы, чтобы заставить меня подняться". — "Уведите этого парня", - сказал зверь своим созданиям и, приказав им унести с собой предмет мебели, в котором паралитик хранил свои бумаги, продолжил свою бесславную кампанию.

=АРЕСТЫ.=

Лейтенант уголовного розыска направился к воротам Сен-Дени, к вывеске с *Черным конем* вошел в лавку богатого торговца Дю Бурга. Когда они увидели его, все, у кого там была какая-либо работа, были поражены; но хотя они очень любили своего хозяина, никто не пошевелился, чтобы защитить его. Жена суконщика, дочь другого богатого торговца по имени Фаверо, не была столь спокойна: заливаясь слезами и визжа, она умоляла жестокого Морена не забирать ее мужа. Ничто не могло разжалобить его, и он арестовал Дю Бурга. "Он один из тех, кто расклеивал газеты на углах улиц", - сказал лейтенант и увел его. Затем настала очередь бедного каменщика Пуайля, который был схвачен в своей жалкой хижине.

После них многие люди без различия ранга или пола были заперты — как те, кто осудил плакаты, так и те, кто их одобрил. В доносчиках недостатка не было; им выделялась четвертая часть имущества обвиняемого, и соответственно эти *четверняки* (как их называли) [228] были неутомимы в выслеживании жертв; каждый из них мог быть обвинителем и свидетелем одновременно. Это было царство террора, и все добрые люди были поражены этим.

Сорбонна воспользовалась этой яростной бурей, чтобы отомстить Маргарет и наказать ее друзей. Эта принцесса покинула Беарн в начале лета, чтобы присутствовать на свадьбе своей невестки Изабеллы Наваррской с виконтом де Роганом, и получила разрешение своего брата для Руссея, который был с ней, а также для Куро и Берто проповедовать в Париже. Эти

умеренные люди были решительно настроены против акта, совершенного в ночь на 25 октября; тем не менее они были брошены в тюрьму. Поскольку не было никаких опасений оскорбить союзников короля, многие немцы, как католики, так и протестанты, были грубо схвачены; достаточно было иметь трансрентский акцент, чтобы быть заподозренным в ереси.

Тем временем Франциск I прибыл в Париж. Кардиналы, Сорбонна, парламент, все ярые друзья римско-католицизма, превзошли друг друга в рвении утвердить "этого мудрого и доброго принца" [229] в его религии, которая была несколько поколеблена. Они должны воспользоваться кризисом, чтобы разорвать его союзы с англичанами и саксами. Настало время нанести удар и разорвать эти преступные связи. Кардинал де Турнон был особенно неутомим и постоянно призывал к наказанию. Когда Дю Шатель, епископ Тюля, заявил о своем несогласии с кровавыми мерами: "Ваша терпимость выглядит подозрительно, - сказал Де Турнон. - Это недостойно истинного сына Церкви". — "Я действую как епископ, - твердо ответил Дю Шатель, - а вы как палач". Но ничто не могло остановить ни кардинала, ни Дюпра. Они сказали Франциску: "Тщательно оберегайте честь, которую Пий II оказал нашим королям, когда сказал: "Короли Франции обладают той особенностью, что они сохраняют католическую веру и честь церковников"; и добавили: "Мы предотвращаем распространение пожара, разрушая дома, которых он коснулся первыми, и даже соседние; поступайте так же, сир; прикажите полностью и без остатка истребить тех, кто восстает против Церкви". Разожгите костры и воздвигните виселицы для использования лютеранами". [230]

Новый акт безумия (как рассказывают некоторые историки, но во что мы с трудом можем поверить) еще больше распалил гнев короля. Как нам сообщили, в ту же ночь, когда он прибыл, плакаты появились снова и были прикреплены к воротам Лувра. Более того, утверждается, что, когда Франциск I ложился спать, он нашел документ у себя под подушкой. Историк, который фиксирует эти события, очень склонен к преувеличению, [231] и я склонен думать, что подобные истории - просто басни, придуманные врагами Реформы, а ее друзья как раз тогда были слишком напуганы, чтобы проявить такую смелость.

=СКОРБЬ МАРГАРЕТ.=

Никто не был так встревожен и взволнован, как Маргарет. Ничто так не противоречило ее натуре, как стиль плакатов; и на самом деле это была не только атака на Рим, но и протест против примиренческой католической системы королевы Наваррской. Те, кто протестовал таким образом, имели определенное сходство (не считая их христианства) с хорошо известным литературным персонажем: они одинаково осуждали фанатичных романистов и духовных католиков -

Les uns, parcequ'ils sont méchants et malfaisants,

Et les autres, pour être aux méchants complaisants. [232]

Королева не имела ни малейшего представления о готовящемся ударе, и в тот самый момент, когда она поверила, что Евангелие вот-вот одержит победу, казалось, что для него во Франции все кончено. Гнев ее брата, суровый взгляд, который он обратил на нее, возможно, впервые, встревожили эту принцессу, которая, это правда, обладала глубоким пониманием, но в то же время сердцем легко растроганным и даже робким. Она пролила потоки слез: она не сомневалась, что все это было результатом заговора, устроенного Сорбонной и кардиналом де Турноном. "Милорд, - обратилась она к королю, - мы не приверженцы таинств. Эти печально

известные плакаты были изобретены людьми, которые хотят возложить ответственность за свой отвратительный маневр на нас". [233]

Она решила сделать все, чтобы спасти хотя бы Руссея; сама мысль о том, что он может сгореть, приводила ее в ужас. Почему она не оставила его в По? Видя необычную холодность короля, она поручила вероломному Монморанси представить ее прошение. "В данный момент они заняты, - писала она ему, - завершением дела против мастера Жерара; я надеюсь, король сочтет, что он заслуживает чего-то лучшего, чем костер.... Он никогда не придерживался мнения, запятнанного ересью. Я знаю его уже пять лет, и если бы я заметил в нем что-то подозрительное, я бы не стал так долго терпеть такой яд. Я умоляю вас, не бойтесь говорить от моего имени". [234]

Монморанси, далекий от того, чтобы выполнить просьбу королевы, попытался погубить не только Руссея, но и саму Маргариту; в то время как кардиналы Дюпра и Де Турнон помогли ему внушить королю, что его сестра имеет некоторое отношение к делу с плакатами. Холодность, суровость даже Франциска I по отношению к Маргарите возрастали с каждым днем; убитая горем и не в силах больше терпеть, она поспешно покинула Париж.

=БЕДА ОБВИНЯЕТ ФРЭНСИСА.=

Некоторые пошли дальше Дюпра и Де Турнона и обрушили бы свою месть на самого короля. Пылкий Беда, этот трибун Сорбонны, не забывший ни о своем изгнании, ни о своем заточении, искал случая отомстить государю, который опозорил его. Он искренне ненавидел Фрэнсиса; причинить ему вред просто ради удовольствия было его честолюбивым замыслом. Не удовлетворившись приписыванием плакатов королеве Маргарите, он обвинил бы самого короля. Взойдя на кафедру, он произнес проповедь против этого принца, полную оскорблений. "Если эти счета были разосланы не королю, - сказал он, - то, по крайней мере, он несет за них ответственность. Благосклонность, которую он оказывает еретикам, и его союз с королем Англии являются причиной всего этого зла. На этот раз священник ошибся, вообразив себя более могущественным, чем монарх. Будучи обвинен парламентом в государственной измене, [235] Беда был брошен в тюрьму, приговорен к покаянию перед церковью Нотр-Дам и к заточению до конца своих дней в аббатстве Святого Михаила, где и скончался. Так погиб в неизвестности этот яростный предшественник Лиги.

Революционная ярость римского защитника немного смягчила Франциска: обнаружив, что его обвиняют так же, как и его сестру, он отозвал ее в Париж. Королева, чье мужество было так же легко возродить, как и подавить, прибыла в Лувр, полная надежд, не сомневаясь, что ей удастся склонить короля к золотой середине, которую она так горячо любила. Но она обнаружила, что Фрэнсис менее доступен, чем ей казалось, и все еще проявляет признаки дурного настроения. Но это ее не остановило: неосторожные и жестокие люди хотели отменить мессу с помощью фанатичного плаката, она попытается достичь той же цели более мягкими и благоразумными средствами. "Ты не хочешь ни церкви, ни таинств", - резко сказал ей король. Королева Наваррская ответила, что, напротив, она хотела и того, и другого; и, воспользовавшись возможностью осуществить свой план, она объяснила своему брату, что необходимо объединить весь христианский мир в одно тело с епископом Рима во главе; и что для этой цели священников следует заставить добровольно отказаться от некоторых схоластических доктрин и суеверных обычаев, которые лишают церковный ритуал его первобытной красоты. Затем, достав из кармана бумагу, которую Лефевр составил по ее просьбе во время ее пребывания на

юге, она предъявила ее королю: это было исповедание веры, известное как *Месса из семи пунктов*. "Священник продолжит служить мессу, - сказала Маргарет своему брату, - только это всегда будет *публичное причастие*; он не будет возносить воинство; оно не будет почитаться; священники и люди будут общаться под обоими видами; не будет поминовения Девы Марии или Святых; причастие будет совершаться обычным хлебом; священник, разломив и съев, раздаст остаток людям. Кроме того, священники будут иметь свободу вступать в брак". [236] Когда Франциск прослушал семь пунктов мессы своей сестры, он спросил ее, что осталось от римской мессы? Тогда королева, обратившись к его слабой стороне — славе, — представила ему, что посредством этого компромисса он объединит все секты и восстановит католическое единство, которое нарушалось столько веков. Разве это не величайшая честь, к которой может стремиться принц?

=ПРОПОВЕДНИКИ КОРОЛЕВЫ ПЕРЕД ФРАНЦИСКОМ.=

Франциск I, казалось, был потрясен, но все же он видел большие трудности. Королева умоляла его послать за Русселем и двумя монахами-августинцами, Куро и Берто: "Я не сомневаюсь, что они докажут вам, - сказала она, - что это осуществимо". Королю было любопытно, говорит историк, и он принял предложение. Трех евангелистов вывели из тюрьмы и доставили в Лувр, где королева представила их своему брату. Она была полна радости: вопрос о плакатах, которые угрожали все разрушить, возможно, мог быть средством спасения всего. Она была обманута. Когда Франциск разговаривал с ней, ему не составляло труда вести себя как добрый брат с сестрой; но в присутствии двух монахов и Русселя он был мастером своего дела. Эти люди вызвали у него неудовольствие: рвение, с которым они указывали на ошибки и злоупотребления масс, раздражило его, и он поспешно отправил их обратно в тюрьму. Люди более ревностные, чем они были, уже покинули свои темницы ради эшафота.

[209] 'Per universam fere Galliam nocte in omnibus angulis affixerunt manibus.'—*Corp. Ref.* ii. p. 855.

[210] 'Perturbatus hac re populus, territæ multorum cogitationes, concitati magistrates.'—*Ibid.* p. 856.

[211] 'Qua quidem in re, nihil differunt a meretricibus.'—See the writing *In pontificios mercatores et saurones*.—Гердес, iv. с. 103.

[212] Crespin, *Martyrol.* fol. 112 verso.

[213] *Журнал парижской буржуазии*, издаваемый Лаланном, стр. 449.

[214] Фонтейн, *История. Catholique*.

[215]"Предварительный региональный конклав". —*Корп. ссылка.* ii. стр. 856.

[216] *Мартиролог Креспина*.

[217] *Журнал парижской буржуазии*, стр. 449.

[218] Фонтейн, *История. Кат. Журнал парижской буржуазии*, стр. 452.

[219] Crespin, *Martyrol.* fol. 112 verso.

- [220] Креспен, *Мартирол*. folio 112 verso.
- [221] 'Quidam mature sibi consulentes aufugerunt.'—*Corp. Ref.* ii. p. 856.
- [222] 'Qui ad se ea pericula spectare non putabant, qui non contaminati erant eo scelere, hi etiam in partem pœnarum veniunt.'—*Ibid*.
- [223] Théod. de Bèze, *Hist. Эклесиаста*. стр. 10.
- [224] Théod. de Bèze, *Hist. Эклесиаста*. стр. 10.
- [225] *Буржуазный журнал*, стр. 44.
- [226] Креспен, *Мартироль*. fol. 112.
- [227] Креспен, *Мартирол*. фол. 113.
- [228] "Делатели и квадруплаторы публичных сравнений".—Штурм Меланхтону, *Корп. ссылка*. ii. стр. 856.
- [229] Florimond Rémond.
- [230] Флор. Rémond, *Hist. Херес*. vii. ч. v.
- [231] Varillas.
- [232] "Одни - потому что они нечестивцы; другие — потому что они потворствуют нечестивым". - *Мизантроп*.
- [233] РУКОПИСЬ. Библ. имп. Ф. Дополнение, № 133.
- [234] *Lettres de la Reine de Navarre*, i, p. 299.
- [235] 'Beda conjectus est in carcerem accusatus criminis læsæ majestatis.'—Cop to Bucer, 5th April, 1535.
- [236] *Протестантская Франция*, ст. *Маргарита*. Свободнее, *Жизнь Маргариты д'Ангулем*, ii. стр. 142.

ГЛАВА XI.

ИСКУПЛЕНИЯ И ПРОЦЕССИИ.

(Конец 1534-начало 1535 гг.)

Для очищения Франции требовалось искупление — торжественные церемонии, жертвоприношения и костер. В деле искупления не должно быть никаких недостатков.

Дю Бург, Милон, Пуайль и их друзья сидели в тюрьме, ожидая того дня, когда они предстанут перед своими судьями. Бедный паралитик оставался таким же спокойным, как и в лавке своего отца: он был еще спокойнее. Раньше, когда друзья или родственники, привыкшие поднимать

его на руки, брали на руки, он кричал от боли, которую ощущал в каждом члене тела. Но теперь, в тюрьме, он переносил все это без боли, и "самое грубое обращение казалось нежным". Получая неведомую силу от Бога, он был спокоен и радостен в скорби. Это святое терпение вселяло мир в сердца его товарищей по несчастью. "Невозможно передать, какое утешение он им даровал", - говорит летописец. Все они оказались на темной дороге, которая вела к жестокой смерти, но этот бедняга шел перед ними, как факел, направляя и радуя их своим мягким светом.

Настал день суда: это было 10 ноября, через две недели после появления плакатов. Семеро заключенных были доставлены в Шатле: войдя в это древнее здание, где до сих пор сохранились некоторые остатки стен цезаря, они предстали перед палатой по уголовным делам, и королевский адвокат в своей алой мантии потребовал сурового приговора. Бедного паралитика нельзя было обвинить в том, что он бегал по городу, чтобы прикрепить рекламные листовки; тем не менее его осудили за то, что он купил несколько листовок в магазине своего отца. Правосудие было одновременно быстрым и жестоким. Все эти добродетельные люди были приговорены к конфискации своего имущества, публичному покаянию и сожжению заживо в разных местах и в разные дни. Суд посчитал, что, распространив наказания, они распространят террор еще шире. Приговор был утвержден парламентом. [237]

=МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ МИЛОНА.=

13 ноября, через три дня после вынесения приговора, один из тюремщиков вошел в камеру парализованного и, подняв его на руки, как ребенка, отнес на тележку; затем процессия направилась к Гревской площади. Проходя мимо дома своего отца, Милон с улыбкой приветствовал его. Он добрался до места казни, где был приготовлен кол. - Убавьте огонь, - сказал командующий офицер. - В приговоре говорится, что он должен быть сожжен *на медленном огне*. Это была жестокая перспектива, и все же он не произнес ничего, кроме мирных слов. Он знал, что верить и страдать - это жизнь христианина; но он верил, что благодать страдания все же более превосходна, чем благодать веры. Враги Реформации, окружившие горящий костер, слушали мученика с удивлением и уважением. Евангелисты были глубоко тронуты и воскликнули: "О! как велико постоянство этого свидетельства о Сыне Божьем, как в его жизни, так и в его смерти!" [238]

На следующий день настала очередь Дю Бурга, торговца с улицы Сен-Дени. Богатство, которым он наслаждался всю свою жизнь, слезы жены, мольбы друзей оказались бессильными спасти его. Он был человеком решительного характера: когда он вывешивал плакат, он сделал это смело, хотя и знал, что этот поступок может стоить ему жизни, и с таким же мужеством ступил на платформу. Когда он подъехал к Собору Парижской Богоматери, его заставили выйти; ему вложили в руку свечу и накинули веревку на шею, а затем отвели к фонтану Невинных на улице Сен-Дени, совсем рядом с его домом — его могли увидеть из окон, — после чего ему отрубили руку. Рука, которая организовала ужасный протест против Рима, упала на землю, но человек стоял твердо, веря, что "если те, кто сражается под командованием земных военачальников, идут вперед насмерть, хотя и не знают, чем все закончится, то тем более христиане, уверенные в победе, должны сражаться до конца". Дю Бурга отвезли в Альи и там сожгли заживо. [239]

=СТРАДАНИЯ И МУЖЕСТВО ПУАЙЛЯ.=

18-го числа настала очередь Пуайля. Этот старый ученик Брисонне проявил столько же твердости, сколько его учитель проявил слабости. Скорбная процессия направилась в

предмесье Сент-Антуан и остановилась перед церковью Святой Екатерины: именно здесь был приготовлен костер в назидание верующим этого района. Пуайль слез с повозки, лицо его выражало умиротворение и радость; находясь среди стражи и окружающей толпы, он думал только о своем Спасителе и его короне. "Господь мой Иисус Христос, - сказал он, - царствует на небесах, и я готов сражаться за него на земле до последней капли крови". Это признание истины в момент наказания привело палачей в ярость. "Подождите немного, - сказали они, - мы прекратим вашу болтовню". Они набросились на него, открыли ему рот, схватили за язык и просверлили в нем дырку; затем с утонченной жестокостью сделали разрез на его щеке, через который просунули язык и закрепили его железной булавкой. [240] При этом ужасном зрелище из толпы слышались крики: они исходили от смиренных христиан, которые пришли помочь бедному каменщику своими сострадательными взглядами. Пуайль больше ничего не сказал, но его глаза по-прежнему выражали покой, которым он наслаждался. Он был сожжен заживо.

Наказания быстро следовали одно за другим; было вынесено много других приговоров. 19 ноября печатника, перепечатывавшего труды Лютера, и книготорговца, продававшего их, вместе доставили на площадь Мобер. Бедняги, вероятно, сочли это всего лишь удачной спекуляцией; однако их сожгли на костре. 4 декабря молодой клерк подвергся такому же наказанию перед Собором Парижской Богоматери. На следующий день молодой художник-иллюминатор, уроженец Компьеня, работавший в магазине недалеко от моста Сен-Мишель, погиб на свае, сооруженной у подножия этого моста. Иногда считалось достаточным "выпороть обвиняемого догола", конфисковать его имущество и сослать его. [241]

=ЕЩЕ БЕГЛЕЦЫ.=

Ужас был всеобщим. Все, кто поддерживал какие-либо отношения с жертвами или время от времени посещал собрания, были встревожены. В домах евангелистов царило большое волнение: бегство казалось единственным убежищем, и многие готовились к отъезду.

Хотя мы говорили о евангельских христианах, мы называли не всех. Были и такие, чья профессия, не будучи столь публичной, как у Дю Бурга, Де ла Форжа и Милона, была все же столь же искренней; многие из них заявили о себе в то время. Среди них было несколько дворян: сеньор де Ройньяк и его жена, сьер де Роберваль, наместник маршала Ла Марша; сеньор де Флери в Бриере, дамуазель Байяр, вдова советника Порты, — все они, глубоко опечаленные, отправились в изгнание. [242] Беспокойство и тревога проникли даже в государственные учреждения: многие правительственные чиновники, Элуин дю Линь, член парламента Руана, и Уильям Гэй, член парламента Вернея, будучи вынужденными выбирать между своей жизнью и своей совестью, покинули свои посты и бежали. Среди беглецов было много таких, кого не стали бы искать среди обращенных. Магистр Пьер Дюваль, казначей личной казны, осененный божественной благодатью посреди пирушек, которыми он руководил, и его секретарь Рене, также новообращенный, решили пожертвовать теми соблазнами мира, которые исчезают вместе с жизнью, и бежать от ужасного гнева своего хозяина. Другой Дюваль (Джон), вероятно, из той же семьи, что и Пьер, хранитель сторожки в Булонском лесу, которая служила охотничьим местом встречи придворных, был постигнут Словом Божьим среди своих оленей и соколов, точно так же, как и его повар Уильям Дешам. Подобным образом Евангелие проникло в Финансовый отель: два клерка Казначейства начали искать *сокровище на небесах*; их звали Клод Берберен и Леон Жаме из Сансе в Пуату. Все эти люди внезапно исчезли; некоторые прятались в отдаленных деревнях, где у них были друзья; одни отправились в Базель, другие - в

Страсбург. Жаме, друг Клемана Маро (который адресовал ему четыре из тех пародийных посланий, известных как *соq-à-l'ane*, которые тогда были в большой моде), отправился в Италию и нашел убежище при дворе герцогини Рене Феррарской, которая сделала его своим секретарем; и сам Клеман, который уже не раз сталкивался с законом из-за своей ненависти ко всякому принуждению, а не из-за своей веры, тоже испугался и сопровождал своего друга за Альпы.

Бок о бок с этими дворянами и слугами короля на всех дорогах Франции встречались люди более скромные. Профессии, связанные с типографией (печатники, книготорговцы и переплетчики), составляли наиболее многочисленный контингент в этих бандах беглецов. Реформация приобрела много последователей среди учителей и их работников, и было достаточно напечатать, переплести или продать любое из произведений Лютера, чтобы быть сожженным заживо. Мастер Симон Дюбуа, Джон Николь, Балафре (до нас дошла только фамилия) — все они, печатники, были в бегах. Эндрю Винкар, книготорговец; Шолин и Джером Дени, мастера-переплетчики; и некто Барб д'Орж, подборщик книг для суда, исчезли. Мастера-ювелиры, граверы; Джон Ле Фейвр, резчик блокнотов (возможно, он вырезал определенные рисунки, изображающие Христа и Антихриста, которые были распространены вместе с плакатами); бондарь, плотник, сапожник; Жирар Ленэ, художник; Джон Пино, содержавший гостиницу "*Ключ*" на Грее, печально известную тем, что там останавливались лютеране; сестра паралитика Милона, которая не могла оставаться в городе, где был сожжен ее брат, — все они летели в небо. далеко от Парижа. [243]

Дофини был провинцией Франции, которая внесла наибольший вклад в развитие евангелического братства Парижа. Магистр Томас Берберен, Паскуалис, Франсуа, Гаспар Шарнель и молодой монах по имени Луис де Лаваль были родом из Дофини и поспешно вернулись в свой живописный дом.

=КАЧЕСТВО БЕГЛЕЦОВ.=

Несколько других беглецов были монахами: брат Грациан и брат Ричард, оба августинцы; брат Николас Марсель, целестинец; регент Жаннет по прозвищу *проповедник*; и мастер Джон ле Рентиф, светский священник, широко известный как *прешер де брак*, [244] названный так, вероятно, потому, что, сбросив свою священническую мантию, он проповедовал в бриджах. В этом беглом стаде была одна черная овца, знаменитый доктор богословия Питер Кароли. Сорбонна отменила его лекции в колледже Камбре за то, что он сказал: "Ничто так не удерживает нас от познания Бога, как изображения; и лучше отдать шесть пенсов бедным, чем священнику на мессу". Он уехал в Швейцарию, где его присутствие не очень высоко оценили. "В то время также вышел Кароли, - говорит Беза, - неся с собой тот же дух честолюбия, противоречия и распутства; человек, которого не посылал дух Божий, но которого привел сатана, чтобы помешать работе Господа".

Кроме того, колледжи, где свет евангелия начал озарять некоторых учителей и учеников, предоставили нескольких беглецов. Профессора, на которых обрушилась бы суровость парламента, поднялись, попрощались со своими учениками, печально закончили свои занятия и исчезли. Мастер Джон Рено, директор колледжа в Турне; мастер Медерик Севин; мастер Матюрен Кордье, наставник и друг Кальвина, в спешке покинули Париж, не попрощавшись со своими коллегами. Все классы общества предоставили представителей для этого органа, который спешил из столицы по всем дорогам. С этими благородными христианами часто

обращались позорно во время их бегства: многие жалели их, но другие оскорбляли. Иногда им приходилось прятаться в конюшнях или в лесах; измученные нищетой и голодом, они одевались в "грубые и грязные одежды", чтобы лучше ускользнуть от своих врагов; но мир веры утешал их; они не желали отречься от Христа; они предпочли, как говорит Кальвин, отказаться от мирской жизни, чтобы жить вечно на небесах, и надежда на славное воскресение не давала им упасть в обморок. [245]

Маргарет втайне пролила много слез, и ее молчаливая печаль красноречиво говорила брату. Вскоре она рискнула произнести несколько молитв за своих друзей, Русселя, Куро и Берто. Король все еще был раздражен на них, но любовь, которую он испытывал к своей сестре, взяла верх. Он приказал вывести трех врачей из тюрьмы и поместить в монастырь: темницу превратили в камеру, что принесло некоторое облегчение; и каждому из них был вынесен строгий выговор. Руссель заявил, что у него нет желания порывать с Церковью, и удалился в свое аббатство в Клераке. [246] Слабый Берто, которого напугали наказания, без всяких стеснений облачился в монашеское одеяние и умер в монастыре; но престарелый и бесстрашный Куро остался тверд. Напрасно король отослал его обратно в монастырь; напрасно на него надели монашеское одеяние и дали в руки венчик; он хранил молчание, но при первой возможности, всего через несколько дней после того, как его отправили в монастырь, он сбежал и, хотя был почти слеп, пошел по дороге, по которой уже прошли Фарель и Кальвин, и добрался до Базеля.

=КОРОЛЬ ПРИЗЫВАЛ К ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ.=

Это помилование, почти позорящее короля, даровавшего его, было единственным и последним выражением жалости Франциска; уступив место своей сестре, он уступил место придворным, кардиналам, Сорбонне, и парламенту. Снисходительность короля к трем врачам лишь ускорила ужасные гонения, которые вот-вот должны были начаться во Франции. Люди, особенно в Париже, невежественные и суеверные, не представлявшие, что может существовать какая-либо другая религия, кроме той, которой их учили, были поражены, встревожены и встревожены, видя огромное количество мужчин и женщин, привлеченных к Евангелию; они были даже тронуты спокойствием мучеников. Вожди ультрамонтанской партии, встревоженные волнением, которое постепенно распространялось по всей столице, и желая укрепить веру масс, начали очень серьезно просить короля. Они напомнили ему о документе, направленном против мессы, и призвали к более суровым наказаниям и более яркому удовлетворению; они сообщили ему, что "жители Парижа были очень встревожены множеством тех, кто отклонился от веры". [247] Они, казалось, видели, как волны учения Лютера стремительно надвигаются из Германии и вот-вот обрушатся на Францию. При любом риске должна быть возведена дамба, достаточная для того, чтобы остановить их. "Сир, - сказали они, - верно передай своим преемникам тот славный титул старшего сына Церкви, который ты получил от своих предков.... Вы знаете, как жаден французский ум до новинок, [248] и к чему это может нас привести.... Публично докажите свою приверженность вере". Франциск не забыл о плакате, прикрепленном ночью к двери его комнаты, и этот протест евангелистов казался в его глазах скандальной клеветой, направленной против его величества. Пусть тогда будет больше сожжений.... Но желательно, чтобы они сопровождались необычной пышностью. Королевским законом и конституцией было предписано, чтобы они молились Всевышнему об уничтожении ереси, и с этой целью должна была состояться торжественная процессия и искупительная жертва. Франциск намеревался увенчать это варварскими актами.

Весь Париж пришел в движение: улицы были завешены драпировками, *были воздвигнуты хранилища* [249], во дворце готовились самые великолепные наряды, а жертвы в темницах подсчитывались. У Франциска было много мотивов для того, чтобы устроить грандиозный спектакль и сопроводить его кровавыми интермедиями: в них не обошлось без участия государственной политики. Он хотел заставить замолчать злые языки, которые бредили о его дружеских отношениях с Генрихом VIII. и благосклонность, с которой он принял посла Великой Турции; он хотел ниспослать благословение небес на свои руки; он хотел показать, что, защищая здравую науку, он презирал фанатичные писания и ненавидел анонимные пасквилы, распространявшиеся одновременно с плакатами, *Семью нападениями*, трактатом *Против папских торговцев* и множеством других. Но гнев, охвативший его при виде объявления о преступлении на собственной двери, особенно требовал ужасной мести, и притом безотлагательной.

Наступило 21 января 1535 года. Ранним утром большая толпа горожан и людей из окрестностей заполнила улицы; даже крыши домов были заполнены зрителями. Эта любопытная и взволнованная толпа еще больше усилила общее волнение: многие жители Парижа никогда раньше не видели ничего подобного. "Не было ни малейшего выступающего из стен куска дерева или камня, который не был бы занят, при условии, что на нем было место для кого угодно, и улицы казались вымощенными человеческими головами". Бесчисленное собрание восхищалось гобеленами, которыми были увешаны дома, *мемуарами*, картинами, полными великолепных тайн. Люди собирались, в частности, перед представлениями *Святого Воинства*, *Jew*, "вероятно, Странствующего еврея", "и других очень необычных людей". Перед дверью каждого дома был зажжен факел, "чтобы оказать почтение святому причастию и святым мощам". [250]

=ШЕСТВИЕ С МОЩАМИ.=

Шествие началось в шесть утра. Первыми шли все кресты и знамена нескольких приходов; затем следовали горожане по двое, каждый с факелом, и представители четырех нищенствующих орденов, а также священники и каноники города. Никогда раньше не видели столько реликвий. В тот день на улицах столицы были не только живые люди, которые отдавали честь мессе; там были святой Филипп, Святой Марсель, Святой Жермен, Святой Мерри, Святой Оноре, Святой Ландри, Святой Оппортуна, святой Мартин, Святой Маглуар и многие другие, которые, полностью или частично, прошли парадом перед народом. Толпа взирала на эти древние реликвии с благоговейным восхищением: "Вот тело святого!... вот его обувь и бриджи!"

Так говорили набожные люди; но какое действие производили эти суеверия на просвещенных людей? Что сказал бы, в частности, Кальвин, этот великий друг поклонения в духе и истине, обращенного только к Богу? Он покинул Париж несколько месяцев назад; но если бы он все еще был там, в момент начала процессии, у Де ла Форжа или в любом другом доме, перед которым она проходила, каковы были бы его чувства? Об этом мы узнаем из одного из его сочинений, в котором он описывает все реликвии, выставленные в это время перед парижанами. Сейчас подходящий момент показать, что он думал об этих мнимых мощах святых. Ирония - это оружие, которое следует с осторожностью использовать в религиозных вопросах; однако мы не раз находим ее применение в Библии, например, там, где Илия обращается к пророкам Ваала. [251] Поэтому Кальвин мог бы воспользоваться этим; но он от природы не был склонен к юмору, и за его иронией скрывалась глубокая серьезность.

Святые тела следовали друг за другом по улицам столицы. Восхищение горожан возрастало с каждым мгновением; когда мимо них проходила каждая реликвия, они верили, что видят уникальный в мире объект. "Чудо не так уж велико", - сказал впоследствии Кэлвин. "У нас есть не только одно тело каждого из этих святых, но и несколько. Одно тело святого Матфея находится в Риме, второе - в Падуе, а третье - в Треве. Один из них - Святого Лазаря в Марселе, другой - в Отене и третий - в Аваллоне". [252]

Вскоре показались каноники Святой часовни в своих ризах: ни одна церковь в христианском мире не обладала такими сокровищами. "Вот молоко Пресвятой Девы!" — "В самом деле, - сказал Кальвин, - нет ни одного маленького городка или убогого монастыря, где бы нам не показывали это молоко. Если бы Пресвятая Дева всю свою жизнь кормила грудью, она вряд ли смогла бы обеспечить такое изобилие!" [253]

"Вот пурпурная мантия нашего Господа, — говорили люди, - и льняная ткань, которой он был обязан на Тайной вечере, и его пеленки!" - "Им было бы лучше, - сказал Кальвин, - искать Христа в его слове, его таинствах и духовных милостях, чем в его платье, рубашонке и салфетке". [254]

"Вот и терновый венец!" - вскоре раздался крик. Сенсация, произведенная этим почитаемым предметом, была тем сильнее, а стремление людей приблизиться к нему - тем сильнее, потому что его никогда прежде не видели на процессиях. - Это не редкость, - сказал Кэлвин. - Две такие короны находятся в Риме, одна в Венсенне, одна в Бурже, одна в Безансоне, одна в Альби, одна в Тулузе, одна в Маконе, одна в Клери, одна в Сен-Флуре, одна в Сен-Максимине, одна в Нуайоне, одна в Сан-Сальвадоре в Испании, одна в Сан-Яго в Галлии и многие другие в других местах. Чтобы сделать все эти короны и собрать все эти шипы, они, должно быть, срубили целую живую изгородь". [255]

"Вот идет истинный крест!" — Снова слышались суета и крики, горожане и незнакомцы давили друг друга. - "Он не единственный, - сказал реформатор, - нет ни одного маленького городка или ничтожной церкви, где бы вам не показывали части; и если бы все было собрано вместе, груза хватило бы на большую баржу, и триста человек не смогли бы ее нести". [256]

Затем появилась серебряно-позолоченная святыня, которая привлекла всеобщее внимание: в ней хранились мощи святой Женевиевы, покровительницы Парижа; она была последним якорем в разгар бури, и ее снимали только тогда, когда Франция была в большой опасности. Парижские мясники предложили носить этот драгоценный амулет и приготовились к нему, постившись несколько дней: они ходили босиком и были одеты в длинные рубашки. Вокруг этой несколько свирепой группы наблюдалось непрерывное движение. "Вот она, святая Дева Нантеррская", - раздался крик. "Она спасла наших предков от ярости Аттилы, да спасет она нас от ярости Лютера!" Люди бросились к реликвии: один хотел прикоснуться к ней своей шапкой, другой носовым платком, третий кончиком пальца, некоторые, еще более смелые, пытались поцеловать ее. *Целуйте Сына, чтобы он не разгневался, и вы не погибли с пути, когда гнев Его лишь немного разгорится.* [257]

За мощами пришло множество кардиналов, архиепископов и епископов, а также аббаты в ризах и митрах. Затем под великолепным балдахином, четыре столба которого несли трое сыновей короля и герцог Вандомский, первый принц крови, появилось воинство, которое нес епископ Парижский и было украшено так, словно это был сам Господь собственной персоной.

=ПОКАЯНИЕ КОРОЛЯ.=

Затем появился Франциск I. без парада, с непокрытой головой и пешком, держа в руке зажженную свечу, [258] как кающийся грешник, призванный искупить святотатство своего народа. На каждом *поминовении* он отдавал свою свечу кардиналу Лотарингскому, складывал руки и преклонял колени, смиряясь не за свои прелюбодеяния, ложь или ложные клятвы — о них он не думал, - а за дерзость тех, кому не нравилась месса. За ним последовали королева, принцы и принцессы, иностранные послы и весь двор, канцлер Франции, совет, парламент в своих алых мантиях, университет, другие корпорации и гвардия. Все шли по двое, "демонстрируя все признаки необычайного благочестия". Каждый мужчина нес зажженный факел в глубоком молчании. Одни только духовные песни и зауспокойные напевы время от времени нарушали тишину этой мрачной и медленной процессии.

Таким образом, он прошел по разным кварталам столицы, сопровождаемый огромной толпой людей, и жители каждой улицы, стоя перед своими домами, падали на колени, когда хозяин проходил мимо. Толпа была так велика, что отряды лучников с белыми посохами в руках, расставленные на каждой улице, едва могли расчищать проход для процессии. [259]

Наконец они прибыли в церковь Нотр-Дам; причастие было возложено на алтарь; епископ Парижа отслужил мессу, и хозяину дома были возданы все мыслимые почести, чтобы искупить оскорбления, нанесенные ему плакатами. Из собора Парижской Богоматери король и принцы вернулись во дворец епископа.

В истории есть дни дурных предзнаменований. Особенно есть один, который достаточно назвать, чтобы наполнить разум печалью и оплакиванием ... роковая дата, торжественно положившая начало во Франции эпохе гонений и мученичества. *Двадцать первого января 1535 года* король Франции, окруженный своим двором и министрами, своим парламентом и духовенством, собиравшийся со всеми подобающими церемониями предать смерти смиренных учеников Евангелия. То, что начали Валуа, бурбоны продолжили, и самые прославленные из них осуществили в широком масштабе систему галер и сожженных костров. Увы! есть даты, которые совпадают поразительным и безжалостным образом. Четыреста пятьдесят восемь лет спустя было другое *двадцать первое января*. Самый простой, кроткий, великодушный из бурбонов, осужденный заблудшими людьми на смерть, взошел на эшафот, воздвигнутый в общественном месте Парижа; он получил смертельный удар *двадцать первого января 1793 года*. Мы не берем на себя смелость объяснять историю; мы не говорим, что невинный Людовик XVI понес наказание за преступления своего предшественника и что Бог predetermined, чтобы за искуплением, предписанным Франциском I., последовал другой. Но совпадение этих двух дат поразило нас, и мы не могли не остановиться, чтобы созерцать их со священным страхом.

[237] *Буржуазный журнал*, стр. 414.

[238] Креспен, *Мартироль*. фол. 43.

[239] *Буржуазный журнал*, стр. 445.

[240] Crespin, *Martyrol*. fol. 113 verso.

[241] Crespin, *Martyrol*. fol. 113 verso.

[242] *Chronique du Roi François I.* p. 130. В этой рукописи, опубликованной М. Гиффри в 1860 году, описано несколько новых фактов.

[243] *Chronique du Roi François I.* pp. 130-132.

[244] Проповедник в бриджах; сост. Итальянский браче.

[245] Список тех, кто был отмечен судебными приставами как бежавший из Парижа, о котором говорит парижский буржуа в своем *Журнале*, стр. 446, более полно приведен в *Хронике Франсуа I.* стр. 130-132.

[246] Герардус Руфус ... абсолютный закон региона". —Полицейский Буцеру, Страсбург, МИСС

[247] *Chronique du Roi François I.* p. 113.

[248] 'Quam avido novitatis ingenio essent Galli.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 229.

[249] Это временные алтари, установленные на улицах, у которых шествие *Тела Христова* останавливается "для упокоения Святого Причастия".....

[250] *Chronique du Roi François I.* p. 114.

[251] 1 Царств xviii. 27.

[252] Кальвин, *Сочинение на французском языке.* стр. 750-751.

[253] Кальвин, *Сочинение на французском языке.* стр. 745.

[254] Там же, стр. 727 и 736.

[255] Там же. стр. 736, 742.

[256] Там же. стр. 734.

[257] Псалом ii. 12.

[258] Более азартный, *Хист. де Франс*, xxiv. стр. 556.

[259] 'Innumera denique plebis multitudine.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес.* ii. стр. 229. См. также *Журнал парижской буржуазии*; Фонтен, *История. Католическая церковь*; Майбург, *История. du Calvinisme; and the Chronique de François I.*

ГЛАВА XII.

КРАСНОРЕЧИЕ И ПЫТКИ ФРАНЦИСКА I.

(21 января 1535 г.)

=УЖИН У ЕПИСКОПА.=

=РЕЧЬ КОРОЛЯ.=

Еще не все было кончено: они разыграли комедию (как некоторым казалось); теперь им предстояло произнести ораторскую речь, а затем разыграть трагедию. Чтобы задушить Реформацию, требовалось нечто большее, чем реликвии, песнопения и изображения: должна быть пролита кровь. Но прежде всего должна быть произнесена тронная речь. Мы не сомневаемся в искренности короля в его ораторских движениях. Личное оскорбление, нанесенное ему, и препятствия, воздвигнутые плакатами его политическим планам, несомненно, занимали его больше, чем дело католицизма; но все это смешалось в его голове, и он был красноречив. Послы, [260] двор, парламент, епископ Парижский в сопровождении самых выдающихся представителей своего духовенства, ректор университета со своими главными докторами, глава купечества, шерифы и большое количество ведущих офицеров и купцов города получили приказ собраться после обеда в большом зале епископа. Они ожидали речи короля, что в те времена случалось нечасто, и это делало их еще более нетерпеливыми. Вскоре вошел Франциск I. лицо его было серьезным, печальным и даже мрачным. Его дети, другие принцы крови, кардиналы и высшие государственные чиновники окружили трон, откуда короля могло видеть и слышать все собрание. Он занял свое место и сказал: [261] "Господа, не удивляйтесь, если вы не увидите на моем лице того выражения, которое для меня обычно, и той радости, которая одушевляет меня всякий раз, когда я встречаю вас. Не удивляйтесь, если приемы красноречия чужды моей речи. Я пришел поговорить с вами не о себе; мы должны обсудить в этот день оскорбление, нанесенное Царю царей. Уместно, чтобы я принял другой стиль и язык, другой взгляд и выражение лица, ибо я говорю с вами не так, как король и повелитель обращается к своим подданным и своим слугам, но как подданный и слуга самого себя, и обращаюсь к тем, кто является сослужащими мне слугами нашего общего Короля, Повелителя повелителей, который есть Всемогущий Бог. Какой честью, каким благоговением, каким повиновением мы только не обязаны этому великому Королю!... Какими обязательствами это королевство обязано Ему больше, чем какое-либо другое, учитывая, что в течение тринадцати или четырнадцати столетий Он поддерживал в нем мир и безмятежность с его друзьями и победы над его врагами! И если иногда за грехи, совершенные против Его божественной благодати, Он желал наказать нас в мирских делах, Он делал это с такой незначительной строгостью, что никогда не превышал наказания, которое добрый и милосердный отец может применить к проступкам смиренного и послушного сына. Но что касается духовных вещей, которые касаются Святой католической веры, Бог никогда не оставлял Францию настолько, чтобы позволить ей хоть немного отклониться от нее; и Он оказал ей такую милость, что, по общему согласию, она пользовалась привилегией быть единственной державой, которая никогда не взращивала чудовищ и которая, превыше всех других, носит имя и титул Самой христианской.... Тем более мы должны испытывать скорбь и сожаление в наших сердцах, что в это время во Франции есть люди настолько порочные и ничтожные, что желают запятнать это благородное имя, — люди, которые распространяют отвратительные мнения, которые не только посягают на то, что наш великий король желает, чтобы ему воздавали почести, и действуют настолько злодейски, что не оставляют другим возможности сделать еще хуже, но и все сразу нападают на Него в святом таинстве алтаря. Люди низкого положения и малообразованные, злостные богохульники использовали по отношению к этому таинству термины, отвергаемые и вызывающие отвращение у всех других народов. Так что наше королевство и даже этот добрый город Париж, который с тех пор, как сюда доставлялись письма из Афин, всегда блистал здоровой и святой ученостью, могли оставаться оскорбленными, и его свет был затемнен.... Поэтому мы повелели налагать суровые наказания на провинившихся, чтобы они могли быть примером для других и не позволять им впадать в

подобные порочные мнения. И мы умоляем заблудших вернуться на путь Святой католической веры, на котором я, их король, вместе с духовными прелатами и светскими князьями упорно стою.... О! преступление, богохульство, день скорби и позора! Почему это вообще пришло к нам?"

"Мало кто из всего общества, - говорится в хронике, - у кого из глаз короля не текли слезы". После нескольких минут молчания, прерываемого восклицаниями и вздохами собравшихся, король продолжил: "По крайней мере, утешает то, что вы разделяете мое горе. Какой это будет позор, если мы не уничтожим этих нечестивых созданий!... По этой причине я призвал вас, чтобы умолять вас выкинуть из ваших сердец все мнения, которые могут ввести вас в заблуждение; наставлять ваших детей и ваших слуг в христианском учении католической веры; и если вы знаете кого-либо, зараженного этой порочной сектой, будь то ваш родитель, брат, двоюродный брат или родственник, сообщите информацию против него. Скрывая его злодеяния, вы станете участниками этой пагубной группировки". Собрание подало многочисленные знаки согласия; король видел преданность, рвение и привязанность, читавшиеся на их лицах. "Я благодарю Бога, - продолжал он, - что величайшие, наиболее образованные и, несомненно, большинство моих подданных, особенно в этом добром городе Париже, полны рвения к католической религии". Тогда, говорит хроника, вы могли бы увидеть, как изменились лица зрителей и на них появились признаки радости; возгласы заглушили вздохи, а вздохи заглушили возгласы одобрения. 'Предупреждаю вас, - продолжал король, - что я буду иметь указанные ошибки отчислен и изгнан из своего царства, и простит никто.' Затем он воскликнул, говорит наш историк, с негодованием: - а правда, господа, а я ваш король, если бы я знал, что один из моих собственных конечностей, пятнистое или заражен с этой отвратительной гнили, я бы дал его тебе, чтобы отрезать.... И более того, если бы я увидел, что кто-то из моих детей осквернен этим, я бы не пощадил его.... Я бы сам предал его и принес в жертву Богу". [262]

=ПОСЛЕДСТВИЯ КОРОЛЕВСКОЙ РИТОРИКИ.=

При этих словах царь остановился: он был взволнован и заплакал. Зрители, тронутые видом этого нового Авраама, разразились слезами. После перерыва, неизбежно вызванного этой трогательной сценой, Дю Белле, епископ Парижа, и Джон Тронсон, сеньор Куандре на Сене и главнокомандующий торговцами, подошли и, преклонив колени перед королем, поблагодарили его за усердие — первый от имени духовенства, другой от имени граждан — и поклялись вести войну с ересью. Вслед за этим все зрители воскликнули прерывистыми от рыданий голосами: "Мы будем жить и умрем за католическую религию". Автор *Хроники Франциска I.*, который, вероятно, присутствовал на собрании, подробно описывает эмоции, вызванные обращением монарха: "Этим мы можем ясно показать, - говорит он, - что речь красноречивого и могущественного человека может по своей воле управлять сердцами людей; ибо во всей компании не было человека, будь то местный житель или иностранец, который не менял выражения лица более одного раза в соответствии с различными чувствами, выраженными словами". [263]

Следующими должны были пробудиться другие эмоции, такие как тоска и ужас. Продемонстрировав свое красноречие, король собирался продемонстрировать свою жестокость. "Франциск, всегда впадавший в крайности, - говорит один очень католический историк, [264], - не побрезговал осквернить свои глаза зрелищем, полным варварства и ужаса".

На дороге между Сент-Женевьевой и Лувром были приготовлены два эшафота: один у Креста Стрелка на улице Сент-Оноре, а другой у Алля. Некоторые из самых выдающихся людей, которыми обладала Франция, должны были быть сожжены после того, как подверглись зверским пыткам. На мостах и улицах были установлены алтари, галереи и надписи. На мосту Нотр-Дам, вокруг фонтана, увенчанного большим распятием, были начертаны следующие строки:

Ipsi peribunt, tu autem permanebis. (Ps. cii.)

Inimicos ejus induam confusione. (Пс. cxxxii.)

Videbunt in quem transfixerunt. (Иоанн xix.) [265]

Чуть дальше стоял алтарь с обращением к Пресвятой Деве и всем святым с просьбой дать помощь, силу и благодать против нападений врагов воинства. В других местах были четыре строфы на французском, каждая из которых заканчивалась такой строкой:

France florit sur toutes nations. [266]

Король со своей семьей, знатью и остальной частью процессии, возобновив свое шествие, сделал свою первую остановку у Креста Стрелка. Затем Морен, жестокий лейтенант-преступник, привел трех евангельских христиан, которым суждено было быть сожженными, "чтобы умиловить гнев Божий". Это были превосходный Валетон, судебный исполнитель Нанта; мастер Николас, клерк регистратора Шатле, и еще один. [267] Люди были так взволнованы процессией и криками, поднявшимися повсюду, и даже у трона, против реформаторов, что, когда появились мученики, они яростно бросились на них, чтобы вырвать их из рук палача и разорвать на куски. Стража отогнала их назад, и последователи Евангелия были спасены для более страшной смерти.

=СТРАППАДО.=

Первым, кто выступил вперед, был этот храбрый человек и респектабельный христианин Николас Валетон, который всегда "водил хорошую компанию". Король был поражен обстоятельствами сокрытия своих книг и приказал сжечь их вместе с ним. Валетон стоял перед кучей. С какой-то утонченной жестокостью дрова, которыми его должны были сжечь, были взяты из его собственного дома; но такая ирония не тронула его. Еще один предмет привлек его внимание: это было что-то вроде виселицы, сделанной из двух шестов, один из которых был прочно воткнут в землю, другой прикреплен к нему крест-накрест, один конец которого поднимался по желанию с помощью веревки, прикрепленной к другому. Получатель спокойно смотрел на это орудие наказания, к которому его собирались пристегнуть, чтобы заставить взлететь в воздух. Просто сжечь этих смиренных христиан было бы слишком просто: использование *страппадо* заключалось в том, чтобы предоставить людям более разнообразное и увлекательное зрелище. Священники, зная, что Валетон был человеком честным и, кроме того, скорее новичком в ереси, желали привлечь его на свою сторону: они подошли к нему и сказали: "С нами Вселенская Церковь, вне нее нет спасения; возвращайтесь к ней, ваша вера губит вас". Этот верный христианин ответил: "Я верю только в то, что некогда проповедовали пророки и апостолы и во что верило все общество святых". Атаки возобновились, но безуспешно. "Моя вера основана на доверии к Богу, - сказал он, - который устоит перед всеми силами ада". Добрые люди, рассеянные в толпе, восхищались его

твердостью, [268] и мысль о том, что он оставил после себя осиротевшую жену, тронула сердца многих.

Наказание началось. Палач связал ему руки, которые он привязал к концу страппадо; затем страдальца подняли в воздух, и только руки выдерживали весь вес его тела. Затем свая, над которой он был подвешен, была подожжена, и они приступили к своей жестокой забаве. Палачи позволили несчастному Валетону упасть прямо в гущу пламени; затем, изменив свои движения, они подняли мученика в воздух только для того, чтобы позволить ему снова упасть в огонь. [269] "Заставьте несчастных почувствовать, что они умирают", - сказал жестокий император-язычник; король Франции исполнил этот приказ и наслаждался им со всем своим двором, примерно так же, как это делают дикари, сжигая своих пленников. После нескольких поворотов в этом зверском виде спорта, позабавившем короля, священников, знать и народ, пламя охватило мученика от ног до веревки, связывавшей его руки, узел сгорел, и этот праведный свидетель Христа упал в огонь, где его тело превратилось в пепел. Это бесчеловечное наказание было затем применено по приказу *самого христианского* короля к двум другим мученикам. Когда пытка длилась достаточно долго, палач перерезал веревку, если огонь не поглотил ее, чтобы жертва могла, наконец, упасть в пламя. [270]

=ПЫТКИ В ХАЛЛЕСЕ.=

Франциск I и его придворные все еще не были удовлетворены. "В Холлы! в Залы!" - раздался крик, и толпа любопытных бросилась туда, зная, что палачи приготовили второе развлечение подобного рода. Едва король и его свита прибыли, как они начали приводить в движение ужасное страппадо. К нему был привязан человек, известный и высоко почитаемый во всем квартале, богатый торговец фруктами из Халлеса, а после него таким же образом были обслужены еще два евангельских христианина. Франциск и его придворные были свидетелями конвульсий страдальцев и чувствовали зловоние их горящей плоти. Без сомнения, среди зрителей было много людей, сочувствующих чужим страданиям, но, что удивительно, не было ни малейшего признака сострадания: лучшие из них подавляли самые незаконные эмоции. Долгом каждого было думать, что, как говорит один иезуит, "король хотел снискать благословение небес, показав этот выдающийся пример благочестия и рвения". [271]

Франциск вернулся в Лувр довольный: окружавшие его придворные объявили, что триумф святой Церкви во Французском королевстве обеспечен навсегда. Но люди пошли еще дальше; они выказывали жестокую радость; смерть еретиков доставила им неизведанное наслаждение.... Прошло много времени, прежде чем проснувшаяся в них жажда крови была утолена. Они только что сыграли первый акт драмы, за которой должны были последовать другие, еще более кровавые, самыми печально известными из которых были Варфоломеевская резня и, с изменением числа жертв, резня в сентябре 1792 года. Некоторые восхищенные клерки подумали, что Франциск I превзошел Карла V. И воскликнули:

Cæsar edit edicta, Rex edit supplicia. [272]

Франциск I и его офицеры чувствовали, однако, некоторую досаду: не хватало определенных жертв. Они повсюду искали дворян, профессоров, священников и промышленников, подозреваемых в протестантизме, но не могли найти. Через несколько дней после этих казней, 25 января, звук трубы был слышен на всех перекрестках, и общий глашатай призвал семьдесят трех лютеран явиться лично. В противном случае они были объявлены изгнанными из

королевства Франции, их имущество конфисковано, а сами они приговорены к сожжению". Это были беглецы, на которых мы уже указывали. Никто из них не явился на вызов, но один из них написал королю: [273]

Они называют меня лютеранином — это имя

Я не имею права терпеть.

Лютер для меня не спускался с небес;

Для меня никакой Лютер не висел на кресте

За все мои грехи; и я не был во имя Его

Крещен, но во имя Его одного

Которому вечный Отец дарует то, о чем мы просим —

Единственное имя на небесах, под которым мир,

В этом порочном мире можно обрести спасение.

Но король был далек от того, чтобы прощать. Через четыре дня после этой публикации (29 января) он издал указ "об искоренении лютеранской секты, которая кишела и продолжает кишеть в королевстве, с приказом осудить ее последователей". [274] В то же время он направил циркулярное письмо всем парламентам, предписывая им оказывать "помощь и заключать в тюрьмы", чтобы ересь была незамедлительно искоренена. [275] Наконец, "отец литературы" издал указ, объявляющий об *отмене книгопечатания* по всей Франции под страхом виселицы. [276] Этот жестокий указ не был приведен в исполнение: он, однако, свидетельствует о духе, которым были воодушевлены враги Реформации.

=ПРОКЛАМАЦИИ И НАКАЗАНИЯ.=

Франциск I, совершив, таким образом, несколько экскурсов в сферу деятельности Карла V. — *прокламации*, вернулся к своей собственной — *наказаниям*. Дю Белле вступился за немецких протестантов, и король отправил их обратно в их собственную страну; но, чувствуя, что у него развязаны руки по отношению к собственным подданным, он отправлял на костер новые жертвы. 16 февраля друга Кальвина, богатого и благочестивого торговца Ла Форжа, около шестидесяти лет, отвезли в тележке на кладбище Святого Иоанна. "Он богатый человек, - говорили некоторые сострадательные зрители, - хороший человек, который много раздавал милостыни". Это не имело значения: они сожгли его заживо. Три дня спустя ювелир и художник были милосердно (ибо Франциск желал видеть процветание искусства) раздеты и выпороты, лишены своих товаров и изгнаны. Также были изгнаны многие женщины-лютеранки. 26 февраля молодой итальянец по имени Луис де Медичи погиб в огне в конце моста Святого Михаила, а его жена "умерла в своей постели от горя из-за такого позора". Вскоре после этого настала очередь ученого, уроженца Гренобля, который ночью расклеил несколько плакатов. 13 марта это был хорист королевской капеллы, который в своем опрометчивом рвении прикрепил протест к двери его величества; он был сожжен недалеко от Лувра. 5 мая *прокурора* и портного притащили на волокуше к паперти Собора Парижской Богоматери, откуда их отвезли на телеге на свиной рынок "и там повесили в цепях", которые расходовались не так быстро, как веревки. В

тот же день сапожник из Турне, изгнанный из этого города за принадлежность к секте Лютера, умер подобным образом, "не раскаявшись".

Примерно в то же время два подмастерья, уроженцы Тура, ткачи лент, прибыли в Париж "из Алмейна", привезя с собой лютеранскую книгу. "Хозяин, - неосторожно сказал один из них, - береги эту книгу, пока мы едем в город, и никому ее не показывай". Хозяин гостиницы, чье любопытство было таким образом возбуждено, вертел книгу в руках, пытаясь прочесть ее, и, наконец, не в силах больше терпеть, пошел и показал ее священнику. Последний, открыв ее, воскликнул: "Это проклятая книга!" Хозяин донес на путешественников; Морен приказал арестовать двух друзей... им вырезали языки, и они были сожжены "живыми и непокорными". [277]

=LA GABORITE.=

Не только Париж наслаждался этими жестокими зрелищами: костры были зажжены во многих городах Франции. Бедная девушка Мэри Бекодель по прозвищу Габоритка только что вернулась в Эссартс в Вандее, на своей родине, после служения в Рошели у учителя, который научил ее Евангелию. Случилось так, что в ее маленьком городке проповедовал серый монах, и она пошла послушать его. После проповеди она сказала ему: "Отец, ты не проповедуешь Слово Божье", - и указала ему на это. Пристыженный тем, что женщина отчитала его, монах, который был один, решил сделать себе выговор во второй раз, но при свидетелях. Заговор был подстроен. Монах оскорбил учение о благодати, и перепуганная Габоритка воскликнула: "Если ты оскорбляешь Евангелие, гнев Божий обрушится на тебя". Вскоре после этого ее приговорили к костру, и она перенесла свое наказание с таким терпением, что вызвала огромное восхищение". [278]

Примерно в то же время двое или трое мужчин несли ночную вахту в часовне Святой Свечи в Аррасе в Артуа. Там стояла свеча, перед которой верующие обычно пели гимны, потому что священники сказали им, что она была послана с небес и никогда не сгорала. "Это то, что мы увидим", - сказали эти евангелисты: Николас, прозванный *Писцом*, "человек здравомыслящий и хорошо обученный священному писанию", Жан де Пуа и СтивенБурле, "которые оба получили много наставлений от Николая". Однажды они заняли свое место вокруг свечи, твердо решив не засыпать. Замена, обычно производимая адептами ночью, когда двери были закрыты, не была произведена из-за этих любознательных людей, вечная свеча подошла к концу и погасла, как и любая другая свеча. Затем Николас и его друзья, призвав "бедных идолопоклонников", показали им, что от их сошедшей с небес реликвии не осталось ничего, кроме кончика догоревшего фитиля. "В награду за свое открытие эти три христианина вместе приняли мученический венец". [279]

Преследования не щадили никого. Часто врагу было достаточно обвинить человека в симпатии к Евангелию, как полиция немедленно накладывала на него свои руки. Это не входило в намерения короля: он приказал судьям выяснить, "послужили ли вражда, обида или месть поводом для ложных обвинений", но магистраты не были столь щепетильны. Ужас был всеобщим. "В Париже ничего не видно, - сказал очевидец-католик, - кроме виселиц, установленных в разных местах, которые, несомненно, приводят в ужас жителей упомянутого Парижа и жителей других мест, которые также видят виселицы и казни". [280] Мезере, описывая эти события, говорит: "Но на десять человек, которые были казнены, сотня других восстала из пепла". [281]

Враги Реформации, чувствуя, что момент настал решающий, удвоили свои усилия по ее уничтожению. Французы, за исключением определенного многочисленного класса, покорного духовенству, были расположены принять его. Они действительно ходили в церковь, но большинство населения охотно приняло бы религию, в которой священник не вставал бы между человеком и Богом. "Увы! - воскликнул более пылкий. - если король не вмешается, чтобы спасти Церковь, вся теплота французского отношения к католической религии скоро превратится в лед". [282]

=МОТИВЫ КОРОЛЯ.=

У короля был особый мотив поддерживать папство. Во Франции, как и в других частях Европы, происходила поразительная трансформация; ограниченная монархия превращалась в абсолютную монархию. Франциск I считал, что люди, которые ставят Бога выше короля и скорее умирают, чем меняют порядок этих двух сил, были очень опасны для деспотизма, и он поклялся, что, хотя он ухаживал за этой религией вне своего королевства, он сокрушит ее внутри. Увы! задача была слишком легкой. Многое удалось выполнить лишь поверхностно. Дворяне без возвышенности или независимости; литераторы, которые глумились над мракобесием, но не вкусили Евангелия; невежественные и робкие толпы отворачивались от Слова Божьего, когда пламя от горящих костров поднималось в воздух.

=ПИСЬМО ШТУРМА МЕЛАНХТОНУ.=

Ужас распространился по рядам друзей Реформации. Штурм, который был глубоко увлечен литературой и философией, с разбитым сердцем при виде всех этих бед оставил свои труды. Многие из мучеников были его друзьями и ели за его столом. Подавленный, встревоженный посреди уроков, которые он читал в Королевском колледже (который посещал знаменитый Рамус), постоянно имея перед глазами убийственное пламя, превратившееся в пепел тех, кого он любил, ему казалось, что варварство вот-вот погасит факел учености и снова охватит общество, едва пробудившееся от долгого сна. Он осудил плакаты; по его мнению, Реформация должна прокладывать себе путь ученым изложением своих доктрин, а не нападками на народные суеверия; но при виде наказаний он думал только о жертвах. Он повернулся к Германии, где у него было так много друзей, где, возможно, было меньше решимости, чем во Франции, но была более глубокая и внутренняя вера; он подумал о Меланхтоне, сел за его письменный стол и, словно находясь в присутствии этого мягкосердечного человека, излил ему на грудь все свои горести. "Если письма, которые я иногда писал вам о делах в этой стране, были вам приятны, - сказал он, - если вы тогда желали, чтобы все шло хорошо для хороших людей, — о! какое беспокойство, какую тревогу не должно испытывать ваше сердце в этот час яростных бурь и крайней опасности! [283] Мы были в лучшем, прекраснейшем положении благодаря мудрым людям; и теперь смотрите, как мы, по совету неумелых людей, впали в величайшее бедствие и величайшую нищету. В прошлом году я писал вам, что все шло хорошо, и какие надежды мы возлагали на королевское акционерное общество. Мы поздравляли друг друга, но, увы! расточительные люди лишили нас этих благоприятных времен. Однажды ночью в октябре месяце, за несколько мгновений, по всей Франции и на каждом углу они собственноручно расклеили плакаты о церковных орденах, мессе и евхаристии — можно было подумать, что они репетируют трагедию [284]— они зашли в своей дерзости так далеко, что прикрепили плакат даже к двери королевских апартаментов, желая таким образом, как могло показаться, вызвать определенные и ужасные опасности. После этого опрометчивого поступка все изменилось;

народ встревожен, мысли многих полны тревоги, магистраты раздражены, король взволнован, продолжаются ужасные судебные процессы. Следует признать, что эти неблагоприятные люди, если и не были причиной, то, по крайней мере, были поводом к этому. Только если бы судьи могли сохранить справедливое решение! Некоторые, будучи схвачены, уже понесли свое наказание; другие, быстро обеспечив свою безопасность, бежали; невинные люди понесли наказание виновных. Доносчики проявляют себя публично; любой может быть как обвинителем, так и свидетелем. [285] То, что я пишу тебе, Меланхтон, не праздные слухи; будь уверен, что я рассказываю тебе не все и что в том, что я пишу, я не употребляю сильных выражений, которых потребовало бы ужасное состояние наших дел. Уже восемнадцать учеников Евангелия были сожжены, и та же опасность угрожает еще большему числу. С каждым днем опасность распространяется все шире и шире. [286] Нет ни одного хорошего человека, который не боялся бы клеветы доносчиков и не был бы охвачен горем при виде этих ужасных деяний. Наши противники правят, и с тем большей властью, что кажется, будто они борются за правое дело и подавляют мятеж. Посреди этого великого и многочисленного зла остается только одна надежда — что народ начинает испытывать отвращение к таким жестоким преследованиям и что король, наконец, краснеет от того, что жаждал крови этих несчастных людей. Преследователями движет жестокая ненависть, а не правосудие. Если бы король мог только знать, какой дух движет этими кровожадными людьми, он, несомненно, воспользовался бы лучшим советом. И все же мы не отчаиваемся. Бог правит, он рассеет все эти бури, он покажет нам порт, где мы можем укрыться, он даст хорошим людям убежище, *где они осмелятся свободно высказывать свои мысли.*" [287]

=ПИСЬМО ЛЮТЕРА.=

Это письмо Меланхтону имеет важное значение в истории Реформации. Свобода слова и религиозных действий - это то, на что претендовал протестантизм во Франции; и, заявляя об этих свободах для себя, он обеспечил их для всех. Мы можем себе представить, какое впечатление произвело это письмо в Виттемберге. Меланхтон, воспринявший это, и даже сам Лютер обвиняли французских реформаторов в некотором избытке жизнелюбия; но, подобно Штурму, они признавали в них последователей Божественного Слова. Несколько дней спустя Лютер в письме своему другу Линку жаловался на злые времена, в которые они жили, и особенно на королей. "За исключением нашего принца (курфюрста Саксонии), - сказал он, - нет ни одного, кого я не подозревал бы. Вы можете понять по этому языку, как мало любви и рвения к Слову Божьему в этом мире. А пока, молю вас, спойте этот псалом: *Ожидющие ожидают Господина*, я терпеливо ждал Господа. Именно через славу и бесчестие, через спотыкания и блуждания, через праведников и нечестивых, через дьяволов и ангелов мы приходим к Тому, кто единственный добр, единственный без зла. [288] Поэтому, дорогой брат, я заклинаю тебя не слушать никаких разговоров и не вести никаких других бесед, кроме тех, что ты ведешь с *Ним*. Среди людей много превосходных людей, но, увы! у них меньше терпения, чем сурового правосудия. Помогите нам Бог!... Он позволяет дьяволу быть сильным, и какими слабыми он делает нас! Бог подвергает нас испытанию. Доверять человеку, будь он даже принцем, несовместимо с благочестием; но бояться человека постыдно и даже нечестиво для христианина. Да пребудет Христос, наша жизнь, наше спасение и наша слава с вами и со всеми вашими!" Лютер не назвал Франциска I. в этом письме, но хорошо известно, что из всех государей король Франции был тем, на кого он возлагал меньше всего надежд. Он не ошибся.

С этого времени Франциск I уже не проявлял прежней благосклонности к учености, особенно к евангелическому учению. Отлучение Генриха VIII от церкви, последовавший за этим раскол, надежда увидеть Павла III поссорившимся с Карлом V. и другие мотивы, помимо этого, заставили его снова склониться к Риму. Но плакаты были главной причиной этого изменения. Его гнев был неутолим; он был полон решимости отменить эти новые доктрины, которые были выставлены напоказ даже у ворот его дворца. Его возмущение охватило придворных и кардиналов, епископов и членов парламента. Более того, он высказал его даже перед протестантскими князьями Германии. В письме к ним 15 февраля он сказал: "Враг истины подстрекал определенных людей, которые не дураки, а безумцы, и которые взяли на себя вину за подстрекательство к мятежу и другие антихристианские действия. Я полон решимости сокрушить эти новые доктрины и не допустить дальнейшего распространения этой болезни, которая приводит к ужасным восстаниям. Никто не был пощажен, независимо от его страны или ранга". [289]

Таковы были намерения короля. Протестантизм, а вместе с ним и свобода, погибли во Франции, но Бог был силен воскресить их снова.

[260] В "*Хронике Франсуа I.*", стр. 121, среди послов упоминаются послы императора, короля Англии, Венеции и других принцев, светлостей, городов, маркизов, графов и баронов Германии, Италии и других стран.

[261] Эта речь, о которой Теодор Беза и Мезере упоминают в своих исторических трудах, содержится в *Хронике Франсуа I.*, опубликованной Гиффри в 1860 году, и Реестры отеля de Ville вполне подтверждают *Хронику*.

[262] *Chronique du Roi François I.* p. 125.

[263] Там же. стр. 126.

[264] Гарнье, *История. де Франс*, xxiv. стр. 540.

[265] "Они погибнут, но ты устоишь". — "Врагов Его я облеку стыдом". — "Они будут смотреть на того, кого они пронзили".

[266] "Франция процветает превыше всех наций".

[267] *Журнал парижской буржуазии*, стр. 447.

[268] Crespin, *Martyrol.* fol. 113 verso.

[269] 'Ad machinam alligati et in altum sublati, deinde in ignem e sublimi dimissi, et rursum adducti.'—Sleidanus, fol. 136.

[270] 'Carnifice demum abscindente funem, in subjectam flammam corruebant.—Sleidanus, fol. 136.

[271] Л. П. Дэниел, *История. de France*, v. p. 654.

[272] "Император издает указы, король наказывает". —Рибье, *Государственная литература*, i. стр. 358.

[273] Clement Marot, *Epître au Roi*.

[274] Isambert, *Anciennes Lois*, xii. p. 402.

[275] Этот циркуляр можно найти в *Бюллетене Общества истории французского протестантизма*, i. стр. 328.

[276] Сисмонди, *История. des Français*, xvi. p. 455. См. также Гарнье, Редерер и др.

[277] *Журнал парижской буржуазии*, стр. 451.

[278] Креспен, *Мартироль*. фол. 114.

[279] Crespin, *Martyrol*. fol. 113 verso et fol. 114.

[280] *Chronique du Roi François I*. p. 129.

[281] Мезере, *История. de France*, ad ann. 1535.

[282] 'Gallorum ardorem erga catholicam religionem in glaciem abiturum fuisse.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес*. ii. стр. 230.

[283] 'In turbulentissimis maximeque periculosis tempestatibus.'—*Corp. Ref.* ii. p. 855.

[284] Значение латыни не очень ясно: "Et tragicis exclamationibus".

[285] 'Cuilibet simul et testi et accusatori in hac causa esse licet.'—*Corp. Ref.* ii. p. 856.

[286] 'Serpunt quotidie latius pericula.'—*Ibid.*

[287] 'Qui aliquando libere quod cogitant audebunt dicere.'—*Corp. Ref.* ii. p. 857.

[288] 'Per gloriam et ignominiam ... за дьявола и ангелоса'. —Лютери *Epp.* iv. стр. 603.

[289] Rex Galliæ ad principes protestantium. У нас есть только немецкий перевод этого письма. *Ссылка на корпорацию*. ii. стр. 834.

ГЛАВА XIII.

КАЛЬВИН В СТРАСБУРГЕ, С ЭРАЗМОМ И В БАЗЕЛЕ.

(Лето и осень 1534 г.)

В то время как свет евангелия, казалось, был на грани исчезновения во Франции, один из ее сыновей собирался зажечь факел на берегах Рейна, а затем и на берегах Роны, который распространит свои яркие лучи повсюду. Кальвин прибыл в Страсбург.

=МИССИЯ КАЛЬВИНА.=

Тот, кому суждено было стать истинным врачом Реформации, ее великим полководцем, находился тогда в поисках знаний и оружия, чтобы учить и сражаться: это, как мы уже говорили, было главным мотивом, побудившим его покинуть Францию. Как и все благородные личности, сыгравшие важную роль в истории, Кальвин чувствовал свое призвание. Он хотел трудиться над

обновлением Церкви; и для того, чтобы сделать это, он должен был истолковать Священное Писание и объяснить основную часть христианского учения. До сих пор он проповедовал Евангелие как обычный верующий; он сеял Слово на нескольких изолированных полях — в Орлеане, Бурже, Ангулеме, Нуайоне и Париже; теперь (сам того не сознавая) перед ним открывалась более широкая сфера; и он собирался познать истину заявления Христа: *поле - это мир*. В христианском мире была пустота, и Бог призвал его заполнить ее. Он должен был создать новое, живое богословие современности. Франции, где схоластика была единственной теологической наукой, ему было недостаточно; он направлялся в Германию и Швейцарию, где любовь к священному писанию и его изучение были сильны. Он издалека увидел огни, сверкавшие на берегах Рейна и на равнинах Саксонии; и, подобно путнику, который среди темноты видит маяк, он поспешил туда, откуда эти далекие лучи достигали его глаз. Дитя света, он искал свет.

=КОЛЛЕДЖ И МЭТЬЮ ЗЕЛЛ.=

В свободном городе Страсбург был интеллигентный средний класс и мудрые магистраты. Возрождение образования началось там в пятнадцатом веке; вскоре после того, как Лютер опубликовал свои тезисы в Виттемберге, эхо голоса великого реформатора было слышно в этом городе на Рейне. Немедленно были открыты начальные школы; монахи, покинувшие свои монастыри, и священники, освободившиеся от своих древних суеверий, с помощью благочестивых и набожных ремесленников взялись за образование детей. В 1524 году был основан латинский колледж, где каноники святого Фомы и другие ученые христиане положили начало высшему виду обучения. Новая жизнь, распространявшаяся тогда по Церкви, энергично циркулировала в Страсбурге; более интенсивно она проявлялась в Капито, Буцере и Хедио. Они беседовали вместе, передавая друг другу веру, которая их воодушевляла: это был весенний сок, пускающий цветы и обещающий плоды. Капитон красноречиво излагал книги Ветхого Завета; Буцер с большой мудростью объяснял книги Нового Завета; Хедио преподавал историю и теологию; Каселиус - иврит; а Херлин - искусство говорить. Профессора Джона Штурма, находившегося в то время в Париже и друга Меланхтона, собирались поставить во главе образовательной работы в его родном городе. [290]

В Страсбурге жил благочестивый человек, чей дом был известен всем путешественникам-христианам, и особенно изгнанникам. Это был Мэтью Зелл, пастор церкви Святого Лаврентия. Когда Кальвин и Дю Тийе прибыли в столицу Эльзаса, они были в большом затруднении, поскольку, как мы видели, у них отняли деньги. В этом имперском городе со всеми его прекрасными зданиями, над которыми возвышается великолепный кафедральный собор, они не знали, куда идти. Имя Зелл было знакомо Кальвину, как и его щедрое гостеприимство; как нам сказали, он постучал в его дверь и был радушно принят. Кальвин и Зелль были очень разными характерами, но они ценили друг друга, и когда реформатор обосновался в Женеве, он не преминул поприветствовать Зелля в своих письмах Буцеру. [291] Зелл был человеком практичным и склонным к примирению и не слишком утруждал себя богословскими дискуссиями; он заботился только о своих дорогих прихожанах и был очень популярен. Буцер считал, что это даже чересчур. "Люди с ним только у Мэтью", - сказал он. [292] По сей день его имя с любовью упоминается в Эльзасе.

Уже в 1521 году он проповедовал Евангелие в Страсбурге, причем с таким усердием, что огромная толпа окружила его кафедру. Будучи человеком великодушного нрава, он смело

защищал тех, кого называли еретиками: "Знаете ли вы, почему на них нападают?" - сказал он, "потому что их враги боятся, что индульгенции и чистилище, которые они осуждают, не принесут им больше денег". [293] Преследуемый своим епископом в 1523 году, он защищался мужественно, [294] и избежал потери поста духовника прелата.

=ЖЕНА ПАСТОРА.=

Кальвин и Дю Тийе вскоре обратили внимание на его партнершу, Кэтрин Шульц, дочь городского плотника, умную, интеллигентную, активную, решительную женщину, которая сумела добиться господства над всеми, и даже чересчур над своим мужем. Молодой реформатор увидел в ней один из типов христианки, которая стесняет себя в средствах, с честью принимает пророков, но, творя добро, иногда ценит себя выше, чем других. [295] Душа Екатерины долгое время была встревожена; она сомневалась в своем спасении. Наконец голос Лютера достиг ее и принес ей покой. "Он так тщательно убеждает меня в невыразимой доброте Иисуса Христа, - воскликнула она, - что я чувствую себя так, словно меня вытащили из глубин ада и перенесли в царство небесное. День и ночь теперь я буду идти по пути истины". [296]

С этого часа Кэтрин решительно посвятила себя добрым делам. Пастор церкви Св. Лоуренс часто собирал за своим столом большое количество преследуемых христиан и держал их в своем доме в течение многих недель. Однажды ночью он принял 150 благочестивых мужей из маленького городка Брисгау, которые, покинув свои дома посреди ночи, в большом горе прибыли в Страсбург. Кэтрин нашла средства поселить восемьдесят из них в доме священника, и в течение месяца пятьдесят или шестьдесят из них ежедневно сидели у нее за столом. Даже когда ее дом был полон, она проявляла самую непрестанную активность за границей. Не заботясь ни о одежде, ни о мирских развлечениях, жена пастора посещала дома бедных, ухаживала за больными, заворачивала мертвых в их погребальные одежды, утешала заключенных и организовывала сборы в пользу беженцев. *Она никогда не уставала делать добро.*

Однако в разгар своего рвения она слишком много себе позволяла. Однажды, перечисляя свои заслуги, она сказала: "Я добросовестно помогала моему любимому Мэтью в его служении и в управлении его домом. Я любила общество ученых. Я принял интересы Церкви Господа. Поэтому все пасторы и огромное количество выдающихся людей свидетельствуют о своей привязанности и уважении ко мне". Кэтрин не знала всего, что эти "выдающиеся люди" думали о ней; краска бросилась бы ей в лицо, если бы она увидела некое письмо Буцера Блауреру от 16 ноября 1533 года, в котором этот знаменитый страсбургский врач жалуется на жену Зелля, "которая по уши влюблена в себя"; или если бы ей принесли это письмо от 3 февраля 1534 года, в котором друг ее мужа писал о ней: "Кэтрин, как и все мы, слишком любит себя". [297]

Во время прибытия Кальвина в Страсбург Буцера сильно мучил дух господства Екатерины; возможно, ему следовало понять, что ее недостатки были всего лишь преувеличением ее хороших качеств. Он жаловался на ее влияние на мужа: "Мэтью Зелл, безусловно, набожный человек, - сказал он, - но им управляет его жена". [298] В другой раз он сказал: "Ему следовало бы проповедовать веру более полно, более искренне, но ... его жена заставляет его ни о чем не заботиться, кроме работы". [299] Ревностный Буцер, который так часто путешествовал, чтобы примирить христиан и Церкви, не мог вынести, что Зелль должен думать только о своем приходе, не видеть ничего, кроме своего дорогого Страсбурга, и приписывал даже это Екатерине. "О, - сказал он, - если бы Мэтью был только более ревностным к единству

Церкви!" И все же Буцер высоко ценил его и называл "человеком, ищущим Бога, с честным сердцем". Зелл и Кэтрин были во времена Реформации христианской парой, достойной войти в историю, несмотря на их недостатки. Возможно, однако, Кэлвин вспомнил характер Кэтрин, когда считал терпение и мягкость одними из главных качеств, которые ему следует искать в жене. [300]

Кальвин уже знал понаслышке выдающихся людей, живших в Страсбурге. Он никогда не уставал видеть и слышать их, как в их собственных домах, так и у Мэтью Зелла. Он восхищался в Буцере, с которым переписывался и которого впоследствии называл своим отцом, [301] благородным сердцем, миролюбивым духом, проницательным умом и неутомимой деятельностью. Капито был для него не менее привлекателен. Кальвин знал, что, испытывая отвращение к придворным интригам, он покинул курфюрста Менца и в 1532 году отправился в Страсбург в поисках евангелической свободы и с того часа с интересом наблюдал за распространением Евангелия во Франции. Поэтому ему не терпелось увидеть человека, который по степени своей образованности и благородству своего характера занимал первое место в ученом городе, где он проживал; и, к счастью, Капито, отправившийся в Висбаден в конце августа 1534 года, все еще находился в Страсбурге, когда реформатор проезжал через него. Все эти врачи с радостью увидели, что Франция наконец-то отдала дань уважения делу христианского наставления. Они были поражены серьезностью Кальвина, величиим его характера, глубиной его мыслей и живостью его веры; и молодой врач, со своей стороны, с наслаждением впитывал тот аромат учености и благочестия, которым веяло от разговоров и жизни этих мужей Божьих.

=НЕДОСТАТКИ ТЕОЛОГОВ.=

Однако его останавливала одна вещь: по его мнению, страсбургские реформаторы придерживались слишком строгого срединного пути и иногда приносили истину в жертву благоразумию. Кальвин был обеспокоен этим: не порвав полностью с Римом, разве они не подготовили путь к возвращению в него? Он был тем более встревожен, что молодой каноник Ангулема питал большую склонность к этому срединному пути. Кальвин, который хотел бы связать Дю Тийе с убежденными реформаторами, видел, как три страсбургских доктора, и особенно Буцер, протягивали Меланхтону руки, чтобы воссоединить папство и Реформацию. Мог ли он заманить его в ловушку?... "Я нахожу ученость и благочестие в Буцере и Капитоне, - сказал он однажды, - но они заставляют меня желать в них твердости и постоянства. Мы, без сомнения, должны быть *либеральными*, но не для того, чтобы тратить чужое богатство. И какие меры предосторожности мы не должны принимать, когда речь идет о том, чтобы расходовать Божью истину?... Он не давал нам его для того, чтобы мы каким-либо образом заключали контракт". [302] Правда, эти слова встречаются в документе более поздней даты; но уже колеблющийся Дю Тийе приближался к пропасти, в которую ему предстояло упасть.

Кальвин компенсировал свои разочарования тем, что с любовью посвятил себя французским беженцам в Страсбурге. Он утешал их, помогал им и давал очень верные советы. [303] Укреплять своих изгнанных соотечественников было делом всей его жизни. "Мы, должно быть, *чужие* в этом мире, - сказал он, - даже если не покинем *гнездо*. Но блаженны те, кто вместо того, чтобы отпасть от веры, добровольно покидают свои дома и оставляют свои земные удобства, чтобы пребывать со Христом. [304]

Кальвин недолго оставался в Страсбурге. Опасался ли он влияния этого города на своего друга? или он нашел слишком много занятий и волнений, которые мешали ему уделять все свое время работе, которой он хотел посвятить себя? Я думаю, да, но было что-то еще. Он понимал, что вместо того, чтобы получать знания из рук других, он должен лично копаться в сокровищнице Священных Писаний и выкапывать драгоценные камни, которые в них содержатся. Подобно пчеле, Он желал извлечь запас чистейшего меда из изобилия цветов божественного Слова. С него было достаточно путешествий, разногласий, борьбы и преследований ... его душа жаждала уединения и тихой учебы. "О Боже, - сказал он, - спрячь меня в каком-нибудь темном уголке, где я смогу наконец насладиться покоем, которого так долго мне не давали". [305] Кальвин отбыл в Базель.

=ЭРАЗМУС.=

Эразм, как мы знаем, долгое время проживал в этом городе. Кальвин пожелал его увидеть. Вне всякого сомнения, он был гораздо большим человеком компромиссов, чем Буцер; и скорее из робости, чем из принципа, он склонился на сторону папства. Однако он был великим ученым; разве он не опубликовал Новый Завет на греческом? Покинув Базель в момент торжества там Реформации, он как раз в это время оказался во Фрибурге в Брисгау, по дороге из Страсбурга в Швейцарию. Мог ли Кальвин проходить так близко от города, где жил тот, кто "снес яйцо" Реформации, и не попытаться увидеть его? Писатель шестнадцатого века описал беседу между этими двумя людьми, которые — один из них работал в отделе литературы, другой — в отделе веры - были величайшими личностями того времени.

Буцер пожелал сопровождать Кальвина и представить его Эразму. [306] Предосторожность была почти необходимой: старый доктор *доносил*, желая умереть в мире с Римом. Павел III. едва был провозглашен папой, как тот, кто зажег огонь, предложил ему свои добрые услуги, чтобы поддержать веру и восстановить мир в Церкви. [307] Его письмо совершенно очаровало хитроумного понтифика. "Я знаю, - ответил Павел, - насколько полезной для меня может быть ваша превосходная ученость в сочетании с вашим замечательным красноречием в спасении многих умов от этих новых ошибок". [308] У папы даже была идея послать Эразму кардинальскую шапку.

=КАЛЬВИН ЗНАКОМИТСЯ С ЭРАЗМОМ.=

Кальвин неудачно выбрал время, и все же Эразмус принял его, хотя и не без некоторого смущения. Молодому реформатору не терпелось услышать оракула эпохи, и он начал задавать ему многочисленные вопросы по трудным вопросам. [309] Эразм, опасаясь связывать себя обязательствами, был сдержан и давал лишь расплывчатые ответы. Его собеседник не был обескуражен. Разве ученый из Роттердама не сказал, что единственным средством от зла Церкви было вмешательство самого Христа? [310] Именно такова была идея Кальвина, и поэтому, развивая ее, он со значительной энергией объяснял свои убеждения. Эразм слушал с удивлением. Наконец он понял, что молодой человек пойдет не только дальше, чем он сам, но даже чем Лютер, и будет вести беспощадную войну против всех человеческих традиций. Ученый, которому папа предложил римский пурпур, встревожился; он с удивлением посмотрел на Кальвина, положил конец разговору и, подойдя к Буцеру, прошептал ему на ухо: *Video magnam pestem oriri in Ecclesia contra Ecclesiam*. [311] Эразм порвал с французским реформатором так же, как он порвал с немецким реформатором. Двое посетителей удалились. Мы считаем, что отчет об этом интервью достоверен, в отличие от Байла, который повсюду

несет свой дух скептицизма. Кальвин мог бы гордиться таким мнением об Эразме. Его порицание может показаться ему похвалой, а его похвала - порицанием, как говорит поэт. [312] Лютер сказал: "О папа, я буду твоим бедствием и смертью!" Кальвин и Дю Тийе прибыли в Базель.

В этом городе был университет с выдающимися учеными, хорошими теологами и знаменитыми печатниками; но Кальвин не стучался ни в одну из их дверей. На соседней улице жила некая Кэтрин Кляйн, благочестивая женщина, которая находила удовольствие в служении Богу и любила омыwać ноги святым, как сказано в Евангелии. Молодой доктор искал именно ее дом. Добравшись до берегов Рейна, двое друзей пересекли знаменитый мост, соединяющий Маленький Базель со старым городом, и постучали в дверь этой благочестивой женщины. Здесь Кэлвин нашел "темный уголок", о котором он так мечтал. [313] Кэтрин приняла его с откровенностью и вскоре узнала цену мужчине, который был у нее в доме. Она была не из тех женщин, которые из тщеславия "забавляются и кокетничают", выражаясь словами самого Кальвина; [314] но из тех, кто, имея перед глазами страх Божий, честен и целомудрен в своей внешности. [315] Отличавшаяся своими добродетелями и набожностью, она любила слушать Кальвина и никогда не уставала восхищаться красотой его гения, святостью его жизни, целостностью его доктрин и усердием, с которым он день и ночь отдавался учебе. [316] Кальвин казался зажженной свечой в ее доме; и тридцать лет спустя, принимая в качестве жильца человека, которому суждено было стать одной из жертв Варфоломеевских событий, — Питера Рамуса, — эта уважаемая женщина с удовольствием описала ему образ жизни реформатора. [317] Знаменитый философ, объединив свой голос с голосом престарелой Екатерины и стоя в той самой комнате, которую занимал Кальвин, провозгласил реформатора "светом Франции, светом христианской церкви во всем мире". [318]

В начале своего пребывания в Базеле Кальвин, похоже, не видел никого, кроме своей хозяйки и своего неразлучного друга Луи дю Тийе. Он избегал всех знакомств, которые могли бы привести к тому, что его узнали, и выходил из дома, но редко. [319] Иногда, однако, он и его друг взбирались на холмы, возвышающиеся над Рейном, и созерцали великолепие этой спокойной и могучей реки, воды которой вечно текут вперед, и ничто не прерывает их величественного течения.

Labitur et labetur in omne volubilis ævum. [320]

=ВНУТРЕННЯЯ РАБОТА В КАЛЬВИНЕ.=

Не страх перед преследованиями заставил Кальвина скрываться; он был в свободном городе. Но ему было необходимо укрыться от странных ветров доктрины, которые тогда бушевали над миром, и от всех ощущений одного из самых беспокойных периодов истории. Он хотел уединиться от земных шумов и слышать только голос Бога и музыку небес. Бурные эмоции, то печальные, то радостные, постоянно повторяющиеся, как он так часто испытывал в Париже, нейтрализовали друг друга и ничего не оставили в его сердце. Он хотел устремить свой взор ввысь и дать мыслям, которые нисходили к нему с небес, время прочно овладеть его разумом и трансформироваться в сильную и неизменную привязанность, которая стала бы душой всей его жизни. Он уже многому научился; но ему было недостаточно учиться, он должен был творить: таково было призвание, которое он получил от своего Учителя, и для достижения этой цели он должен был сосредоточить всю силу своего интеллекта и своего сердца. Когда Бог желает сформировать спелый колос, он действует медленно и бесшумно, но мощно. Едва маленькое

зернышко попадает в землю, как многообразные силы различных факторов объединяются, чтобы оплодотворить зародыш. В прохладе ночи или в дневную жару земля отдает свои соки, дождь обогащает ее, а солнце - согревает.... Таков был внутренний процесс, происходивший тогда в реформаторе. Божественные и человеческие силы объединились, чтобы довести до зрелости все зародыши красоты и силы, которые Бог вложил в его сердце, волю и понимание, и сделать его гений способным взяться за великую работу в мире. Кэлвин чувствовал, что ему нужны тишина и концентрация. Предназначенный стать одним из самых могущественных инструментов Бога для своего века и всех грядущих эпох, ему было необходимо жить наедине с Богом, чтобы в нем был Бог и чтобы божественное тепло настолько растопило и очистило все его природные энергии, чтобы подготовить его к выполнению своей огромной задачи. "Ах! - сказал он, не думая о себе. - Бог, желая обнародовать свой закон через Моисея, привел его на Синай и взял в свою небесную обитель". [321] Многие Божьи служители после Моисея были таким образом подготовлены к исполнению своих обязанностей. Лютера увезли в Вартбург: Базель был Вартбургом Кальвина, и все же в большей степени, чем Ангулем.

Однако у него был один знакомый или, скорее, близкий друг в этом городе. Это был Николас Коп, бывший ректор Парижского университета, а ныне беженец в Базеле. Как мог Кальвин, который был невинной причиной его изгнания, долго оставаться в тех же стенах, не видя его? Сохраняя свое инкогнито по отношению к публике, он навестил своего дорогого однополчанина, и последний увидел, как это бледное знакомое лицо вошло в его комнату. Друзья теперь навещали друг друга и беседовали; но тайна еще некоторое время окутывала личность молодого реформатора.

=ГРИНЕЙ И КАЛЬВИН.=

Однако однажды Кальвин заговорил с Копом об одном выдающемся человеке, жившем тогда в Базеле. Это был Симон Гриней, школьный товарищ Меланхтона, который в 1529 году с трудом спасся от жестоких нападений папистов из Шпиля и был приглашен в Базель на место Эразма. "Хорошо разбиравшийся в латыни, греческом, философии и математике, - сказал Меланхтон, - он обладал мягкостью характера, которую никогда не терял, и почти чрезмерной застенчивостью". [322] И все же его сравнивали "с великолепием солнца, которое затмевает свет звезд". [323]

Кальвин хорошо знал Гринеуса; он встретился с ним и был очарован его дружелюбным и кротким нравом. Гриней, со своей стороны, любил Кальвина, и двое ученых часто запирались вместе в своей комнате. "Я хорошо помню, - писал Кальвин Гринеусу спустя годы, - как мы обычно беседовали наедине о наилучшем способе толкования Священного Писания". [324]— "Главное достоинство переводчика, - сказал базельский профессор, - простая краткость без неясностей". Этому правилу следовал Кальвин. В это время под руководством Гринеуса он более тщательно изучал еврейскую литературу. [325]

О пребывании Кальвина в Базеле вскоре стало известно даже незнакомым людям, и не по сезону частые визиты, которые мешали его учебе и которых он так боялся, начались снова. Однажды к нему пришел совершенно незнакомый человек. [326] Он пришел (по его словам) от имени некоего Кристофера Либерте по фамилии Фабри, студента Монпелье, который оставил медицину ради служения, и которого мы снова встретим в Швейцарии как товарища Фареля по работе. "Фабри просил меня сообщить вам, - сказал неизвестный, - что он не совсем одобряет некоторые места в вашей книге о *Бессмертии Души*". Это сообщение от студента, переданное

незнакомцем, могло бы оскорбить Кальвина. Его работа имела большой успех. Сила убеждения, запечатленная в нем, весомость доказательств, сила аргументов, почерпнутых из Священного Писания, ясность стиля, богатство мысли, сияние света, которое сияло в каждом слове автора, — все это покорило его читателей. Но энтузиазм некоторых его друзей не закрыл автору глаза на несовершенство его работы. С трогательным смирением он ответил Фабри, который незадолго до этого окончил школу: "Я не только не огорчен вашим мнением, но ваша простота и прямота меня очень восхитили. [327] Мой характер не настолько вспыльчив, чтобы *отказывать другим в свободе, которой я наслаждаюсь сам*. [328] Тогда вы должны знать, что я почти полностью переписал свою книгу. "Это письмо подписано *Мартинус Люцианус*, вероятно, под этим именем Кальвин жил в Базеле. Дата, *Базель, 11 сентября* (из содержания следует, что это, должно быть, 1534 год), является важной вехой в жизни реформатора.

Визиты были не единственными неприятностями, нарушавшими одиночество Кальвина. Едва его инкогнито прекратилось, как на него со всех сторон обрушились тревоги. Разногласия, разразившиеся во Франции и Швейцарии, наполнили его печалью. "Я от всей души призываю вас, вас и братьев, сохранять мир", - написал он Фабри. "Чтобы сохранить его, давайте прилагать тем больше усилий, чем больше сатана стремится разрушить его. Я был полон негодования, услышав о новых неприятностях, вызванных человеком, от которого я ничего подобного не должен был подозревать. Его вырвало ядом, которым он был напичкан в течение долгого периода притворства; и после того, как он вонзил свое жало, он убежал, как гадюка. "Был ли этот человек Кароли?— Я не могу сказать.

=ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ.=

Находясь на пенсии в Вартбурге, Лютер перевел Новый Завет. Кальвин выполнял аналогичную задачу в Базеле. 27 марта 1534 года перевод был опубликован Пьером де Винглем в Невшателе: это был небольшой фолиант, напечатанный в две колонки и принадлежавший перу Лефевра из Этапля, но подвергшийся переработке в отношении некоторых выражений, которые все еще сохраняли римский колорит. Похоже, что это издание было закрыто либо потому, что оно было сделано без обращения к оригинальным текстам, либо потому, что сам Вингл был им недоволен. [329] Вскоре он должен был опубликовать более совершенную версию, в которой Кальвин помогал, находясь в Базеле. У нас будет возможность поговорить об этом в связи с двоюродным братом Кальвина, Оливетаном, главным переводчиком. Вскоре молодого реформатора заняла другая работа, которой суждено было стать величайшим делом его жизни.

[290] Schmidt, *Jean Sturm*, ch. iii.

[291] Кальвин -Буцеру, 150 лет по старому стилю 1541 года.

[292] 'Matthias qui solus adhuc populum habet.'—Bucerus Blauerero, 18th Jan. 1534.

[293] Рич, *Реформа в Эльзасе*, i. стр. 133.

[294] *Christliche Verantwortung*.

[295] *Calvini Opp*.

[296] Fueslin, *Beyträge*, стр. 196. Lehr, *Matth. Целл*. стр. 67.

[297] 'Quæ furit sese amando,—Etsi amat (ut nos omnes) sua impensius.' See Rœhrich, *Mittheilungen*, iii. p. 132.

[298][Греч. Gunaikokratoumenos].Буцерус Блауреро, 16 ноября 1533г.

[299] 'Ad opera uxor eum detrudit.'—Ibid. Jan. 1534.

[300]Письмо Фарелю, датированное Страсбургом 19 мая 1539г.

[301]Письмо Буцеру от 15 октября 1541г.

[302] Calvin to Du Tillet, *Lettres Françaises*, i. pp. 4, 54. См. также *Переписку*, впервые опубликованную М. Кротте, стр. 25.

[303] Флор. Rémond, *Hist. Херес*. ii. стр. 272.

[304] Calvin, *Lettres Françaises*, i. p. 272.

[305] 'Quiete diu negata fruerer.'—Calvin, *Præf. in Psalm*.

[306] 'Cum Calvinus a Bucero ad Erasmum adductus esset.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес*. ii. стр. 251.

[307] 'In causam ecclesiæ tranquillandæ.'—Paulus papa Erasmo; *Erasmi Ep.* p. 1539.

[308] 'Ad novos errores ex multorum animis abscindendos.'—Ibid.

[309] 'De intricatis aliquot religionis capitibus sermonem cum ipso contulit.'—Flor. Rémond, *Hist. Херес*. ii. стр. 251.

[310] 'Nec ulla superest medendi spes, nisi Christus ipse vertat aminos'.—*Erasmi Op.*

[311] Я вижу великую язву, поднимающуюся в Церкви против Церкви.—Флор. Rémond, *Hist. Херес*. ii. стр. 251. 'Ad Bucerum Calvinum demonstrans dixisse fertur.'—Ibid.

[312] Чья похвала - это порицание, а его порицание - похвала.

[313] 'Ut in obscuro aliquo angulo abditus.'—(Calv. *Преф. в Псалме*.)

[314] 'Mignardent et folâtrent.'

[315] Кальвин, в послании к Тимофею. 1. глава ii.

[316] 'Catherina Petita lectissima matrona sanctitate singularis ingenii mirifice captus.'—*Ramus*, Basilea, 1571. См. также "Жизнь Питера Рамуса" мистера Ч. Уоддингтона, который первым обратил внимание на этот интересный отрывок, стр. 194.

[317] 'Tum Calvini hospita sæpe ac jucunde mihi narravit.'—*Ramus*, Basilea, 1571.

[318] 'Lumen Galliæ, lumen christianæ per orbem terrarum ecclesiæ.'—Ibid.

[319] "Cum incognitus Basileae laterem".—Кальв. *Преф. в псалме*.

[320] "Это течет и будет течь вечно". —Гораций, *Ер.*, bk. I. Ер. ii.

[321] Кальвин, в *Матф.* iv. 1.

[322] 'Pudore pene immodico.'—Erasmi *Ep.* p. 1464.

[323] 'Solis radiantis splendor cæterorum siderum lumen obscurat.'—Bezæ/*Icones*.

[324] Calvin, *Dédicace de l'Épître aux Romains*.

[325] 'Sese hebraicis litteris dedit.'—Bezæ, *Vita Calvini*.

[326]"Варенье из ничего, кроме инъекций". — от Кальвина к Либерте.

[327] 'Tantum abest ut tuo iudicio offensus fuerim.'—*Ibid.*

[328] 'Neque enim ea est mea morositas.'—*Ibid.*

[329] Похоже, что единственная сохранившаяся копия находится в библиотеке Невшателя.

ГЛАВА XIV.

ИНСТИТУТЫ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.

(Зима 1534 г.)

КАЛЬВИН пробыл в Базеле недолго, когда пришли ужасные новости, глубоко взволновавшие жителей этого реформированного города, и особенно самого Кальвина. Сообщалось, что из-за некоторых скандальных плакатов, которые были расклеены в Париже и по всей Франции, гнев короля перешел все границы, что евангелисты подвергались преследованиям, что Шатле руководил инквизицией ... и что готовились горящие костры. Коп, Дю Тийе, Кальвин и другие беженцы беседовали об этих скорбных событиях. Дю Тийе винил во всем жестокий язык плакатов; Кальвин, похоже, хранил молчание по этому поводу — по крайней мере, в своем знаменитом послании Франциску I. он не отрицает плакаты, что было бы разумно сделать, если бы он решительно их осуждал. Проходили дни и недели в постоянном беспокойстве; воздух, казалось, был полон бурь, и ужасные взрывы время от времени потрясали каждое сострадательное сердце.

=МОЛЬБА КЭЛВИНА О СОСТРАДАНИИ.=

В конце ноября Кальвин услышал о последовательных смертях Бертло, Дю Бурга, Пайя и еще нескольких человек, которых он знал. Как часто он сидел за столом Дю Бурга, как часто беседовал с бедным калекой!... Кальвин, в своем волнении, был очень удивлен теми, кто не мог найти слез от такой печали. "Давайте отвергнем эту безумную философию, - сказал он спустя годы, - которая сделала бы людей совершенно бесчувственными к тому, что они могут быть мудрыми. Стоики, должно быть, были лишены здравого смысла, когда попирали человеческие привязанности.... Даже сейчас есть фанатики, которые хотели бы привнести эти мечты в Церковь, которые просят железное сердце, которые не могут вынести ни единой слезинки, и все же, если с ними что-то случается против их воли, они постоянно скорбят.... Привязанности, которые Бог вложил в природу человека, сами по себе не более порочны, чем Тот, Кто дал их. Разве мы не должны радоваться Божьим дарам? Почему же тогда нам не должно быть позволено испытывать печаль, когда их у нас отнимают? Поэтому пусть верующие оплакивают,

когда смерть забирает кого-то из их родственников или друзей, и пусть им будет грустно, когда Церковь лишается хороших людей. Только, поскольку мы знаем, что жизнь дана нам во Христе Иисусе, пусть наша печаль будет смягчена надеждой". [330]

Однажды, вероятно, в декабре или январе, Кэлвин увидел приближающегося старика: он был наполовину слеп и шел к нему на ощупь. Это был Куро, который, освобожденный из тюрьмы под влиянием Маргарет, сбежал из монастыря, где он был заточен. Для молодого врача было большой радостью снова увидеть этого почтенного христианина, смерть которого три года спустя повергла его в такое глубокое горе. Беженцы окружили Кюро и хотели узнать ужасные новости из Парижа. Он не был свидетелем наказаний, но мог описать их, и крики скорби вырвались из каждого сердца. Вскоре за Кюро последовали другие беглецы. На несколько недель наступило небольшое затишье; небо было тяжелым и угрожающим, но безмолвным.

Внезапно буря разразилась снова, молнии яростно падали и поглотили множество других жертв. Примерно в конце января 1535 года известие о мученической смерти 21 числа того же месяца достигло Базеля. Душа Кальвина была постоянно взволнована этими жестокими преследованиями. "Увы! - воскликнул он, - во Франции сжигают много верующих и святых людей!" [331] Он видел, как их привязывали к *эстрападе*, раскачивали в воздухе, погружали в пламя, а затем вытаскивали, чтобы снова погрузить в него.... "С каким неистовым гневом приходят в себя враги Божьи, - сказал он, - но, хотя ужасные проклятия и отвратительные поношения обрушиваются на христиан со всех сторон, они продолжают твердо полагаться на благодать Иисуса Христа, будучи уверенными, что будут в безопасности даже после смерти". [332]

Кэлвин был не единственным человеком, испытывавшим эти острые эмоции. "Когда в разных частях королевства были установлены виселицы, - говорит Мезерей, - и были учреждены *горячие палаты*, лютеранские проповедники и те, кто их слушал, обратились в бегство, и через несколько месяцев насчитывалось более сотни беженцев, которые принесли свои горести и жалобы ко дворам немецких князей". [333] Их рассказы вызвали большое негодование в Германии. Правда, на мучеников часто клеветали, но во многих городах беженцы из-за Рейна смогли опровергнуть ложь своих врагов. Истинные христиане не были обмануты, и они признали в жертвах своих братьев. [334] Это было утешением для реформатора. "Новость распространилась среди иностранных государств, - сказал он, - и большое количество немцев сочли эти поджоги очень жестокими, и они почувствовали большую горечь против авторов такой тирании". [335]

=ОСВАЛЬД МИКОНИУС.=

В Базеле "горечь" была еще сильнее. Среди тех, кто разделял скорбь Кальвина, был Освальд Миконий, друг Цвингле, антиста или президента Церкви, к которому реформатор питал привязанность, которая длилась всю его жизнь. Он называл его "своим превосходным, наиболее уважаемым братом и очень уважаемым другом". [336] Миконий, как мы уже указывали в другом месте, [337] был выдающимся философом и учеником Эразма и Глареана: проживая в Цюрихе, он преподавал классику, и среди его учеников был Томас Платер; но катастрофическая битва при Каппеле заставила его отказаться от этого долга. В тот момент, когда Платер, обогнав беглецов, спешивших с поля боя, собирался войти в город, он столкнулся с Микониусом, который расхаживал взад-вперед перед воротами, полный тоски при мысли об опасностях, которым подвергались Цвингле, Цюрих и Реформация.... Едва профессор увидел своего

ученика, как, подбежав к нему, спросил: "Мастер Ульрих умер?" "Увы! да, - ответил Платер. Миконий, пораженный в самое сердце, стоял неподвижно, а затем с глубокой печалью воскликнул: "Я больше не могу жить в Цюрихе". Платер, который ничего не ел в течение двадцати четырех часов, пошел домой с Микониусом, который накормил его, а затем сел рядом с ним, молчаливый и подавленный тяжестью своих мыслей. Наконец Миконий отвел его в свою комнату и с ужасом спросил: "Куда я должен идти?"... Пастор церкви Св. Церковь Альбана в Базеле на горе Цуг также пала. "Отправляйся в Базель и стань там священником", - сказал Платер. [338] Вскоре после этого профессор и его ученик отправились пешком в Базель, куда они прибыли после многих приключений и тревог.

Несколько дней спустя Микония вызвали произнести *Соборную проповедь*, которая была произнесена в шесть утра. "Когда я вошел в его комнату утром назначенного дня, - рассказывает Плейтер, - я нашел его все еще в постели. "Отец, - сказал я, - вставай, тебе нужно прочитать проповедь". - Что? это сегодня? - воскликнул Миконий и вскочил с постели. - О чем будет моя проповедь? Скажите мне. - Я не могу. "Я настаиваю на том, чтобы вы указали мне тему". "Очень хорошо; покажите, откуда произошло наше несчастье и почему оно было причинено нам". "Запишите это на листе бумаги". Я повиновался, а затем одолжил ему свое Завещание, в которое он вложил только что написанную мной записку. Он взошел на кафедру и красноречиво произнес речь перед аудиторией ученых мужей, привлеченных туда желанием послушать человека, который никогда раньше не проповедовал. Все были полны удивления, и после проповеди я услышал, как доктор Симон Гринейус сказал доктору Султерусу (который в то время принадлежал к нам): "О Султерус, давайте помолимся Богу, чтобы этот человек остался среди нас, ибо он может принести много пользы". " [339]

=СОЧУВСТВУЮ КЭЛВИНУ.=

Миконий был назначен пастором Церкви Святого Альбана, и вскоре после этого был призван заменить СЕColampadius на посту президента Церкви в Базеле. Он питал некоторые иллюзии относительно Франциска I. Француз, ярый сторонник этого короля, убедил его, что Франциск не был настроен враждебно по отношению к Евангелию; что если он и скрывал свои чувства, то только из-за прелатов своего королевства; и что если он однажды получит владения в Италии, которых так жаждал, то будет видно, что он не питает особой симпатии ни к папе, ни к папистам. [340] Миконий был поражен негодованием и горем, когда услышал о варварских казнях, которыми этот принц услаждал взоры парижан. Он мог бы еще больше посочувствовать Кальвину, поскольку, будучи человеком мягкого и умеренного нрава, разделял решительные и энергичные взгляды автора плакатов. "Зачем пришивать новые заплатки к такой порванной одежде?" - сказал он, говоря о папстве. "Мы никогда не встретим дракона, кроме как для того, чтобы убить его". [341] Великое единство чувств сблизило Кальвина и Микония в те катастрофические времена, о которых мы говорим. Горящие костры Парижа отдаляли их от Рима и приближали к Евангелию.

Однако были умы, на которых преследования производили совсем другой эффект. Среди всего этого негодования и скорби Дю Тийе оставался замкнутым в себе и молчаливым. Мягкость Слова Божьего привлекала его, но горечь креста приводила его в ужас. Он с радостью бросил все, веря, что общая реформа Церкви будет проведена быстро; но когда он увидел, как начинается смертельная схватка между Евангелием и папством, "он почувствовал глубокое

волнение, потерял покой", как он сам рассказывает нам, "и испытал невыразимое беспокойство и душевную муку". Каждое из наказаний в Париже усиливало сомнения и волнение этой искренней, но слабой натуры. Казалось, он боялся только раскола, но перспектива преследований и поношений отчасти разделяла его тревогу. "Он не понимал, - как говорит Кальвин, - что, неся крест, мы составляем компанию Христу, чтобы всякая горечь была подслащена". Он держался особняком, проводил дни и ночи, наполненные пытками. "Я был одинок и без отдыха в течение трех с половиной лет", - писал он своему старому другу в 1538 году. [342] Его близость с реформатором изменилась, и три года спустя он причинил ему горе, столь же великое, нет, без сомнения, большее, чем то, которое испытал Кальвин, услышав о смерти мучеников.

Интриги агентов Франциска I. начали увенчиваться успехом. Они проявляли немыслимую активность по введению в заблуждение общественного мнения. Они говорили, писали и распространяли повсюду "некие маленькие книжечки, полные лжи, в которых говорилось, что король жестоко обращался только с мятежниками, которые желали нарушить порядок в государстве под прикрытием религии". Люди, и часто лучшие из людей, к несчастью, склонны верить во зло. Германия начала остывать; даже в Базеле многие люди были обмануты; и хотя они не верили всей клевете, распространяемой против мучеников, впечатление все еще оставалось. "Если несколько сектантов и были наказаны, - говорили многие добрые люди, - то это анабаптисты, которые далеки от того, чтобы принимать Слово Божье за правило своей веры, они следуют только своему собственному испорченному воображению и в основе своей не имеют никакой другой доктрины, кроме презрения к высшим силам. Мы не можем защищать дело горстки мятежных людей, которые желают ниспровергнуть все, даже политический порядок". [342a]

=ВЛИЯНИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА НА КАЛЬВИНА.=

Запершись со своими книгами в комнате, которую он занимал у Кэтрин Кляйн, Кэлвин день и ночь думал об этих жестоких обвинениях, и его благородная душа была возмущена не только тем, что детей небесного Отца заставляют подвергаться жестоким наказаниям, но и тем, что была предпринята попытка опорочить их характер. "Эти судебные исполнители, - сказал он, - после их смерти возлагают на святых мучеников незаслуженную вину и гнусную клевету и пытаются скрыть позор этого пролития невинной крови под трусливыми личинами. Таким образом, они предают смерти бедных верующих, и никто не способен проявить к ним сострадание". [343] Молодой врач увидел себя между двумя реками крови — реками крови его братьев, уже принесенных в жертву, и реками крови других христиан, которые, несомненно, будут принесены в жертву в свою очередь. Он не смог предотвратить смерть Милона и Ла Форжа, но он, по крайней мере, попытается отвести меч, угрожавший другим жизням. "Если я не буду противодействовать этому праведно и в меру своих возможностей, - сказал Кальвин, - меня справедливо назовут трусом и предателем из-за моего молчания". Он заговорит, он бросится между палачами и их жертвами. Небесное слово прозвучало в его душе: *Открой уста твои для немых ради всех тех, кто обречен на гибель*. [344] Поэтому он принял одно из тех решений, которые при таком характере, как у него, неизменны. "Я буду повиноваться Тому, кто говорит со мной свыше", - сказал он. "Я отвечу на злые истории, которые распространяются против моих братьев; и поскольку подобные жестокости могут быть совершены против многих других верующих, я постараюсь тронуть иностранные народы некоторым состраданием в их пользу. Такова была причина, - добавляет он, - которая побудила меня опубликовать *"Институты*

христианской религии". [345] Никогда еще благородная книга не имела столь благородного происхождения. Юстин Мученик, Афинагор и Тертуллиан написали свои *Апологии* в свете событий второго века; Кальвин написал свою в свете событий шестнадцатого. Публикация *Христианских институтов* была жалобным криком сострадательной души при виде тех, кто шел на костер.

=ВОССТАНОВЛЕННАЯ ТЕОЛОГИЯ.=

Кальвин долго размышлял над великим предметом, который тогда поглотил его, — системой христианской веры; и его книге суждено было стать лучшим сводом доктрин, когда-либо имевшимся в распоряжении Церкви Христовой. В течение четырех столетий, считая с двенадцатого, умы высшего порядка формулировали абстрактные системы, в которых обычно сочетались схоластический рационализм и церковный авторитет; они растратили свои силы на поиски объяснений, противоречий, резолюций, выводов и бесконечных *аргументов за и против*; теология затерялась в безводной пустыне. Оно должно было вот-вот выйти из него, чтобы войти в новые земли. Но провести христианскую науку от смерти к жизни, от тьмы к свету было делом не пустяковым. Требовались пробужденная совесть, сердце, жаждущее праведности, высокий интеллект и могучая воля, чтобы смело прорваться сквозь все *цепи*, [346] развеять по ветру *предложения* и *суммы*, которые схоласты с трудом выткали из своих мозгов или из традиций, которые часто были нечистыми, и водрузить на их место живую скалу небесного Слова, на которой должен быть построен храм Божий.

Кэлвин был человеком, призванным к этой работе. До его времени догматика, переходя от одного периода к другому, всегда продвигалась в одном и том же направлении, от абстракции к абстракции. Но внезапно курс был изменен; Кэлвин отказался идти привычной дорогой. Вместо того чтобы продвигаться по пути схоластов к новым достижениям более утонченного интеллектуализма, он нетерпеливо повернул назад, он услышал голос совести, он почувствовал потребности сердца, он побежал туда, где только они могут быть удовлетворены, он преодолел пятнадцать столетий. Он отправился к евангельским источникам и там, собрав в золотую шапку чистые и живые воды божественного откровения, подарил их народам для утоления их жажды.

Реформация была не просто изменением в доктрине, нравах или управлении Церковью: это было творение. Первое столетие было свидетелем первого христианского творения, пятнадцатое столетие стало свидетелем второго.

Лютер, силой своей веры, был главным органом этого нового творения. Освободившись от густой тьмы, которая нависала над человечеством на протяжении стольких веков, он со святой энергией метал свои молнии и раскаты грома во все стороны вокруг себя, так что весь горизонт осветился. Появился Кальвин; он собрал эти рассеянные языки пламени и превратил их в огромный костер; и в то время как отблески первоначального творения Церкви были почти полностью ограничены пределами римского мира, огни нового творения распространяются до краев земли.

Кальвин ушел в себя, чтобы поразмыслить о деле, к которому призвал его Бог; он глубоко заглянул в те глубины Священного Писания, которые он так часто озвучивал. Держа факел Духа, он призвал к себе великих личностей христианского домостроительства не для того, чтобы выставить их напоказ, как это делали схоласты, в научном фехтовальном поединке, но для того,

чтобы вывести у них фундаментальные истины веры и водрузить золотые колонны храма света и жизни.

=ИНСТИТУТЫ.=

The Институты христианской религии - великое достижение Кальвина; это сам Кальвин, и поэтому мы должны описать его. История, действительно, обычно повествует о действиях, совершенных рукой солдата, или о переговорах дипломата; но работа, которую Кальвин затем совершил с помощью духовной силы, намного превосходит по важности своих последствий все, что когда-либо было сделано пером самых талантливых государственных деятелей или мечами самых храбрых воинов. Поэтому давайте опишем это "действие" природы отдельно. "Любопытные умы", как называет их Кальвин, возможно, пропустят мимо ушей эти страницы: мы сожалеем об этом, но все равно должны их написать.

"Вся мудрость, - сказал великий врач современности в начале своей работы, - заключается в том, что, познав *Бога*, каждый из нас познает также *самого себя*; и эти два факта связаны друг с другом столь многими узами, что нелегко различить, какой из них предшествует другому и порождает его".

Фактически, Кальвин, обращаясь к человеку, показывает ему прежде всего *самого Бога*— чудо из чудес! —*в человеке*. "Бог, - говорит он человеку, - запечатлел в вас знание о себе, и он постоянно освежает в вас эту память, как будто он изливает ее капля за каплей. У нас есть *сознание божественности, которое так глубоко запечатлелось в наших умах*, что мы не можем стереть его. Бунт даже нечестивых свидетельствует об этом, ибо, хотя они безумно борются за то, чтобы отбросить страх Божий, этот страх остается неизбежно присущим им, как если бы он был в мозгу их костей.' Но после того, как Кальвин приписал человеку исключительную привилегию носить в себе имя Бога, он немедленно выдвигает суровое обвинение против человеческой расы. "Увы! мы едва ли найдемодного из сотни, который лелеет это божественное семя в своем сердце. Одни из любопытства пускаются в тщетные рассуждения; другие исчезают в глупых суевериях; третьи, наконец, лишают Бога его должности судьи и правителя, запирают его праздным на небесах и, таким образом, остаются без Бога в мире.... Что же нужно сделать? Должны ли мы постоянно метаться, переносимые туда-сюда множеством ошибочных легкомыслие?" [347]

Затем Кальвин берет человека за руку и, желая, чтобы он познать вечные тайны, ставит его перед огромным духовным зеркалом - Священным Писанием, где все невидимое предстает в своей живой реальности. Таким образом, отличая себя от всех докторов католицизма, выступавших на протяжении десяти столетий, он выдвигает на первый план абсолютную достаточность и суверенный авторитет Слова Божьего.

"Бог, - сказал он, - отверз свои священные уста, чтобы возвестить, что он - Бог, которому мы должны поклоняться. Когда красивую книгу с хорошо написанными буквами кладут перед теми, у кого слабые глаза, или перед дряхлыми стариками, они едва ли могут прочесть два слова подряд; но если они возьмут увеличительное стекло, то сразу же прочтут все отчетливо. Если мы хотим видеть ясно, давайте возьмем Священное Писание: без него у нас в умах есть лишь смутное и частичное знание о Боге; но это устраняет в нас всякую неясность и ясно показывает нам сердце Божье".

Уже во времена Кальвина были определенные врачи, которые хотели лишить Библию ее богодухновенности, а христианство - его сверхъестественности. "Я прекрасно знаю, - сказал он, - что есть презрители, придирчивые люди и насмешники, которые нападают на Слово, и если бы мне пришлось вести с ними эту ссору, мне не составило бы труда заставить их замолчать. Но в дополнение ко всемоказательствам, которые приводит разум, есть одно, превосходящее все остальные. Необходимо, чтобы тот же Дух, который говорил устами пророков, вошел в наши сердца, чтобы он тронул их за живое и убедил их в том, что пророки верно возвещали то, что было заповедано им свыше". [348] Свидетельство Святого Духа — вот доказательство из доказательств.

Затем Кальвин обращается к человеку, поклоняющемуся себе, который ставит себя на место Бога и открывает ему грех, который есть в нем. "А теперь спускайся, - говорит он, - спускайся и подумай о себе. Научитесь познавать этот грех, происходящий от Адама и обитающий в нас, подобно раскаленной печи, постоянно выбрасывающей пламя и искры, огонь которой не только сжигает чувства, но и оскверняет все самое благородное в наших душах." Нет никакого средства, с помощью которого человек мог бы спастись от этого убожества своей природы. "Если ты притворяешься, что поднимаешься собственными силами, ты стоишь на конце тростинки ... это сразу же срывается". [349]

Затем Кальвин показывает человеку, где можно найти его спасение, и с величием описывает дело искупления. "В то время как наше осуждение заставляет нас удивляться, трепетать и поражаться перед Божьим судилищем, наказание, которому мы подверглись, было возложено на невиновных. Все, что может быть вменено нам в очах Божьих, переносится на Иисуса Христа. Божественный основатель Царства пострадал вместо детей Царства.... Наш покой может быть обретен только в ужасах и агонии Христа, нашего Искупителя". [350]

Но как эта работа, совершаемая *вне* человека, действует *в* человеке?... Таков великий вопрос, который ставит перед собой Реформатор. Божественная вера, которая опирается на праведность Христа *на кресте*, в тот же момент рождает святость Христа *в сердце*. "Как только человек принимает искупление с верой, полной уверенности, - говорит он, - он испытывает неизменный покой в своей совести. Он обладает духом усыновления, который заставляет его называть Бога *моим Отцом!* и который обеспечивает ему сладкое и радостное общение с Небесным Отцом. Как только в наши души вкладывается малейшая капля веры, мы начинаем созерцать лик Бога, добрый и благосклонный к нам. Правда, мы видим это издали, но это несомненно, и мы знаем, что здесь нет обмана".

Здесь возникает новый вопрос. Молодого врача спрашивают: человек спасается милосердием или без него? Он дает ответ: "Нет другой веры, которая оправдывает, кроме той, которая соединена с милосердием; но не из милосердия черпает она силу оправдывать. Вера оправдывает только потому, что она приводит нас в соприкосновение с праведностью Христа. Всякий, кто смешивает две праведности (человеческую и Божью), мешает бедным душам полагаться на единственную и чистую милость Божью, плетет терновый венец для Иисуса Христа и превращает его жертву в посмешище".

Здесь Кальвин выдвигает великую идею, которая характеризует Реформацию, произведенную его учением, а именно, *что мы должны ценить только нового человека*. После того, как он, как

и любой врач, настаивал на работе, которую Христос совершает *без нас*, он больше, чем кто-либо другой, настаивает на работе, которую Христос должен совершать *внутри нас*. "Я превозношу в высшей степени, - говорит он, - союз, который у нас есть с нашим Вождем, — жилище, которое он создает в наших сердцах верой, — священный союз, которым мы наслаждаемся им. Необходимо, чтобы мы ощущали в своей жизни мелодию и гармонию между праведностью Бога и послушанием наших душ".

Но Кальвин заметил, что многие смиренные, робкие христиане были огорчены, потому что у них была лишь слабая вера. Он утешает их, и образы, которые он использует, живописны: "Если бы кто-нибудь, запертый в глубокой темнице, - говорит он, - получал солнечный свет косо и частично, через высокое и узкое окно, он, конечно, не видел бы полного солнца, но все же он не преминул бы получить определенное количество света и насладиться его использованием. Точно так же, хотя мы заперты в тюрьме этого земного тела, где много мрака окружает нас со всех сторон, если у нас есть *хоть малейшая искра* Божьего света, мы достаточно освещены и можем иметь твердую уверенность".

Пусть это пламя не погаснет, нерешительно спрашивают христиане. "Нет, - сказал Кальвин, - свет веры никогда не угасает настолько, чтобы не осталось хоть какого-то проблеска. Корень веры никогда не бывает настолько вырван из сердца, чтобы не оставаться там закрепленным, хотя кажется, что он склоняется в ту или иную сторону". "Вера, - восклицал он (и он часто чувствовал это), - вера - это вооруженный человек внутри нас, способный противостоять атакам лукавого.... Если мы ставим веру впереди, она принимает удары и отражает их. Она действительно может быть потрясена, как стойкий солдат может быть вынужден сильным ударом отступить назад. Ее щит может быть поврежден так, что потеряет свою форму, но не будет пробит; и даже в этом крайнем случае щит смягчает удар, и оружие не проникает в сердце.

Утешив робких и ободрив раненых, этот необыкновенный человек, говорящий с твердостью одного из военачальников армии Божьей, призывает воинов Христа быть храбрыми: "Когда Святой Иоанн обещает победу нашей вере, он имеет в виду не просто то, что она одержит победу *водной* битве или в *десяти*, но во *всех*. Тогда будьте полны мужества. Колебаться, варьировать, метаться туда-сюда; сомневаться, колебаться, находиться в напряжении и, наконец, впадать в отчаяние ... это отсутствие уверенности. У нас должна быть твердая опора, на которую мы могли бы опереться. *Бог сказал это*, этого достаточно. Находясь под защитой Христа, нам не грозит гибель". [351]

Кальвин, обращаясь к Риму, ищет истоки его ошибок и суеверий и находит их в пелагианстве, которым он запятнан. Благодать во всей ее полноте, благодать от первого движения возрождения до окончательного свершения спасения, была лейтмотивом всей теологии Кальвина; и это также мощная артиллерия, с помощью которой он разрушает римскую крепость. Как святой Павел в первом веке, как святой Августин в пятом, Кальвин является *Доктором благодати* в шестнадцатом. Это одна из его существенных черт. "Воля человека, - сказал он, - сама по себе не может склонять к добру. Такое движение, которое является началом нашего обращения к Богу, Писание полностью приписывает Святому Духу. Учение не только полезное, но и приятное благодаря плодам, которые оно приносит; ибо те, кто не осознает себя членами особого народа Божьего, находятся в постоянном трепете.... Без сомнения, нечестивые находят в этом повод для обвинений и придировок, для унижения и насмешек ... но

если мы боимся их раздражительности, мы должны хранить молчание относительно нашей веры, ибо нет ни одного предмета, который они не осквернили бы своими богохульствами. Христос (продолжает он), желая избавить нас от всякого страха посреди стольких смертельных нападений, пообещал, что те, кого его Отец дал ему хранить, не погибнут". [352]

В этот момент Кальвин слышит шум, поднятый против него. Его обвиняют в том, что он утверждает, что Бог предопределяет нечестивых ко злу, и он сразу же отвечает осуждением такой нечестивой доктрины. "Эти насмешники злословят против Бога, - говорит он, - утверждая, что нечестивые несправедливо осуждены, поскольку они исполняют только то, что определил Бог.... "Это не так, - восклицает он. - Далекие от того, чтобы повиноваться Божьему повелению, нечестивые в своих похотях восстают против него, насколько это в их силах. Не должно быть никаких пререканий с Богом; не должно быть никаких высказываний, как Агамемнон у Гомера, говорящий о зле: "Нея являюсь причиной, но Юпитер и Судьба". [353]

Далее Кальвин спешит показать плоды веры: "Мы поставили доктрину на первое место, - сказал он, - но чтобы быть полезной для нас, она должна *проникнуть в душу, перейти в манеры и регулировать действия нашей жизни....* Поскольку Святой Дух посвящает нас быть храмами Божьими, мы должны приложить усилия, чтобы слава Божья наполнила храм.... Мы знаем тех болтунов, которые довольствуются тем, что у них на устах Евангелие, в то время как оно должно бы доходить до глубины души, и мы ненавидим их болтовню".

Кальвин внимательно изучил состояние Церкви в средние века: что он там нашел?... Разделение религии и морали: правительство, официальные доктрины, церемонии, но все это лишено моральной жизни. В то время религия была деревом, широко раскинувшим свои ветви в воздух, но по ним не тек сок. Целью реформатора было восстановить живую веру в религию, а через веру - святую мораль. Он сказал: "Бог *сначала запечатлевает в наших сердцах любовь к праведности*, к которой мы не склонны от природы; а затем он дает нам определенное правило, которое не позволяет нам сбиваться с пути". [354] Соответственно, мораль, неизвестная веками, стала отличительной чертой Реформации не только в Женеве, но и везде, куда проникало учение Кальвина.

Однако важная мысль все еще занимает его. Он желает не только провести определенные реформы в определенных статьях, но и создать Церковь. По оценке Кальвина, Церковь - это, в частности, все собрание детей Божьих; но он признает также, что имеет право на это название, видимое собрание тех, кто в разных частях мира заявляет, что поклоняется Господу: "Великое множество, в котором есть дети Божьи, увы! но горстка неизвестных людей, *как несколько зерен на гумне под огромной кучей соломы*. Наша грубость, наша праздность и тщеславие наших умов требуют внешней помощи (добавил он), и по этой причине Бог учредил пасторов и учителей". [355]

=ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА ИНСТИТУТОВ.=

Это было торжественное время для Кэлвина, когда в комнате, которую он занимал у Кэтрин Кляйн, он закончил свои *Институты*. В последующие годы благочестивые христиане с уважением входили в ее дом, и один из них, Питер Рамус, находясь там в 1568 году, через пять лет после смерти реформатора, с волнением воскликнул: "Здесь были зажжены факелы,

которые проливали такой яркий свет! Здесь были созданы эти прославленные *христианские институты*; и здесь Кальвин всецело отдался небесным бдениям!" [356]

The *Христианские институты* в своей ранней форме представляли собой простую защиту, кратко объясняющую закон, веру, молитву, таинства, христианскую свободу и природу Церкви и государства. Но французские беженцы в Женеве и даже далекие протестанты постоянно просили Кальвина изложить всю христианскую доктрину в его книге; и, соответственно, она получала многочисленные дополнения. [357]

The *Христианские институты* являются доказательством того, что христианская любовь преобладала в сознании Кальвина: действительно, он писал для оправдания верующих, своих братьев. Однако, защищая реформированных, он объяснил и оправдал саму Реформацию. Каковы ее принципы? Формирующим принципом веры и Церкви для него, как и для Лютера, является суверенное Слово Божье; но он утверждает его с большей решимостью, чем его предшественник. Кальвин настроен антитрадиционно: он не будет иметь ничего общего ни с хозяином, ни с купелью, ни с фестивалями и другими церемониями, сохраненными Лютером. Он не реформировал Церковь, он переформировал ее; он создал ее заново. Цвингле также опирался на Священное Писание, в противоположность традиции; однако теология Кальвина отличается от его собственной; теология цюрихского доктора была сугубо экзегетической, в то время как теология женевского доктора была сугубо догматической. Если от формирующего принципа мы перейдем к тому, что теологи называют материальным принципом, а именно к тому, что отличает природу и саму суть его доктрины, мы обнаружим, что в основе своей это одно и то же у Лютера и Кальвина — безвозмездное спасение; но первый, придерживаясь христианской антропологии, провозгласил в качестве фундаментального положения оправдание возрожденного человека верой; в то время как Кальвин, особенно придерживаясь теологии, доктрины о Боге, провозгласил прежде всего спасение суверенитетом божественной благодати.

Полемика Кальвина в его *Институтах* по существу позитивна. Подобно мастеру среди художников, которые пытаются нарисовать одну и ту же картину, Кальвин смелой рукой обводит свои контуры, распределяет светотень и преуспевает в создании восхитительной работы. И с этого времени его соперникам остается только взглянуть на это, признать свое собственное несовершенство, со всем их недостатком пропорций и экстравагантностью.... Кальвин разрушает то, что уродливо, но сначала он создает прекрасное.

The *Институтами* восхищались лучшие умы того времени. Монлюк, епископ Валанса, назвал Кальвина величайшим теологом в мире. Французский писатель наших дней, который не принадлежит к реформистам, но является корректным и глубоким мыслителем, [358] охарактеризовал "*Институты*" "как первое произведение нашего времени, в котором представлено упорядоченное расположение материалов с совершенно уместной и точной композицией"; и выделил самого Кальвина, "как виртуозно рассматривающего все вопросы христианской философии и соперничающего с самыми возвышенными писателями в своих великих мыслях о Боге, стиль которого (добавляет он) сравнился, но не превзойден Боссюэ".

[330] Кальвин, *Деяния*, viii. 2.

[331] Calvin, *Préface des Psaumes*.

[332] Кальвин, *Деяния*, vii. 59.

- [333] Мезере, *История. de France*, ii. p. 981. *Arduentes chambres* были трибуналами, которые приговаривали к костру за ересь.
- [334] 'Grave passim apud Germanos odium ignes illi excitaverunt.'—Calvin *in Psalm*.
- [335] Calvin, *Préface aux Psaumes*.
- [336] Письма Кальвина к Микониусу от 14 марта и 17 апреля 1542 г.
- [337] Смотрите мою *Историю Реформации в Шестнадцатом веке*, книги viii. и xi.
- [338] *Книга Томаса Платера*, опубликованная доктором юридических наук М. Э. Фиком.
- [339] *Книга Томаса Платера*, опубликованная Э. Фиком.
- [340] 'Videbis quid amicitiae sit remansurum cum papa et papisticis.'—*Myconius ad Bullingerum*, March 1534.
- [341] 'Cum draconi non aliter est congregiendum, nisi ut penitus occidatur.'—*Ibid.* в poste. epist.
- [342] Дю Тийе Кальвину, 7 сентября 1538 г.
- [342a] 'Turbulentos homines qui totum ordinem politicum convellerent.'—Calvin *in Psalm*. См. также Беза, *История. экклз.*, стр. 14, и *Жизнь Кальвина*, стр. 19.
- [343] Calvin, *Préface des Psaumes*.
- [344] Притчи xxxi. 8.
- [345] *Préface des Psaumes*.
- [346] 'Catenæ Patrum.'
- [347] *Учреждение*, глава I, ii, iii, iv.
- [348] *Учреждение*, глава vi. i. и vii.
- [349] Там же. лив. i. гл. i.; лив. ii. гл. ii. и iii.
- [350] Там же. лив. ii. главы xvi. и xvii.
- [351] *Учреждение*, лив. iii. глава ii.; лив. ii. главы xii, xix, xx; лив. xiii. главы iii, iv, v.
- [352] *Учреждение*, лив. ii. гл. iii; лив. iii. гл. xxi, xxii, xxiii.
- [353] Там же. лив. i. гл. xvii, xviii.
- [354] *Учреждение*, глава iii. vi.
- [355] Там же. лив. iv. глава i.
- [356] 'Hic tanti luminis faces primum incensæ, &c.'—*Ramus*, Basilea, 1571.
- [357] Последовательные добавления легко увидеть в первом томе сочинений Кальвина, только что опубликованном в Брауншвейге тремя страсбургскими богословами, М. Баумом, Кунитцем и

Ройссом. Там мы находим различные издания *Институтов*, и отрывки, характерные для каждого из них, напечатаны более крупным шрифтом. Мы ссылаемся на *Синописис* в шести колонках изданий 1536-1539-1543/5-1550/54-1559, и с. В своей первой форме "*Институты*" состояли всего из шести глав; в последней, из восьмидесяти, были разделены на четыре книги. Наш выбор был сделан из полного издания.

[358]М. Нисар.

ГЛАВА XV.

КАЛЬВИН ОБРАЩАЕТСЯ К КОРОЛЮ И ОТБЫВАЕТ В ИТАЛИЮ.

(Август 1535 г.)

Целью *христианских институтов* было ознакомление христианского мира, и особенно протестантов Германии, с доктринами, исповедуемыми во Франции людьми, которых король предавал смерти. Но было ли это все, что ему нужно было сделать? Кальвин подумал, что он увидел нечто еще более неотложное. Его представления, вместо того чтобы проходить через Германию, могли быть адресованы непосредственно королю. В своей тоске и уединенных размышлениях он часто спрашивал себя, почему бы ему не сделать это прямо и публично?... Без сомнения, для преследуемого и почти неизвестного молодого человека было великим предприятием обратиться к этому могущественному монарху, который безжалостно бросал в огонь своих лучших подданных. Поначалу Кэлвин не задумывался о столь смелом проекте. Позже он сказал королю: "Я думал не о чем ином, как о том, чтобы написать то, что будет представлено вашему величеству". [359] Но прискорбное зрелище, представляемое Францией, было день и ночь у него перед глазами. И зная, что та же участь нависла над головами всех, кто не желал никакого другого посредника, кроме Христа, было ли правильно с его стороны молчать?

По правде говоря, отблески горящих свалок снова появились во Франции. Благочестивый земледелец из Брессе, "много упражнявшийся в слове Божьем", по имени Джон Корнон, был арестован в своей родной деревне в мае месяце и доставлен в Макон. Когда его привели к судьям, он говорил с такой верой и мужеством, что они были поражены и сбиты с толку. Соответственно, в конце июня его привязали к оgrade, потащили к месту казни и там сожгли заживо. [360] Вскоре после этого некто Деннис Брайон, человек, ревностно относившийся к Евангелию, был казнен во время "великих дней" Анже, чтобы устроить толпы, которые стекались туда со всех концов на эти праздники. [361] Пламя, сожгшее этих благочестивых исповедников, возможно, вскоре могло бы сжечь и других людей Божьих, которых Кальвин желал спасти любой ценой. Поэтому он решил написать королю, посвятив ему свою книгу.... Смелый шаг!

=ПИСЬМО КОРОЛЮ.=

"Сир, - сказал он, - вы сами являетесь свидетелем того, какой ложной клеветой повсюду порочат наше учение. Разве вам не говорили, что это ведет ни к чему иному, как к разрушению всех

королевств и правительств, нарушению мира, отмене всех законов, конфискации владений и собственности и, одним словом, к тому, чтобы привести все в смятение? И тем не менее вы слышите лишь наименьшую часть этих безобразий. Против нас распространяются ужасные истории, за которые, если бы они были правдой, мы заслуживали бы тысячекратной казни через повешение".

То, что Кальвин предпринял, заключалось не просто в том, чтобы показать, что евангелическая доктрина Реформации имеет право на существование бок о бок с римско-католической доктриной. Эта философская и христианская точка зрения отличалась от точки зрения шестнадцатого века. Если евангельская доктрина имеет право на существование, то это (смело сказал Кальвин) потому, что это истина. Он желал склонить и короля, и народ к тем убеждениям, которые, по его мнению, единственно были способны просветить и спасти их.

"Наша защита, - сказал он, - состоит не в том, чтобы отрицать нашу доктрину, а в том, чтобы поддерживать ее как истинную. Истина лишает своих противников права раскрывать свои рты против нее. И по этой причине, сир, я прошу вас получить полную информацию о деле, к которому до сих пор относились скорее с безудержной яростью, чем с судебной серьезностью.... Не думайте, что я борюсь здесь в свою личную защиту, чтобы вернуться в свою родную страну. Воистину, я испытываю к нему такую человеческую привязанность, какая подобает, но сейчас все так устроено, что я не очень огорчен тем, что меня не пускают в это дело.... Нет, сир, я беру на себя общее дело всех верующих и даже самого Христа, дело, которое сейчас настолько разрушено и растоптано в вашем королевстве, что кажется безнадежным.... Без сомнения, истина Христа не утеряна и не рассеяна; но она спрятана и похоронена, как будто заслуживает всякого позора. Бедная Церковь изгнана, поглощена жестокой смертью и так напугана угрозами и ужасами, что не осмеливается произнести ни слова. И все же враги истины не удовлетворены. Они настаивают со своей обычной яростью на разрушении стены, которую они уже поколебали, и на завершении разрушения, которое они начали".

Здесь Кальвин спрашивает, встает ли кто-нибудь на защиту этих преследуемых христиан.... Он смотрит ... увы! евангелисты молчат, королева Наваррская едва повышает свой робкий голос, а дипломаты убеждают немцев, что евангелисты Франции - фанатики и безумцы ... все дрожат.... "Никто, - восклицает он, - никто не выходит вперед, чтобы противостоять этой ярости. Если даже кто-то захочет казаться сторонником истины, они ограничатся тем, что скажут, что мы должны каким-то образом простить *невежество* ... *наглость* этих простых людей. Таким образом, они относятся к самой несомненной Божьей истине как к *дерзости* и *невежеству*. Тех, кого наш Господь настолько уважил, что поделился с ними секретами своей небесной мудрости, они называют *простыми людьми*! те, кто позволяет легко ввести себя в заблуждение, так стыдятся Евангелия".

Кто же тогда возьмет дело истины в свои руки?..

"Это ваше дело, сир, - сказал Кальвин королю, - не отвращать ни ваши уши, ни ваше сердце от такой справедливой защиты. На карту поставлено великое дело. Мы должны узнать, как Божья слава будет поддерживаться на земле, как Его истина сохранит свою честь и как царство Христа останется в своей целостности.... Дело, поистине достойное ваших ушей, достойное вашего правительства и вашего королевского трона!... Идея, которая делает истинного короля, заключается в том, что король осознает себя истинным служителем Бога в управлении своим

королевством. Правление, целью которого не является слава Божья, - это не правление, а простой разбой".

Едва Кальвин произнес эти слова, как ему показалось, что Франциск отказывается отвернуться от своих блестящих праздников, чтобы прислушаться к самому низкому из своих подданных. Король прислушивается к Монморанси, к Турнону ... он спешит познакомиться с герцогиней д'Этамп; он даже приветствует художников и литераторов, но этих жалких верующих ... никогда!

- Сир, - сказал Кальвин, - не отворачивайтесь с презрением к нашей подлости. Воистину, мы исповедуем, что мы бедные, презренные люди, жалкие грешники перед Богом, поруганные и отверженные перед людьми.... Нет, если вам это нравится, то мы отбросы общества или что-то еще более никчемное, что можно назвать. Да, у нас не осталось ничего, чем мы могли бы прославиться перед Богом, кроме его единственной милости ... и ничего перед людьми, кроме нашей слабости!"

Но апологет тут же поднимает голову со святой гордостью:

"Тем не менее, - говорит он, - наше учение должно оставаться возвышенным, непобедимым и намного превосходящим всю силу и славу мира. Ибо оно не наше, но Бога живого и Христа Его, которого Бог поставил Царем, чтобы он правил от моря до моря и от рек до концов земли ... и чье величие предсказывали пророки, говоря, что он низвергнет царства, крепкие, как железо и медь, и сияющие, как серебро и золото".

Здесь защитник своих братьев слышит возражение от их врагов. Он видит, как они столпились вокруг Фрэнсиса и непрерывно повторяют ему, что *эти люди*, даже выдвигая Слово Божье, являются всего лишь его *извращенными растлителями*.... "Сир, - продолжает он, - вы можете сами судить, прочитав наше признание (*Институты*), до какой степени этот упрек является не чем иным, как злобной клеветой и бесстыдной наглостью. Что более соответствует христианской вере, чем признать себя лишенными всякой добродетели, чтобы быть облеченными Богом? лишенными всего хорошего, чтобы быть наполненными Им? рабы греха, которых Он освободит? слепые, чтобы Он вернул нам зрение? хромые, чтобы Он мог заставить нас ходить? слабые, чтобы Он поддерживал нас? одним словом, отстранить от нас всякую славу, чтобы Он один мог быть прославлен?... Ах! мы не читаем о том, чтобы людей обвиняли в том, что они слишком много пьют из источника живой воды; напротив, пророк горько порицает тех, кто высек разбитые водоемы, которые не могут вместить воду". [362]

Кальвин даже попытался — и это была безнадежная попытка — тронуть сердце короля:

"Рассмотрите, сир, все аспекты нашего дела. Нас преследуют, некоторых из нас держат в тюрьме, других подвергают бичеванию, третьих заставляют нести епитимью, третьих изгоняют, третьи спасаются бегством.... Мы в скорби, нас оскорбляют, с нами жестоко обращаются, на нас смотрят как на преступников и проклинаят.... И за что?... Потому что мы возлагаем нашу надежду на живого Бога и верим, что жизнь вечная - это *познать единственного истинного Бога и Иисуса Христа, которого он послал.*"

Однако Кальвин очень хорошо знал, что победа будет нелегкой. Он близко видел священников в столице, во второстепенных городах и в сельской местности. Ему казалось, что он слышит крики, поднимаемые кюре в их приходах и монахами в их монастырях. Желая, следовательно, просветить короля, он сделал это в довольно грубой манере, по моде того времени. "Почему, -

спросил он, - наши враги так стойко сражаются за мессу, чистилище, паломничества и подобную чушь?" ... Потому что желудок - их Бог, а кухня - их религия. Потому что, хотя одни относятся к себе деликатно, а другие голодают, питаясь сухарями, все они едят из одного горшка, который без этих согревающих его веточек (месса, чистилище и т. Д.) Не только остыл бы, но и полностью замерз.'

Однако Кальвин не был в неведении о том, что действительно опасными врагами Реформации были не те священники и монахи, которых Эразм и многие другие часто бичевали к великому удовольствию короля. Ему почудилось, что он видит надменных дворян, фанатичных священников и врачей, входящих в кабинет короля и изливающих ему на ухо свои вероломные обвинения. "Я слышу их, - говорит он, - они называют наше учение *новым*.... Воистину, я не сомневаюсь, что это *новодля* них, поскольку даже Христос и его Евангелие совершенно новы для них. Но тот, кто знает, что эта проповедь святого Павла стара, а именно, что *Христос умер за наши грехи и воскрес для нашего оправдания*, не находит у нас ничего нового. Правда, это долгое время было скрыто и неизвестно, но преступление должно быть приписано порочности человека; и теперь, когда по милости Божьей оно возвращено нам, оно должно быть, по крайней мере, признано в своей древней силе".

Здесь враги упорствуют: они утверждают, что старые учителя Церкви выступают в их пользу. Это был самый сильный аргумент в глазах Франциска, который питал определенное уважение к древнехристианской литературе. Кальвин был знаком с трудами врачей: он изучалих день и ночь в Ангулеме, Париже и Базеле. "Отцы ошибались, как и все люди, - сказал он, - но эти добрые и послушные сыновья (римские монахи) обожают ошибки Отцов и упускают из виду то, что они сказали правильно, как будто у них нет другой заботы, кроме как выковыривать мусор из золота.... И тогда они нападают на нас с громкими криками как на презирающих Древних. Далекие от презрения к ним, мы могли бы доказать из их показаний большую часть того, что мы сейчас говорим. Но эти святые личности часто отличаются друг от друга и иногда противоречат самим себе. Они не должны тиранить нас. Только Христу мы должны повиноваться полностью и без исключений. Почему наши противники не принимают Апостолов за своих Отцов, поскольку это их ориентиры, и только их нам запрещено удалять? И если они хотят, чтобы соблюдались ориентиры Отцов, почему они, когда им заблагорассудится, так дерзко перескакивают их?"

Более того, Кальвин использует этих врачей; он не боится их, напротив, он обращается к ним. Он призывает их всех, чтобы заставить их оскверниться перед царем и засвидетельствовать против доктрин Рима.

- Это был Отец, Епифаний, который сказал, что видеть изображение Христа или любого другого святого в христианском храме - ужасная мерзость.

- Это был Отец, папа Геласий, который сказал, что сущность хлеба и вина пребывает в таинстве Святой Вечери, как человеческая природа пребывает в Господе нашем Иисусе Христе, соединенная с его божественной сущностью.

- Один Отец, Августин, назвал опрометчивым утверждение какой-либо доктрины без четкого свидетельства Священного Писания.

- Это был Отец, Пафнутий, который утверждал, что служителям Церкви не следует запрещать вступать в брак и что целомудрие заключается в том, чтобы иметь законную жену.

- Один Отец, Августин, утверждал, что Церковь не следует предпочитать Христу, потому что, хотя церковные судьи, будучи мужчинами, могут ошибаться, Христос всегда судит праведно.... Ах, если бы я захотел подсчитать все пункты, по которым римские врачи отвергают иго Отцов, послушными детьми которых они себя называют, месяцы и годы ушли бы на чтение длинного списка.... А потом они упрекают нас в том, что мы вышли за древние границы!"

Кальвин не забывал, что разговаривает с принцем. Пораженный состоянием мира в этот важный момент, когда старые суеверия и новые сомнения, старые беспорядки и новая безнравственность, амбиции, войны и опустошения - все это противоречило друг другу, он громко призвал к исправлению; и будучи убежден, что только Реформация может спасти общество, он воскликнул: "Океаны зла затопляют землю. Новые эпидемии опустошают мир. Все превращается в руины. Мы должны отчаиваться в человеческих делах или исправлять их, даже если это будет насильственными средствами. И все же люди отвергают это средство.... Только к вечной истине Божьей следует прислушиваться в царстве Божьем. Против этого не помогут ни запреты, ни преклонный возраст, ни древние обычаи, ни какой-либо другой договор".

"Но Церковь", - говорят его противники. "Если мы не Церковь, то где она была до вас?" "Увы! - ответил Кальвин. - как часто Церковь переживала упадок, была деформирована и угнетена войнами, мятежами и ересями.... Разве святой Хилари не делает выговор тем, кто, ослепленный необоснованным уважением, не замечал, какие язвы иногда скрывались под честной внешностью. Вы ищете Церковь Божью в красоте ее зданий. Но разве вы не знаете, что именно там Антихрист установит свой трон? Горы, леса и озера, тюрьмы, дикие места и пещеры — все это кажется мне более безопасным и заслуживающим доверия; ибо там пророчествовали пророки, которые удалились к ним. Бог, видя, что люди не желают повиноваться истине, позволил им быть погребенными в глубокой тьме и утратить форму истинной Церкви, все еще сохраняя тех, кто принадлежал к ней, скрытых и рассеянных здесь и там. Если вы пожелаете, сир, посвятить часть своего досуга чтению моих трудов ... вы ясно увидите, что то, что наши противники называют Церковью, - это жестокая геенна, скотобойня душ, факел, руины".

Наконец, молодой врач, зная, что кардиналы постоянно повторяли Франциску I. "Посмотрите, какие раздоры, неприятности и смятения принесла с собой проповедь этого учения", дал ответ на это вульгарное обвинение, довольно поразительный и оригинальный: "Слово Божье, - говорит он, - никогда не выходит вперед без того, чтобы сатана не пробудился и не боролся. Несколько лет назад, когда все было погружено во тьму, этот властелин мира играл с людьми по своему усмотрению и, подобно Сарданпалу, спокойно проводил свое времяпровождение. Что он мог делать, кроме как забавляться и подшучивать, видя, что тогда он спокойно владел своим королевством? Но с тех пор, как свет, сияющий свыше, прогнал тьму, князь мира сего внезапно сбросил свою летаргию и взялся за оружие. Сначала он прибегнул к силе, чтобы подавить истину; затем к хитрости, чтобы затемнить и уничтожить ее. О, какое извращение обвинять Слово Божье в мятеже, разжигаемой против него глупцами и безумцами!

- Ах! Сир, это не мы сеем смуту, это те, кто противится благодати Божьей. Возможно ли, чтобы мы, чьи уста никогда не произносили крамольного слова; чья жизнь, пока мы жили под вашим скипетром, всегда была простой и мирной, замышляли свержение королевств?... Теперь, даже когда нас изгнали, мы не перестаем молиться Богу о процветании вашего правления.

"Если есть кто-то, кто под видом Евангелия сеет смуту; если есть кто-то, кто желает скрыть свою плотскую распущенность, утверждая свободу и благодать Божью: существуют законы и

наказания, предназначенные для очищения от этих преступлений. Но пусть Евангелие Божье не будет хулиться злодеяниями нечестивых".

Таким образом Кальвин завершает свое письмо: "Сир, - сказал он, - я изложил вам беззакония наших клеветников. Я хотел смягчить ваше сердце до такой степени, чтобы вы выслушали наше дело. Я надеюсь, что мы сможем вернуть ваше расположение, если вы соблагovolите прочесть без гнева это признание, которое является нашей защитой перед вашим Величеством. Но если злонамеренные люди затыкают вам уши; если у обвиняемых нет возможности защититься; если безудержные фурии, не сдерживаемые вашим приказом, все еще проявляют свою жестокость в заключении и бичевании, пытках, нанесении увечий и на костре ... воистину, как овцы, отданные на заклание, мы будем доведены до последней крайности. Но даже тогда мы будем хранить наши души в терпении и будем ожидать сильной руки Господа. Несомненно, она будет протянута в должное время. Оно явится вооруженным, чтобы избавить бедных от их невзгод и наказать презрителей, которые сейчас так смело веселятся.

"Пусть Господь, Царь царей, утвердит твой престол в праведности и твое седалище в справедливости".

Такова была благородная и трогательная защита, с которой двадцатилетний молодой человек обратился к королю Франции. Он услышал издали скорбные крики жертв, и его душа, переполненная состраданием и негодованием, предстала как проситель перед сладострастным принцем, который предавал их смерти.

Закончив столь редкую по красноречию речь, Кальвин поставил дату — *Базель, 1 августа 1535 г.*, а затем поспешил напечатать рукопись. [363]

=ПЕЧАТЬ ИНСТИТУТОВ.=

В Базеле, на высотах Сен-Пьера, был дом, известный под вывеской *Черного медведя*, где находилась типография, принадлежавшая Томасу Платеру, валежанцу. Кальвин часто бывал там. Платер, приехавший в Базель вместе с Микониусом, как мы видели, был сначала студентом, затем профессором, и, наконец, "большие суммы, вырученные печатниками", [364] вызвали у него желание тоже стать печатником. Когда Кальвин искал издателя для своих *Институтов*, ученый Гриней порекомендовал ему Платера. Последнему выпала честь напечатать эту работу, и с тех пор Кальвин время от времени поддерживал общение с этим необычным человеком. Когда несколько лет спустя Феликс Платер, сын Томаса, который собирался изучать медицину в Монпелье, проезжал через Женеву, Кальвин, которому он привез письмо от своего отца, назвал его *моим Феликсом* и принял его с большой сердечностью. "Я слышал его проповедь в воскресенье утром, - рассказывал молодой человек в своих воспоминаниях, - и там была огромная толпа людей". [365]

Как мы уже говорили, в августе 1535 года Кальвин передал Томасу Платеру его послание Франциску I. для печати. Он написал ее по-французски, и французское издание датировано 1 августа; но он немедленно перевел ее на латынь и напечатал эту версию 23 числа того же месяца, что является датой латинского издания. [366] Вполне вероятно, что послание Франциску I. было напечатано на обоих языках и что французский текст был отправлен королю, а латинский - немецким врачам в сентябре 1535 года.

Получил ли Франциск когда-нибудь это письмо? Выслушал ли он это замечательное извинение? Несомненно, что его сердце не смягчилось. Возможно даже, что удовольствия и политика монарха заставили его презрительно отвергнуть этот призыв одного из беднейших своих подданных. Однако ничто не мешает нам поверить, что король действительно прочитал его, поскольку сам стиль был достоин внимания монарха. Друзья Кальвина и даже сам Кальвин возлагали на него большие надежды. "Если бы царь только прочитал это превосходное письмо, - сказал один из них, - этой вавилонской блуднице была бы нанесена смертельная рана (или мы сильно ошибаемся)". [367] Но был ли амбициозный, лживо говорящий и распутный царь способен понять благородные мысли реформатора?

=КАЛЬВИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ИТАЛИЮ.=

Кальвин, опубликовав свое обращение к Франциску I. и, возможно, завершив исправление корректур *Институтов*, подумал о том, чтобы покинуть Базель. Эти публикации произвели бы сенсацию; стало бы известно, что их автором был жилец Кэтрин Кляйн, и Кэлвин обнаружил бы, что за ним ухаживают и он пользуется спросом.... "Моя цель не в том, чтобы выставлять себя напоказ и приобретать известность", - сказал он. [368] Поэтому страх прославиться побудил его сойти с дороги. Однако у него были и другие причины покинуть Базель: он чувствовал, что его тянет в Италию. Вскоре после этого, 23 августа 1525 года, "Кальвин, исполнив свой долг перед своей страной", - говорит Теодор Беза, - отправился в путь с Дю Тийе, уклоняясь от восхвалений, благодарностей и одобрения, точно так же, как другой человек уклонялся бы от угроз и насилия.

=ПУТЕШЕСТВИЕ КАЛЬВИНА В ИТАЛИЮ.=

Двое друзей ехали бок о бок, но их маршрут не сохранился. Как всем известно, существует множество перевалов через Альпы, но тот, который выбрал Кальвин, нам так же неизвестен, как перевал Ганнибала, хотя, конечно, не идет с ним ни в какое сравнение. Предполагалось, что путешественники отправились в путь вдоль берегов Женевского озера. Если они проезжали через Швейцарию и намеревались пересечь реку Сен-Бернар (как говорится в рукописи 17 века), или Симплон, или даже гору Сени, Кальвин, должно быть, впервые оказался на берегу этих прекрасных вод. Как бы то ни было, он собирался перейти Альпы. "У него было желание, - как рассказывает нам Теодор Беза, - познакомиться с герцогиней Феррарской, принцессой образцовой добродетели". Но молодым реформатором двигали другие мотивы. Он хотел увидеть Италию: *Italia salutanda*, как говорит нам его друг. Это желание "приветствовать" Италию, столь распространенное среди жителей остальной Европы с тех времен, когда Римская республика подчинила себе народы, и которое существует до сих пор, Кальвин чувствовал, как и любой другой человек.

Но что же он искал?... Когда он взбирался на Альпы и впервые созерцал их огромные ледники и вечные снега, какие мысли наполняли его разум? Тогда ходили какие-то разговоры о совете; имело ли это событие, которое, казалось, было уже близко, какое-то отношение к его путешествию? Поскольку Верджерия уехала из Италии в Германию, чтобы поддержать владычество папы, хотел ли Кальвин отправиться из Швейцарии в Италию, чтобы напасть на нее? Или, привлеченный почти евангелической репутацией Контарини, Садоле и других прелатов, он жаждал пообщаться с ними? Чувствовал ли он необходимость поближе познакомиться с тем папством, с которым ему предстояло иметь дело всю свою жизнь, и собирался ли он изучать, подобно Лютеру, его скандалы и злоупотребления? Хотел ли он вернуть Евангелие в ту самую страну, куда его привез Павел? Или его привлекли только

классические воспоминания, ученость и цивилизация этого прославленного полуострова? Вероятно, в желании Кальвина было что-то из всех этих побуждений. Он хотел посетить страну героев, мучеников и ученых, Рене Феррарского и ... пап. *Italia salutanda*. Но мы не можем сомневаться в том, что его главной мыслью было преподать принципы Реформации, провозгласить Италии, что Христос пришел уничтожить грех и открыл путь к Небесному Отцу для всех, кто ищет Его. Католический историк говорит, что молодой реформатор "задумал вывести из повиновения папе людей, ближайших к его трону". [369] В этом утверждении есть некоторое преувеличение, но суть верна.

Кальвин пересекает бурные потоки, поднимается по пологим долинам Альп, взбирается вон на те высокие горы, которые возвышаются подобно непреодолимым стенам, и мужественно движется к тем итальянским землям, где люди Реформации скоро утонут в своей крови, где его наверняка преследуют, и, возможно ... смерть. Это не имеет значения: он идет вперед. Мы могли бы сказать вслед за историком, что, подобно Митридату, он желает завоевать Рим в Риме.

Давайте на минуту оставим его и обратимся к тем странам, куда он снова приедет, еще раз перейдя Альпы после своего побега из итальянских тюрем. Побродив по прилегающим регионам, давайте направим наши стопы к этому городу, который так мужественно борется с епископами и князьями, где отважные предшественники собираются подготовить для него путь и которому суждено стать благодаря факелу, который однажды будет зажжен там рукой Кальвина, самым могущественным средоточием европейской реформации.

[359] Посвящение *институтов*.

[360] Креспен, *Мартироль*. fol. 116.

[361] Дрион, *История. Хронология*. i, стр. 25.

[362] Иеремия, ii. 13.

[363] Смотрите Посвящающее послание в начале всех изданий *Институтов*.

[364] *Vie de Thomas Plater, écrite par lui-même*, p. 110.

[365] Автобиография Феликса Платера, сына Томаса.

[366] Decimo Calendas Septembris.—Латинское издание, во главе *институтов*.

[367] 'Magnum meretrici Babylonicæ vulnus illatum.'—Beza, *Vita Calvini*.

[368] *Préface des Psaumes*.

[369] Варильяс, *История. des Hérésies*, ii. p. 994.

КНИГА V. БОРЬБА РЕФОРМАЦИИ.

ГЛАВА I.

УСИЛИЯ В PAYS DE VAUD.

(1521 г.)

БОРЬБА, политическая или религиозная, - это нормальное состояние общества и исторической жизни. Их необходимость с христианской точки зрения установлена высшими авторитетами: *Я пришел принести на землю не мир, но меч*, сказал Спаситель людей; [370] а один из его учеников шестнадцать веков спустя, развивая слова своего учителя, добавил: "Поскольку большая часть мира враждебна Евангелию, мы не можем исповедовать Христа, не встречая противодействия и ненависти". [371]

=ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ.=

Эта мысль была бы поистине печальной, если бы опыт и Священное Писание не учили нас, что противостояние часто является средством развития; что дары Божьи человеку легко погибают, если их ничто не возрождает; что противоречия, сопротивление и испытания (благодаря заботе божественного провидения) имеют тенденцию цивилизовывать народы и сохраняют христианству истину, нравственность и жизнь, которые оно получило свыше.

Откуда исходит это моральное влияние противоречия? Принцип никогда не развивает всего, что в нем содержится, утверждает школа, кроме как вступая в столкновение с противоположным принципом. В сущности, удар, который солдат получает на поле боя, увеличивает его доблесть. Непреклонное упорство Рима в поддержании всех злоупотреблений побудило Лютера с большей энергией демонстрировать великие принципы Реформации. И в Женеве именно потому, что гугенотам приходилось постоянно бороться с подлым деспотизмом в государстве и неисправимой коррупцией в Церкви, их души стонали о свободе и лучшей религии.

Однако противоречие - это еще не все, что необходимо: после этого должно произойти примирение. Двойная оппозиция гугенотов (какой бы возвышенной она ни была) гражданскому и религиозному деспотизму потерпела бы крах из-за своей чрезмерности и погубила бы Женеву, если бы впоследствии ее не смягчили. Государству было нехорошо, что "никто не желал подчиняться". [372] Для религии было нехорошо, что противодействие папству заключалось в хождении по церквям во время мессы. Современность с самой своей колыбели нуждалась в авторитете в лоне свободного народа и чистом учении в лоне живой Церкви. Бог дал Женеве и то, и другое, и сделал он это, по сути, через Реформацию.

Однако следует позаботиться о том, чтобы мы не зашли слишком далеко на пути примирения. Реформация не должна делать никаких уступок папству. Всякий раз, когда она спускалась по этому пологому склону, она покидала свои спокойные высоты и падала в трясину, которые ставили под угрозу ее чистоту и существование.

Но это было примирение, которое должно было быть осуществлено в те времена и которое все еще следует попытаться осуществить в христианском мире нашего времени. Между негативным протестантизмом и Римско-католицизмом есть средний путь. С одной стороны, Евангелие

должно восполнить этот негативный протестантизм тем, чего в нем недостает, а с другой - отнять у латинизма все, что в нем ошибочно. Гугеноты, по крайней мере частично, были преобразованы в городе Кальвина великими принципами Реформации. Именно благодаря могущественной силе Евангелия этот маленький городок, который раньше был всего лишь альпийским городком, так чудесно преобразился и стал в Европе столицей общественного мнения.

Однако одно обстоятельство поставило под угрозу ее будущее. Реформа восторжествовала, но не без потери силы, поскольку меч в борьбе задел нечестно. "Если человек стремится к господству, его не коронуют, если только он не стремится законно". [373] Кальвин лучше других реформаторов понимал духовность и независимость Церкви; и все же, уступив общей слабости, он прибегнул к светской помощи для поддержания дисциплины и не смог предотвратить смерть Сервета. Этот роковой кол нанес больше вреда истине, чем лжи. С этого часа доктрина утратила свою силу, пятно запятнало ее знамя, и эррор воспользовался преимуществом, проскользнув в ряды тех, кто был призван сразиться с ней. Было замечено, что выдающиеся умы отказались от доктрин Реформации, главным образом из-за гражданской нетерпимости, которой они защищались. И таким образом, за мощной деятельностью и славными битвами первых дней Реформации последовал более или менее преступный застой. Больше не было сражений вокруг искупительного креста, вечного Слова, грехопадения, благодати и возрождения. Больше не было борьбы, а значит, и жизни. Христианская крепость, воздвигнутая Кальвином, подвергавшаяся нападкам в течение двух столетий, потрясенная и разобранная, была на грани того, чтобы быть стертой с лица земли; когда, к счастью, борьба, исключительно духовная борьба, началась снова, и религия была спасена ими. Когда Бог, обрушивший на Европу в начале нынешнего столетия ужасную долю завоевателя, пробудил ее от долгого сна, он вспомнил о Женеве и возродил там, как и в других местах, учение и жизнь. Этому городу и всему христианскому миру теперь снова брошен вызов на старую борьбу, а также на новую, в которой вера восторжествует над абсолютным, тотальным отрицанием, которое не только лишает человека благодати и усыновления детей Божьих, но и отрицает нематериальность и бессмертие души.

=ВО И ЖЕНЕВА.=

Мы начнем не с борьбы Реформации в Женеве, а с тех, которые велись в стране, прекрасно расположенной между озерами и горами, — Плато Во. Страна была невелика, ее города малонаселенны, и имена людей, которые там боролись, не занимают важного места в летописях народов. Давайте, однако, не будем забывать, что существует два вида истории: сцена одного - это блестящий круг, другого - скромная сфера. Действующие лица в первом - великие личности, во втором - люди малопочтенные в свое время. Но разве наименьшее иногда не является величайшим из этих двух видов истории? Разве события малых масштабов геометрически не подобны великим? Разве они часто не имеют более глубокого морального значения и более широкого практического влияния? Справедливо можно сказать о борьбе Во и Женевы: *Magnam causam in parvum locum concludi*, великое дело здесь ограничено узкими рамками. Сцены, такие скромные и малоизвестные, такие полные решимости и жизни, которые представляет эта история, вероятно, сделали больше для основания царства истины и свободы, чем споры и войны могущественных властителей. Подобная мысль была высказана даже в Париже. Современный писатель, начертив в своей "истории шестнадцатого века" очертания зловещего

будущего, которому угрожают интриги папства, вновь обретает мужество словами: *Европу спасла Женева*. [374]

Все реформаторы были людьми силы; но в то время как Лютер и Кальвин особенно ратовали за принципы и доктрины Реформации, другие, такие как Нокс и Фарел, применяя их на практике, специально предприняли попытку привлечь определенные страны или города к Евангелию. Мужья Божьи во все века совершали обе эти вещи; но ни один из них не сочетал эти две вещи, как святой Павел. В этом апостоле было два человека, врач и евангелист. Кальвин был великим врачом шестнадцатого века, а Фарель - великим евангелистом: последний является одной из самых замечательных фигур Реформации.

=ФАРЭЛ.=

Католик в юности, фанатик воздержания и мацерации, Фарель принял спасение по благодати со всем живым пылом своей души, и с этого часа все предстало перед ним в новом обличье. Его желание просветить своих современников было сильным, сердце - бесстрашным, рвение - неутомимым, а стремление к Божьей славе - безграничным. Трудность никогда не останавливала его; неудача никогда не обескураживала его; жертва, даже если речь шла о его жизни, никогда не пугала его. Он не был великим писателем; в его произведениях мы иногда встречаемся с беспорядком и многословием; но когда он говорил, ему почти не было равных. Энергичный язык, который увлекал его слушателей, был заимствован из писаний пророков и апостолов; его учение было здравым, его доказательства убедительными, его выражения многозначительными. Поэты созданы природой, ораторы - искусством, но проповедники - милостью Божьей; а Фарел обладал богатствами природы, искусства и изящества. [375] Он никогда не останавливался, чтобы обсудить праздные или легкомысленные вопросы, но обращался прямо к совести и демонстрировал тем, кто слушал его, сокровища мудрости, спасения и жизни, которые находятся в Искупителе. Полный любви к истине и ненависти ко лжи, он энергично выступал против всех человеческих изобретений. В его глазах традиции папства были пропастью, в которой царил ужасная тьма, и поэтому он трудился над тем, чтобы вытаскивать души из нее и сажать их на почву Слова Божьего. Его мужественное красноречие, его живые апострофы, его смелые увещания, его благородные образы, его действия, откровенные, выразительные, а иногда и угрожающие, его голос, который часто был подобен грому (как рассказывает нам Беза), и его горячие молитвы увлекали его слушателей. Его проповедь была не диссертацией, а действием, таким же, каким является битва. Каждый раз, когда он поднимался за кафедру, это было для того, чтобы совершить работу. Как доблестный солдат, он всегда был впереди колонны, чтобы начать атаку, и никогда не отказывался от боя. Иногда смелость его речи брала штурмом крепость, которую он атаковал; иногда он пленял души божественной благодатью, которую предлагал им. Он проповедовал на рыночных площадях и в церквях, он провозглашал Иисуса Христа в домах бедных и на советах наций. Его жизнь была чередой битв и побед. Каждый раз, когда он выходил вперед, это было *завоевание и ради завоевания*. [376]

Как мы уже говорили, совершенно верно, что города, где он проповедовал, не были крупными столицами; но Дерб, Листра и Верия, где проповедовал святой Павел, были маленькими городками вроде Орбе, Невшателя и Женева. Совершенно очевидно, что Деяния Реформации - это не Деяния Апостолов; между ними есть вся разница, которая существует между основанием

христианства и его реформацией; но, несмотря на неполноценность шестнадцатого века, труды реформаторов вызывают интерес у всех тех, кто любит размышлять о скромном происхождении новых судеб человечества. Существует ли после утверждения христианства что-либо более великое, чем его Реформация? Разве те слабые движения, которые начались в мелких сферах, в которых жили Фарел и Кальвин, не расширялись из века в век? Не они ли являются источником той новой религиозной трансформации, которая, несмотря на декламации и торжествующие крики неверующих, сейчас происходит в каждой нации земли? Исток Роны - всего лишь водная нить, которая в другом месте прошла бы незамеченной; но путешественник, стоящий у подножия огромных ледников, разделяющих горы Фурка и Гримзель, не может равнодушно смотреть на этот маленький ручеек, который, незаметно вытекая из земли, должен превратиться в могучую реку. Мысль о том, кем это значит быть, вдохновляет друга природы и истории в этом возвышенном уединении на эмоции более глубокие, чем те, которые вызывают его обильные и монотонные воды в Лионе, Бокере или Авиньоне. Именно по этой причине мы дольше останавливаемся на происхождении Реформации.

=ПОДГОТОВКА К ПОБЕДЕ.=

Полководец, желающий захватить важный город, сначала укрепляет свое положение и оккупирует окружающую местность: и поэтому Фарель, желая привлечь Женеву к Евангелию, первым делом приступил к просвещению соседних народов. Его операции, конечно, не носили стратегического характера; он думал только об обращении душ; и все же его труды в городах и деревнях Водуа замечательно подготовили почву для его успехов среди гугенотов. Мы уже видели, что он делал в Эгле, Невшателе и других местах; [377] теперь мы должны последовать за ним в другие части этой живописной страны, заключенной между остроконечными цитаделями Альп и волнистыми линиями Юры, воды которой текут — одни через Невшательское озеро, Ар и Рейн к Северному морю, другие через Женевское озеро и Рону к Средиземному морю: символ духовных вод, которым, вытекая из тех же холмов, вскоре предстояло нести свет и жизнь народам Северной Европы. север и юг.

=ФАБРИ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ФАРЕЛЮ.=

Фарель бездействовал (странное дело!) в тот момент, когда мы увидим, как он заблаговременно готовится к захвату Женевы. Раненный близ Невшателя буйствующей толпой, он был помещен в лодку и перевезен через озеро в Морат, как мы уже говорили в одной из предыдущих работ.

[378] Его друзья в том городе встретили его с волнением и дежурили у его постели.

Приговоренный к покою, "дрожа от холода, харкавший кровью" и едва способный говорить, он в тишине общался со своим Богом, когда увидел молодого дофинца приятной внешности, по имени Кристофер Фабри, входящего в его комнату. Этот француз, о котором мы уже говорили, изучал медицину в Монпелье и там получил первые лучи Евангелия. Отправившись в Париж, чтобы завершить свое обучение в этом городе, он встретился в Лионе с несколькими друзьями истины, которые рассказали ему обо всем, что происходило в Невшателе и его окрестностях. Фабри был очень тронут и, будучи человеком живого, расторопного и решительного характера, внезапно изменил свой маршрут, призвание и жизнь и вместо того, чтобы ехать в Париж, направился в Женеву, а оттуда в Морат.

Прибыв в этот город, студент осведомился о Фареле и, явившись в дом, был допущен в комнату, где лежал реформатор. Скромно приблизившись к кровати, он сказал ему: "Я оставил все: семью, перспективы и страну, чтобы сражаться на вашей стороне, мастер Уильям. Я здесь;

делай со мной то, что тебе нравится. - Фарел ласково посмотрел на него и вскоре оценил живую привязанность и безграничную преданность молодого человека. Он видел, что у них обоих была одна и та же вера, один и тот же Спаситель. Поскольку он не был женат, он смотрел на Фабри как на сына, которого послал ему Бог, [379] и с тех пор часто вел с ним христианские беседы, в которых стремился подготовить его к служению Евангелию. Фарелю хотелось бы всегда держать его рядом с собой; но он любил Иисуса Христа больше, чем любят самого нежного сына; и соответственно, после короткого, но восхитительного общения он попросил обращенного дофинца поехать проповедовать Евангелие в Невшаталь. Фабри, который не ожидал столь ранней разлуки, воскликнул со слезами: "О учитель, моя печаль сегодня больше, чем когда я покинул отца и мать, так сладки были мои беседы с тобой!" Однако он повиновался.

Фарел никогда не довольствовался тем, что посылал других на битву; он горел желанием вернуться туда лично и привести к небесному Царю, слугой которого он был, все население, которое, заключенное между Альпами и Юрой, говорило на языке его страны. Он думал, что если бы разумные люди, стоящие у ворот Франции, были привлечены божественным Словом, они стали бы центром распространения света Евангелия в это королевство и убежищем, где могли бы найти убежище христиане, преследуемые Франциском I.

Город, лежащий у подножия нижних склонов Юры, привлекал его мысли в часы одиночества в Морате: это был Орбе. Древний город Урба, построенный, как говорят, в том же столетии, что и Рим, располагался на римском пути, который вел из Италии в Галлию. Отстроенные позже на некотором расстоянии, короли первой расы Франции, как хвастались жители Орбе, поселились там, как будто сразу после перехода через Юру они воскликнули при виде восхитительной перспективы Альп: "Этого достаточно! здесь мы остановимся." Поток, вытекающий из озер, которые находятся в высокогорных юрских долинах, ныряет в гигантские расщелины горы и, пройдя подземный и таинственный путь, вновь появляется на другом склоне, по направлению к равнине, откуда, спускаясь с одного водопада на другой, он грациозно огибает красивый холм, на котором расположен город Орбе, окруженный виноградниками, огородами "со всеми видами растений и полезных вещей". [380]

=ФАРЕЛ ПРОПОВЕДУЕТ В ОРБЕ.=

Торговец индульгенциями, привлеченный этим богатством, как раз в это время шумно продавал свои помилования за каждый проступок. Фарел, все еще задержанный в Морате, услышав, как говорит Лютер, звук его *барабана*, сделал попытку идти пешком: он покинул последний город и направился в Орбе. В следующий базарный день, преисполненный решимости противостоять новому Тецелю, он вышел из своей гостиницы и отправился на рыночную площадь, где обнаружил продавца индульгенций, с громкими криками предлагавшего свой товар. Монах, чей глаз всегда был настороже, вскоре заметил в середине толпы маленького человечка с рыжей бородой и пронзительными глазами, который вызывал у него некоторое беспокойство. Медленно приблизившись, Фарел спокойно занял свое место перед прилавком и спросил шарлатана, как сделал бы обычный покупатель, но с сосредоточенным гневом: "Есть ли у вас индульгенции для человека, убившего своих отца и мать?" Не дожидаясь ответа и желая разуверить суеверную толпу, он смело взошел на чашу общественного фонтана и начал проповедовать, как если бы он был за кафедрой. Изумленные рыночные люди оставили монаха и собрались вокруг нового оратора, чей звучный голос умолял толпу просить прощения у Спасителя вместо того, чтобы покупать индульгенции у монаха. Поскольку священники и

набожные были чрезвычайно раздражены как проповедью, так и самим проповедником, Фарел не мог оставаться в Орбе; но несколько капель живой воды пролилось наружу, и они утолили жажду некоторых душ. В это время торговец по имени Кристофер Холлард и некий Марк Ромен, школьный учитель, были обращены в Евангелие.

Весь город был в смятении, и сестры Святой Клары, такие же фанатичные, как и женевские, умоляли своего духовника проповедовать против ереси. Такая просьба имела большой вес, и к ней необходимо было прислушаться, поскольку к этим сестрам относились с большим уважением. Филиппина Шалонская, Луиза Савойская, недавно канонизированная в Риме, и Иоланда, внучка Людовика Святого, приняли постриг в этом монастыре. Борьба могла бы проходить в Орбе более свободно, чем во многих других городах Водуа. Предки Шато-Гийона, которые владели лордством во время войны между Швейцарией и Бургундией, приняв сторону Карла Смелого, были лишены своих владений Лигой, и сюзеренитет был передан в 1476 году кантонам Берн и Фрибург. Муниципальные магистраты, избираемые из числа главных горожан или знати города, были добрыми католиками; но высшая власть принадлежала судебному приставу, жившему в Эшалленсе и поочередно являвшемуся фрибургцем или бернцем. Теперь Берн усердствовал в проведении Реформы. Монах-исповедник, полный уверенности в себе, улыбнулся лестной просьбе, с которой обратились к нему монахини Сент-Клер, и, не сомневаясь в его красноречии, сказал баннерету, сир де Пьерфлер: "Я создам этих лютеран заново в вере, какими они были прежде". Нобль де Пьерфлер, ревностный католик, но человек здравого смысла, знавший твердость реформаторов и видевший Берн на заднем плане, не поверил в это. что новое *творение*, которым монах тешил себя, было такой легкой вещью, и ответил: "Я далек от твоего мнения, отец, ибо у таких людей больше упрямства, чем знаний, и велика глупость тех, кто желает возразить им". [381]

=ПРОПОВЕДЬ БРАТА МИХАИЛА.=

Майкла Джулиани (так звали монаха) это мнение не остановило, и он сообщил о своих проповедях против Реформы, о которых говорили по всему городу. Зазвонили колокола; священники, монахи и верующие заполнили церковь, и пришли даже те, кого подозревали в лютеранстве. Оратор преисполнился радости при виде необычной толпы, и его голова была повернута. Разве его святой покровитель, архангел Михаил, вооруженный золотым копьем, не растоптал сатану своими ногами; и разве он не должен был одержать подобную победу? Потеряв всякую сдержанность, он начал превозносить в самых напыщенных выражениях Рим, священство и безбрачие, а также нападать на реформаторов с насилием и оскорблениями. В церкви были замечены пять или шесть лютеран с ручкой в руке, которые записывали все, что говорил отец, на листе бумаги, который они держали на коленях. Когда проповедь закончилась, оскорбленный бейлиф Дисбаха, великий баннерет и другие знатные люди, недовольные самонадеянными речами, обратились к монаху и умоляли его воздержаться от оскорбительных выражений и проповедовать просто доктрины Церкви. Но в глазах некоторых набожных людей, чем сильнее ругань Майкла, тем сильнее его красноречие.

Духовник, обрадованный своим успехом и думающий, как это делали во многих монастырях, что знание - признак детей дьявола (Фарель учился в Парижском университете), а невежество - признак детей Божьих, снова взошел на кафедру 25 марта и взял за основу текст: *Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное*. "Господа, - воскликнул он, - нищие духом, о которых здесь идет речь, - это священники и монахи. Признаюсь, у них не так уж много знаний,

но у них есть кое-что получше: они посредники между человеком и Богом, поклоняются Деве Марии, которая является сокровищницей всех милостей, и друзья святых, которые излечивают все болезни.... Чего же тогда могут хотеть те, кто их слушает? Но кто те люди, которые говорят, что они оправданы верой? кто те, кто сбрасывает кресты на наших дорогах и в наших часовнях?... Враги Христа. Кто эти священники, монахи и монахини, которые отказываются от своих обетов, чтобы вступить в брак?— Нечистые, подлые, позорные, отвратительные отступники перед людьми и перед Богом". [382]

Монах продолжал в том же духе, как вдруг в церкви послышался громкий шум. Присутствующие евангелисты были взволнованы в самом начале беседы; сначала они сдерживались, а затем перешептывались друг с другом; но когда монах начал оскорблять тех, кто думал (как сказано в Библии), что *брак почетен для всех мужчин*, один из них, не в силах сдержаться, встал и перед всем собранием дважды и звучным голосом повторил слова: "Вы лжете!"... Оратор остановился в изумлении, и все повернулись в сторону квартала, откуда доносились эти слова. Они увидели мужчину средних лет, стоявшего там в сильном волнении. Это был Кристофер Холлард, которого обратила первая проповедь Фарела и который сочетал честное сердце с жестоким характером. Его брат, Джон Холлард, покойный настоятель Фрибурга, принял Реформацию и женился; Кристофер, полагая, что монах размышляет о его брате, поспешил выразить протест, довольно грубый, надо признать, но с откровенностью честного сердца, которое видит, как богохульствуют заповеди Божьи.

=ХОЛЛАРД ЗАКЛЮЧЕН В ТЮРЬМУ.=

Едва это восклицание разнеслось по церкви, как сильный шум, поднятый народом, заглушил голос лютеранки. Присутствовавшие мужчины бросились бы со своих мест на нарушителя спокойствия, но женщины, заполнившие неф, опередили их. "Все единодушно набросились на упомянутого Христофора, вырвали ему бороду и избили его; они расцарапали ему лицо ногтями и другими способами, так что, если бы их оставили в покое, он никогда бы не вышел из упомянутой церкви, что было бы большим благом для бедных католиков". [383] Так говорил великий баннерет, который, как могло показаться, немного утратил сдержанность, которую проявлял в других случаях. Кастелян Энтони Агасс не разделял его мнения: он хотел, чтобы виновные, если таковые имелись, были наказаны законом, а не населением; и, бросившись в гущу этой дикой сцены, он спас Холларда из рук фурий и бросил его "в темницу, чтобы избежать большего скандала".

[370] Матфея, х. 34.

[371] Кэлвин *на месте*.

[372] Bonivard, *Chronique de Genève*, passim.

[373] 2-е Тимофею, ii. 5.

[374] Мишле, *История. de France au seizième siècle*.—*La Réforme*, pp. 483, 484, 518.

[375] Ancillon, *Vie de Farel*, ch. xi.

[376] Откровение, vi. 2.

[377] *Хист. о реформации шестнадцатого века*, том iv. bk. xv. главы iv, vii, viii и ix.

[378] *История. Реформации*, том iv. bk. xv. глава ix.

[379] Чупар МИСС

[380] Смотрите рукопись *Воспоминания о сире Пьерфлере, гранд баннерет д'Орбе*, стр. 2, опубликованную М. Вердейлем в 1856 году.

[381] *Mémoires du Sire de Pierrefleur*, p. 13.

[382] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 24-28.

[383] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 16.

ГЛАВА II.

ЗАГОВОР ЖЕНЩИН ПРОТИВ РЕФОРМЫ; ПРОПОВЕДЬ ФАРЕЛЯ.

(1531 г.)

Реформация принесла женщинам огромную пользу. Божественное Слово, которое оно вложило в их руки и которое оно желало видеть в их сердцах, освободило бы их от власти священника, чтобы подчинить их власти Спасителя; дало бы им тот кроткий и мирный дух, который (как говорит Кальвин) присущ их полу; и заменило религию внешних практик внутренней, святой и полезной жизнью. Однако женщины, привязанные к своим священникам и церемониям и легко возбудимые, часто выступали против Реформы, примеры которой мы еще приведем.

Мать Холларда не принадлежала к этому числу. Сильно привязанная к своему сыну, она дала волю своей материнской скорби. Ее сын - пленник, ее сын без защитника, ее сын, подвергшийся мести разъяренных римско—католиков, - подобные мысли вызывали у нее глубочайшее беспокойство. Она не могла думать ни о чем, кроме как о его спасении, готовая подвергнуться любой опасности и не бояться даже гнева врагов Евангелия. "Только судебный пристав Берна, - сказала она себе, - может спасти Холлара". Он живет в Эшалленсе, в замке, в окружении своих офицеров; он надменный бернец, возможно, холодный дипломат.... Это не имеет значения; бедная женщина пойдет и будет умолять его о помощи. Ромен не бросит ее; если возникнут какие-то трудности, какие-то опасности, он будет рядом с ней; он защитит мать и спасет сына. Мадам Холлар и школьный учитель вместе отправляются в Эшаллен и, явившись в замок, сообщают судебному приставу Дисбаха об оскорбительном обращении монаха и его последствиях.... О счастье! бернский магистрат тронут, приходит в ярость и немедленно уезжает. Лорд-бейлиф считал, что оскорбления монаха были причиной всего беспорядка; что, объявив женатых священников и монахов отступниками и злодеями, он напал на Евангелие и Реформацию, признанные милордами Берна; и что монах был человеком, которого следовало обвинить.

=АРЕСТОВАН МОНАХ МИХАИЛ.=

Прибыв в тот же день около четырех часов, Дизбах не захотел идти ни в ратушу, ни к кастеляну; но, усевшись на открытом воздухе недалеко от старого замка, [384] он послал своих офицеров за братом Юлиани. Сержанты тщательно обыскали монастырь и несколько домов, но не нашли

монаха, который прятался в доме женщины по имени "Фрэнсис Пугин, наставницы девочек во всех добродетелях и учености". Узнав об обыске, он набрался смелости, вышел из дома и направился прямо к судебному приставу, который все еще сидел перед замком, ожидая результата своих расспросов. Брат Михаэль почтительно приветствовал его; но лорд Дизбаха, встав, схватил его за руку и сказал: "Я арестовываю вас именем моих лордов", а затем, отведя его в тюрьму, "вытащил Холларда из его норы и поставил указанного монаха на его место". Таковы были энергичные действия Берна.

=С РОМАНОМ ПЛОХО ОБРАЩАЮТСЯ.=

Марк Ромен, довольный тем, что спас своего друга, "как если бы он выиграл тысячу крон, и думая, что у него получилось шедевральное произведение", по словам современника, спокойно возвращался домой. Тем временем люди, встревоженные прибытием судебного пристава и заключением монаха в тюрьму, собрались на рыночной площади и поговаривали о том, чтобы бросить школьного учителя в реку в наказание за то, что он отправился за сьером де Дисбахом. К сожалению, как раз в этот момент в поле зрения появился Марк Ромен. Горожане, "видя, как он радостно идет", указывали друг другу на него. "Вот он", - сказали они и начали кричать: "Господин, иди сюда!" Ромен, наблюдая за суматохой, внезапно сменил радость на страх и обратился в бегство, а все бросились за ним в погоню. Они догнали его: он огляделся по сторонам, не откроется ли какая-нибудь дверь, чтобы принять его, но все оставалось закрытым. Оказавшись перед церковью, он бросился в нее, но едва успел ступить внутрь, как остановился в изумлении. Женщины, которые хотели разорвать Холлара на куски, находились в церкви, как и несколько мужчин, из-за *Salve Regina*, которую читали ежедневно в пять часов пополудни. Стоя на коленях перед алтарем, со сложенными руками и устремленными в землю глазами, они взывали к *Царице небесной*: "Радуйся, царица милосердия; мы возносим к тебе наши стоны! О ты, наш защитник, спаси нас!" В тот момент, когда вошел Ромен, женщины повернули головы и увидели его; внезапно превратившись в фурий, они бросились на него, как раньше на Холлара, "схватили его за волосы, повалили на землю и избили". Женщины были защитницами католицизма в Орбе. Великий баннерет спокойно наблюдал за этой казнью. "Я видел все это, - сказал он, - и не думал, что школьный учитель когда-нибудь выберется отсюда живым". Пьерфлер позаботился о том, чтобы не прийти ему на помощь, и удары продолжали сыпаться на бедного Ромена, пока не подросел один из его друзей. "Я уверен, - говорит баннерет, который видел все это, не дрогнув, - что если бы не помощь, которую он получил от этого лютеране, он бы никогда не покинул это место, пока не умер". [385] Мы читаем в Священном Писании о людях, которые не переставали избивать святого Павла; Ромен, испытавший "этот буйный и жестокий гнев", впоследствии был служителем Евангелия. Сейчас он проходил свое ученичество.

Вокруг замка, в котором был заключен брат Майкл, собралась толпа, и раздавались гневные голоса, громко требующие его освобождения. В этот момент судебный пристав Дисбаха вышел, чтобы вернуться к своему месту жительства, в сопровождении Холларда, которого он собирался вернуть своей матери. Когда он увидел толпу, он был очень удивлен, потому что "все кричали и требовали своего доброго отца". "Почему вы арестовали брата Михаила?" - спросили некоторые. "Почему вы освободили Кристофера?" - спрашивали другие. - По приказу милордов Бернских, - ответил невозмутимый бейлиф, а затем добавил, указывая на высокие стены замка. - Если вы сможете освободить его, можете забрать... но я вам не советую". [386] "Мы будем

залогом за нашего доброго отца, тело за тело, добро за добро", - воскликнули горожане; но судебный пристав продолжал свой путь, не ответив им.

Едва съер Дизбахский прибыл на главную площадь, как увидел ожидающих его дам и других женщин города, их сердца были полны печали и тоски. Все они упали на колени "со многими слезами" и, простирая к нему руки, воскликнули: "Милосердный отец! отпустите его на свободу!" Эти крики смягчили бернца, он остановился и едва мог говорить от волнения. Однако он дал им понять, что освободить Джулиани не в его власти, а затем вернулся домой, поскольку "час был поздний". [387]

=ФАРЕЛ ПРИБЫВАЕТ В ОРБЕ.=

Главные католики собрались, чтобы обсудить, что следует предпринять. Священника посадили в тюрьму в Орбе за строго римскую проповедь.... Какой скандал! Они решили обратиться от бернского судебного пристава-еретика к фрибургцам, которые были добрыми католиками. Великий баннерет вызвался выполнить эту важную миссию, и на следующий день нобль П. де Пьерфлер и Фрэнсис Верни отправились во Фрибург, где рассказали обо всем совету. Лорды и князья этого города были сильно "обеспокоены и раздосадованы", и депутация, состоящая из бернцев и фрибуржцев, получила инструкции уладить разногласия. Но этой мере было суждено не только не ослабить борьбу, но и усилить ее. Когда депутация проезжала через Аванш, римский город, более древний, чем Цезари, они встретились с Фарелом, который больше месяца проповедовал Евангелие там, среди разрушенных акведуков и амфитеатров, и не встретил ничего, кроме равнодушия. Без колебаний евангелист покинул Аванш и, отправившись вместе с бернцами, прибыл на берега Орбе, куда его привлек шум битвы. Там не было видно никаких руин, но семь церквей и двадцать шесть алтарей свидетельствовали о древнем великолепии и римском рвении города.

Было 2 апреля, Вербное воскресенье. Отслужили мессу, отслужили различные службы, вплоть до вечерни. Фарел, который тихо стоял в дверях, заметив, что служба закончилась, покинул свою гостиницу "с самонадеянной дерзостью". Его друзья последовали за ним, вокруг него столпились зеваки, набожные побежали следом, и вскоре толпа мужчин, женщин и детей наполнила церковь громким шумом. Затем, "ни у кого не спрашивая разрешения, Фарел взошел на кафедру проповедовать". Но едва он открыл рот, как все, "мужчины, женщины и дети", зашипели, взвыли и затопали ногами, издавая всевозможные восклицания, чтобы привести его в замешательство. Собака, кричали они; лентяй, еретик, дьявол и другие оскорбления: это был восхитительный шум". "Вы действительно не могли слышать Божьего грома", - сказал Пьерфлер. Фарел, привыкший к беспорядкам, как солдат к свисту пуль, продолжил свою речь. Гнев взял верх над некоторыми из них. "Видя, что он не собирается останавливаться, они пришли в неистовство, окружили кафедру, стащили его с нее и даже готовы были перейти к побоям". Смятение достигло апогея, когда судебный пристав, "опасаясь, что последует худшее", бросился в гущу толпы, взял реформатора за руку и отвел его в его квартиру.

Смешанная комиссия была уполномочена восстановить мир в этом взволнованном городе; но что касается Фарела, то у него была только одна идея: *Горе мне, если я не буду проповедовать Евангелие*. Если он не может проповедовать это в церкви, он будет делать это на открытом воздухе. На следующий день (в понедельник) он вышел из дома своего артиста в шесть утра и, направившись к большой площади, начал проповедовать. Там никого не было; это не имело значения; он думал, что его мощный голос скоро соберет хорошую аудиторию. Но, довольные

победой предыдущего вечера, жители Орбе сказали себе, что оставят проповедника в покое: у него не было ни одного слушателя. [388] Однако это была не единственная причина: против Фарел готовился заговор — естественно, женский, поскольку мужчины в целом были холодны по сравнению с другим полом.

В Орбе жила благородная дама, уроженка Фрибурга, Элизабет, жена Хьюгонина, лорда Арнекса, честная и набожная женщина, но восторженная, вспыльчивая и фанатичная. Елизавета, будучи убеждена, что смерть реформатора была бы очень достойным делом, собрала в своем доме еще нескольких фанатичных женщин, обратилась к ним с речью и воздействовала на них так, что они согласились избить реформатора и даже убить его: они только ждали удобного случая. В тот же день в четыре часа пополудни состоялся городской совет, на котором присутствовали депутаты Берна, Фрибурга и даже Фареля. Когда совет закончился, реформатор вышел: это был момент, который Елизавета и ее сообщники, проинформированные об обстоятельствах, выбрали для осуществления своего заговора. Некий джентльмен, Пьер де Гларесс, зная, какой опасности подвергается евангелист, покинул собор вслед за ним и попросил разрешения сопровождать его. Тем временем женщины, вышедшие из своих домов, ждали Фарела посреди улицы, по которой он обязательно должен был пройти. Подойдя к ним без всякого недоверия, они напали на него врасплох, "и взяли его за плащ *так нежно*, - иронизирует хронист, - что заставили его пошатнуться и упасть". Затем они попытались жестоко обращаться с ним и избить его; но Пьер де Гларесс, бросившись между ними, забрал его у них из рук и сказал, очень вежливо кланяясь им: "Прошу прощения, дамы; в настоящее время он находится под моей опекой". Они все отпустили его, и Глаэресса проводила его в гостиницу, где его ждали милорды Бернские.

=БРАТ МАЙКЛ ОБСЛЕДОВАН.=

В то время как Елизавета пыталась убить реформатора, ее муж, Вильгельм Арнекский, такой же фанатичный, как и она сама, защищал монаха. Посредники распорядились, чтобы брат Майкл предстал перед судом. Его доставили в замок в волнении и тревоге, и лорды Берна, выдвинув против него уголовное обвинение, сказали: "Вы утверждали, что нищие духом - это монахи".

Брат Михаил: "Я отрицаю это".

- Вы сказали, что сопротивляться папе, епископам и другим священнослужителям - значит сопротивляться заповеди Божьей.

Монах. - Я отрицаю, что говорю это в таких выражениях.

- Ты сказал, что мало кто следует новому закону, за исключением кучки похотливых монахов.

Монах. "Я отрицаю, что говорил это таким образом, и я никого не называл".

- Ты сказал, что, когда священники женятся, женщины, которых они берут, оказываются не их женами, а их блудницами, и что их дети - незаконнорожденные.

Монах. - Я признаюсь в этом.

- Вы сказали, что Мария была сокровищницей изыщества.

Монах. - Я так и сделал.

- Вы сказали, что святые, такие как святой Антоний, изгоняют и излечивают определенные болезни.

Монах. - Я так и сделал.

- Вы сказали, что те, кто отрицает, что книги Маккавеев являются частью Священного Писания, еретики.

Монах. - Я так и сделал.

- Вы сказали, что те, кто принял новый закон, не видят в нем ничего хорошего и отрицают символы веры.

Монах. "Я этого не делал". [389]

Эта смесь отрицаний и признаний обезоружила судей. Они прислушались к ходатайствам Д'Арнекса и отпустили Джулиани на свободу. Бернцы, однако, обязали его в будущем проповедовать только Слово Божье. "Достопочтенные лорды, - воскликнул бедный монах, - я никогда не проповедовал ничего такого, чего не было бы в святом Евангелии, в посланиях святого Павла или в какой-либо другой части Священного Писания". Брат Майкл, сбитый с толку тем, что не добился столь поразительного триумфа, как триумф его покровителя в блестящем шлеме, и опасаящийся, что его отправят обратно в тюрьму, думал только о своем спасении. Он ненадолго ушел в монастырь, а затем бежал в Бургундию, [390] Помощники шерифа вернулись домой, а Фарел остался.

Вскоре после Пасхи из Берна пришло распоряжение, согласно которому всякий раз, когда Фарель пожелает проповедовать, ему должны быть предоставлены слушание, поддержка и благосклонность. Как только мандат был зачитан, народ, не дожидаясь мнения Совета, воскликнул: "Пусть он занимается своими делами, нам не нужны ни он, ни его проповеди". Лорды Берна ответили, что Фарель должен быть свободен говорить, но что ни один житель не обязан его слышать. Евангелист предупредил, что будет проповедовать в субботу после Квазимодо, в час дня, когда он разоблачит ошибки Джулиани.

=СТРАННОЕ СОБРАНИЕ ФАРЕЛА.=

Католики, недовольные полученным им разрешением держаться подальше, решили организовать для Фарела прием, который навсегда вызовет у него отвращение к проповедям. Как только священник вошел в церковь, его взору предстало самое странное собрание: все сорванцы (*marmaille*) этого заведения были в сборе; лежа перед кафедрой и повсюду вокруг нее, дети притворялись спящими, храпя и смеясь в рукава. Фарел, заметив трех человек, которые казались серьезными, взойдя на кафедру и сказал, указывая на маленьких оборванцев: "Сколько оружия предоставил сатана, чтобы помешать нашему делу! Неважно, мы должны преодолеть все препятствия. " Будучи полон решимости опровергнуть брата Майкла, он начал свою речь; но внезапно дети вскочили на ноги, как меткие стрелки, лежащие плашмя за кустами, вскакивают при приближении врага и приветствуют его своим огнем. Юные негодяи напрягали свои легкие, выли и кричали изо всех сил и, наконец, покинули церковь с ужасающим шумом. "Не осталось никого, кроме совершенно пораженного священника. И это

была первая проповедь, произнесенная в городе Орбе", - ехидно говорит великий знаменосец. [391]

На следующий день, в воскресенье, состоялось большое шествие. Священники, монахи и весь приход, распевая так громко, как только могли, по обычаю направились к церкви Святого Георгия, расположенной за городом. Фарел воспользовался уходом врага, чтобы захватить это место, и едва последний прихожанин переступил порог церкви, как он вошел в нее в сопровождении своих друзей, поднялся на кафедру и громко провозгласил истину. Десять евангелистов - Вире, Холлар, Секретан, Ромен и шестеро их друзей - составляли всю его паству. Тем временем процессия возвращалась. Сначала появились дети по двое, затем экзорцист со святой водой и разбрызгивателем, затем появились священники, магистраты и люди, все они пели литанию. Дети, увидев священника за кафедрой и вспомнив полученный урок, бросились в церковь, свистя, завывая и крича, как и накануне вечером. Священники и люди, следовавшие за ними, делали угрожающие движения, и Фарел, понимая, что вот-вот разразится буря, проявил сдержанность, которой ему не всегда хватало, спустился с кафедры и вышел. [392]

Духовенство ликовало: они приписали отступление Фареля слабости и страху и открыто заявили в городе: "Священник не может опровергнуть символы веры, установленные Джулиани". "В самом деле, - ответил бернский судебный пристав, - вы выслушали монаха, а теперь жалуетесь, что не выслушали священника.... Очень хорошо! вы услышите его. Такова воля лордов Берна, чтобы каждый отец семейства был обязан присутствовать на его проповеди под страхом их неудовольствия".

=ФАРЕЛ О ПОКАЯНИИ.=

Они не посмели послушаться, и церковь была переполнена. Преисполненный радости при виде такой паствы, Фарел вззошел на кафедру: никогда еще он не был так ясен, энергичен и красноречив. Он перешел к рассмотрению всех тем, о которых говорил Джулиани; в одно время нападая на помилования, которые Римская церковь продает легковверным душам, в другое - на доктрину, согласно которой ключи от рая принадлежат святому Петру. "Ключ к царству небесному, - сказал он, - это Слово Божье — Святое Евангелие". Однажды Фарел рассказал о глупых обычаях, навязываемых католикам под названием епитимьи. "Покаяние, которого требует Бог, - сказал он, - это изменение сердца, жизни и общения". [393] В другой раз он боролся с индульгенциями: "Папские помилования забирают *деньги*, - сказал он, - но они не забирают *грех*. Пусть каждый христианин осознает, что никто не может избежать гнева Божьего, кроме как через Иисуса". [394] Он выступил против исповеди через ушную раковину: "Исповедь в ушах священника, которую предписывает папа, - сказал он, - помогает ему узнавать секреты королей и помогает ему захватывать страны и царства. Но сколько душ было низвергнуто ею в ад! сколько развращенных дев! сколько пожранных вдов! сколько загубленных сирот! сколько отравленных принцев! сколько опустошенных стран! сколько больших заведений, где мужчины и женщины предаются разврату.... О Небеса, раскройте эти проклятые ужасы! О Земля, зывай! Создания Божьи, плачьте; и ты, о Господь, восстань!" [395]

Фарель, не обладая иконоборческим пылом, который вскоре проявил Холлар, был возмущен поклонением изображениям святых и боролся против них оружием Слова. "Люди, - сказал он, - ставят свечи перед святыми, которые не от мира сего и не имеют к ним никакого отношения.... В то время как если бы эти святые были живы и нуждались в свете для чтения Евангелия, вместо того чтобы давать им свечи, вы бы вырвали им глаза!" ... Затем, возмущенный беспорядочной

жизнью мира и Церкви, христианский оратор воскликнул: "Фарсы, полные насмешек, грязи и сквернословия: непристойные и праздные песни, книги, полные тщеславия, непристойности, лжи и богохульства, нечестивые и недозволенные разговоры... все это открыто претерпевается.... Но Новый Завет, содержащий учение и страсти Христовы, запрещен, как если бы это был Магометанский Коран или книга о колдовстве.... О Солнце, можешь ли ты излить свой свет на такие страны? О Земля, можешь ли ты дать свои плоды таким людям? И ты, о Господь Бог, так ли медлительна твоя месть против такого великого злодеяния? Восстань, Господи, и да будет слышна труба твоего святого Евангелия до краев земли". [396]

Хотя католики были возмущены, и не без оснований, приказом из Берна, обязывавшим их посещать проповеди, противоречащие их вере, реформатор проповедовал без труда в первый и второй день; но на третий встревоженные священники обращались к своей пастве и гремели со своих кафедр против еретических рассуждений; и с того времени Фарель насчитал в церкви мало слушателей, кроме друзей Евангелия. У судебного пристава хватило здравого смысла не заметить этого неповиновения.

=ЗАБОТА ФАРЕЛА О МИНИСТЕРСТВЕ.=

Окружающие районы компенсировали Фарелю презрение Орбе. Его репутация распространилась по соседним деревням, и люди страстно желали его услышать. Получая сообщение за сообщением и тронутый видом этих достойных крестьян, стучащих в его дверь, он написал Цвингле: "О! какой великолепный урожай! Никто не может описать, с каким рвением люди относятся к Евангелию, и слезы, которые я проливаю, когда вижу небольшое количество жнецов". [397] Несколько евангелистов Орбе просили отправить их проповедовать, но Фарел, сочтя их недостаточно зрелыми, отказался. Были некоторые, кого это оскорбило, но Фарела это не тронуло. "Лучше оскорбить их, - сказал он, - чем оскорбить Бога".

Святой Павел сказал: *Ни на кого не возлагайте рук внезапно*. Фарел и другие реформаторы желали, чтобы министр почитал свое служение. Прежде всего ему требовалось обращенное сердце, но этого было недостаточно. Это плохой знак, когда Церковь допускает в число тех, кто должен указать на врата спасения, либо людей, которые не проходили через них, либо у которых нет дара Слова, либо им недостает мудрости. Но если руководители Церкви верны, Бог пошлет им истинных служителей.

[384] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 17.

[385] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 19.

[386] Там же. стр. 20.

[387] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 19.

[388] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 21, 22.

[389] 'Negat dixisse.'—*Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 24-28.

[390] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 21-32.

[391] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 35.

[392] Там же.

[393] *Sommaire*, &c., par G. Farel, p. 191. Мы приводим точные выражения Фареля по темам, рассматриваемым Джулиани, в том виде, в каком они встречаются в его трудах, не имея возможности сказать, что именно их он использовал в данном случае.

[394] Там же. стр. 125.

[395] Фарель, *Соммер*, стр. 96, 191, 210.

[396] Там же. стр. 154.

[397] 'Quanta sit messis, quis populi ardor in Evangelium, paucis nemo expresserit. Sed paucitatem operariorum deflere cogimur.'—*Farellus Zuinglio*, Orba, anno 1531. *Ep.* ii. p. 648.

ГЛАВА III.

НОВЫЙ РЕФОРМАТОР И РАЗРУШИТЕЛЬ ИМИДЖА.

(1531)

В 1511 году у Уильяма Вирета, горожанина из Орбе, "суконщика и портного", родился сын, которого он назвал Питером. Мальчик вырос среди шерстмоек и наблюдал за рабочими своего отца, когда они отглаживали, или начищали до блеска, или валяли ткани, выходявшие из рук ткачей. Но ему это не доставляло удовольствия, потому что он не был рожден торговцем. В нем должен был развиваться внутренний человек: он чувствовал в себе необходимость искать Бога, что влекло его к небесам. Он искал общества наиболее информированных горожан и даже имел некоторые отношения со знатью; [398] но первым объектом его желаний был Бог. Если он совершал прогулку один или с одним из своих братьев Энтони и Джоном вдоль живописных берегов Орбе, по очаровательной стране, омываемой ее водами, и даже к подножию Юры, [399] он с восторгом оглядывался вокруг, но потом поднимал глаза к небу. "Я от природы был предан религии, - сказал он, - о которой, однако, я тогда ничего не знал.... Я готовил себя к небесам, видя, что это путь спасения". [400] Он решил посвятить себя служению алтарю, чему его отец не возражал, так как горожане и крестьяне считали честью считать священника среди своих детей. Питер, обладавший хорошим пониманием и памятью, вскоре усвоил все, чему учили в школе в Орбе, и обратил свой взор к Парижскому университету, тому великому светочему, который двенадцать лет назад привлек внимание Фареля. Его отец, чья профессия поставила его в легкие условия, согласился отправить его в Париж, куда мальчик отправился в 1523 году, когда ему было тогда немногим больше двенадцати лет. В том же году и примерно в то же время Джон Кальвин из Нуайона, который был на два года старше Вире, прибыл в тот же город и поступил в колледж Ла Марш. Встретились ли тогда эти два мальчика, которым однажды суждено было так тесно сблизиться, и началась ли их дружба с детства? Мы не смогли ответить на этот вопрос.

=ВИРЕ ЕДЕТ В ПАРИЖ.=

Вирет отличился в колледже своей любовью к учебе; "он добился хороших успехов в учебе", а также своей преданностью обычаям Римской церкви. "Я не могу отрицать, - сказал он, - что я довольно глубоко погрузился в этот Вавилон". [401] В один из своих последних визитов в Париж

Фарель, кажется, обратил внимание на Вире, чья очаровательная скромность легко покорила сердце и помогла освободить молодого швейцарца из тьмы, в которой он все еще пребывал. Евангелие проникло в душу молодого ученого из Орбе почти в то же самое время, когда оно просветило широкий кругозор ученого из Нойона. Мягкость его характера смягчила борьбу, которая была столь ожесточенной у Фареля и Кальвина. И все же ему тоже пришлось пройти путь страданий, чтобы прийти к миру. Видя страшную пропасть и вечную ночь под своими ногами, он бросился в объятия зовущего его Избавителя: "Еще во время учебы в колледже, - сказал он, - Бог вывел меня из лабиринта заблуждений, прежде чем я еще глубже погрузился в этот Вавилон Антихриста". [402] Когда пришло время принять постриг, он почувствовал, что должен решиться: борьба была недолгой; он отказался и был немедленно "причислен к лютеранской религии". [403] Предвидя, что его ожидает, он поспешно покинул Париж и Францию и "вернулся в дом своего отца". Спустя годы он восклицал: "Я благодарю Бога за то, что клеймо зверя не было нанесено на мое чело". [404]

=БОРЬБА ВИРЕТА.=

Вирет обнаружил, что Орбе сильно изменился; продолжавшееся в то время соперничество между евангелием и папством поначалу пугало его. Он был одной из тех рефлексирующих душ, которые, поглощенные внутренней борьбой, естественно уклоняются от тех, кто снаружи. Как и другим реформаторам, ему было трудно покинуть католичество, но суровая совесть обязывала его искать истину любой ценой. Иногда одна только Римская церковь со всеми ее ошибками и злоупотреблениями поражала его воображение, и он взволнованно восклицал: "Это оплот суеверий, крепость сатаны". [405] Затем внезапно, прежде чем он успевал защититься, старая система католицизма возобновляла свою власть над ним, и он оказывался в тоске и тьме. Он боролся и молился: истина, на мгновение скрытая, снова предстала перед его глазами, и он сказал: "Рим утверждает, что древность - это истина; но что есть в мире более древнего, чем ложь, мятеж, убийство, вымогательство, нечистота, идолопоклонство и все виды зла и мерзости?... Следовать учению о Каине и Содоме - это, воистину, следовать старому учению.... Но добродетель, истина, святость, невинность и ты, о Бог, который есть Отец их всех, еще старше!" [406]

Священники Орбе, которые были сильно привязаны к римскому учению, видя, что сын суконщика часто бывает одинок и полон забот, начали беспокоиться о нем: они подходили к нему и говорили о старых врачах, о свидетельствах святых, об Августине, Киприане, Златоусте и Иерониме. Эти свидетельства имели большой вес в сознании Вирета. Его голова быласбита с толку, ноги скользили, и он был на грани падения обратно в пропасть, когда, снова ухватившись за слово Божье, он вцепился в него, говоря: "Нет, я не буду верить из-за Тертуллиана, или Киприана, или Оригена, или Златоуста, или Петра Ломбардского, или Фомы Аквинского, даже из-за Эразма или Лютера.... Если бы я поступал так, я был бы учеником людей.... Я буду верить только Иисусу Христу, моему Пастырю". [407]

Наконец божественное Слово освободило Вирета от теократического владычества Рима, и тогда он начал оглядываться вокруг.... Увы! что же он увидел? Повсюду цепи, узников крепко держали "в цитадели идолопоклонства". Он испытывал нежнейшую привязанность к пленникам. "С тех пор, как Господь *вывел меняоттуда*", - сказал он, - "*Я не могу забыть тех, ктовнутри*". [408] В его мыслях никогда не выходили двое из этих узников: они были его отцом и матерью. В одно время поглощенные заботами о бизнесе, в другое время механически

посещающие богослужение, они не стремились к тому единственному необходимому. Благочестивый сын начал усердно молиться за своих родителей, проявлять к ним все большее уважение, прочитав им несколько отрывков из Священного Писания и мягко говорить с ними о Спасителе. Они почувствовали влечение к его поведению, и вера, которую он исповедовал, завладела их сердцами. Благодарный Вирет смог сказать: "У меня есть много поводов поблагодарить Бога за то, что ему было угодно использовать меня, чтобы привести моих отца и мать к познанию Сына Божьего.... Ах! если бы он не нашел в моем служении никакой другой пользы, у меня были бы веские причины благословить его". [409]

Как только Вирет снова встретил Фарела в Орбе, он сразу же стал одним из слушателей евангелиста и вскоре взял с собой своего отца. Самый тесный союз возник между этими мужами Божиими. Один дополнял другого. Если Фарель был пылким, бесстрашным и почти опрометчивым, Вире "обладал удивительно кротким характером". [410] В нем была грация, покорявшая сердца, и христианская чувствительность, которая была действительно трогательной; и все же, подобно Фарелю и Кальвину, он был тверд в доктрине и морали. Фарел, всегда стремившийся послать рабочих на уборку урожая, убедил своего друга проповедовать не только в деревне, но и в самом Орбе. Молодой и робкий Вире отказался от задачи, предложенной ему Фарелем; но реформатор настаивал на нем, как другие настаивали на Лютере и Кальвине; он верил, что Вире, который принадлежал к городу и был всеми любим, получит благосклонный прием. Мысль о божественной благодати, силу которой он знал, заставила Вирета решиться. "Пусть убеждают не мои уста, - сказал он, - но уста Иисуса Христа; ибо именно Иисус Христос пронзает сердце огненной стрелой Своего Духа". [411]

=ВИРЕТ ПРОПОВЕДУЕТ В ОРБЕ.=

6 мая 1531 года необычная толпа, состоявшая не только из горожан, но и из жителей окрестностей, заполнила церковь Орбе; сын одного из самых уважаемых горожан, местный житель, должен был взойти на кафедру. Его обвиняли в еретичестве, но он был настолько безобиден, что никто бы этому не поверил; и, кроме того, многие молодые люди Орбе, которые резвились с ним на берегах реки, хотели увидеть своего старого товарища по играм за кафедрой. Прихожане, которые нетерпеливо ждали, наконец увидели, как появился молодой человек: он был небольшого роста и бледен, лицо у него было худое и вытянутое, глаза живые, а выражение лица кроткое и обаятельное; [412] ему было всего двадцать лет, но он казался еще моложе. Он проповедовал: его проповедь сопровождалась таким обилием елеосвящения и учености, его язык был таким убедительным, его красноречие таким пронизательным, что даже самые мирские люди были привлечены его речью и как бы висели у него на устах. [413] Пословица "Ни один человек не является пророком в своей собственной стране" не была подтверждена в случае Вирета. 6 мая было для него великим днем. На всю жизнь он сохранил воспоминание о своих первых проповедях. Тридцать лет спустя он сказал знати и горожанам Орбе: "Ваша церковь была первой, в которой Богу было угодно использовать мое служение, когда она была еще молода, а я был очень молод". [414]

С того дня Вирет занял свое место в той благородной армии вестников Слова, которую Господь возносил среди народов. Его роль в этом была скромной, но хорошо заметной. Колледж реформаторов, так же как и колледж апостолов, состоял из самых разных персонажей. Как сок везде один и тот же в природе, так и Дух Божий везде один и тот же в Церкви; но везде одинаково, каждый из них производит разные цветы и разные плоды. Пылким Фарелем был

святой Петр Швейцарской реформы, могущественным Кальвином - святой Павел, а кротким Вире - святой Иоанн.

=ОБРАЩЕНИЕ ЭЛИЗАБЕТ Д'Арнекс.=

Фарель, Вире, Ромен, Холлар и другие евангелисты ждали результатов проповеди в Орбе. Они ясно видели "несколько легких прикосновений и уколов, но мало кто был ранен и пронзен за живое", и их так переполняло чувство вечной смерти, что они подумывали обратиться за помощью исключительно к благодати Иисуса Христа. Совершенно внезапно, всего через месяц после прибытия Фареля, сообщение о неожиданном обращении привело Орбе в изумление и стало предметом общих разговоров. Говорили — и тот, кто повторял это, с трудом мог в это поверить, — что мадам Элизабет, жена лорда Арнекса, та самая, которая спланировала женский заговор и так жестоко избила Фареля, полностью изменилась; что даже ее муж, который стал залогом за Джулиани и выпустил его на свободу, изменился так же. Фанатики обоих полов не могли отрицать этот факт. "На самом деле, - сказали они, - она стала одной из худших лютеран в городе". Вскоре после этого они подняли большой шум, потому что на день всех святых или какой-то праздник Богородицы Элизабет занималась большой стиркой или другой ручной работой в своем доме. [415] Они покачали головами, пожали плечами и улыбнулись. Евангелисты не подражали им: они думали, заимствуя язык одного из своих лидеров, что, хотя эти люди с железным сердцем улыбались, это была вымученная улыбка, [416] потому что они чувствовали, что внутренне задыхаются.... Они знали, что слово Божье - это молот, и что нет ничего столь твердого, столь массивного или столь скрытого в сердце человека, чего не могла бы достичь его сила.... Разве Павел не был таким же гонителем, как Элизабет и Хьюгонин?

Вскоре произошло еще худшее, по крайней мере, по мнению католиков. Одним из местных священнослужителей был Джордж Гривей по фамилии Кэлли, превосходный музыкант, который был назначен регентом. Его воспитывала ревностная мать-католичка, и он получил хорошее церковное образование. [417] Чтобы получить дальнейшее образование, родители отправили его в Лозанну, где он стал хористом и особенно продвинулся в познаниях музыки. По возвращении в Орбе знать и священники оказали ему лестный прием, и он заслужил это, потому что очаровывал людей своим пением или возбуждал их своими речами. Но 10 мая 1531 года, в том же месяце, когда Вирет произнес свою первую проповедь, Гриват поднялся за кафедру и поразил своих слушателей, проповедуя евангелическое учение в самой ясной манере. Это было уже слишком; его отец и братья были в отчаянии; дворяне и друзья, которые так хорошо приняли его, воскликнули в сильном раздражении: "Разве мы не платили ему хорошее жалованье; разве Церковь не кормила и не учила его? и теперь он хочет подражать кукушке, которая съедает мать, которая его вырастила". [418]

=ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ В ОРБЕ.=

Поскольку эти последовательные обращения придали евангелистам больше мужества, они сделали важный шаг. Чувствуя необходимость укрепиться в вере благодаря празднованию Вечери Господней, они попросили об этом, и Фарел, который в то время находился в Морате, немедленно вернулся в Орбе. На Троицу (28 мая) в шесть утра — час, выбранный для обеспечения спокойствия во время действия, которое они собирались совершить, — он объявил многочисленному собранию, собравшемуся в церкви, об отпущении всех грехов через преломление тела Христа на кресте; и как только проповедь закончилась, восемь учеников

вышли вперед, чтобы преломить хлеб. Это были Хьюгонин из Арнекса и его жена, К. Холлард и его престарелая мать, Корди и его жена, Уильям Вирет, отец Питера, и Джордж Гриват, впоследствии пастор в Аванше; многие евангелисты не считали себя достаточно продвинутыми в вере, чтобы принять участие в этом действе, и, несомненно, Питер Вирет отсутствовал. Двое из восьми учеников скромно расстелили белую скатерть на скамье, на которую они положили хлеб и вино. Фарел опустился на колени и помолился, и все в глубине души последовали его молитве. Когда священник поднялся, он спросил: "Прощаете ли вы друг друга?"... и верующие ответили Утвердительно. Затем Фарел отломил каждому по кусочку хлеба, сказав, что дал им его в память о страстях Христовых, и после этого вручил им чашу. Священник и эти истинные ученики верой ощутили реальное присутствие Иисуса в своих сердцах. Едва они закончили, как в церковь поспешно вошли разъяренные священники и пропели мессу так громко, как только могли. На следующий день, в Уитмондей, разразился новый скандал: евангелисты были на работе. "Ха! - возмущенно восклицали многие. - У них нет никаких праздников, кроме воскресенья!" [419]

Если бы евангелизация продолжалась мирным путем христианского назидания, город, по всей вероятности, был бы полностью завоеван; но у Реформации были свои "enfants terribles". Напрасно Кальвин сказал: "Те, кто мудр по воле Бога, скромны, миролюбивы и кротки. Они не скрывают пороков; скорее, они стремятся исправить их, но при условии, что это происходит в мире, то есть с такой умеренностью, чтобы единство оставалось нерушимым. Мирные и любящие представления не должны быть отброшены в сторону, и те, кто хочет быть врачами, не должны быть палачами". [420]

Прекрасное каменное распятие на кладбище Сен-Жермен было сброшено, а другое, стоявшее на перекрестке дорог недалеко от города, было разрушено; но это было сделано ночью, и неизвестно, кем. Вскоре ярые реформаторы осмелели, и особенно Кристофер Холлард, истинный иконоборец Реформы, который больше думал о разрушении, чем о созидании. Однажды, когда Фарель проповедовал перед депутатами Берна и Фрибурга, Холлард налетел на изображение Пресвятой Богородицы и разбил его вдребезги. В другой раз он разрушил большой алтарь церкви Богоматери. Этого было недостаточно.

По словам Холларда, чей ум был честным и даже благочестивым, но пылким, экстремальным и довольно скудоумным, Реформация, то есть разрушение изображений и алтарей, продвигалась недостаточно быстро, и поэтому он решил провести ее с большим размахом. Он взял с собой двенадцать товарищей; и эти исполнители Божьих судов (как они сами считали), переходя с улицы на улицу и из церкви в церковь, "разрушили все алтари" в семи церквях города; двадцать шесть куч мусора свидетельствовали об их триумфе. Они, без сомнения, могли бы сказать, что всякое поклонение изображению является пережитком язычества; но их ошибка заключалась в предположении, что католики должны поклоняться Богу не в соответствии со своей католической совестью, а в соответствии с совестью реформированных протестантов. Люди с тревогой переглянулись, но ничего не сказали. "Я был крайне поражен, - говорит Де Пьерфлер, - терпением населения". "Сэр Баннерет, - заметили некоторые католики, - "если бы мы не испытывали большой преданности к нашим лордам Берна, тело Кристофера Холлара не коснулось бы земли"; то есть они бы его повесили. Эти бойцы были довольно хорошо подобраны по мягкости. Католики установили столы на месте алтарей, на которых они служили мессу "довольно скупой". [421]

=АРЕСТ СВЯЩЕННИКОВ.=

Нетерпимость Кристофера Холларда и одного из его друзей по имени Тавель угрожала заменить древнюю тиранию папства новой. Увы! известно, что протестантское духовенство иногда выступало против учеников и доктрин Евангелия, точно так же, как поступило бы римское духовенство. Нетерпимость - это порок человеческой природы, который даже благочестие не всегда излечивает. Священники, служившие мессу за своими маленькими столиками, оскорбили Холларда и Тавеля. Агасс больше не был губернатором; он был смещен под влиянием Берна, и на его место был поставлен Энтони Секретан, один из реформатов. Два пламенных лютеране подали ему жалобу на всех священников как на убийц (душ) и, согласно обычаю того времени, сдались в плен. Губернатор приказал арестовать римских священнослужителей, что было нелегким делом, потому что среди них было несколько крепких парней. Когда трое сержантов попытались схватить мессира Пьера Бове на улице, дородный священник "затащил их в коридор дома" и там избил так, что они были рады вырваться из его рук. Защищаясь таким образом, как лев, он остался на свободе; но это было не так с кюре Блезом Форэ, который "пошел, как овца, прямиком в тюрьму". Офицеры посадили его вместе с остальными, с которыми "хорошо обращались, давали постель и питание, разрешив ходить по всему замку". [422] Несколько смелых священников (ибо не все они были заперты) отслужили мессу в пять часов утра, несмотря на запрет. Католики пришли, "вооруженные пиками, алебардами и дубинками; и звонили в колокола, как будто город был в огне". Вскоре нетерпимые протестанты получили суровый и вполне заслуженный урок.

=ОСВОБОЖДЕНИЕ СВЯЩЕННИКОВ.=

Великий баннерет Пьерфлер, человек светский, начитанный, с развитым умом, очаровательной простотой и глубоким интеллектом, сочетал в себе решительность характера и добродушие водуа. Будучи католиком по убеждениям и зная, что большинство жителей поддерживают римскую веру, и испытывая отвращение при виде священников в тюрьме и верующих, вынужденных слушать мессу почти тайно, он созвал всеобщий совет народа. "Будете ли вы, - спросил он их, - будете ли вы служить мессу, жить и умереть в святой вере, как ваши предки? Если вы действительно этого хотите, пусть каждый поднимет свой палец, и если, возможно, найдется кто-то, придерживающийся противоположного мнения, пусть он покинет собрание". Каждый поднял палец в знак клятвы, после чего фрибургцы послали герольда в Орбе. Священников вывели из тюрьмы, и те, кто помогал сносить алтари, были поставлены на их место. Всего их было пятнадцать, и среди них был муж Элизабет, благородный Хьюгонин из Арнекса. С ними обращались не так хорошо, как со священниками, но их посадили на хлеб и воду; однако через три дня им разрешили вернуться домой. [423] В это время священники и ревностные католики повсюду восстанавливали алтари. Потребовалось более двадцати лет, чтобы Реформа в Орбе оправилась от удара, нанесенного ей нетерпимостью Холлара и его друзей. Только в 1554 году народное собрание большинством в восемнадцать голосов приняло решение в пользу установления евангельского богослужения. Затем священники, монахини и монахи навсегда покинули город под слезы своих сторонников. [424]

[398] 'Moy qui suis nay, et ay esté dès mon enfance nourry au milieu de vous.'—*Ep. de Viret aux nobles et bourgeois d'Orbe*, p. 13.

- [399] Эти районы были превосходно описаны в недавней работе —*Horizons prochains*.
- [400] *Disputations Chrestiennes*, par Pierre Viret, Geniève, 1544. *Préface*.
- [401] Там же. *Préface*.
- [402] *Крестные споры*. *Préface*.
- [403] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 37.
- [404] *Крестные споры*. *Préface*.
- [405] 'Arcem illam superstitionis et idolatriæ, et Satanæ propugnacula. Viret, *De verbi Dei ministerio*, Senatui Lausan. Ep.
- [406] *Дисп. Крест*. стр. 9.
- [407] Там же. стр. 195-6.
- [408] *Дисп. Крест*. *Préface*.
- [409] Viret: *Du vrai ministère de la vraie Eglise de Jésus-Christ*. *Préface*.
- [410] Théod. de Bèze.
- [411] Viret: *Du vray ministère*, pp. 47, 57.
- [412] 'Fuit corpusculo imbecillo, moribus suavis.'—Melchior Adam, *Vitæ erudit*.
- [413] 'Oris præcipue facundia excellens, ut homines etiam religioni minus addictos, faciles tamen auditores habuerit, cum omnes ab ejus ore penderent.'—Ibid.
- [414] *Du combat des hommes contre leur propre salut*, pp. 7-8.
- [415] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 133-134.
- [416] Un ris d'hôtelier.
- [417] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 263.
- [418] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 41.
- [419] Мы в долгу перед католиком Пьерфлером за эти подробности. *Mémoires*, p. 44.
- [420] Кальвин, Соч. С. Жак, iv. 18.
- [421] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 41-42, 50-51.
- [422] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 52-53.
- [423] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 56.
- [424] "Vicerunt nostri octodecim suffragiis".—Вирет Кальвину, 11 августа 1554 г. См. также Pierrefleur, стр. 297.

ГЛАВА IV.

БИТВЫ При ВНУКЕ.

(1531-1532 гг.)

Рвение ФАРЕЛА не охладила проверка, которую он получил в Орбе; он видел перед собой другие места, которые необходимо благовествовать. Если он противостоял амбициозным требованиям новообращенных, которые, подобно Холларду, воображали себя более способными, чем были на самом деле, и опрометчиво добивались посвящения в священный сан, то он лишь с большим рвением искал слуг Божьих, обладающих духом силы, милосердия и благоразумия. Ему казалось, что некоторые люди созрели во Франции в результате преследований. Он пригласил в Швейцарию Туссена, Леконта, Симфорана, Андроника и других. Как только эти братья прибывали, он отправлял их на жатву; [425] и часто после горячих молитв ему казалось, что вся долина, заключенная между Юрой и Альпами, наполнена живыми водами Евангелия. "По правде говоря, - сказал он, - если мы посмотрим на прошлые времена, то увидим, что дело Христа сейчас великолепно.... И все же какие корни еще предстоит вырвать, прежде чем поле будет готово принять божественное семя. [426] Какие работы предстоит выполнить, какие трудности предстоит вынести, каких врагов нужно победить!... Нам нужны работники, приученные к труду.... Я не могу обещать им золотых гор, [427] но я знаю, что Отец никогда не оставит Своих и что Он даст им обильный урожай".

=БОЛЕЗНЬ МЕЛКИХ ВОПРОСОВ.=

В сердце Фарела непреодолимая депрессия часто следовала за самыми справедливыми ожиданиями. Одна печаль особенно огорчала его: болезнь мелких вопросов, казалось, угрожала вторгнуться в новую Церковь. Во все времена ограниченные и неуравновешенные умы привязываются к определенным деталям в учении о крещении, Вечере Господней, служении и так далее: они жаждут *аниса и тмина* [428] и своими мелочами отягощают царство Христово. Фарел, который со святой доктриной и неустанной деятельностью сочетал мудрую проницательность и широкий либеральный дух, трепетал, как бы эта слабость в малом понимании не закралась в умы служителей, к которым он обращался со своим призывом. Как раз в то время в Страсбурге находился христианин по имени Андроник, которого реформатор хотел привлечь в Швейцарию; но он хотел знать, был ли он запятнан формализмом или фанатизмом — двумя пороками, которые иногда встречались на берегах Рейна. Он решил поговорить с ним откровенно, и его письмо показывает нам его мнение о служении: "Дорогой брат, - писал он Андронику, - обладаешь ли ты Христом, чтобы учить Ему чисто, помимо пустых споров о *хлебе и воде, налогах и десятине*, которые в глазах многих составляют христианство? [429] Довольствуетесь ли вы требованием от всех, чтобы они, отрекшись от нечестия и неправедности, вооружились верой и прижали к своим сердцам небесное сокровище, Христа, сидящего одесную Отца? Готовы ли вы отдать всем властям то, что им причитается, — налоги, десятину, — чтобы платить их не только нечестивым, но и братьям? Вы ищете только славы Христа? Вы предлагаете просто насадить в их сердцах веру, действующую через милосердие? Вы твердо решили нести крест? ибо, будьте уверены, крест ждет вас у двери. Если ты готов вынести это, тогда, дорогой брат, приходи немедленно". Таковы были мудрые слова самого пылкого из реформаторов.

=СПОСОБ ВЕРБОВКИ ФАРЕЛОМ.=

В то время как Фарель таким образом громко призывал новых работников, он избавлялся от праздных и трусливых, обещая всем им усталость, оскорбления и преследования: именно такими обещаниями реформатор набирал своих солдат. "Не ищи праздности, но трудись", - [430] сказал он; "только после усталости ты найдешь покой, и ты не будешь пожинать до тех пор, пока не посеешь за свой счет. Широко распахнута дверь, но никто не может войти, кроме тех, кто желает пасти овец, а не пожирать их, и кто полон решимости ответить добротой на оскорбления, которыми их осаждают. Вас ждут труды. [431] Я не могу обещать вам ничего, кроме неприятностей.... Если вы пойдете с нами, знайте, что вы вступаете в нелегкую службу. Вам придется сражаться не с трусливыми и обескураженными противниками, а с врагами, полными решимости и силы. Поэтому будь храбрым и благородным воином; атакуй врага с радостью и бросайся в самую горячую часть битвы, уповая на Бога, которому одному принадлежат битва и победа. Сражаемся не мы, а Господь". [432]

Но Фарел напрасно призывал к битве: робкие новобранцы не желали вступать в армию. Он действительно получил небольшую помощь, но что это было за такая великая работа? Затем его призывы стали громче. Перед лицом гигантских Альп этот скромный человек поднялся подобно им: его речь наполнилась слогом и напоминала скорее клич солдата, сражающегося в гуще рядов врага, чем сладкий и тонкий голос Евангелия мира. "Мы находимся в гуще сражения, - сказал он. - конфликт ужасен; мы сражаемся один на один... но Господь дарует победу своим. [433] Возьми меч, надень шлем на голову, застегни нагрудник, привесь щит к руке, препояши свои чресла; и, вооружившись таким образом Божьими доспехами, ринись в гущу битвы, метай дротики, повергай врага со всех сторон и обращай все войско в бегство. [434]... Но, увы! вместо того, чтобы присоединиться к воинам Христа, вместо того, чтобы бросаться в битвы Господни, вы боитесь креста и опасностей, которые подстерегают вас. Предпочитая собственную непринужденность, вы отказываетесь прийти на помощь своим братьям.... Разве это поведение христианина?... Священное Писание провозглашает, что Господь сурово расплатится за такую трусость.... Остерегайтесь похоронить полученный вами талант.... Помните, что вы должны дать отчет обо всех тех душах, которых тирания держит пленниками в своих мрачных подземельях. Вы можете зажечь свет перед их глазами, вы можете освободить их от цепей, вы должны призвать их броситься в объятия Иисуса Христа.... Не колеблясь.... Христа нужно предпочесть всему. Не заботься о том, чего желает и требует твоя жена, но о том, чего просит и повелевает Бог". [435] Никогда не звучало более сильных просьб; в то время в мире был новый Павел. Наконец серьезность Фарела взяла верх. Андроник и другие поспешили к нему и трудились вместе с ним в стране, простиравшейся от Базеля и Берна до Женевы.

=ПЕРВАЯ БИТВА При ВНУКЕ.=

Обрадованный получением таких помощников, реформатор поспешил на новые бои. Каждый приход, деревню и городок предстояло завоевать Христу упорной борьбой. Нет солдата, который участвовал бы в большем количестве сражений. Мы можем найти параллель с Фарелом только в обращении Дамаска. Он взял с собой Де Глаутиниса, министра Таванна в Бернской Юре, который пришел ему на помощь, и покинул Орбе, оставив слева от себя живописное ущелье Юры, где спряталась деревня Сент-Круа и над которой возвышаются высокие вершины Шассерона, и направился к Внуку. Вскоре перед ним предстали знаменитые стены старого замка, стоявшего на берегу Невшательского озера. Это место, которое вот-вот должно было

стать полем битвы евангелистов, стало свидетелем совсем другой борьбы. Сюда в 1476 году швейцарцы бросились с высот Шампани и Бонвиллара, в то время как ужасный рев быка из Ури предвещал смерть, а корова из Унтервальда издала свой предупреждающий звук. [436] Здесь они преклонили колени перед вражескими колоннами и, поднявшись с криками "Внук!", играя свою устрашающую музыку, развернув свои древние знамена и охраняя их своими длинными и грозными копьями, они атаковали бургундов со всей силой бури. Тщетно командующий кавалерией, сир Луи де Шато-Гийон, брат принца Оранского, сеньора Орбского и внук, — тщетно прищипорил он своего огромного боевого коня и стремительно бросился в атаку во главе шести тысяч всадников; тщетно он схватил знамя Швица, в дер Груобе Бернском нанес ему смертельный удар, и бургундцы, увидев, как упал гигантский воин, были поражены ужасом. Внук, а также Орбе были потеряны для семьи этого героя, и суверенитет над двумя городами перешел к кантонам Берн и Фрибург. Паника распространилась по рядам, и Карл Смелый был вынужден бежать, оставив позади себя четыреста шелковых палаток, расшитых золотом и жемчугом, шестьсот штандартов и огромное количество посуды, денег, драгоценностей и самоцветов. Это энергичное наступление и славная победа, слава о которых все еще сохранялась в этой мирной стране, были одним из видов работы, которую предстояло выполнить Фарелу. С его помощью Берн собирался нанести удар по Внуку, а также по Орбе - более грозному врагу, чем сеньор Шато-Гийон. [437]

На берегу озера, у въезда в город, стоял огромный монастырь Серых монахов. Фарел и его друг Де Глаутинис, сопровождавшие его, остановились перед его стенами и сказали друг другу, что к этому месту, несомненно, Господь первым направил их стопы. Они позвонили, вошли в гостиную, и настоятель монастыря, монах Гай Регис, спросив их, чего они хотят, они очень хладнокровно попросили его "от имени лордов Берна" предоставить им в пользование церковь. Но Гай Регис, решительный человек и ревностный священник, знавший все, что произошло в Орбе, был оскорблен такой дерзостью. - Еретик! - сказал он Фарелу. "Сын еврея!" - воскликнул другой монах. Прием не был обнадеживающим. Два служителя обсудили с некоторыми друзьями Слова Божьего, что нужно было сделать. - Ступай в монастырь на холме, - сказал тот. - Поскольку вы везете письмо от господ из Берна для приора, монахи не посмеют вам отказать.

=БЕНЕДИКТИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.=

Соответственно, Фарель, Де Глаутинис и несколько братьев отправились в бенедиктинский монастырь. Они постучали, и дверь открылась; появилось несколько монахов. Поскольку они уже кое-что знали о прибытии миссионеров, они оглядели их с головы до ног, и едва Фарел попросил разрешения проповедовать, как в монастыре поднялся громкий шум. Ризничий спрятал пистолет под рясой, другой монах вооружился ножом, и оба украдкой подошли, чтобы наложить руки на *еретика*, который (по их словам) нарушал порядок во всех церквях. Ризничий подоспел первым; направив пистолет на Фареля одной рукой, он схватил его другой и, таща за собой, попытался втащить в монастырь, где его ждала тюрьма. Де Глаутинис, заметив это, бросился вперед, чтобы спасти своего друга, но другой монах, прибыв на место схватки, набросился на него, размахивая ножом. Встревоженные шумом в монастыре, друзья евангелистов, которые оставались у дверей, ожидая узнать, слышат они Фарела или нет, ворвались внутрь и вырвали его и его товарища из крепких рук монахов. Ворота монастыря были немедленно закрыты и оставались таковыми целых две недели, настолько велик был ужас, внушенный реформаторами.

Фарел, видя, что в "Внуке" уже ничего нельзя сделать, отправился в Морат, умоляя Де Глаутиниса, которого он оставил позади, использовать любую возможность для проповеди Евангелия. Монахи, окопавшиеся в своих стенах, дрожали, совещались, несли вахту и вооружались против этого единственного человека, как будто перед ними была целая армия. Все монастырские ворота и церковные двери были плотно закрыты. Де Глаутинис, обнаружив, что не может проповедовать в церквях, решил проповедовать на улицах и в частных домах; но едва он начал, как монахи, проинформированные сигналами своих агентов, которым они поручили не терять евангелиста из виду, предприняли энергичную вылазку. Гай Регис, доблестный настоятель Серых монахов, регент и все монахи пришли к месту, где проповедовал Де Глаутинис, и смело встали между ним и его слушателями: "Подойдите, - сказал настоятель, - подойдите, если осмелитесь, к королю или императору. Приезжайте в Безансон, в Доль или в Париж; я покажу вам и всему миру, что ваши проповеди - простое колдовство. Уходите, с нас хватит. Вы не должны входить в церкви". Как только эта речь закончилась, монахи завершили ее криком: "Еретик, сын еврея, вероотступник!" Отряд, дав таким образом залп, поспешно отступил за свои стены. [438]

Несколько бернских депутатов, случайно оказавшихся в Невшателе, услышав, что происходит во Внуке, без промедления отправились туда. Они не хотели принуждать людей к обращению, но они желали, чтобы все находящиеся под их властью беспрепятственно слушали Евангелие и, таким образом, имели свободу принимать решения с полным знанием дела в пользу Рима или Реформации. Когда бернские лорды прибыли во Внук, который находится недалеко от Невшателя, они приказали открыть монастырские церкви для реформаторов. К Фарелу был послан гонец, который немедленно вернулся, приведя с собой Вирета, и с 12 мая три евангелиста начали проповедовать по воскресеньям и в будние дни. Монахи, удивленные, раздраженные и все же сдерживаемые страхом перед своими ужасными владыками, мрачно смотрели на толпу, пришедшую послушать *ересь*. Настоятель Серых монахов, имевший отличную репутацию ученого, считал себя призванным противостоять реформаторам. Едва они покинули кафедру, когда он вошел на нее, и таким образом Фарел и Гай Регис атаковали и опровергали друг друга, сражаясь, так сказать, рука об руку. Евангелист проповедовал благодать, монах предписывал труды; первый упрекал своего противника в неповиновении Писанию, второй упрекал другого в неповиновении Церкви. Монахи пошли еще дальше: они призвали магистратов встать на защиту веры, и последние объявили священников вне закона, в то время как сержанты арестовали их. Население, увидев их в руках офицеров, последовало за ними и осыпало их оскорблениями, и они были заключены в тюрьму. [439]

Таким образом, борьба дошла до народа и становилась все более ожесточенной. Формировались партии, организовывались оркестры. Католики, чтобы отличаться, втыкали в свои шапки еловые шишки и, украшенные таким образом, гордо шествовали по улицам. Их противники сказали им, когда они проходили мимо: "Вы оскорбляете господ из Берна", на что они высокомерно ответили: "Вы не должны нам препятствовать".

=ПОДКРЕПЛЕНИЕ ИЗ ИВЕРДУНА.=

Жители Ивердуна, соседнего города, которые горячо поддерживали дело, защищаемое Гаем Регисом, организовали не отряд солдат, а процессию. Он покинул город и проследовал вдоль берега озера; знамена священнослужителей вместо военных цветов развевались над их головами, священные песнопения вместо барабанов и труб наполняли воздух. Наконец это

любопытное подкрепление достигло города, где шла такая ожесточенная борьба. Католики больше не сомневались в победе. Умы людей разгорячились, и их страсти разгорелись. Когда Фареля и его друзей выпустили на свободу, чернокожий монах по имени Клод де Бонето пристал к реформатору и осыпал его оскорблениями. Последний, не колеблясь, сказал: "Христиане, отойдите от папы, который взвалил на вашу спину невыносимое бремя, к которому он не прикоснется и кончиком пальца. Придите к Тому, кто взял на себя все ваше бремя и возложил его на свои плечи. Не доверяйте священникам или Риму. Имейте доверие к Иисусу Христу". [440] Бернский собор встал на защиту евангелиста и осудил брата Бонето. [441]

Поскольку поддержка Ивердуна не возымела никакого эффекта, помощь была направлена из Лозанны. В день святого Иоанна (24 июня) кордельер прибыл во Внук, чтобы произнести проповедь в честь святого. Церковь францисканцев вскоре была переполнена, и Фарел с Де Глаутинисом оказались в самой гуще толпы. Странные вещи, сказанные проповедником, наполнили их печалью; вскоре реформатор встал и (по обычаю того времени) начал опровергать монаха. Последний остановился, и взоры собравшихся с признаками гнева обратились на министра. Судебный пристав Джон Райфф из Фрибурга, добрый католик, не в силах сдержаться, поднял руку и ударил Фарела. Это был сигнал к битве. Судьи, серые монахи и горожане Внука, которые пришли в церковь вооруженными, набросились на двух служителей, повалили их на землю и осыпали ударами ног. Их друзья поспешили им на помощь, бросившись в самую гущу драки, и им удалось спасти реформаторов из рук буйствующей толпы, но не раньше, чем они подверглись "жестокому обращению в лицо и другие части тела". Великий знаменосец Орбе видел это, и именно он рассказывает эту историю. [442]

=СТРАЖИ.=

Евангелисты не теряли времени даром: один из них сразу же отправился повидаться с сьером де Ватвилем, беглецом из Берна, который случайно оказался в своем поместье Коломбье, в трех лье от Внука. Этот магистрат отправился в город и, желая дать жителям возможность воспользоваться правом свободного исследования в соответствии с принципами Берна, приказал кордельеру и Фарелю проповедовать по очереди, а затем отправился в церковь в сопровождении своего слуги, чтобы послушать обоих проповедников. Но сначала нужно было сделать кое-что еще. Люди все еще были взволнованы эмоциями предыдущего дня и делали вид, что реформаторы хотят снести большое распятие, которое пользовалось большим уважением во всем городе. Два монаха, Тиссо и Гондос, отличались рвением к доктринам папы римского; искренние, но фанатичные, они могли бы подумать, что оказывают услугу Богу, убивая Фареля. Они были выставлены в качестве стражей для защиты изображения, которое, как предполагалось, находилось под угрозой. Вооруженные топорами, спрятанными под одеждами, они расхаживали взад-вперед, молчаливые и настороженные, у подножия лестницы, ведущей на галерею, где стояло знаменитое распятие. Когда появился лорд Берна, один из часовых, увидев странное лицо, в котором было что-то еретическое, резко остановил его. "Отойдите, вы не можете пройти этим путем", - сказал он, в то время как его товарищ грубо оттолкнул сьера де Ватвилля. - Тише, - серьезным тоном сказал избегающий, - тебе не следует попадать в такую жару. - Слуга патриция, раздраженный таким проявлением неуважения к своему господину и менее спокойный, чем был сам патриций, обхватил часового в капюшоне за туловище и, нащупав топор у него под одеждой, отобрал его и собирался ударить его, но бернский сеньор остановил его. Все монахи в тревоге разбежались, и де Ватвиль, оставаясь

хозяином земли, приставил туда своего слугу для охраны. Последний, расхаживая взад и вперед с топором на плече, нес вахту вместо монахов.

Он пробыл там всего несколько минут, когда около тридцати женщин с горящими глазами и угрюмым видом, каждая в приподнятом переднике из саржи, появились и попытались пройти в галерею. Некоторые наполнили свои фартуки плесенью со своих садов, а другие - золой со своих кухонь, и с этим оружием они шли на битву. На самом деле их план состоял не в том, чтобы ввязываться в обычную драку, а в том, чтобы залечь в засаде на галерее возле кафедры; а затем, как только появится Фарел, бросить пепел ему в глаза и землю в рот и таким образом заставить замолчать бесстрашного проповедника Евангелия. Таково было их представление о споре. Отряд приближался: слуга беглеца, твердый, как и подобает слуге милорда Бернского, все еще расхаживал взад и вперед с топором в руке. Он заметил женский батальон, сразу понял, каковы были их намерения, и двинулся вперед, размахивая оружием, которое он отобрал у монахов. Приверженцы церкви Внука, увидев бернца вместо серого монаха, были встревожены; они завизжали, выпустили из рук фартуки, позволили плесени и пеплу упасть на пол церкви и разбежались по домам.

=ОБРАЩЕНИЕ МОНАХОВ.=

Заговоры монахов и женщин были таким образом разгаданы, и бернский магистрат не воспользовался этим, чтобы заставить Фареля проповедовать в одиночку. Он хотел, чтобы баланс был равным. Поэтому серый монах и реформатор спокойно сменяли друг друга. Тиссо и Гондос, остановившие Де Ватвиля, были заключены в тюрьму на две недели. Два монаха, оправившись от своей страсти, начали размышлять, что же это *зальютеранское учение*, у которого были такие стойкие приверженцы. Реформаторы посетили их и проявили к ним много любви. Монахи были тронуты, они увидели, что ересь, которой они так боялись, была просто всемилостивым Евангелием Иисуса Христа. Они вышли из тюрьмы с новыми мыслями, и два года спустя, пишет the banneret, "они приняли лютеранский закон, стали проповедниками, один в Фонтене, другой в Шаворне, женились и завели большую семью с детьми". Во времена Реформации, как и во времена апостолов, часто было видно, что те, кто "брыкался против уколов", получали милость и становились глашатаями веры. [443]

Последняя суматоха должна была привести к провозглашению принципов свободы вероисповедания в Швейцарии. Это произошло в Орбе во время рождественских праздников. Католики, гордившиеся обычными у них полуночными молитвами в это время года, оскорбляли реформатов: "Идите спать, - сказали они, - пока мы будем петь хвалу Богу в церкви, вы будете спать в своих постелях, как свиньи".... Реформаторы, которым не нравились полуночные мессы со всеми их профанациями, желали воспользоваться вечерними часами, когда прекращение работ давало возможность собрать большую паству. В семь часов в канун Рождества они попросили у губернатора ключи от церкви: "Сейчас не время проповеди, - ответил он, - и вы их не получите". Они ответили, что каждый час, кроме ночи, - время проповеди; и, решив начать вечернюю службу, они пошли в церковь, открыли двери, проповедник взошел на кафедру, и через мгновение место было переполнено. Несколько священников или фанатиков, заглянув в здание, удивленно воскликнули, глядя на толпу: "Должно быть, дьявол послал туда немало народу!" Священник (возможно, это был Вирет) объяснил великую тайну веры, пришествие Спасителя, и спросил своих слушателей, не примут ли они его в свои сердца. Проповедь

продолжалась некоторое время, и часы пробили девять. Тотчас же зазвонили колокола, и католики столпились в церкви, хотя в этот час службы не было.

Реформаты, не желая ссориться, тихо разошлись по домам; но один проказник, пробравшийся на собрание с намерением возбудить народ, начал нашептывать своим соседям, что еретики собираются все разрушить в Сент-Клере. Это была ложь, но они в это поверили; толпа покинула алтари и, встретившись на улицах с несколькими реформаторами, сбила некоторых с ног и проломила головы другим; самые известные из них уже вернулись домой, но католическое население собралось перед их домами и бросало камни в их окна. Вире отправился в Берн с десятью реформатами, чтобы подать свою жалобу. [444]

=ПЕРВЫЙ АКТ О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ.=

Несколько дней спустя, 9 января 1532 года, двести тридцать министров собрались в Берне, среди которых был мудрый Капито, и образовали своего рода совет. Поскольку большинство из них покинуло римскую церковь, они желали свободы не только для себя, но и для своих противников. Миряне придерживались того же мнения. Берн, представитель протестантизма, согласился по этому вопросу с Фрибургом, поборником папизма. "Мы желаем, - сказали бернцы, - чтобы у каждого был свободный выбор идти на проповедь или к мессе". "И мы тоже", - сказали фрибургцы. "Мы желаем, чтобы все жили в мире друг с другом, и чтобы ни священники, ни проповедники не называли своих противников еретиками или убийцами. "И мы тоже", - сказали фрибургеры. "Тем не менее, мы не хотим мешать священникам и проповедникам дружески и братски обсуждать вопросы веры". "Совершенно верно", - сказали фрибургеры. Эти статьи и другие подобные им — первый памятник религиозной свободы в Швейцарии — были опубликованы 30 января 1532 года. [445] Следует сожалеть, что это воззвание шестнадцатого века с тех пор не было принято за образец во всех христианских странах и в Швейцарии, где оно было составлено. Этот приказ ненадолго предотвратил ожесточенные столкновения.

Сейчас мы покинем этот квартал и последуем за великим поборником Слова Божьего Фарелом в другое место; но сюда мы вернемся позже. Евангельское семя должно было быть посеяно еще обильнее в Пэй-де-Во, и эта почва, которая поначалу казалась неблагоприятной, принесет и приносила, особенно в наши дни, прекраснейшие плоды.

[425] 'Fratres qui huc venerunt in messem missi sunt.'—Farellus Andronico, Jan. 27, 1531. Рукопись Шупара.

[426] 'Quam difficiles eradicatu supersunt radices, antequam novale jaciendo semini sit idoneum.'—Farellus Andronico, Jan. 27, 1531. Рукопись Шупара.

[427] 'Aureos montes polliceri nolo.'—Ibid.

[428] От Матфея xxiii. 23.

[429] 'Sine vanis controversiis vel aquæ vel panis aut censuum aut decimarum, in quibus pars Christianismum putat.'—Farellus Andronico. Рукопись Шупара.

[430] Non est quod otium expectes sed negotium.'—Farellus Andronico, Feb. 12, 1531.

[431] 'Labores plurimi.'—Ibid.

[432] 'Sed in ipso pugnæ æstu, robustos ac plenis viribus hostes alacer aggrediaris, collocata in Deum fiducia, cujus est victoria sicut et pugna; non enim nos pugnamus, sed Dominus.'—Farellus Andronico. 27 Января 1531 года. Рукопись Шупара.

[433] 'Pugnam fervere, cum hostibus consertas manus jungere, victoriam suis impartire, sed non citra sudorem.'—Farellus Andronico, April 1531. Рукопись Шупара.

[434] 'In medios hostes prosilire, jacula vibrare, hostes hinc inde prosternere ac dissipare.'—Ibid.

[435] 'Nec tantopere curandum quid uxor velit et poscat, sed quæ Deus ipse petat et jubeat.'—Farellus Andronico, April, 1531. Рукопись Шупара.

[436] Воинственные музыкальные инструменты.

[437] Chronique de Neuchâtel. Chant de bataille, par un Lucernois. Müller, *Hist. de la Conféd. Suisse*.

[438] *Хроника*, стр. 112.

[439] Дурачет, гебальгетс, вершмахт.... Готт гелестерт". — из Берна байи Внука, 7 июня.

[440] *Соммери* др., стр. 181.

[441] Рукопись Шупара приводит приговор Берна под датой 17 июня 1531 года.

[442] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 167.

[443] Рукопись Шупара. Рукопись Стеттлера. *Mém. du Sire de Pierrefleur*.

[444] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, p. 74. Ruchat, iii. p. 45.

[445] *Mém. du Sire de Pierrefleur*, pp. 82-85. Рукопись Шупара. Ruchat, iii. стр. 47.

ГЛАВА V.

ПОЯВЛЯЮТСЯ ВАЛЬДЕНСЫ.

(с 1526 по октябрь 1532 г.)

В пятницу, 12 июля, Фарел приехал из Мората во Внук, где должно было состояться тихое совещание. Четверо учеников Евангелия просили о возложении рук. Фарель и его коллеги осмотрели их и, найдя пригодными для евангелической работы, отправили проповедовать Евангелие в соседние деревни Ги, Фи, Монтаньи, Новиль, Бонвиллар, Сен-Морис, Шампань и Консиф. Но конференция должна была быть занята более важными делами.

=ВАЛЬДЕНСЫ.=

Два или три года назад среди молодых церквей, которые формировались между Альпами и Юрой, ходили странные слухи. Они слышали разговоры о христианах, которые принадлежали к Реформации, но никогда не были реформированы. Говорили, что в некоторых отдаленных Альпийских долинах Пьемонта и Дофини, а также в определенных частях Калабрии, Апулии,

Прованса, Лотарингии и других стран, [446] были верующие, которые на протяжении многих веков сопротивлялись папе и не признавали никакого другого авторитета, кроме Священного Писания. Одни называли их "вальденсами", другие "бедняками из Лиона", третьи "лютеранами". Когда слухи о победах Реформации достигли их долин, эти благочестивые люди внимательно выслушали их; особенно один из них, Мартин Гонин, пастор из Ангрона, был ими серьезно тронут. Будучи человеком решительным и предприимчивым, готовым отдать свою жизнь за Евангелие, благочестивый *барбе* (так вальденсы называли своих пасторов) испытывал живое желание поехать и поближе познакомиться с Реформацией. Эта мысль преследовала его повсюду: пересекал ли он небольшие лощины, разделявшие его долину, подобно дереву с его ветвями, [447], следовал ли он по течению потока или сидел у подножия Альп Целла, Вашера и Инфернет, Гонин вздыхал вслед за Виттембергом и Лютером. Наконец он решился; он уехал в 1526 году, нашел дорогу к реформаторам и принес в свои долины много хороших новостей и много благочестивых книг. С того времени Реформация стала главной темой разговоров среди варваров и пастухов тех гор.

В 1530 году многие из них, преодолев ущелья Альп, прибыли на французские склоны и, следуя по живописным берегам Дюранса, направились в Мериндол, где был созван синод вальденских христиан. Они шли дальше, окрыленные живейшей радостью; они думали, что остались одни, и в один прекрасный день у них в Европе родились тысячи братьев, которые смиренно внимали Слову Божьему и заставляли папу трепетать на его троне....Спускаясь по неровным горным тропам, они говорили о Реформации, о Лютере, Меланхтоне и о швейцарцах. Когда синод был сформирован, они решили послать делегацию к евангелистам Швейцарии, чтобы показать им, что доктрины вальденсов схожи с доктринами реформаторов, и убедить последних протянуть им руку дружбы. В результате двое из них, Джордж Морел и Питер Массон, отправились в Базель.

=ДЕПУТАЦИЯ К СЕКОЛАМПАДИЮ.=

По прибытии в этот город они спросили, где находится дом Колампадия; они вошли в его кабинет, и старые времена, представленные этими простодушными достойными барб, приветствовали новые времена в лице любезного и стойкого реформатора. Последний не мог видеть этих храбрых и простоватых людей, стоящих перед ним, и не испытывать чувства уважения и сочувствия. Вальденсы достали из-за пазухи документы своей веры и вручили их благочестивому доктору. "Отворачиваясь от Антихриста", - говорилось в этих газетах, и Массон и Морел повторили эти слова: "Мы поворачиваемся ко Христу. Он - наша жизнь, наша истина, наш мир, наша праведность, наш пастырь, наш заступник, наша жертва, наш первосвященник, который умер за спасение верующих. [448]Но, увы! как дым идет перед огнем, искушение антихриста предшествует славе. [449] Во времена апостолов Антихрист был всего лишь ребенком; теперь он вырос в совершенного человека. Он лишает Христа заслуги спасения и приписывает это своим собственным делам. Он лишает Святого Духа силы возрождения и приписывает это своим церемониям. Он ведет людей на мессу, печальную смесь еврейских, языческих и христианских обрядов, и лишает их духовного и сакраментального посвящения. [450] Он ненавидит, преследует, обвиняет, грабит и убивает членов семьи Иисуса Христа. [451] Он хвастается своей продолжительностью жизни, своими монахами, своими девственницами, своими чудесами, своими постами и своими бдениями и использует их как плащ, чтобы скрыть свое нечестие. Тем не менее, мятежник стареет и слабеет, и Господь убивает преступника дыханием своих уст". [452] Колампадий восхищался простотой их вероучения. Ему бы не понравилась доктрина без жизни или кажущаяся жизнь без доктрины, но он нашел и то, и

другое в вальденсовских барбах. "Я благодарю Бога, - сказал он им, - что он призвал вас к столь великому свету". [453]

Вскоре врачи и верующие Базеля возжелали увидеть этих людей древних времен. Сидя вокруг домашнего очага, вальденсы рассказывали о страданиях своих отцов и описывали свои стада, разбросанные по двум склонам Альп. "Некоторые люди, - говорили они, - приписывают наше происхождение богатому гражданину Лиона Питеру де Во, или Уолдо, который, находясь на банкете со своими друзьями, увидел, как один из них внезапно упал замертво. [454] Тронутый и встревоженный своей совестью, он помолился Иисусу, продал свое добро и начал проповедовать, посылая других проповедовать Евангелие повсюду. [455] Но, - добавили барбесы, - мы исходим из более древних времен, со времен, когда Константин ввел мир в Церковь, наши отцы отделились друг от друга, или даже со времен апостолов". [456]

=ИСПОВЕДЬ БАРБЕСА.=

Однако в ходе беседы с этими братьями христиане Базеля заметили некоторые положения учения, которые, казалось, не соответствовали евангельской истине, и на смену их прежней радости пришло некоторое беспокойство. Желая получить просветление, Колампадий задал несколько вопросов двум варварам. "Все наши служители, - ответили они по первому пункту, - живут в безбрачии и занимаются каким-нибудь честным ремеслом". "Однако брак, - сказал Колампадий, - это состояние, очень подходящее всем истинно верующим, и особенно тем, кто должен быть во всеобразцом для паствы. Мы также считаем, - продолжил он, - что пасторам не следует посвящать физическому труду, как это делаете вы, время, которое они могли бы с большей пользой использовать для изучения Священного Писания. Служителю есть чему поучиться; Бог не учит нас чудесным образом и без труда; мы должны приложить усилия, чтобы познать". [457]

Барбесы сначала были немного смущены, увидев, что старшим приходится учиться у младших; однако они были скромными и искренними людьми, и базельский врач, расспросив их о таинствах, они признались, что по слабости и страху крестили своих детей римскими священниками, и что они даже общались с ними и иногда посещали мессу. Это неожиданное признание поразило кроткого Колампадия. "Что, - сказал он, - разве Христос, святая жертва, не удовлетворил в полной мере вечное правосудие за нас?" Есть ли необходимость приносить другие жертвы после Голгофы? Произнося *аминь* на мессе священников, вы отрицаете благодать Иисуса Христа".

Затем Колампадий заговорил о силе человека после грехопадения. "Мы верим, - скромно сказали барбесы, - что все люди обладают какими-то естественными добродетелями, точно так же, как травы, растения и камни". [458] "Мы верим, - сказал реформатор, - что те, кто повинуются заповедям Божьим, делают это не потому, что у них больше силы, чем у других, а из-за великой силы Духа Божьего, который обновляет их волю". [459] "Ах, - сказали барбесы, которые не чувствовали себя в согласии с реформаторами в этом вопросе, - ничто так не беспокоит нас, слабых людей, как что мы слышали об учении Лютера относительно свободы воли и предопределения?... Наше невежество - причина наших сомнений: молю, наставь нас".

Милосердный Колампадий не считал, что различия были такими, которые должны были бы оттолкнуть его от барбесов. "Мы должны просветить этих христиан, - сказал он, - но превыше всего мы должны любить их". Разве у них не было той же Библии и того же Спасителя, что и у

детей Реформации? Разве они не сохранили основные истины веры с первобытных времен? Колампадий и его друзья, взволнованные этим размышлением, протянули руки вальденсийской депутации: "Христос, - сказал благочестивый доктор, - в вас, как и в нас, и мы любим вас как братьев".

=ЗАМУЧЕННЫЙ БАРБ.=

Двое барбе покинули Базель и направились в Страсбург, чтобы посоветоваться с Буцером и Капито, после чего приготовились вернуться в свои долины. Поскольку Питер Массон был бургундцем по происхождению, они решили проехать через Дижон, что было сопряжено с опасностями. Кое-где в монастырях и епископских дворцах поговаривали, что старые еретики пришли к взаимопониманию с новыми. Благочестивая беседа двух вальденсов привлекла внимание некоторых жителей Дижона, города духовенства и фанатиков, и они были брошены в тюрьму. Что им делать? Что, спрашивают они, станет с письмами и инструкциями, которые они передают своим единоверцам? Одному из них, Морелю, подателю этого драгоценного подношения, удалось сбежать; Массон, который остался, заплатил за обоих; он был осужден, казнен и умер со спокойствием верующего.

Увидев, что появился только один член их депутации, вальденсы поняли, какой опасности подверглись братья, и оплакали Массона. Но весть о радушном приеме реформаторов вызвала огромную радость среди них, в Провансе, Дофинии, в долинах Альп и даже в Апулии и Калабрии. Однако замечания СЕКолампадия и его требование более строгой реформы были поддержаны одними и отвергнуты другими. Поэтому вальденсы решили сделать еще один шаг: "Давайте созовем синод всех наших церквей, - сказали они, - и пригласим на него реформаторов".

Однажды июльским днем 1532 года, когда Фарел, как мы видели, находился во Внуке на совещании с другими министрами, ему сообщили, что два человека, чей иностранный вид указывал на то, что они прибыли издалека, желают поговорить с ним. В комнату вошли два барбеса, один из Калабрии по имени Джордж, другой Мартин Гонин, пьемонтец. Поприветствовав евангелистов от имени своих братьев, они сказали им, что обращенное к ним требование полностью отделиться от Рима вызвало раскол среди них. "Придите, - сказали они министрам, собравшимся во Внуке, - придите в синод и объясните свои взгляды по этому важному вопросу. После этого мы должны прийти к пониманию средств распространения по всему миру учения Евангелия, общего для нас обоих". Никакое послание не могло быть более приятным для Фарела; и поскольку эти два пункта постоянно занимали его мысли, он решил выполнить просьбу вальденсийских братьев. Его соотечественник, благочестивый Сонье, пожелал разделить с ним опасность.

Члены конференции и евангелисты Внука с уважением смотрели на этих древних свидетелей истины, прибывших к ним с дальних склонов Альп и с оконечности Италии, куда им и в голову не пришло бы отправиться в поисках братьев. Они столпились вокруг них и приветствовали их, переполняясь любовью к ним, когда думали о долгой верности и жестоких страданиях своих предков. Они с интересом слушали рассказ о преследованиях, которым подвергались их отцы, и о героизме, с которым вальденсы переносили их. Они были во все уши поглощены рассказом о том, как барбе и их стада подверглись внезапному нападению вооруженных банд в их заснеженных горах во время праздника Рождества 1400 года; как мужчины, женщины и дети были вынуждены бежать через скалистые утесы и сколько из них погибло от холода и голода или

пало от меча. В одном месте были найдены тела восьмидесяти маленьких детей, замерзших насмерть на окоченевших руках своих матерей, которые умерли вместе с ними.... В другом месте тысячи беглецов, укрывшихся в глубоких пещерах (1488 г.), задохнулись в кострах, которые их жестокие преследователи разожгли у входа в их убежище. [460] Разве Реформация не рассматривала бы этих мучеников как своих предшественников? Разве для нее не было привилегией таким образом объединиться со свидетелями, которые воздавали славу Иисусу Христу с первых веков существования Церкви?

=ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ФАРЕЛА.=

Некоторые швейцарские христиане были встревожены идеей путешествия Фареля. По правде говоря, реформатору угрожали большие опасности. Мученическая смерть Питера Массона, принесенного в жертву два года назад, привела в ярость провансальских вальденсов, и их стенания вызвали гнев их врагов. Епископы Систерона, Апта и Кавайона посовещались и обратились с протестом к парламенту Экса, который немедленно приказал произвести облаву на еретиков: тюрьмы были заполнены вальденсами и лютеранами, настоящими или мнимыми. Мартин Гонин, один из двух вальденских депутатов, во время последующего путешествия был арестован в Гренобле, посажен в мешок и утоплен в Изере. Аналогичная участь легко могла случиться с Фарелем. Разве страна, которую ему предстояло пересечь, не зависела от герцога Савойского, и разве Бельгард и Шаллан не схватили Бонивара в стране, менее благоприятной для засад, чем та, через которую Фареля предстояло пройти? Это не имело значения: он не колебался. Он покинет эти кварталы, где его защищает мощь Берна, и пройдет сквозь гущу своих врагов. "В нем было то же рвение, что и в его Учителе", - говорит историк; [461] "подобно Спасителю, он не боялся ни ненависти фарисеев, ни коварства Ирода, ни ярости народа". Он всячески подготовился к своему отъезду, и Сонье сделал то же самое. [462]

Как раз в тот момент, когда Фарель собирался покинуть Швейцарию, он получил неприятные известия из Франции, и, таким образом, к нему обратились с просьбой с обеих сторон. Он написал своим соотечественникам одно из тех писем, столь полных утешения и мудрости, которые характеризуют наших реформаторов. "Люди свирепо смотрят на тебя, - сказал он, - и угрожают тебе, и налагают на тебя большие штрафы; твои друзья меняют одежды и становятся твоими врагами.... Все люди огорчают тебя.... Соблюдая всякую скромность, кротость и дружбу, проявляя настойчивость в святых молитвах, живя чисто и помогая бедным, верьте все Отцу милосердия, с помощью которого вы будете ходить, сильные и неутомимые, во всей истине". [463]

=ПРИБЫТИЕ ФАРЕЛА В ДОЛИНЫ.=

Ближе к концу августа Фарел и Сонье попрощались с окружавшими их братьями, сели на лошадей и уехали. Их путь был окутан тайной: они избегали мест, где их могли знать, и пересекали необитаемые районы. Перейдя Альпы и проехав Пиньероль, они устремили свои взоры, сияющие печальным интересом, на уединенные места, где почти недоступные пещеры, пробитые в неровных склонах гор, часто служили единственным храмом христиан и где каждая скала имела историю гонений и мученичества. Местом их встречи был Ангрон, в приходе благочестивого Мартина Гонины. Два реформатора покинули Ла Тур и, следуя извилинам потока и огибая пропасти, добрались до подножия великолепного леса, а затем достигли обширного плато, изобилующего пастбищами: это был Валь д'Ангрон. Они смотрели на крутые хребты Соирнан и Инфернет, на пирамидальные склоны горы Вандалин и на более пологие

склоны, на которых стояли скромные деревушки долины. Они находили вальденсов тут и там на лугах и у подножия скал; некоторые были готовы "стать стражами служителей доброго закона", и все с удивлением и радостью смотрели на пасторов, приехавших из Швейцарии. "Тот, с рыжей бородой и верхом на белом коне, - Фарел", - сказал Джон Пейре из Ангрона, один из их сопровождения, своим спутникам. "Другой на темном коне - Сонье". "Был также третий, - добавляют очевидцы, - высокий мужчина и довольно хромой: "возможно, он был вальденсом, который служил проводником двум депутатам. [464] Другие иностранные христиане встречались в этой отдаленной долине Альп. Некоторые были с южной оконечности Италии, из Бургундии, Лотарингии, Богемии и стран поближе к дому. Было также некоторое количество лиц более выдающейся внешности: лорды Рив Ноубл, Мирандола и Соларо покинули свои замки, чтобы принять участие в этом альпийском совете. Таким образом, духовенство, сенат и народ были в сборе; и поскольку ни одно помещение не могло вместить такое количество людей, было решено собраться на открытом воздухе. Гонин выбрал для этой цели деревушку Шанфоранс, где сейчас сохранился только один одинокий дом. Там, в тенистом месте, на склоне горы, окруженном амфитеатром скалистых утесов и далеких вершин, барб расставил грубые скамьи, на которых должны были сидеть члены этого христианского собрания.

Две стороны встретились там лицом к лицу. Во главе того, что не желало полностью порывать с Римско-католической церковью, стояли два барбеса, Даниил Валансский и Иоанн Молинский, которые боролись за успех своей системы приспособления и уступчивости. С другой стороны, Фарель и Сонье поддерживали евангелическую партию, у которой не было таких выдающихся представителей, как у традиционной партии, и предложили категорический отказ от всех полукатолических доктрин и обычаев. Перед открытием синода два священника, оказавшись в окружении множества братьев, как у себя дома, так и в тени деревьев, где должно было состояться собрание, уже объяснили им веру Реформации, и несколько вальденсов воскликнули, что это учение, передаваемое от отца к сыну среди них, и они были полны решимости придерживаться его. Тем не менее исходсражения казался сомнительным, поскольку полукатолическая партия была сильной и описывала реформаторов как иностранцев и новаторов, которые прибыли сюда, чтобы изменить свои древние доктрины. Но Фарель возлагал большие надежды, поскольку мог апеллировать к Священному Писанию и даже к признаниям самих вальденсов.

=ОТКРЫТИЕ СИНОДА.=

12 сентября синод был открыт "во имя Бога". Одна партия благосклонно относилась к Фарелю и Сонье, другая - к Джону Молинскому и Даниэлю Валансскому; но большинство, по-видимому, было на стороне Реформации. Фарел встал и смело поднял этот вопрос: он утверждал, что больше не существует никакого церемониального закона, что ни один акт богослужения не имеет ценности сам по себе и что множество праздников, посвящений, обрядов, песнопений и механических молитв - великое зло. Он напомнил им, что христианское богослужение по существу заключается в вере в Евангелие, в милосердии и в исповедании Христа. "*Бог есть дух*", - сказал он, - и богослужение должно совершаться *в духе и истине*". Двое барбе тщетно пытались оспорить эти взгляды, собрание засвидетельствовало свое согласие с ними. Разве их исповедание не отвергало "все праздники, бдения святых, воду, называемую святой, акт воздержания от плоти и другие подобные вещи, изобретенные людьми"? [465] Было провозглашено поклонение в духе.

Фарел, обрадованный этой первой победой, пожелал одержать другую, возможно, более трудную. Он верил, что именно посредством доктрины о естественной силе человека папство вырвало спасение из рук Бога и передало его в руки священников: "Бог, - сказал он, - избрал до основания мира всех тех, кто был или кто будет спасен. Невозможно, чтобы те, кто был посвящен ко спасению, не были спасены. Всякий, кто отстаивает свободу воли, абсолютно отрицает милость Божью". Этому Молинес и его друг сопротивлялись изо всех сил. Но разве вальденсовские исповедания не признавали бессилия человека и самодостаточности благодати? Разве они не называли отрицание этих вещей "делом рук антихриста"? [466] Более того, Фарел привел доказательства из Священного Писания. Синод сначала пребывал в напряжении, но в конце концов решил, что признает эту статью "соответствующей Священному Писанию". [467]

Некоторые вопросы морали с тревогой занимали реформатора. По его мнению, Римская церковь перевернула все с ног на голову, назвав те работы *хорошими* которые она предписывала, хотя в них не было ничего хорошего, и те *плохие* которые соответствовали воле Божьей. "Нет хорошей работы, кроме той, которую заповедал Бог, - сказал Фарел, - и нет ничего плохого, кроме того, что Он запретил". Собрание выразило свое полное согласие.

=МНЕНИЯ ФАРЕЛА ОБРЕТАЮТ СИЛУ.=

Затем, продолжая борьбу, непоколебимый доктор-евангелист последовательно утверждал, что истинное исповедание христианина заключается в исповедании только Богу; что брак никому не запрещен, независимо от его состояния; что Священное Писание определяет только два таинства, крещение и Вечерю Господню; что христиане могут клясться именем Бога и занимать должность судьи; и, наконец, что они должны отложить свои физические занятия по воскресеньям, чтобы иметь досуг для восхваления Бога, проявления милосердия и слушания истин Священного Писания. [468] "Да, это оно, - сказали восхищенные вальденсы, - это учение наших отцов". [469]

Молинес и Даниэль из Валенсии, однако, не считали свое дело проигранным. Не должен ли страх преследований побуждать вальденсов упорствовать в определенном притворстве, рассчитанном на то, чтобы оградить их от любопытных глаз врагов веры? Ничто так не раздражало реформаторов, как лицемерие. "Давайте снимем эту краску, - сказал Кальвин, - которой обезображено Евангелие, и не будем рабски стараться угодить нашим противникам; давайте смело приступим к работе. Если мы допустим компромиссы в некоторых практиках, вся доктрина рухнет, и здание будет разрушено". [470] Фарель думал так же, как Кальвин. Видя эту лазейку для двух варваров, он настаивал на необходимости откровенного признания правды. Члены собрания, мучимые совестью при воспоминании о своем прежнем отступничестве, обязались впредь не принимать участия ни в каких римских суевериях и не признавать своим пастырем ни одного священника папской церкви. "Мы будем совершать наше богослужение, - сказали они, - открыто и прилюдно, чтобы воздать славу Богу". [470]

Два барбэ, которые, без сомнения, были искренни, стали более красноречивыми. Настал момент, который должен был решить будущее. По их мнению, устанавливая новые принципы, они дискредитируют людей, которые до сих пор руководили церквями. Несомненно, было преступлением принимать участие в определенных церемониях с недостойной целью, но было ли это так, когда это делалось с благими целями? Полный разрыв с католической церковью сделал бы существование Вальденсов невозможным или, по крайней мере, спровоцировал бы

враждебные действия, которые заставили бы их полностью замолчать.... Фарель ответил с удивительной энергией, отстаивая права истины. Он показал им, что любой компромисс с ошибкой - это ложь. Чистота учения, которое он исповедовал, его возвышенные мысли, горячая привязанность, выражавшаяся в его голосе, жестах и взгляде, наэлектризовали вальденсов и влили в их души святой огонь, которым горел его собственный. Эти свидетели средневековья вспоминали, как дети Израиля, приняв обычаи людей, чуждых завету Божьему, обильно плакали и восклицали: "*Мы согрешили против Бога!*" [471] Вальденсы чувствовали себя такими же, как они, и желали загладить свои грехи. Они составили краткое признание в 17 статьях в соответствии с принятыми резолюциями, а затем сказали: "Мы единодушно придерживаемся настоящей декларации и молим Бога, чтобы по его великому милосердию ничто не разделяло нас впредь и чтобы, даже будучи разлученными друг с другом, мы всегда оставались едиными в одном духе". Затем они подписали свои имена. [472]

Однако соглашение не было универсальным. Во время шестидневной дискуссии можно было видеть, как несколько варваров и мирян стояли в стороне, в каком-нибудь тенистом месте, с мрачным видом и неловким выражением лица, обсуждая резолюции, предложенные синоду. В тот момент, когда каждый ставил свою подпись под признанием, два лидера отказались от своих подписей и удалились с собрания.

=СТАРИННЫЕ ВАЛЬДЕНСОВСКИЕ РУКОПИСИ.=

Во время обсуждения и даже до него Фарел и Сонье провели несколько бесед и совещаний с Вальденсами, в ходе которых барбес показали свои старые рукописи, дошедшие, по их словам, с двенадцатого века: *Благородный урок*, *Древний катехизис*, *Антихрист*, *Чистилище* и другие. Эти записи датировались 1120 годом н.э., что, вероятно, не оспаривалось Фарелом. Одна строка из "*Благородного урока*", по-видимому, указывает на этот период, когда он был написан. [473] С тех пор, однако, другим произведениям были присвоены более поздние даты, особенно *Антихристу* и даже *Благородному уроку*. В любом случае, однако, эти документы относятся ко времени, предшествовавшему Реформации. [474] Вальденсы с особой гордостью демонстрировали несколько рукописных копий Ветхого и Нового Завета на вульгарном языке. "Эти книги, - сказали они, - были переписаны от руки так давно, что их уже не помнят, и их можно увидеть во многих семьях". Фарел и Сонье получили эти рукописи и с волнением держали их в руках; они перелистывали страницы и, "удивляясь небесной милости, оказанной столь маленькому народу", возблагодарили Господа за то, что Библия никогда не была у них отнята.

На этом они не остановились: Фарел, обращаясь к синоду, объяснил им, что копии, поскольку их немного, могут быть поданы только для нескольких человек: "Ах! - сказал он, - если сейчас в мире так много сект и ересей, так много проблем и неразберихи, то все это происходит от незнания Слова Божьего. Поэтому было бы чрезвычайно необходимо для прославления Бога и благополучия всех христиан, знающих французский язык, и для уничтожения всех доктрин, противоречащих истине, перевести Библию с еврейского и греческого языков на французский". [475]

Ни одно предложение не могло быть более желанным для вальденсов; их существование было обусловлено их любовью к Священному Писанию, и все их трактаты и поэмы прославляли это:

Священные Писания говорят, и мы должны верить.

Посмотрите на Священные Писания от начала до конца. [476]

Так гласил *Благородный урок*. Они "с радостью и добрым сердцем согласились на требование Фарела, прилагая все усилия для выполнения этого обязательства". За это предложение проголосовали с энтузиазмом, и восхищенные реформаторы с волнением и радостью смотрели на этот верный и постоянный народ, которому Бог на столько веков доверил ковчег нового завета и который теперь был вдохновлен новым рвением к служению Ему. [477]

Настал их час расстаться. Иоанн Молинский и Даниил Валансский отправились в Богемию и присоединились к вальденсам этой страны; пасторы вернулись в свои церкви, пастухи - в свои горы, а лорды - в свои замки. Фарель вскочил на своего белого коня, Сонье - на вороного; они пожали руки окружавшим их вальденсам и, спустившись из Ангроня в Ла Тур, попрощались с долинами.

=ВЗГЛЯДЫ ФАРЕЛЯ НА ЖЕНЕВУ.=

Куда им следует обратиться? Какой будет следующая работа, предпринятая Фарелом?... Женева давно занимала его мысли, и, когда он пересекал Альпы, перед ним мысленно предстал этот город с его нуждами и жителями, особенно теми, кто начинал "размышлять об Иисусе Христе". [478] Еще до своего отъезда в Италию Фарель задумал остановиться в Женеве по возвращении и с этим намерением даже получил от милордов Берна несколько рекомендательных писем, адресованных ведущим гугенотам. "Я пойду к ним сейчас, - сказал он, - я поговорю с ними, даже если меня никто не услышит". [479]

Эта идея, которая никогда не покидала его, положила начало Женевской реформации.

[446] Froment, *Gestes de Genève*, p. 2.

[447] Леже, *История. des Eglises Vaudoises*, p. 3.

[448] 'Que Christ es la nostra vita, e verita, e paçs, e justitia, e pastor.' *Confession de Foi des Vaudois*.

[449]"Энайма ло фум вай дерант ло фуок". —*Антихрист*.

[450]"Личная честь духовного и сакраментального служения". —*Антихрист*.

[451]"Эль эйра, ее преследование, ее смерть, смерть члена Христа". — Там же.

[452]"Сеньор Иисус окки аквест преступник". — Там же.

[453]Письмо от OEcColampadius, 13 октября 1530г.

[454] Anno 1170.

[455]"Suis omnibus venditis, officium apostolarum usurpavit". — Стефан де Барбоне, доминиканский монах из Лиона, в 1225 году.

[456] 'Aliqui enim dicunt quod duraverit a tempore Sylvestri, aliqui a tempore apostolorum.'— Reinerius, 1250, *contra Waldenses*, ch. iv.

[457] Скульптет, ii. стр. 294. "Ручат", ii. с. 320.

[458] Латинская статья барбеса, 15-й вопрос. Ручат, ii. с. 324.

[459] 'Nisi per spiritum sanctum reparemur, nihil vel velimus vel agamus boni.'—*Œcolampadii Confessio*, art. 1.

[460] Ознакомьтесь с историями Леже, Перрена, Мустона, Монастье и других.

[461] Анкильон.

[462] Рукопись Шупара. Léger, 2me partie, p. 7, etc. Монастье, i. стр. 167, 201. Kirchhofer, *Farel's Leben*, p. 153.

[463] Письмо от 26 июля 1532 г. Рукопись Шупара.

[464] Жиль, стр. 40. Монастье, i. стр. 201. Из *Апологии переводчика* в начале Библии Оливетана (1535) мы узнаем, что Оливетан не ходил в долины, как некоторые полагали; он говорит о двух заместителях только под псевдонимами *Гильерме Кусемет* (Гийом Фарель) и *Антуан Алмейтс* ([греч. almeutês], солтер, Сонье). Что касается третьего, которого он называет *Ки́фа Хлоротес*, то, если он и обратился к нему с *Апологией*, то не потому, что тот был в Ангроне, а потому, что он присоединился к двум другим, попросившим его взяться за это издание Библии. Этот *Serphas Chlorotes*, очевидно, Питер Вирет ([греч. chlôros], вирены).

[465] "Праздники и всенощные бдения в сани, а также лига справедливости в бениете и др."

[466] Léger, *Confession de Foi des Vaudois*, p. 23, verso; *Traité de l'Antichrist*, p. 75.

[467] Léger, *Briève Confession de Foi* (1532), p. 95.

[468] Léger, *Briève Confession*, p. 95, verso.

[469] Там же.

[470] Жиль, *История церквей Пьемонта*, стр. 30.

[471] Léger, *Hist. Водевили Эглиза*, стр. 35. Ездра, х.; Неемия, ix. х.

[472] Это *признание Брива* находится в библиотеке Кембриджского университета. Léger, p. 95; Muston, *Hist. des Vaudois*, &c.

[473] Бен ха мил е цент анез комплимент; строка 6.

[474] Ознакомьтесь с исследованиями Кембриджской рукописи и немецкими работами Дикхоффа и Зезшвица. Последний автор придерживается мнения, что *Вальденсовский катехизис*, *Антихрист* и другие сочинения относятся к концу пятнадцатого и началу шестнадцатого века. *Катехизисы вальденсов и богемских братьев* (на немецком языке), Эрланген, 1863.

[475] Olivetan's Bible: *Apologie du translateur*.

[476]

"Моя история, и мы никогда не узнаем о девене". — *Благородный лейкон*, л. 19.

"Относительно описания конечного продукта". —Ib. I. 23.

[477] Gilles, Léger; Muston, Monastier.

[478]Том II. стр. 583.

[479] Фроман, *Женевские рассказы*, стр. 6. Шупар и Розет, РУКОПИСЬ.

ГЛАВА VI.

ПЛАНЫ ИМПЕРАТОРА, ГЕРЦОГА САВОЙСКОГО И ЕПИСКОПА ПРОТИВ ЖЕНЕВЫ. (1530-1532 гг.)

КАК раз в то время, когда Евангелие должно было вот-вот войти в Женеву вместе с Фарелем и Сонье, князь-епископ предпринимал новые усилия, чтобы восстановить свою власть. Приближался кризис: необходимо было предпринять решительный шаг. Что будет иметь первенство в церкви — буллы папы римского или Священные Писания Бога? Что будет иметь первенство в государстве — рабство или свобода? Великие державы решили угнетать этот маленький город; но смиренные слуги Божьи собирались войти в него один за другим и, водрузив там знамя Христа, обеспечить победу независимости и Евангелию.

=АУДИЕНЦИЯ БЕЛЬГАРДА У ЧАРЛЬЗА.=

Герцог Савойский, желая нанести смертельный удар Женеве, призвал к сотрудничеству самых могущественных монархов Европы и отправил к Карлу V, заседавшему тогда на аугсбургском сейме, обычного министра своей тирании, человека, которого он нанял для того, чтобы предать смерти Леврье и схватить Бонивара. Как только Бельгард прибыл в Аугсбург (11 сентября 1530 г.), он нанес визит сир де Монфальконе, который в то время исполнял должность великого конюшего Его величества и который "пользовался большим доверием императора, так что от него ничего не скрывалось". [480] Враги, которых герцог имел при императорском дворе, создали очень неблагоприятное впечатление об этом принце; Соответственно, Бельгард назначил пенсию в размере 300 крон конюшему, который заработал их при описываемых нами обстоятельствах, следуя за посланником. инструкции. Последнему не терпелось посвятить императора в планы захвата Женевы, и он попросил Монфальконе спросить своего повелителя, в котором часу тот был бы рад "позволить ему засвидетельствовать свое почтение". "Скажите ему, - сказал Шарль, в руках которого были все дела протестантизма и Германии, - скажите ему, что из-за моих многочисленных обязательств он должен подождать пару дней". Бельгард так и сделал и на третье утро точно явился в покои императора. Сгорая от нетерпения увидеть могущественного монарха, он репетировал то, что должен был рассказать ему о Женеве, когда вместо его Величества увидел Монфальконе, входящего в комнату в одиночестве со следующим сообщением: "Император желает, чтобы я сказал, что в настоящее время вы должны передать только письмо его высочества, а также письмо от его самой грозной супруги; сразу после этого он даст вам аудиенцию". Посол был очень раздосадован задержкой, но, чтобы утешить его, конюший конфиденциально сообщил ему о больших неприятностях, которые доставляют Карлу протестанты Германии. "Уверяю вас, император находится в таком состоянии, - сказал он, - что для него невозможно привести дела империи в сколько-нибудь похожее на разумное

состояние. Поэтому Он оставил советы людей, чтобы обратиться только к Господу. Поскольку *помощь* мира не помогает мне, сказал Его Величество сегодня утром (14 сентября), я надеюсь, что Божественное Провидение придет мне на помощь. Затем император исповедался и удалился в молельню дворца, чтобы принять причастие. Он также распорядился, чтобы предварительные обряды (исповеди, причастия и молитвы) совершались во всех местах, где есть набожные люди".

Пока эти двое разговаривали, Шарль вышел из своей оратории. Г-н де Беллегард отвесил ему низкий поклон, смиренно передал привет от герцога и герцогини и вручил письма. Император, который был занят, велел ему вернуться на следующее утро на его прием. Бельгард не подвел, и Карл принял его с большой добротой. "Сообщите мне новости о здоровье его высочества, - сказал он, - а также о мадам, моей доброй сестре (герцогине Беатрис), и об их сыне, моем племяннике месье". Бельгард ответил на его вопросы, а затем передал императору все сообщения, которые герцог поручил ему. Он надеялся, что император немедленно вступит с ним в разговор о планах, вынашиваемых против Женевы, но этого не произошло. "Я очень рад, - сказал Шарль, - что герцог направил вас ко мне; но, принимая во внимание мои большие обязанности, будьте так добры, составьте мемуары о том, что вы считаете наиболее целесообразным для выполнения дела, которое привело вас сюда, а затем передайте их милорду Грандвелю".

Здесь произошла новая задержка. Ответа министра, учитывая многочисленные должности, которые он занимал, пришлось подождать; тем не менее, Бельгард семь раз разговаривал с Карлом V. "каждый раз предоставляя его величеству небольшую информацию о делах герцога". Но император, хотя и делал вид, что прислушивается к спорам между Женевой и Туринном, часто думал о другом. Он был обеспокоен состоянием империи и не скрывал этого от посланника своего шурина. "Я не имею в виду, - сказал он однажды Бельгарду, - что герцог будет либо отправлен в отставку, либо изгнан; но сейм (Аугсбурга) в полном замешательстве и разрознен. У меня нет больших надежд.... Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз видел, чтобы принцы Германии так бездельничали, изо дня в день откладывая меня, так что я совершенно потерял надежду, и в голове у меня помутилось.... Ах! если бы Богу было угодно, чтобы другие князья придерживались моего мнения.... Христианский мир не был бы в таком замешательстве." Именно эти слова его величеству было приятно употреблять, добавляет Бельгард в своих мемуарах. Он был удивлен ими. Этот человек, который так хорошо знал, как посадить одного из своих противников в тюрьму, а другого - на смерть, был удивлен, что такой могущественный принц, как Карл, не применил столь же простой и оперативный метод. Он рискнул дать императору небольшой совет. Он узнал, что сила протестантов в их союзе. "Сир, - сказал он, - разорвите союзы, как прошлые, так и будущие, которые были заключены в ущерб вам и последствия которых столь опасны". — "В настоящее время, - сказал Карл, - на это нет времени. Сейчас я не могу уменьшить число князей и городов Германии, которые выступают против веры; но я полон решимости не бросать эту работу, и когда я завершу ее, то то, что касается его высочества (обязательно скажите ему), не будет забыто". Таков был план Карла: сначала сокрушить протестантов Германии, а затем гугенотов Женевы. По его мнению, они были столь же опасны для латиноамериканских рас, как и первые для немцев.

=ОТВЕТ ИМПЕРАТОРА.=

Наконец, 6 октября Грандвель, канцлер империи (он был отцом знаменитого кардинала), в сопровождении главнокомандующего ..., [481] имел беседу с Бельгардом и передал ему ответ императора. "Что касается Женевы, его величество считает, что, чтобы избежать опасности, которой герцог всегда боялся и которой избегал, ни одна часть его государства не должна стать швейцарской. Вы должны принять еще больше мер предосторожности, потому что природа кантонов всегда заключается в том, чтобы расширяться и становиться больше, а бунтарство и упрямое упорство господ Женевцев склонят их от отчаяния впасть в эту проклятую ошибку. [482] Это привело бы к потерям и ущербу для герцога и мало к чести императора, учитывая, что Женева - феодальное владение империи. Вот средство, к которому пришел император. Он приказывает герцогу и Женеве представить ему в течение двух месяцев свои титулы, права и привилегии, и тогда его величество примет решение. Что касается прелатов, епископа и каноников, император рекомендует им, и герцогу положить конец их ссорам. Поступив таким образом, герцог избавится от большого груза неприятностей и получит прелатов под свое руководство и в большее послушание ". После нескольких других сообщений канцлер удалился вместе с командующим, и Бельгард немедленно отправил герцогу депешу с сообщением об этом решении.

=ПИСЬМО БЕЛЬГАРДА.=

Вскоре после этого сьер де Беллегард покинул Аугсбург и вернулся в Турин, преисполненный решимости более чем когда-либо убеждать своего хозяина уничтожить независимость и Реформацию в Женеве одним ударом. То, что он увидел в Аугсбурге, и опасности, которыми немецкий протестантизм угрожал верховенству папы и императора, усилили его рвение. У институтов средневековья, по-видимому, не было в то время более фанатичного друга и более ревностного защитника, чем деятельный, умный, преданный и жестокий придворный, казнивший Леврье в замке Бонн. "Милорд, - сказал он герцогу, - подумайте об опасности, которой вы подвергаетесь в этом женевском деле, либо из-за соседей, которые находятся так близко и являются хищными волками, либо из-за того, что мир сейчас мало верит во все качества, здравый смысл и доводы, которые могут быть у человека. Что произойдет, если мы не останемся мастерами в борьбе с этой новой сектой? Какие неприятности, потери и заботы, вы знаете это лучше меня. Они хотят поддерживать ваше хорошее настроение, милорд, но это только к лучшему - поиграть с вами и преуспеть за ваш счет, по эту сторону гор или по ту - фактически везде. У вас в комнате есть документы, подтверждающие, что женевцы платили вам пошлину и субсидии; что они помогали распределять дочерей вашего дома; и, кроме того, что они оказывали помощь вашим предшественникам во время войны, и что в мирное время они апеллировали к ним в своих исках и приговорах.... И что же они теперь натворили? Они лишили вас вида на жительство, они отняли у вас замок на острове, они совершили много несправедливостей в ущерб вашим правам и были виновны в убийствах и других невыносимых злодеяниях.... Хуже того... они присоединяются к *этой порочной секте*, чтобы завершить свое разорение.

=ЕГО ПЛАНЫ ПРОТИВ ЖЕНЕВЫ.=

- Но мы скоро положим всему этому конец, мой господин. К вашим услугам император, от которого зависит все. Осмелятся ли они быть злыми и непокорными в его присутствии?... Во-первых, император заменит их под вашей властью, как это было у вас и ваших предков.... Затем,

за их бунт и совершенные ими преступления, он осудит их на лишение некоторых привилегий — того, что наиболее вредно для вас. Наконец, он построит для вас, для вашего правительства, замок или крепость в городе, в любой части, которая вам понравится, и взыщет с женевцев ежегодный налог на содержание гарнизона. Таким образом, город будет надежно удерживаться в подчинении. Что касается епископов, император прикажет им оказывать вам уважение, принадлежащее священной империи, как ее представителю; он прикажет им повиноваться вам, как самому себе, и восстановит их во всяком повиновении вам ... учитывая также, что *приближается время для их общего преобразования, что вполне разумно*. И если упомянутые жители Женевы не подчинятся (поскольку их может склонить к этому их неразумие), император наложит на них запрет империи как на мятежников, и вы схватите их.... *Вы сделаете их полностью своими подданными, конфисковав все их привилегии и имущество*; и таким образом вы навсегда обоснуетесь в Женеве по праву". [483]

Возможно, мы не стали бы так пространно цитировать слова съера де Беллегарда, если бы документ, из которого они извлечены, не был до сих пор неизвестен. Его утверждения были ложными. Город Женевы никогда не делал подарков герцогам Савойским без специального акта, подтверждающего, что щедрость была спонтанной и не наносила ущерба будущему. Видами был феодем, пожалованный епископом, что делало его владельца должностным лицом последнего. Наконец, герцоги Савойские не были наместниками императора. Но если утверждения Беллегарда относительно прошлого были ложными, то его планы относительно будущего были возмутительными. В Женеве будет построена мощная крепость, горожане будут платить гарнизону, а жестокое рабство заберет их из этой *порочной секты* и навсегда удержит в строгом повиновении под игом их хозяина! Что касается епископов, то они будут вынуждены повиноваться герцогу, тем более что приближается время *их всеобщей реформации*! Таким образом, по-видимому, уже в шестнадцатом веке *разум* (как говорит Бельгард) требовал отмены светской власти церковных князей. Были ли они тогда более развитыми, чем в наши дни? Я думаю, что нет. Эта грубая политика была направлена просто на замену деспотизма епископов деспотизмом князей, как более строгим и действенным. Наконец — и это завершает всю работу — если женевцы окажут сопротивление, они будут побеждены, а вся их власть и имущество конфискованы. Таким образом, заключает сторонник этих революционных мер, права его хозяина будут обеспечены навсегда. Вот чего Женевы должна была ожидать от Савойи; на что ей было надеяться от епископа?

Пьер де ла Бом, возмущенный притязаниями герцога, однажды гордо сказал ему: "Я подчиняюсь только папе". [484] В последнее время он смягчился, по крайней мере внешне, и приближался к Савойе, так что женевцы сказали: "Наш принц примирился с нашим врагом". [485] Теперь мы перенеслись в совершенно иную сферу. Если герцог хотел править силой, епископ хотел прибегнуть к военной хитрости. Женевский пастор был не в том положении, чтобы строить крепость в центре города; именно с помощью переговоров и интриг он хотел сокрушить Реформацию и свободу. Льва сменил змей. Пьер де ла Бом, зная о влиянии, которое Безансон Хьюз имел на своих сограждан, обратился к нему за помощью. В последний год жизни Безансона он написал ему серию писем, которые нам также посчастливилось обнаружить. [486] Епископ и гражданин Женевы уже не были такими хорошими друзьями, как раньше. Первый адресовал много упреков второму, либо потому, что Хьюз был недоволен по политическим мотивам, либо, возможно, потому, что его католицизм немного остыл во время его частых бесед с бернскими реформатами.

=СЕКРЕТАРЬ ЕПИСКОПА В ЖЕНЕВЕ.=

11 апреля 1532 года епископ, находившийся в то время в Арбуа, которому не терпелось восстановить свою былую власть в Женеве, решил начать кампанию и написал Хьюгу: "Безансон, я всегда делал для вас все, что мог; вы видели это по результатам; я не хочу упрекать вас, но я удивлен, что вы так плохо мне отплатили. Если бы вы испытывали ко мне такую же привязанность, какую я предоставил вам, вы бы так хорошо *облаяли* (абойе), что мой авторитет не упал бы до нынешнего уровня, и у меня не было бы хлопот, которые я должен взять на себя, по его восстановлению. Я хорошо знаю, какие отговорки вы можете придумать.... Никто так глух, как тот, кто не услышит. Тем не менее, я верил в вас, и я все еще верю в вашу общеизвестную верность. Так что действуйте, я молюсь, чтобы у меня был повод продолжать это. Через некоторое время я пошлю одного из моих людей в Женеву по делу; остальное вы услышите от него. Я молю Бога, чтобы Он дал тебе, Безансон, все, чего ты желаешь". [487] Десять дней спустя Машар, секретарь епископа, прибыл из Арбуа в Женеву с политической миссией и с другим письмом для Хьюза, которое, либо из-за деликатных вопросов, к которым оно относилось, либо из-за того, что Машар должен был объяснить их устно, довольно неясно. Хьюз поспешил прочитать послание прелата: "Я посылаю своего секретаря, - сказал Де ла Бом, - по определенному делу, о котором я поручил ему сначала сообщить вам. Вы отдадите должное тому, что он говорит от моего имени, как если бы я сказал это сам. Я желаю, чтобы дело, о котором идет речь, хорошо закончилось, чтобы доставить удовольствие принцам, от которых оно исходит (императору и герцогу, без сомнения). Приложите к этому все усилия, чтобы между мной, моими подданными и упомянутыми принцами установились дружеские отношения, что имеет немалое значение для всей республики".

Хьюз не пожелал участвовать в планах, составленных епископом в согласии с принцами, так что, когда Машар вернулся в Арбуа и доложил о случившемся, его хозяин был очень раздосадован. Он жаловался на чрезмерную смелость и странное неповиновение женевцев и с горечью написал бывшему синдику. "Безансон, - сказал он, - новости, которые вы сообщили мне из Берна, являются небольшой компенсацией за наглость и жестокое обращение, которое вы и мои подданные проявляете по отношению к моим офицерам, узурпируя мою юрисдикцию под прикрытием определенных слов, произнесенных вами перед генеральным советом.... Я намерен отстаивать ту же юрисдикцию в противовес вам.... На самом деле я сделал это против более могущественных людей.... Я надеюсь, что вы вернетесь к своим обязанностям и снова станете моими подданными. Это даст мне возможность стать хорошим мастером. В противном случае не доверяйте мне.... Дела не должны оставаться там, где вы их оставили. Сообщите это моим подданным, если понадобится.

=ГНЕВ ЕПИСКОПА.=

Епископ был зол на Женеву, как видно из этого письма — иногда больше, иногда меньше, но всегда беспокойный и взволнованный. Однажды ему рассказали о чем-то, сказанном Хьюзом, что привело его в восторг; вскоре после этого он услышал о чем-то, что сделали женевцы, что усилило его гнев. Примерно 13 мая, когда ему сообщили, что Хьюз проявил к нему очень добрые чувства, прелат был весьма обрадован и написал ему: "Я был проинформирован о вашем намерении повсюду объявлять о том зле, которое мои подданные причиняют мне. Надеюсь, ты докажешь мне добрыми делами, когда я потребую от тебя этого, что ты не человек, владеющий *двумя словами*. Но вскоре до епископа дошли другие вести. Он был полон

беспокойства, страха и боли и дал выход всем эмоциям беспокойной и подозрительной политики. У него случались приступы гнева; он становился опрометчивым, вспыльчивым; затем он внезапно падал в обморок; у него не было ни сил, ни чувств, ни мужества. Однако в целом в нем преобладало негодование. Ни один из его офицеров или каноников (ибо в Арбуа была коллегияльная церковь) не понял его, не утешил и не подбодрил. Он был один ... и вымещал свое волнение в своих покоях или в своих садах. "Я думаю, что ответы моих испытуемых очень странные, - сказал он. - Мне было бы жаль сердиться на них". [488] Несколькими днями позже он писал: "Я весьма поражен.... Кажется, что мои подданные не понимают своего дела.... Если они не исправятся, я буду вынужден действовать по-другому... что мне не понравится.... Мне кажется, что им следовало бы повиноваться своему господину, а не вести себя как принцы.... Это не может длиться долго". [489]

=ПИСЬМО ХЬЮЗУ.=

Но это продолжалось долго. Женева, где они слушали Оливетана, где они повсюду расклеивали плакаты рядом с римским помилованием, "великим всеобщим помилованием" Иисуса Христа, где собор единогласно приказал проповедовать Евангелие "согласно истине, без какой-либо примеси небылиц"; [490]— Женева, что бы ни говорил или ни делал Пьер де ла Бом, отделялась от епископа и папы. 3 сентября (1532 г.) епископ, более раздраженный, чем когда-либо, снова написал Безансону Хьюгу, но с еще большим раздражением. "Я недоволен тем, как мои подданные обращаются со мной изо дня в день, заявляя, что они восстанут против моей власти.... Это будет продолжаться столько, сколько сможет.... Я всегда был долготерпеливым; но сейчас для меня было бы лучше разозлиться.... Если я попытаюсь сделать что-нибудь, от чего женевцы не получат ни удовольствия, ни выгоды... они не должны удивляться.... Конечно, мне не за что благодарить своих слуг или друзей за то, что они так плохо мне служили.... Я думаю, Безансон, что ты желаешь того, что правильно, но я хотел бы увидеть плоды. Люди всегда находят в тебе оправдания.... Они говорят, что я допустил их действия.... Я не понимаю этого *танца*, и я подтверждаю, что я ничего не говорил с таким намерением, от которого да сохранит их Бог.

"Епископ Женевы". [491]

В Женеве сообщили, что епископ был готов пойти на некоторые уступки, что он сказал об этом в частном порядке, и гугеноты воспользовались этим, чтобы утвердить свою независимость. 28 ноября Пьер де ла Бом написал Безансону Хьюзу из Тур де Май: "Безансон, я видел то, что ты написал, касающееся способа действий против моей власти и в ущерб моей церкви. Я знаю, откуда это берется ... за исключением того, что мне всегда давали понять, что, согласно общему мнению, мои подданные были бы гораздо лучше ориентированы и повиновались бы мне лучше, чем они это делали, если бы вы были готовы приложить к этому свои усилия, как вы мне обещали, стремясь обеспечить мир в городе, который терпит наибольшие потери с моей стороны. Что касается того, что вы пишете о моем недовольстве, то единственное сожаление, которое я испытываю по отношению к вам, это то, что вы не захотели сделать то, что обещали. Вознаграждение, которое я тебе назначил, было сделано для того, чтобы ты мог сохранить мои владения в покое, но они больше, чем когда-либо, находятся в состоянии войны. Это полностью ваша вина, если моя юрисдикция по-прежнему не соблюдается. Я пишу вам, чтобы вы могли выполнить свой долг.... Вы доставите мне удовольствие: я не хотел бы, чтобы так много слов

оставалось безрезультатным.... Что касается меня, то я привык делать *что-то энергично.... Я подумаю, каким это должно быть.*'

Таковы угрожающие слова, которыми заканчивается переписка Пьера де ла Бомы с Безансоном Хьюзом. До сих пор все следы этого великого гражданина были потеряны после 26 сентября 1532 года. Если письмо, которое мы только что привели, относится к этому году, этот срок был бы сокращен на два месяца. Должно быть, он умер между 28 ноября 1532 года и 18 февраля 1533 года. [492]

Таким образом, епископ, постоянно поглощенный Женевой, не думал ни о чем, кроме восстановления своей былой власти. Но у независимости этого города были враги еще более грозные. Карл V приказал женевцам изгнать реформацию из своих стен. "Преисполненные беспокойства за здоровье вашей души, - писал он им, - и узнав, что среди вас начинают распространяться определенные новые мнения и секты, [493] мы серьезно призываем вас не допускать их, искоренять их и приступать к этому с величайшим усердием, не допускать, чтобы среди вас преподавали что-либо, что хотя бы противоречило постановлениям и традициям ваших предков; напротив, сохранять с непоколебимым постоянством веру, обряды и церемонии, которые вы получили от своих отцов. Таким образом, вы получите достойную награду от Всемогущего Бога и заслужите от нас всяческую благодарность". Женева не подчинилась приказу могущественного императора. Дела Германии поначалу помешали ему заставить маленький город следовать его суверенным приказам, которым подчинялись даже варварские племена нового света. Но теперь был подписан Нюрнбергский мирный договор; Карл, договорившись с протестантами Германии, мог легко сдержать обещание, данное им своему шурина через Бельгарда, и помочь ему в борьбе с женевскими гугенотами.

=СВОБОДА НА ВИДУ.=

Вероломный убийца Леврье начинал надеяться, что в Женеве удастся основать крепость со рвами и высокими стенами, по бокам которых возвышались башни и бастионы, и сильным гарнизоном из алебардщиков, аркебузирова и артиллеристов, которые будут держать город и страну в полном подчинении под игом их хозяина. Когда Гесслера послали от имени Австрии уничтожить свободы швейцарцев, разве он не построил крепость над Альторфом—Цвинг-Ури, ярмом Ури? и разве свободные дети тех гор не должны были искупить малейшие искры независимости долгим и дорогостоящим заключением в мрачных подземельях? Разве фараон не подал пример в Египте?... Почему бы им не сделать то же самое, чтобы усмирить гугенотов? Крепости, пушки, аркебузы, цепи ... это было то, чего следовало ожидать Женеве. Не прошло и некоторого времени, как женевцы действительно увидели грозную силу, выступившую против них, которой было поручено осуществить планы императора и герцога. Но Божье провидение всегда сохраняло город, и в этот самый момент ему вот-вот должна была быть дана новая сила - залог свободы. Евангелие Сына Божьего вот-вот должно было войти в его стены. Но *тот, кого Сын освободит, воистину будет свободен.*

[480] We have found among the archives at Turin (No. 49, bundle 12) the *Mémoire de M. de Bellegarde au sujet de l'audience qu'il a eue de S.M. Impériale touchant les différends que S. A. avait avec ceux de Genève*. Эта рукопись объемом около 25 страниц снабдила нас подробностями, содержащимися в тексте.

[481] Название в рукописи неразборчиво, но похоже на *Conmes*.

[482]Здесь имеется в виду Реформация или союз со Швейцарией? вероятно, и то, и другое.

[483] СР. *Мемуары Бельгарда*, Архив Турина.

[484]Архивы Турина, № 19, пачка 12.

[485]Там же. 12-я категория, связка 3.

[486]Там же. 12-я категория, комплект 4. Почерк почти такой же неразборчивый, как и в мемуарах Беллегарда.

[487] Архивы Турина.

[488]Письмо датировано кануном Пятидесятницы.

[489] Датировано 1 июля.

[490]Том II. книга III. глава xv. стр. 615-634.

[491]Архивы Турина.

[492] В документе в Базеле под последней датой упоминается *покойный* (feu) Безансон Хьюз. Галифф, Хьюз, стр. 459.

[493] 'Novas quasdam opiniones et sectas apud vos pullulare cœpisse.'—Turin Archives. Мы нашли это письмо, которое, по-видимому, до сих пор было неизвестным, в национальном архиве в Турине. Женева, пачка 12, № 47.

ГЛАВА VII.

РЕФОРМАТОРЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕФОРМАЦИИ ВЪЕЗЖАЮТ В ЖЕНЕВУ.

(Октябрь 1532 г.)

В один прекрасный осенний день (2 октября) Фарель и Сонье, "завершив свое путешествие по Пьемонту", достигли тех прекрасных окрестностей, где Альпы и Юра, сближаясь друг с другом, образуют богатую долину, посреди которой спокойно спят чистые воды лазурного озера. Вскоре они различили три старые башни Женевского собора, возвышающиеся высоко над домами. Они подстегнули своих лошадей, скорость которых была снижена из-за усталости, и въехали в город гугенотов. Их направили в Тур Персе, [494] который они нашли на улице, расположенной на левом берегу Роны и носящей его название. Они остановились перед гостиницей, слезли с лошадей, поговорили с хозяином и разместились под его крышей.

=ФАРЕЛ КОНСУЛЬТИРУЕТСЯ С ОЛИВЕТАНОМ.=

Одной из первых их мыслей после отдыха было сообщить Роберту Оливетану о своем прибытии. Двоюродный брат Кальвина, который все еще был наставником детей Жана Шот-Ампа, поспешил к ним, обрадованный приездом своих братьев. Фарель хотел посоветоваться с ним о наилучших способах распространения знаний о Евангелии в Женеве; но во время путешествия его занимала и другая идея. Зная, насколько хорошо Оливетан владеет греческим и ивритом, он

обратил внимание на него, чтобы тот сделал перевод Библии, который принял решение вальденсийский синод. Когда Фарел поговорил с ним об этом, Оливетан в тревоге воскликнул: "Я не могу принять такое поручение, учитывая большую трудность работы и мою собственную слабость". [495] Фарел не признал этого оправдания и продолжал упрашивать своего друга, который не уступал. "Вы могли бы сами справиться с этой работой гораздо лучше", - сказал он путешественникам. Но Фарел верил, что Бог дает каждому человеку призвание, к которому Он его подготовил, и что Оливетан был ученым, в то время как он был евангелистом. "Бог не дал мне досуга, - сказал Фарел, - Он призывает меня к другой работе. Он желает, чтобы я посеял чистое семя Слова на Его поле, поливал его и сделал так, чтобы оно расцвело, как Эдемский сад". [496] Однако он оставил эту тему, чтобы поговорить с Оливетаном о евангелизации Женевы.

Наставник Шантана, который так часто опускался под тяжестью своей задачи и так искренне призывал к более сильной руке, смотрел на Фарела как на человека, посланного с небес. Но с чего начать? Евангелист из Орбе достал из кармана письма, которые ему дали в Берне для некоторых главных гугенотов. Оливетан увидел, что дверь для Евангелия открывается, и, не теряя времени, двое друзей вышли, чтобы доставить письма по своим адресам. Оливетан дал Фарелу необходимую информацию и объяснил ему, что, хотя некоторые из тех, кому его представили, склонялись на сторону Евангелия, большинство довольствовались тем, что отбросили римские суеверия, и были просто истинными патриотами.

Гугеноты, вскрыв письма, которые предъявил Фарель, обнаружили, что предъявителем их был Уильям Фарель, проповедник Евангелия, и что их бернские друзья пригласили их послушать его выступление. Это была отличная новость. Ни одно имя не было более известным, чем Фарель, в районах, омываемых озерами Женевы, Мората, Бьенна и Невшателя. Гугеноты, обрадованные его появлением, внимательно смотрели на него, и некоторые из них размышляли о таком неожиданном происшествии, которое религиозные и политические мотивы придавали им наибольшее значение. Друзья Реформации часто говорили им, что независимость Женевы никогда не будет обеспечена до тех пор, пока власть епископа и папы не уступит место власти Евангелия, и теперь Евангелие стучится в их двери в лице Фареля. Разве не он наполнил Эгль, Морат, Невшатель, Валанжен, Орбе и Внука евангельским учением? Политические деятели надеялись, что по его голосу падет светское господство церкви и призраки средневековья, которые все еще окружали свободу, в тревоге разбегутся по отдаленным убежищам.

Религиозные люди, которые находили удовольствие в словах Ам Туна, Оливетана и особенно в Евангелии, ожидали, что этот великий проповедник заставит светнебес засиять в их сердцах. Поэтому все выразили готовность выслушать его, [497] и Фарел, сказав, что будет рад видеть их в своей гостинице, отклонялся.

=ГУГЕНОТЫ ИДУТ ПОСЛУШАТЬ ФАРЕЛЯ.=

Весть о прибытии реформатора мгновенно распространилась по городу. [498] "Давайте пойдем и послушаем его, - сказали гугеноты. - это человек, которого они называют *бичом мелких священников*". [499] Но монахини, фанатики и монахи были полны гнева. "Жалкий маленький проповедник, - сказали сестры Сент-Клер. - некто мастер Уильям, уроженец Гэпа в Дофини, только что прибыл в город". [500] Все готовились к завтрашнему дню.

Утром 3 октября самые знатные из гугенотов покинули свои дома, чтобы отправиться в Тур-Персе. Они шли поодиночке, самое большее вдвоем или втроем, с некоторым страхом. Можно было видеть, как в гостиницу один за другим входили следующие лица: любезный и деятельный

Ами Порраль, один из лучших синдиков года; Бодишон де ла Мезон Нев, который хвастался "Великим Божьим попусшением"; синдик Робер Вандель и его брат Пьер — все они были близкими знакомыми епископа; Клод Розе, государственный секретарь на следующий год и отец хрониста; синдик Клод Савой, один из самых ревностных защитников независимости; Жан Шот, покровитель Оливетана; Доминик Арлод, впоследствии синдик; Стивен Дада, происходивший из знатной миланской семьи и носивший правильное имя д'Адда, из города с таким названием; Клод Саломон, друг бедных и больным; Клод Бернар; Жан Гулаз, сорвавший со столпа собора афишу о римском юбилее; Жан Сурд, Клод Женевский и, наконец, энергичная Ами Перрен, которая несколько раз была синдиком, генерал-капитаном и послом Республики в Париже, проявила много сначала она проявляла рвение к Реформации, но впоследствии подверглась суровым упрекам. [501] Эти граждане, составлявшие *эли́ту* Женевы, вместе с несколькими другими менее выдающимися людьми прибыли в дом реформаторов. Хозяин "Тур Персе" провел их в отдельную комнату, где они нашли Фарела и Сонье. Начался разговор.

=ОН ПОКАЗЫВАЕТ ИМ ИХ НЕДОСТАТКИ.=

Оба евангелиста были полны уважения к людям, которые с таким мужеством боролись за независимость и свободу против могущественных врагов. Однако они не замедлили заметить, что если в политическом плане они придерживались самых возвышенных чувств, то в религиозном плане в них были большие недостатки. Гугеноты не хотели ни папы, ни священников; но это было из-за тирании одних и распущенного поведения других; [502] что касается истинного учения Евангелия и необходимости нравственного преобразования самих себя, то они не беспокоились об этом. В их религиозной системе также был огромный пробел. Прежде чем они смогли стать хорошими протестантами и морально сильными людьми, друзьями порядка и свободы одновременно, этот пробел должен быть заполнен. Они сами почувствовали это и сказали Фарелу, что ничего так не желают, как получить наставления. Хозяин принес для них несколько скамеек и табуретов, а затем Фарел, усадив Сонье рядом с собой, занял свое место перед маленьким столиком. Он положил на него Библию и начал говорить из Слова Божьего. Столь избранная аудитория, столь важная возможность для провозглашения Евангелия, возможно, никогда не предоставлялись реформатору. Перед ним были самые первые поборники современной свободы. Эти люди признали ошибки государства, теперь он должен показать им ошибки церкви; они должны усвоить, что если человек может избавиться от деспотизма в земных вещах, то еще более законно избавиться от него в небесных.

Фарель взялся за эту задачу; он показал гугенотам из Священного Писания, "что до сих пор их священники злоупотребляли ими; что последние забавляли их глупыми историями, которые не имели под собой никакого основания, и, кроме того, что эти мошенники (*обидчики*) соблазняли их, если они считали это необходимым, лестью и давали волю их похотям". Он добавил, что ни соборы, ни папы не научат их познавать Иисуса Христа, а только Священное Писание; и призвал их отказаться от ошибок и злоупотреблений, опасность и абсурдность которых он насильно доказывал. указал им на это. Гугеноты внимательно слушали его. "У них не было большого чувства, знания или страха Божьего, но они уже стремились к религии, принятой в Берне", - говорится в рукописи XVII века. "И Бог, видя, что его женевский народ пребывает в безопасности, и желая усилием своего милосердия показать им божественную сладость своего милосердия, воодушевил мужество своих слуг, Фареля и Сонье". [503] Простое движение, которым Фарел, отбросив все святоотеческие, синодальные, схоластические и папские

традиции, благоговейно повернулся к источнику и испил из Слова Божьего ту веру, которую он проповедовал, особенно поразило его слушателей. Они встали, поблагодарили его и вышли из комнаты, сказав на прощание, что им кажется правильным заменить учение папы Священным Писанием. Это был принцип огромной трансформации. Реформация сделала свой первый шаг в Женеве, когда были расклеены плакаты о "всеобщем помиловании" Божьим: теперь она сделала второй шаг. [504]

"В городе произошла большая сенсация", - сказал Фромант. Некоторые из слушателей, вернувшись к своим семьям или друзьям, поразили их, сказав, что отныне их учителем не должен быть ни г-н Ла Бом, ни г-н Медичи, ни даже г-н Святой Петр, "но только Господь Иисус Христос". Еще большее изумление вызвало в политических и церковных кругах. До сих пор им приходилось иметь дело только с героями либеральной эмансипации; теперь они находились в присутствии поборников религиозного движения. "Когда об этом стало известно совету, каноникам и священникам города, они внезапно встревожились". [505] Монахи были либо поражены, либо очень разгневаны, в то время как монахини Сент-Клер были весьма встревожены "этим несчастным проповедником, который начал говорить тайно в своих покоях, в комнате, стремясь заразить людей своей ересью". [506] Все они предвидели, что этот поступок будет иметь неисчислимы и фатальные последствия.

=ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ ФАРЕЛА.=

Вскоре состоялась вторая встреча. Многие из тех, кто не присутствовал на первом, пожелали присутствовать на этом мероприятии; и из города, Молара и моста через Рону многие горожане направились к Тур-Персе. Среди них не было женщин, но мужчины заполнили каждый уголок комнаты, стремясь услышать Евангелие. Поскольку в прошлый раз Фарель особенно много говорил о Священном Писании, теперь он обратился к гугенотам с вопросом о живой благодати. Он показал им, что спасает не прощение Церкви, а прощение Бога. Те прелаты и мастера, которые, напыщенные великолепными титулами, постоянно рекомендовали благочестивые дела, строили храм Божий (по его словам) из соломы и соломы, вместо того чтобы собирать живые камни, о которых говорит Священное Писание. Он утверждал, что, когда священники так много говорили о покаянии, обетах, мессах, постах, записках, истязаниях, бичеваниях, индульгенциях, паломничествах, воззваниях к Пресвятой Деве и святым, они едва ли оставили Иисусу Христу сотую часть работы по искуплению. Фарел и Сонье настойчиво повторяли, что прощение полностью принадлежит Спасителю, а не только частично, "и те, кто слышал его, получили огромное удовольствие". Уходя, некоторые размышляли над услышанным, и этот безмолвный разговор души со своим Богом начался в тихих комнатах многих домов. "Таким образом, значительное число женеvцев получили знание Евангелия". [507] Некоторые из них — Бодишон де ла Мезон-Нев и Клод Саломон среди прочих — искренне умоляли Фареля приехать и объяснить Священные Писания в их собственных домах.

Эта вторая встреча значительно усилила тревогу в католическом лагере, и волнение было особенно велико среди женщин, которые в то время были главной опорой папства в Женеве. "Ни у кого из них, - сказал один реформатор, - нет ни малейшего желания узнать истину, настолько они запятнаны дыханием, учением, жизнью и разговорами своих священников. Между ними существует большая близость; одни - их братья, другие - друзья, соседи, сплетники.... Я пока больше ничего не скажу, - добавил он, - чтобы спасти честь дам". [508] Священники сказали своим прихожанкам, что, если они не выгонят этих неверующих, все

пропало. Поэтому женевские дамы умоляли своих мужей и братьев изгнать проповедников-еретиков. Несколько горожан, которых мало заботила Реформация, увлеклись своими женами и, отправившись в Турне разгоряченные, потребовали, чтобы Фарель и Сонье немедленно покинули Женеву, если они не хотят, чтобы их выгнали насильно. "Если мы не можем подтвердить то, что говорим, - отвечали реформаторы, - мы приносим себя в жертву смерти". [509] Имея Бога источником своей веры, они были спокойны посреди бурь. [510]

Таким образом, несмотря на все усилия мужей, которых подталкивали их жены, и жен, которых подталкивали священники, Фарел остался. В то время в Женеве царило сильное волнение: каноники, настоятели, монахи и викарии бегали взад и вперед, разговаривая друг с другом, "и, держа совет, спрашивали, что им делать с этими людьми". [511]

=ФАРЭЛ ПЕРЕД ГОРОДСКИМ СОВЕТОМ.=

Магистраты, заметив переполох, вызванный прибытием Фарела и Сонье в город, вызвали их предстать перед судом и встретились, чтобы посоветоваться, что следует сказать и сделать с ними. Совет не принял решения ни за, ни против Реформации, и многие члены пришли в ратушу, не зная четко, что им следует делать. Бывший синдик Балард, который тогда исполнял функции видама, ревностного католика, которого Фроман называет (вероятно, с некоторым преувеличением) "главным слугой священников", был за немедленные репрессии, и некоторые были готовы проголосовать вместе с ним. Большинство, состоявшее из людей умеренных взглядов, не имело желания оскорблять каноников и священников, но еще больше боялось оскорбить Берна. Уильям Хьюз, премьер-синдик и брат Безансона, был весьма благосклонен к реформаторам. Лишь небольшое число убежденных гугенотов были убеждены, что только новая доктрина может освободить их от пререканий епископов и герцогов. Фарела и Сонье отвели в ратушу и препроводили в зал совета. Когда они вошли, все с любопытством посмотрели на этого человека с пронизательным взглядом и рыжей бородой, который поджигал всю страну от Альп до Юры. Один из магистратов, наиболее преданных Церкви, грубо обращаясь к Фарелу, сказал: "Значит, это вы только и делаете, что тревожите мир; это ваш язык повсюду сеет смуту и трубит о восстании. Вы назойливый человек, пришедший сюда только для того, чтобы сеять раздор. Мы приказываем вам немедленно покинуть город." Гневные взгляды некоторых членов совета были в то же время обращены на Фареля, которого считали бичом священников и "по этой причине они ненавидели в высшей степени". [512] Реформатор сдержался и ответил: "Я не обманщик, я не трубач мятежа; я просто провозглашаю истину. [513] Я готов доказать на основании Слова Божьего, что мое учение истинно, и, - добавил он дрожащим от волнения голосом, - не только пожертвовать своим спокойствием, но и пролить за это последнюю каплю своей крови".

Благородная простота реформатора тронула членов совета и дала гугенотам достаточные основания взяться за его защиту. Судьи Фарела, по-видимому, смягчились от его умеренности. Затем, вспомнив, что святой Павел при аналогичных обстоятельствах ссылался на уважаемое имя императорского Рима, евангелист решил последовать его примеру. "Высокопочтимые лорды, - сказал он, - разве вы не союзники и сограждане Берна? Знайте же, что милорды Берна, которые всем сердцем желают распространять Евангелие, передали мне письма, в которых они свидетельствуют о моей невинности и доктрине и умоляют вас мирно послушать мою проповедь, заверяя вас, что, поступая так, вы доставите им удовольствие". В то же время Фарель предъявил верительные грамоты, которыми его снабдили их превосходительства. Синдикаты

забрали письмо. "Если вы неслыханно осудите меня, - продолжал Фарел, - вы оскорбляете Бога, а также, как видите, милордов Берна". Последнее заявление сильно тронуло магистратов Женевы; и, соответственно, изменившись в лице, они мягко уволили Фареля и Сонье, не налагая на них никакого наказания, а лишь умоляя их не нарушать общественного спокойствия новыми доктринами. Оба министра покинули зал совета. [514]

=ОБСУЖДЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА.=

Тем временем проходил епископальный совет, и юристы, каноники и священники собирались в доме главного викария. Монсеньор де Гинген, аббат Бонмона, размышлял о том, что следует предпринять. Реформация и реформаторы, о которых так много говорили последние пятнадцать лет, наконец-то были в Женеве. Скала, так долго висевшая над их головами, наконец отделилась от горы и грозила все разрушить. Что же было делать? В городе царило еще большее смятение, чем в доме великого викария. Толпа, привлеченная призывом Фареля и Сонье предстать перед советом, "рассеялась взад и вперед по улицам", а священники прошеествовали по городу, "неся оружие под одеждами". [515] Реформаторам было нелегко добраться до своих жилищ.

Епископальный совет продлил свои заседания. Монсеньор де Бонмон, искренний, но умеренный и либеральный католик, чувствовал себя не в своей тарелке. Видя вокруг себя разгневанные лица и сверкающие глаза, он понял, что необходимо действовать осторожно и в соответствии с правосудием. Некоторые из присутствующих были разгневаны, ибо в их глазах умеренность де Гингена была вопиющей изменой. По их мнению, необходимо было немедленно преследовать в судебном порядке не только иностранных проповедников, но и "всех, кто приглашал их в свои дома (как, например, Мезон-Нев) для беседы о Евангелии, желал жить иначе, чем тому учили их предки, пасторы и епископы". Преподобнейший викарий заявил, что люди не могут быть осуждены, не будучи выслушанными, что они должны вызвать этих незнакомцев к себе, потребовать от них объяснить свое учение, и тогда они будут осуждены на основании полного знания фактов. Это встревожило совет, и дом Стивен Пиар, проктор капитула, нахмурившись воскликнул: [516] "Если мы будем спорить, всем нашим обязанностям конец". [517] Он настаивал на том, что "обсуждать богословские вопросы - значит пренебрегать авторитетом церкви; что мы должны верить, потому что так сказал Рим; что эти люди с их Библиями были хитрыми духами и опасными противниками ... и что авторитет капитула был бы низвергнут, если бы они допустили какой-либо спор".

=ЗАГОВОР ПРОТИВ ФАРЕЛА.=

Дом Стефан пользовался определенным авторитетом; ассамблея уже собиралась отказаться слушать Фарела, когда этому воспротивились некоторые члены, наиболее известные своим фанатичным рвением. В шестнадцатом веке не только юристы считали своим долгом приговаривать еретиков к смерти, но и набожные люди, как миряне, так и священники, считали, что, предавая их смерти, они поступают угоднобогу. По-видимому, эти последние люди решились на эту достойную внимания работу. "Обдумав убийство Фареля и его спутницы, - говорится в рукописи, - они сочли, что лучшим способом заставить их прийти было бы дать им понять, что они желают с ними побеседовать". Благочестивая сестра Жанна де Жюсси подтверждает это утверждение. [518] Заговорщики внесли предложение вызвать Фарела. Ему никогда больше не суждено было выйти из дома главного викария, но прежде всего ему было необходимо войти в него. Машару, секретарю епископа, было поручено вызвать Фареля и

Сонье, а также Оливетана "для публичного отречения или объяснения перед епископальным советом того, что они проповедовали в гостинице".

Вскоре кое-что стало известно о заговоре этих фанатичных священнослужителей, и гугеноты, входившие в состав небольшого совета, собравшегося в тот момент в ратуше, заявили своим коллегам, что у священников не было другой цели, кроме как заманить министров в ловушку. Соответственно, два главных судьи, Хьюз и Балар, сопровождали Машара в Тур-Персе, чтобы дать гарантию Фарелу и его друзьям. Некоторые люди подозревали Баларда в желании втянуть Фарела и Сонье в неприятности. "Нет ничего более пагубного для Женевы, чем разделение", - сказал он; "Я бы хотел, чтобы те, кто нам мешает, убирались подальше от нас". Но он не был ни трусом, ни предателем; он был полон решимости изгнать реформаторов из Женевы, но защитить их жизни". [519] По прибытии в гостиницу секретарь епископа сообщил евангелистам, что епископальный совет предложил им отказаться от доктрин, которым они учили, и присутствие Бальяра и Хьюза придавало вес просьбе. Фарель ответил: "Мы подтверждаем эти доктрины самым решительным из возможных способов и снова предлагаем умереть, если не сможем доказать их на основании Священного Писания". "В таком случае, - продолжил Машар, - предстаньте перед епископальным советом, чтобы обсудить со священниками, и подтвердите то, что вы сказали". "Вам не причинят вреда, - сказали главный синдик и видаме, - мы даем в этом наше слово". Фарель и Сонье, обрадованные возможностью провозгласить Евангелие, отправились в путь в сопровождении Оливетана. Они были спокойны и полны радости, несомненно, не ожидая того, что их ожидало, но, тем не менее, готовые расстаться со своими жизнями.

[494] Tour Percée. Вывеска этой гостиницы существовала до недавнего времени; в башне была дыра.

[495] Olivetan's Bible, *Apologie du translateur*.

[496] Там же.

[497] Froment, *Gestes de Genève*, p. 3.

[498] "Просачивающийся слух о приключениях Фарелли".—Спанхайм, *Женевский институт*, стр. 43.

[499] 'Sacrificulorum flagellum.'—Ibid.

[500] La Sœur J. de Jussie, *le Levain du Calvinisme*, p. 46. Choupard MSS.; Roset MSS. liv. III. ch. 1.

[501] Froment, *Gestes*, p. 4. Galiffe, *Notices généalogiques*, &c.

[502] 'Cives multi non inviti, etsi nunc nullo, non tam pietatis cura, quam Romanæ tyrannidis odium movebat.'—MS. of Benedict Turretini, entitled *Initium et progressus Reformationis quæ facta est Genevæ*, in the Berne Library, MS. *Hist. Справка*. v. c. 125.

[503] *История. де ла Реф. де Женевьева*, госпожа из Бадоле, регент Женевского колледжа в семнадцатом веке. Бернская библиотека, *История. Helv.* v. стр. 125.

[504] Фроман, *Гестес*, стр. 5. Готье Г-жа Спон I. стр. 467. Рукопись Розера и Шупара.

[505] Froment, *Gestes de Genève*, p. 3.

- [506] La Sœur de Jussie, *le Levain du Calvinisme*, p. 46.
- [507] Шупар МИСС
- [508] Froment, *Gestes*, p. 4.
- [509] Там же. Шупар г-жа
- [510] Кельвин.
- [511] Шупар МИСС
- [512] "Ручат", III. с. 177.
- [513] 'Se non seditionis tubam sed veritatis præconem esse.'—Spanheim, *Geneva restituta*, p. 43.
- [514] Шупар, г-жа Спанхайм, *Женевская реститута*, стр. 43.
- [515] Froment, *Gestes de Genève*, p. 4.
- [516] 'Supercilio adducto.'—Спанхайм, *Женевский институт*, стр. 44.
- [517] "Si disputetur, totum ministerium nostrum destruetur". —Фроман, *"Вести Женевы"*, стр. 5. Об этом сообщается по-другому: Фроман и Шупар дают *ministerium*: Розет и Спанхайм *mysterium*. Я предпочел первое, как лучшее чтение.
- [518] Шупар ср. La Sœur J. de Jussie, *le Levain du Calvinisme*, p. 47.
- [519] *Mém. d'Archéologie de la Soc. d'Hist. de Genève*, x. p. cviii.

ГЛАВА VIII.

РЕФОРМАТОРЫ ИЗГНАНЫ ИЗ ЖЕНЕВЫ.

(Октябрь 1532 г.)

=ФАРЭЛ ПЕРЕД ЕПИСКОПАЛЬНЫМ СОБОРОМ.=

В то время как верхняя палата духовенства заседала в доме генерального викария, нижняя палата собралась на улицах. Вооруженные викарии и капелланы наблюдали за происходящим, и когда они увидели, что премьер-синдик с бывшим синдиком Балардом и секретарем епископа входят в гостиницу, они догадались, что собираются провести Фарела перед епископальным советом, и немедленно сообщили об этом своим последователям, женщинам и простым людям. Когда трое реформаторов в сопровождении трех женевцев вышли, перед зданием Тур-Персе уже собралась небольшая толпа. Число людей увеличивалось по мере того, как они продвигались по улицам, ведущим от берегов Роны к вершине холма; но население и женщины довольствовались угрозами и глумлением над реформаторами, выкрикивая так громко, как только могли: "Посмотрите на собак, посмотрите на собак". [520] Благодаря присутствию магистратов трое реформаторов целыми и невредимыми прибыли на улицу Шануан и вошли в дом епископского викария. Поскольку те, кто был внутри, так же как и те, кто был снаружи,

одинаково поклялись в смерти Фарела, ему казалось невозможным сбежать. Трем евангелистам пришлось подождать некоторое время; фактически синдики опередили их и потребовали от епископального совета, чтобы служителям не было причинено никакого вреда, если они свободно объяснят свои доктрины. Когда это обязательство было принято, были вызваны Фарел, Сонье и Оливетан, а два магистрата остались в собрании для обеспечения порядка.

=ИНВЕКТИВЫ ВЕЙГИ.=

Председательствовал аббат-викарий Бонмона; справа и слева от него сидели каноники, помощники епископа и первосвященники, все в своих священнических одеждах. Миссионер, просто, но прилично одетый, вышел вперед в сопровождении двух своих друзей, и все трое остались стоять перед собранием. Чиновнику, мессиру де Вейги, ученому и красноречивому человеку, было приказано говорить. "Уильям Фарел, - сказал он, - скажи мне, кто тебя послал, по какой причине ты пришел сюда и в силу какого авторитета ты говоришь?" По мнению Вейги, проповедника должно было прислать какое-нибудь римское церковное ведомство. Фарел просто ответил: "Я послан Богом, и я пришел возвестить его слово". "Бедняга!" - воскликнули священники, пожимая плечами. Чиновник продолжил: "Вы говорите, Бог послал вас; как это? Можете ли вы показать каким-либо явным знаком, что вы пришли во имя Его? Как Моисей перед фараоном, докажешь ли ты нам чудесами, что ты действительно пришел от Бога? Если ты не можешь, тогда покажи нам лицензию нашего преподобнейшего прелата, епископа Женевского. Проповедник еще никогда не проповедовал в своей епархии без разрешения.

Здесь чиновник сделал паузу, а затем, презрительно оглядев реформатора с головы до ног, сказал: "Вы не носите одежду, обычную для тех, кто привык возвещать нам Слово Божье.... Ты одет как солдат или разбойник.... Как это у тебя хватает смелости проповедовать? Разве декретом святой церкви мирянам не запрещено проповедовать публично под страхом отлучения от церкви? Это содержится в декретах нашей святой матери-церкви....

Следовательно, ты обманщик и плохой человек". [521] Фарел считал своим долгом возвещать Слово Божье, потому что Иисус Христос сказал: *проповедуй Евангелие всему творению*. Он считал, что истинными преемниками апостолов были те, кто соответствовал порядку Христа, и что (как говорит Кальвин) "папа Римский и все его племя не претендовали на то апостольское преемство, на которое они претендовали, поскольку их больше не заботило учение Христа".

[522] Духовенство, в присутствии которого он стоял, не дало ему времени высказаться. Наконец-то перед ними был ужасный еретик, о котором они говорили столько лет. Слова чиновника еще больше разожгли их страсти; они больше не могли сдерживаться. Бледные от гнева, они дрожали и топали ногами, когда садились. Наконец мина взорвалась; они заговорили все разом, осыпая реформатора оскорблениями. Возбуждение захватило их; они вскочили со своих мест, бросились к нему и, дергая его то в одну сторону, то в другую, восклицали: "Ну же, Фарел, ты, злобный дьявол, какое тебе дело расхаживать взад-вперед, тревожа весь мир?"... Вы крещены? Где вы родились? Откуда вы родом? Почему вы пришли сюда? Расскажите нам, чьим авторитетом вы проповедуете? Не ты ли тот человек, который распространял ересь Лютера в Эгле и Невшателе и поверг всю страну в смятение? Кто послал тебя в этот город?' Шум и суматоха не позволяли ни Фарелу, ни великому викарию заговорить; было слышно, как бряцало оружие, которое некоторые священники носили под своими рясами. Фарел оставался неподвижным и безмолвным посреди этого бушующего моря. Наконец мессиру де Бонмону

удалось вмешаться, он заставил своих коллег вернуться на свои места, и воцарилась тишина. [523] Тогда реформатор, благородно подняв голову, сказал с великой простотой: "Милорды, я не дьявол. Я был крещен во имя Отца, Сына и Святого Духа, и если я путешествую туда и обратно, то только для того, чтобы проповедовать Иисуса Христа — Иисуса Христа распятого, умершего за наши грехи и воскресшего вновь для нашего оправдания, чтобы всякий верующий в Него имел жизнь вечную. Как посланник Иисуса Христа, я вынужден учить Ему всех, кто желает меня слышать. Однако у меня нет другого права говорить, кроме того, которое заповедь Божья дает мне, Его слуге. Моя единственная цель - исполнить свой долг, чтобы весь мир мог получить спасение, и именно по этой причине, и ни по какой другой, я пришел в этот город. Поскольку я предстал перед вами, чтобы рассказать о своей вере, я готов сделать это не только в этот момент, но и столько раз, сколько вам заблагорассудится, чтобы мирно выслушать меня. То, что я проповедовал и продолжаю проповедовать, является чистой истиной, а не ересью, и я буду поддерживать это даже до смерти. Что касается того, что ты говоришь о том, что я беспокою землю и этот город в частности, я отвечу, как Илия Ахаву: *я не беспокоил Израиль, но тебя и дом твоего отца*. Да, это вы и ваши близкие беспокоите мир своими традициями, вашими человеческими изобретениями и вашей распутной жизнью". [524]

=УГРОЗЫ В АДРЕС ФАРЕЛА.=

Священники, пораженные спокойным, простым, свободным и одухотворенным языком реформатора, до сих пор слушали его молча, но в тот момент, когда они услышали, как он говорит об их человеческих изобретениях и неправильной жизни, его слова были подобны кинжалам и тревожили их порочную совесть. Можно было бы сказать, что адские божества (это выражение реформатора) витали вокруг них и не давали им покоя. "Они устремили свои горящие взоры на Фареля; они заскрежетали зубами", - говорится в рукописи; и один из них, придя в ярость, сказал: "Богохульство, non amplius indigemus testibus. Reus est mortis." [525] Это послужило сигналом к сцене, еще более жестокой, чем предыдущая. Все снова поднялись, одни, движимые насилием и гордыней, другие, полагая, что поддерживают дело религии, и воскликнули: "К Роне, к Роне! убейте его, убейте! Этому негодяю-лютерану лучше умереть, чем позволить ему беспокоить весь народ". [526] Эти слова, хотя и не были теми, которые первосвященник произнес против Христа, были очень похожи на них. Фарел был поражен сходством. "Говорите слова Бога, а не Каиафы", - воскликнул он. При этих словах разъяренные священники больше не могли сдерживаться. Они все вместе вскочили и закричали: "Убейте его, убейте лютеранскую собаку!" Дом Бержери, проктор капитула, еще более взволнованный, чем остальные, подгонял их, восклицая на своем савойском диалекте: *Тапа, тапа!* (что, добавляет Фромант, означает "Бей, бей!") Приговор был немедленно приведен в исполнение; они окружили трех реформаторов; одни схватили Фареля, другие Сонье, третьи Оливетана. Они оскорбляли их, били, плевали им в лица и издавали всевозможные крики, так что это было похоже на столпотворение. Посреди всего этого переполоха Фарел и его спутники "сохранили терпение и умеренность". Аббат Бонмонта, синдики Хьюз и Балард и даже несколько священников, устыдившись такой сцены, попытались положить ей конец. "Это нехорошо сделано, - сказал аббат, - разве мы не дали им наше слово и честь?" - наконец вспылil синдик Хьюз, справедливый, расторопный и энергичный человек, недовольный поведением духовенства. "Вы злые люди, - сказал он. - мы привели к вам этих людей по вашему обещанию, что им не будет причинено никакого вреда, а вы хотите избить их у нас на глазах.... Я пойду и позвоню в большой колокол, созывая генеральный совет. Решать будет собравшийся народ. Хьюз выходил из комнаты, чтобы пойти и привести свою угрозу в исполнение, когда Балард,

другой судья, желая предотвратить все, что могло бы скомпрометировать дело Рима, попытался успокоить его. Однако угроза синдика возымела свое действие; священники, встревоженные мыслью об общем собрании граждан и опасаясь, как бы оно не объявило об их изгнании из Женевы, вернулись на свои места, несколько пристыженные собой. Аббат, воспользовавшись этим новым затишьем, пожелал, чтобы Фарел и его друзья удалились, чтобы епископальный совет мог принять решение. Фарел вышел из комнаты весь в слюнях и сильных синяках. [527]

=НА ФАРЕЛА НАПАЛИ.=

В то время как высшее духовенство вело себя подобным образом, низшее духовенство собиралось, и около восьмидесяти священников собрались перед домом викария-епископа, "все хорошо вооруженные дубинками для защиты святой католической веры и готовые умереть за нее". Этот способ защиты религии, столь отличный от способа первых отцов церкви, стал известен нам через преподобную сестру Жанну де Юсси. Священники были мужественными, решительными людьми; они составили заговор и находились там, чтобы привести его в исполнение. "Они хотели, - добавляет сестра Жанна, - обречь этого негодяя и его сообщников на мучительную смерть". [528] Таков был задуманный ими подвиг, и для его совершения они тщательно окружили дом главного викария. Они заполнили узкое пространство улицы Сен-Пьер и улицы Шануан и даже проникли во двор и сад г-на де Бонмона, так что Фарелю было невозможно сбежать. Фанатичная и возбужденная толпа, которая находилась там уже некоторое время, начала терять терпение из-за того, что епископальный собор заседал так долго. Фарел и двое его друзей, свернув в длинную галерею, услышали громкие голоса некоторых членов совета и нарастающий шум толпы, заполнившей внутренний двор. Но им угрожала другая опасность.

Один из слуг великого викария, Фрэнсис Олар, по фамилии Гинин, человек вспыльчивый, стоял в конце галереи, выставив там аркебузу в качестве часового. Он прислушивался к шуму внутри; крики снаружи взволновали и воспламенили его. Разве этот Фарел не был врагом своих хозяев — еретиком, смерти которого все желали? Его оружие было наготове: он направил его на Фарела и приготовился выстрелить. Разместили ли священники Оларда там для этой цели, как говорится в хрониках, или он действовал по собственной воле, будучи более фанатичным, чем его хозяева, как это часто бывает со слугами политических или церковных корпораций? Как бы то ни было, аркебузир нажал на спусковой крючок, сработал затвор ... но пистолет не выстрелил. Фарел, повернувшись к нему, холодно сказал: "Я не позволю потрясти себя хлопушкой; ваша игрушка меня не пугает". — "Воистину, - сказали его друзья, - Бог по Своей милости отвел удар, чтобы сохранить Фарела для еще более грозной борьбы". [529]

=ОПАСНОСТЬ, ГРОЗЯЩАЯ ФАРЕЛУ И ЕГО ДРУЗЬЯМ.=

Тем временем совет все еще совещался, и многие желали, чтобы Фарел был предан смерти. Ересь в ту эпоху, как слишком хорошо известно, каралась смертной казнью; но магистраты указали на опасность применения насилия по отношению к проповеднику бернских лордов. Их мнение возобладало, и, когда реформаторов снова привели в комнату, главный викарий сказал: "Уильям Фарел, покинь мое присутствие и этот дом и в течение шести часов убирайся из города с двумя твоими товарищами под страхом костра. И знайте, что если приговор не будет более суровым, вы должны приписать это нашей доброте и нашему уважению к милордам Берна". — "Вы приговариваете нас, не выслушав", - сказал Фарел. "Я требую свидетельства, чтобы

показать в Берне, что я выполнил свой долг". — "Вы его не получите, - поспешно ответил аббат. - Покиньте комнату все, не говоря больше ни слова". [530]

Священники и люди, собравшиеся перед домом, узнав, что Фарел вот-вот появится, набросились друг на друга, издавая гневные крики. Казалось бы, реформатор услышал их и на мгновение остановился, прекрасно понимая, что его ждет. На самом деле это был торжественный момент, возможно, его последний. "Каитифф не осмелился выйти, - сказала сестра Жанна, впоследствии настоятельница Аннеси, - потому что услышал шум, производимый прихожанами перед дверью, и испугался, что они предадут его смерти". Видя, что Фарель колеблется, двое старших каноников грубо обратились к нему: "Поскольку ты не хочешь выходить добровольно, и во имя Бога, - сказали они, - выходи во имя всех дьяволов, чьим служителем ты являешься". Так говорили несколько фанатичных священников. Их Богом была церковь, и для грешника не было спасения, кроме как в жертвоприношении во время мессы: у них воображение заменяло понимание, а страсть - осуждение. Они понятия не имели о живой вере, которая оживляла сердца Фарела и его друзей, и считали их нечестивцами. Отбросив святой авторитет и мудрые предписания Священного Писания, у них не было другого правила, кроме сильной привязанности к своей церкви и чрезмерного рвения, которые увлекли их прочь. Воспылав неистовой страстью, они не ограничились оскорблениями. Сестра Сент-Клер далека от желания скрывать их подвиги: "Одна из них, - говорит она, - сильно ударила его ногой, другая сильно ударила его по голове и лицу; и в большом смятении они выставили его с двумя его товарищами". [531]

=ПОПЫТКА УДАРИТЬ НОЖОМ ФАРЕЛА.=

Фарел, Сонье и Оливетан покинули дом и таким образом избежали жестокого обращения со стороны этих преподобных джентльменов. Но, изгнанные канонами за дверь, они попали из Сциллы в Харибду: им пришлось пережить еще более преступные проявления религиозного фанатизма. Священники, капелланы, ризничие и разъяренная толпа, собравшаяся на улице, улюлюкали, шипели, стонали и выли; некоторые угрожающе размахивали оружием. Это было похоже на стремительный ураган, который, казалось, сметет все перед собой. Это была человеческая буря, возможно, более ужасная, чем буря ветров:

Venti, velut agmine facto,

Qua data porta ruunt, et terras turbine perflant;

Insequitur clamorque virum stridorque rudentum. [532]

Внезапно в толпе произошло движение, те, кто был снаружи, в тревоге попятнулись к своим товарищам: приближался отряд вооруженных людей. В это время подошли синдики и вся стража со своими алебардами. "Молитесь, господа священники, - сказали они, - не делайте ничего опрометчивого". Толпа расступилась. "Мы пришли вершить правосудие", - добавили магистраты. После этого они взяли "каитифа", поместили его и его спутников посреди охраны, и все двинулись в направлении Тур-Персе, толпа расступалась направо и налево, освобождая дорогу эскорту. Священники, числом восемьдесят человек, держались вместе, образуя темную и взволнованную группу, и расположились так, что три служителя обязательно должны были пройти перед ними по дороге в гостиницу. Они слышали, что Фареля и его друзей должны были изгнать из города; "но достойные люди не могли удовлетвориться этим", - говорит сестра Жанна. Учитывая, что синдики и даже епископальный совет отказались воздать им должное,

они были полны решимости взять дело в свои руки. Как раз в тот момент, когда трое проповедников проходили перед ними, один из них с мечом в руке бросился на Фарела, "чтобы проткнуть его насквозь". [533] Один из синдигов, находившийся рядом с реформатором, увидел его, схватил убийцу за руку и остановил. Этот поступок магистрата серьезно огорчил верующих. Миряне, которые мешали духовенству убивать своих противников, считались нечестивцами. "Многие были огорчены, - невинно говорит добрая монахиня, - потому что удар не удался". Алебардщики сомкнули свои ряды, отбросили священников и их приспешников в сторону, и реформаторы продолжили свой путь. Толпа, обнаружив, что они не могут тронуть лютеран, компенсировала это улюлюканьем. На каждой улице, по которой они проходили, мужчины и женщины кричали, что их следует сбросить в Рону. Наконец процессия достигла площади Тура; реформаторы вошли внутрь, и синдики оставили охрану.

=ОТЪЕЗД ФАРЕЛА.=

Они должны уйти — в этом не могло быть никаких сомнений. Фарел и его друзья могли бы быть подавлены горем и упасть в обморок посреди своей работы, но их Небесный Учитель сказал: *когда они будут преследовать вас в этом городе, бегите в другой.* (Матф. х. 23.) Что их огорчало, так это мысль о великодушных людях, которые выслушали их; Фарел был полон решимости не бросать их. Если бы буря вынудила его уехать, он воспользовался бы первым моментом затишья, чтобы принести в Женеву то Евангелие, которого многие гугеноты желали всем сердцем. На следующий день (4 октября) несколько горожан, друзей реформатора, встали рано, приготовили лодку возле Молара и отправились в Тур-Персе за миссионерами, надеясь, что, если последние отправятся вовремя, их никто не заметит. Но вечеринка священников была такой же утренней, как и они сами: некоторые из них уже стояли перед дверью, и, вероятно, они пробыли там всю ночь, опасаясь, что гугеноты воспользуются темнотой, чтобы увести священников. Клод Бернар, Эми Перрен, Джон Гулаз и Питер Верн — все стойкие гугеноты — подошли; они подали сигнал, дверь открылась, и они вошли в гостиницу. Прошло несколько минут, в течение которых несколько священников и горожан собрались в той части улицы дю Рон, которая находится между Тур-Персе и Моларом. Вскоре дверь гостиницы снова открылась, и четверо гугенотов вышли вместе с Фарелем и Сонье. Увидев их, толпа заволновалась. "Дьяволы уходят", - кричали священники, когда два евангелиста и их друзья проходили мимо. Фарел, увидев толпу вокруг себя, хотел увещевать их "на ходу", но Перрин не позволил этого, объяснив ему, что необходимо быстро продвигаться вперед, опасаясь, что жрецы преградят путь. Когда реформаторы достигли кромки воды, они сели в лодку вместе со своими защитниками. Лодочники немедленно начали грести, а толпа, выстроившаяся вдоль берега, не могла сделать ничего, кроме улюлюканья. Перрен, опасаясь насилия, не стал высаживаться ни в одном из городов или деревушек Во, а направил лодку в малолюдное место между Моржем и Лозанной. Здесь все они сошли на берег и обнялись; после чего гугеноты вернулись в Женеву, а реформаторы направились в Орбе, а оттуда во Внук.

[520] 'Ce sont des cagnes, ce qui veut dire (adds Froment) ce sont des chiens.'

[521] La Sœur de Jussie, *le Levain du Calvinisme*, p. 47.

[522] Calvin, *Harmonie évangélique*, 1. p. 757.

[523] Фроман, *Гестес*, стр. 5. Шупар ср.

[524] Фроман, *Гестес*, стр. 6. Шупар ср. Choupard предоставляет некоторые функции, которых нет во Froment.

[525] Он произнес богохульство; зачем нам еще нужны свидетели? Он повинен в смерти.—Матф. xxvi. 65, 66.

[526] Фромант, *Гестес*, стр. 7. "В Родане, в Родане! unum hunc Lutherum necari præstat." — Рукопись башни в Бернской библиотеке.

[527] 'Sputis madidatus et pugnīs contritus.'—Spanheim, *Geneva restituta*. Froment, *Gestes*, pp. 5-7. Шупар и Розет, РУКОПИСИ и проч.

[528] *Le Levain du Calvinisme*, p. 17.

[529] 'Ictus tamen divina bonitate aversus, Deo servum suum certo periculo eripiente.'—Spanheim, *Geneva restituta*, p. 43. Froment, *Gestes de Genève*, p. 3. Roset MS. liv. iii. ch. 1.

[530] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme* p. 48.

[531] La sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c., pp. 47, 48.

[532]

Бушующие ветры проносятся сквозь пустую рану,

И танцуют в воздухе, и скользят по земле;

Треск канатов, испуганные крики матросов

Вознесись.

Драйден.

[533] "Pour le transpercer au travers du corps."—La Sœur de Jussie, p. 48.

ГЛАВА IX.

ПУТЕШЕСТВИЕ По ДОЛИНАМ ПЬЕМОНТА И СРАЖЕНИЯ БЛИЗ НЕВШАТЕЛЯ.

(Конец 1532 г.)

=ФАРЕЛ И ФРОМЕНТ.=

Изгнанный из Женевы ФАРЕЛЬ с сердцем, полным любви к тем, кого он был вынужден покинуть, размышлял о средствах проповеди евангелия и, как опытный полководец, даже во время своего отступления готовился к новой и более успешной борьбе. Поприветствовав христиан Орбе и Внука, он отправился в деревню Ивонан на южном берегу озера Невшатель, где жил молодой христианин по имени Энтони Фроман, родившийся в Валь-де-Фриер в Дофини в 1510 году и, следовательно, на год моложе Кальвина и его соотечественника Фареля. Реформатор пригласил нескольких евангелистов встретиться с ним в этой деревне, и примерно в середине октября туда приехал Оливетан, который не смог остаться в Женеве после отъезда двух своих

друзей; Адам, Мартин (вероятно, Мартин Гонин из Вальденса) и Гвидо (которого не следует путать с бельгийским реформатором Гвидо или Ги фон Бресом), которые вместе с Фарелем, Сонье, Фромантом и другими сформировали небольшой совет. Фарель рассказал о своей миссии: он описал свое путешествие по долинам Пьемонта и бурный прием, оказанный ему в Женеве. Все они с интересом смотрели на беглого миссионера, чудом спасшегося от насилия женевских священников. Фроман, в частности, не мог отвести глаз от реформатора; каждое слово Фареля производило на него глубокое впечатление, и, испытывая отвращение к служителям папства, он сожалел о судьбе гугенотов, лишенных слова Божьего из-за интриг духовенства. Фарель, не сводя с него глаз, сказал: "Поезжай и попробуй, сможешь ли ты найти вход в Женеву, чтобы проповедовать там". [534] Фроман был встревожен и потерял дар речи. Он обладал ученостью и талантами, но был молод и не имел опыта, и ему не хватало той настойчивости и твердости, которыми отличались другие реформаторы. Его чувства были чувствительны, воображение пылко, но характер неровный и довольно непостоянный. Считается, что он был привлечен к Реформации больше тем, что стал свидетелем бесчинств Рима, чем внутренним очарованием Слова Божьего.

-Увы! отец, - обратился он к Фарелу, - как я могу встретиться лицом к лицу с врагами, от которых ты был вынужден бежать?" — "Начни, - ответил Фарел, - так, как я начал в Эгле, где сначала был школьным учителем и учил маленьких детей, так что даже священники давали мне свободу проповедовать. Правда, вскоре они раскаялись; и даже сейчас мне кажется, что я слышу, как викарий восклицает: "Я бы скорее лишился руки, чем представил этого человека, потому что он погубит все наше дело". Но было слишком поздно; Слово Божье начало свою работу, и месса и изображения пали". Фромант, который в то время был полон пыла и рвения, начал постепенно привыкать к идее отправиться в город, изгнавший пророков. Фарел, заметив это, проявил настойчивость и подбодрил своего ученика воспоминанием о тех великих опасностях, которым они когда-то подверглись вместе. "Мой дорогой Фроман, - сказал он, - вы боитесь жителей Женевы; но разве вы не были со мной, когда я насаждал Евангелие в Бьенне, среди гор, в долине Сен-Имье, в Таванне и недалеко от той горы (Пьер Пертюи), которую Юлий Цезарь проложил в туннеле?... Разве ты не был со мной, когда я ездил в Невшаталь и проповедовал на улицах, рынках и в окрестных деревнях? Разве вы не помните, что мы очень часто получали свою ренту (*цензуры*), то есть побои и оскорбления ... однажды, в частности, в Валенжине, где моя кровь более четырех лет оставалась на полу маленькой часовни, возле которой женщины и священники били меня головой о стены, так что мы оба чуть не погибли?" [535] Эти воспоминания были не очень обнадеживающими. Некоторые встали на сторону Фареля, другие считали, что двадцатидвухлетний мужчина слишком молод, чтобы бросаться в такую ужасную пропасть ... потому что Женева действительно встревожила их. Фромант все еще не мог решиться на это предприятие. Другая мысль поглотила Фарела.

=СОМНЕНИЯ ОЛИВЕТАНА ПОБЕЖДЕНЫ.=

Сердце этого благочестивого реформатора все еще было полно воспоминаний о славном синоде долин, на котором было решено перевести Библию. Он уже несколько раз умолял Оливетана взяться за эту великую работу: он повторял свои просьбы как на собрании, так и наедине. Недалеко от Ивонанда есть несколько холмов, которые образуют своего рода лабиринт вокруг небольшой реки. Прекрасные леса из величественных дубов раскидывают свои ветви так широко и высоко, что можно прогуливаться под их огромными лиственными сводами — обстоятельство, благодаря которому этот район получил название Аркадия. Где-то в

уединенной комнате или в этом лесу Фарел уговаривал Оливетана, когда они топтали ногами сухие листья, которые осень уже оборвала с деревьев? Я не могу сказать: в любом случае он больше не просил, он "докучал"; [536] но Оливетан — как и Фроман в отношении Женевы — повторил свое нежелание "отваживаться" на такую задачу. "Как, - сказал он, - могу я выразить еврейское и греческое красноречие на французском, который по сравнению с ними всего лишь варварский язык? Ты знаешь, что это так же трудно, как научить охрипшего ворона петь песню соловья". [537] Фарел попытался подбодрить его: он мог бы это сделать. Стиль Оливетана, учитывая время, отличается поразительной элегантностью. Но двоюродный брат Кэлвина ссылаясь на другие причины: у него были определенные опасения. "Подобное мероприятие, - сказал он, - похоже на бал в общественном здании, где каждый танцует так, как ему нравится. Я буду окружен критиками, корректорами и клеветниками.... Я совершенно уверен, что они будут не друзьями, а чужаками, лишенными милосердия, христианами, которые будут философствовать о точке над *i* и выдвигать тысячи ложных обвинений". [538] — "Св. Иероним предпринял аналогичную работу, - сказал Фарель. - Святой Иероним! - воскликнул Оливетан. - Ему было труднее отвечать таким людям, чем за всю его работу. Как я мог это сделать — я, который всего лишь мелкий паж, простой шалопай по сравнению с таким рыцарем?" [539] Но Фарел так настаивал на нем, что он счел себя обязанным взяться за это. Он обещал, и было хорошо известно, что то, что он обещал, он выполнит.

Фарель одержал великую победу. У французских церквей будет хороший перевод Священного Писания. Но путешествие было необходимо. "Пересеки Альпы, - сказал он своему другу. - отправляйся в вальденские долины и договорись с братьями о переводе". Затем, повернувшись к другим членам синода, он добавил: "А вы, Адам Мартин и Гвидо, идите с ним и проповедуйте им доктрину, которая исправит все их ошибки".

Эта миссия, результатом которой должно было стать издание Библии на французском языке, была не лишена важности или опасности. Евангелисты предлагали пойти прямой дорогой мимо горы Святого Бернара, но прежде чем добраться до Женевского озера, им пришлось бы пересечь округ, принадлежащий герцогу Савойскому. Герцог, граф Шалланский и сьер де Беллегард вовсе не стремились к тому, чтобы вальденсы из пьемонтских долин объединились с реформаторами Швейцарии. Поэтому четверо друзей решили путешествовать ночью. Поужинав в Ивонанде с Фарелом и другими братьями, они сразу же отправились в путь. Это было в конце октября. Они путешествовали в темноте, ведомые проводником, который хорошо знал местность. Они успешно совершили свое ночное путешествие и прибыли в Веве на следующий день перед ужином. Они сразу же заговорили о Христе, ибо не хотели впадать в лень и беспечность. [540] Из Веве они направились в Эгль, где обнаружили местных евангельских христиан, собравшихся, чтобы встретить их. "Я приветствую вас во Христе, - сказал Адам, - и призываю вас обличать друг друга, как подобает братьям и служителям слова истины". [541]

=ДОМ СВЯЩЕННИКА.=

Когда они почти добрались до прелестной деревушки Бекс, окруженной фруктовыми садами и ореховыми деревьями, напротив живописного Дент-де-Моркль и огромного Дент-дю-Миди, на Мартина напали сильные боли. Его спутники немедленно стали искать дом, где они могли бы приютить больного, но местность была настолько бедной, что они не смогли найти комнату, подходящую для его приема. [542] Эти бедные братья были на шоссе со своим страдающим другом, встревоженные и все же не знающие, что делать. Кто-то сказал им, что примерно в лиге

позади них, в деревне Оллон, живет священник Клод, который с радостью примет их. И так, они вернулись по своим следам и прибыли в Оллон, небольшое местечко посреди тенистых лесов, которые простираются до подножия горы, на которой расположены очаровательные деревушки Шесьер и Виллар. Они спросили, где дом пастора, и им показали его; они потащили туда своего друга и постучали в дверь. Клод открыл ее сам и при виде бледного и падающего в обморок человека пригласил незнакомцев войти. Но внезапно послышались торопливые шаги, появилась раскрасневшаяся от гнева женщина с горящими глазами — вспыльчивая, злая, безжалостная, бранящаяся женщина: это была жена несчастного пастора. Она кричала и жестикулировала, и вместо того, чтобы быть серьезной, как того требует Священное Писание от таких женщин, она забыла всякую сдержанность и вспыхнула: "Что это, больной человек? Если ты примешь его в дом, я покину его". [543] Клод не осмеливался произнести ни слова: голос этой Ксантиппы становился все выше и выше, и наконец она повернулась спиной к мужу и незнакомцам и исчезла в порыве страсти. [544] Бедный Клод был ужасно раздосадован и пристыжен. "Мы не станем причиной развода, - сказал Адам, - мы уйдем". [545] Пастор, хороший, но слабый человек, который не мог содержать свою жену в порядке, отпустил их.

=СТРАДАЮЩИЕ МИССИОНЕРЫ.=

Таким образом, не было открыто ни одного дома для приема умирающего миссионера. Бедные евангелисты были совершенно обескуражены. "Давайте приободримся, - сказали они, - и поспешим достичь Альп". [546] Четверо путешественников продолжили свой путь, Мартен, вероятно, верхом; но по прибытии к подножию горы за Мартиньи его боли усилились. Мартин был полумертв, Оливетан страдал от воспаления кишечника, Гвидо изнемогал от усталости, и только Адам не пострадал. Но вскоре на него тоже напали. Охваченный холерой (это его собственное слово [547]), он думал, что пришел его конец. Четверо миссионеров с трудом тащились по краю потока, одни только шумные воды которого нарушали тишину вокруг них. Они скорбно поднимали глаза к этим гигантским горам, которые, казалось, им было невозможно пересечь, и безуспешно искали убежища в самых бедных хижинах. Одно, однако, у них осталось — верность своему Хозяину. Они говорили друг другу: "Бог низводит нас в бездну, когда Ему заблагорассудится, но Его благодать всемогуща, чтобы снова поднять нас из нее". [548] В этот момент они увидели убогий дом. Они подошли к нему, объяснили свое положение, и, к счастью, их приняли в счет их денег. Бог, к которому они взывали, облегчил их расстройство, и на следующий день они смогли продолжить свое путешествие, вначале с трудом, но постепенно горный воздух придал им сил.

Они были вынуждены понести чрезвычайные расходы, и Адам, державший кошелек, улыбнулся, увидев его сморщенное состояние. К ним начало возвращаться хорошее настроение: он показал своим друзьям маленький тощий мешочек и весело сказал: "Увы! наш кошелек пронзили такие жестокие боли внутри, что в нем почти ничего не осталось". [549] Они поднялись на гору и, нуждаясь в отдыхе, зашли в гостиницу, расположенную между Мартиньи и монастырем Святого Бернара. Вскоре они заметили одного из монахов и, подойдя к нему, пожелали, несмотря на свою слабость, исполнить свой долг: они заговорили с ним об Иисусе Христе и о благодати, которую он дарует грешникам. Монах, принадлежавший к ордену августинцев, внимательно выслушал их слова и начал беседовать с ними, в то время как евангелисты тесно прижимали его к себе посредством Священного Писания. Он был тронут и убежден. "Я брошу Антихриста", - воскликнул он. Адам немедленно взял бумагу, сел и написал: "Вот письмо для мастера Фарела, - сказал он монаху, - иди к нему, и он скажет тебе, что ты

должен сделать". Евангелист и монах расстались. Вплоть до наших дней среди братии этого монастыря совершались обращения.

Наконец четверо друзей оказались среди вальденсов, которые с радостью внимали их словам правды и любви: известно, что некоторые из этих альпийских пастухов даже проделали двухдневный путь, чтобы услышать их. [550] Эти бедные христиане передали Оливетану на печатание Библии 500 золотых крон — огромную сумму для них и умоляли поторопиться с изданием. [551] Оливетан и барбес пришли к соглашению. На этом заканчивается этот эпизод, который для некоторых может представлять мало интереса, за исключением того, что он связан с историей французского протестантского перевода Священного Писания.

=ДЕПУТАЦИЯ КРЕСТЬЯН.=

Когда эта новость дошла до Фарела, его взор был прикован к другой стране. Молодой и кроткий Фабри, которого реформатор любил, как отец любит сына, проповедовал в Невшателе, когда однажды увидел, как прибыли несколько крестьян, прибывших из деревни Боле прихода Будри. Эти добрые люди умоляли его приехать и поселиться среди них. Приходской священник, между прочим, достойный человек, смотрел на Евангелие не как на провозглашение благодати, а как на второй закон, более совершенный, чем первый. Услышав, как реформаторы осуждают коррупцию, царившую в церкви, он сначала пошел с ними; но вскоре заколебался и отступил, когда обнаружил, что их новая мораль покоится на новой вере. На самом деле служители, проповедовавшие в тех местах, говорили, что Евангелие заменило мертвые постановления закона доктриной возрождения; что религия Христа заключалась не в действиях, предписываемых священниками, и даже не в чисто внешней морали, но в новом сердце, из которого исходит новая жизнь. "Закон, - сказал Кальвин позже, - подобен грамматике, которая после того, как она научила первым элементам, отправляет изучающих к теологии или какой-либо другой науке, чтобы они могли совершенствоваться". Священник из Боудри считал бы себя слишком счастливым, если бы увидел, что его прихожане наделены той внешней моралью, которая не удовлетворяла евангелистов. Ревностный доктор права, он восстал против докторов благодати, и поэтому случилось так, что несколько его прихожан поспешили в Невшатель.

Фабри последовал за этими честными людьми, и мягкий и умеренный реформатор немедленно был вовлечен в суровую кампанию. Деревня Боле была за реформатора; маленький городок Будри - за священника. В приходе было два культовых сооружения - церковь и часовня под названием Понтарезе, расположенная в низком уединенном месте. Правительство решило, что это должно быть выгодно обеим сторонам. Многие католики, более фанатичные, чем их священник, вступили в заговор с целью противостоять богослужению реформатов. В первое воскресенье ноября 1532 года последний, полный покоя и радости, спустился в дику долину, через которую протекает поток реки Реси, и где до сих пор видны немногочисленные остатки маленькой часовни. Они вошли и заняли свои места на скамьях, в то время как Фабри поднялся на кафедру. Тем временем католики, опоясавшись мечами, чего обычно не делали, вошли в часовню и остановились возле алтаря. [552] Пока Фабри проповедовал, все колокола внезапно зазвонили вместе, заглушив его голос, и чем больше он умолял их дать ему закончить, тем громче звонили католики на колокольне. Тогда те, кто был в церкви, начали двигаться, толкаясь и крича. Фабри, видя этот беспорядок и профанацию, замолчал и вышел из церкви. Едва он вышел на улицу, как католики, стоявшие у алтаря, подбежали, захлопнули дверь и, как безумные, набросились на удивленную, колеблющуюся и безоружную паству. [553]

Неразбериха была очень велика, и именно это спасло невинных. Никто не отличал друзей от врагов: каждый бил первого, кого встречал. Один или два евангелиста попытались открыть дверь, и, наконец, им это удалось, и они выбежали наружу, но их положение не улучшилось. "Их противники, обрадованные возможностью отличить их, - говорит очевидец, - набросились на них, как волки на ягнят, угрожая им смертью". [554] "Боже, помоги нам!" - восклицали бедняки, разбросанные тут и там. Наконец им удалось добраться до своих домов, так сказать, чудом, но со множеством ушибов. Они были счастливы, что живут в мире. "Наш Небесный Отец яростно сражался за нас", - говорили они. [555] Дубинки и мечи только усилили их отвращение к той теократической тирании, которой люди заменили мягкое евангелие Иисуса Христа.

=ВОССТАНИЕ ПРОТЕСТАНТОВ.=

На следующий день некоторые из реформированных отправились в Невшателъ вопреки совету Фабри, который желал ждать избавления от Господа, а не от людей. Другьям, встретившимся им на дороге, они рассказали историю о заговоре, жертвами которого чуть не стали. Все деревни между Будри и Невшателем были охвачены волнением, а крестьяне Овернье и Коломбье схватились за оружие, готовые присоединиться к невшательцам, если те придут на помощь своим собратьям. [556] Совет Невшателя постановил, что отныне часовня Понтареze должна полностью принадлежать реформатам.

Католики решили не обращать на это внимания. В день Рождества священник уже отслужил две мессы до часа, назначенного для евангельской проповеди; и в тот момент, когда прибыли реформаторы, он решительно начал торжественную мессу "с громким и долгим пением", хотя ее почти никто не слышал. Реформаты терпеливо ждали, но когда служба закончилась, и как раз в тот момент, когда они надеялись, что настала их очередь, они были удивлены, увидев прибывших толпой католиков. Затем Фабри хотел подняться за кафедру, но столкнулся с большими трудностями; кто-то толкал его в одну сторону, а кто-то в другую, и все кричали против него. [557] Порядок был немного восстановлен, и один из реформаторов пошел, как это было принято, взять чашу для совершения Вечери Господней. Священник, который оставался в церкви, наблюдая за происходящим, бросился к нему и вырвал сосуд у него из рук, крича: "Святотатство! Святотатство!" Другья священников решили положить конец богослужению раз и навсегда. "Некоторые из них, как разъяренные львы, набросились на реформированных и били их кулаками; а один из них ударил губернатора (вероятно, одного из членов общественного совета) ножом; но Бог, - говорится в документе, который мы цитируем, - позволил проколоть только его одежду". Это не положило конец битве. Другие, отправившись в комнату за алтарем, где они спрятали несколько больших палок, яростно наносили свои удары со всех сторон. Женщины бросились в виноградники, вырвали подпорки и принесли их всем своим мужьям, у кого не было ни палок, ни ножей. Некоторые из них вышли из часовни и подняли камни, чтобы бросить в священника, который все еще находился за кафедрой, и убить его. Со всех сторон они набросились на бедных евангелистов, называя их "Мерзкими собаками"! Даже *сотье* из Будри, в чьи обязанности входило поддерживать порядок, присоединился к бунту, сбросил свою официальную мантию и, громко улюлюкая, бил сильнее, чем остальные. Приходской священник, который так любил закон, внезапно потерял равновесие. Разгневанный и вне себя, раздетый до камзола и "с непокрытой головой, как разбойник", [558] он руководил сражением. Его другья, хорошо снабженные аркебузами, дубинками, ножами и другим оружием, видя, что евангелисты сплотились вокруг своего пастора, бросились на них, намереваясь убить многих из них; "но Божьей волей было, чтобы

этого волка остановили по дороге, - говорится в официальном документе, - и загнали обратно в его логово". Исправившимся, которые парировали удары так хорошо, как только могли, только руками, наконец удалось добраться до своих домов. Они рассказали своим родственникам и друзьям о случившемся и возблагодарили Бога. "Это действительно великое чудо, - говорили они с волнением, - что никто не погиб. Но Господь Иисус Христос - Добрый Пастырь; он так хорошо охраняет своих овец среди меча, огня, львов и даже самой смерти, что волки не могут вырвать их из его рук".

=БУНТ ВОЗГЛАВЛЯЕТ СВЯЩЕННИК.=

В то время как эти благодарственные песни распевались в домах евангелистов, кюре торжествовал в церкви. Едва битва закончилась отступлением реформатов, как, гордый победой, одержанной с помощью камней и дубинок, он отложил кол, которым вооружился, покрыл голову, оправил свой растрепанный камзол, облачился в священнические одежды и с серьезным и невозмутимым видом вошел в церковь Будри. Видя, что оно переполнено, и желая воспользоваться полученным преимуществом, он взошел на кафедру и воскликнул в своей пародийной манере: "Некоторые незнакомцы по собственной воле прибыли в эту страну. Один приехал из Парижа, другой из Лиона, а третий - я не знаю откуда. Этого зовут мастер Энтони, того - мастер Бертуд, другого - мастер Уильям, четвертого - мастер Фромент (*m.e. wheat*) with *barley or oats*).... Они держат в руках книгу и хвастаются тем, что у них есть Святой Дух. Но если бы у них был Святой Дух, захотели бы они книгу? Апостолы, которые были исполнены Святого Духа, понимали без книг все языки и все тайны. Братья мои, поверите ли вы незнакомцу перед человеком из страны, которую вы знаете? Не общайтесь с этими дьяволами; они приведут вас в ад; но приходите на исповедь, как это делали все ваши предки; откройте мне себя в семи смертных грехах, пяти естественных чувствах и десяти заповедях. Не бойтесь, ваша совесть будет очищена от всего зла. Предай меня смерти на случай, если я не докажу всего, что рассказал тебе". [559] Католики покинули церковь, очень гордясь такой прекрасной речью.

=В НЕВШАТЕЛЕ ПРОДВИГАЮТСЯ РЕФОРМЫ.=

Некоторые из друзей реформированного поспешили к Фабри и сообщили ему, что священник предложил доказать все, что он сказал, в частности, что он может отпустить семь смертных грехов и грехи пяти чувств. Не теряя времени, Фабри предстал перед кастеляном и советниками Будри и потребовал публичного диспута, предложив умереть в том случае, если он не сможет доказать, что все, что он проповедовал, было правдой, а то, что сказал священник, было ложью. Последний категорически отказался от любых публичных дискуссий; ему не нравились бои такого рода, и он компенсировал это другим способом.

Однажды, когда он полуодетый сидел у окна, наблюдая за птицами, порхающими в воздухе, и людьми, прогуливающимися по улице, он увидел Фабри, проходившего мимо его дома. В сильном волнении он окликнул его и начал ругать: "Тюремная птица! фальсификатор! - сказал он, высунув голову из окна. - Скажи мне, почему ты искажаешь Священное Писание?" Фабри, надеясь, что кюре согласится на беседу, которой он так жаждал, ответил: "Спуститесь вниз и принесите свою Библию; мы найдем клерка, который сможет читать ее народу, и я докажу вам, что я не фальсификатор". При этих словах встревоженный священник воскликнул: "У меня есть еще кое-какие дела, кроме споров с такой тюремной птицей, как вы". И он поспешно отошел от

окна. Таковы были трудности, через которые пришлось пройти реформаторам, чтобы преобразовать церковь. Это преобразование продолжалось, и вскоре все княжество Невшатель было завоевано для Реформации.

В 1532 году он проник в горные районы среди пастухов и охотников Локля и Шо-де-Фон. Клод д'Арберг, который так часто следил за охотой в этих горах, построил там молельню в честь святого Губерта, покровителя охотников. Святой (гласит легенда) однажды был встречен медведем, который убил его лошадь, но Хьюберт вскочил медведю на спину и привез его домой, ко всеобщему великому изумлению. Теперь более грозный охотник собирался приручить медведей в этих краях. Жан де Бели, евангелист из Фонтена, отправился в Локль во время ярмарки Святой Магдалины, мадам Гильеетта де Вержи немедленно схватила его и заставила в течение двух часов спорить в ее присутствии с кюре мессиром Безансене. "Посадите его в тюрьму", - сказала графиня, оскорбленная его доктринами; но в то время как высокородная дама была так раздосадована услышанным, священник, добродушный человек, самым добрым образом вступился за еретика. Дама отпустила его, и достойный викарий, взяв Белого под руку, любезно повел его в дом священника и выпил с ним вина. Люди уже поговаривали, что горных медведей начинают приручать.

Из Локля Евангелие попало в Шо-де-Фон, а оттуда в Бренец (1534). Ревностные горцы вынесли изображения из церкви, желая *поклоняться Богу в духе и истине*, и собирались разломать их на куски и бросить в Дуб, когда увидели приближающихся двух прекрасных волов, которых вели несколько набожных жителей из соседней деревни Франш-Конте. "Мы предлагаем вам этих зверей, - сказали они, - в обмен на ваши изображения и статуи". — "Прошу вас, возьмите их", - сказали жители Бренца. Франш-Комтуа собрали идолов, невшательцы отогнали волов, и "каждый подумал, что совершил удачный обмен", - говорит хронист.

За исключением одной деревни, евангелическая вера была утверждена по всему княжеству Невшатель без помощи князя и лордов, а фактически вопреки им. Рука, более могущественная, чем их, разрывала узы, устраняла препятствия и освобождала души. Реформация восторжествовала, и после Бога это была работа Фарела. [560]

[534] Froment, *Gestes de Genève*, p. 10.

[535] Froment, *Gestes de Genève*, p. 10, 11. Рукопись Шупара (стр. 490) упоминает Энтони Буаве, также из Дофини, как компаньона Фареля. Оба Антония сопровождали реформатора? Это весьма вероятно. (См. *Историю. Реформации*, том iv. книга xv. глава 11.)

[536] Olivetan's Bible: *Apologie du translateur*.

[537] Там же.

[538] Там же.

[539] Olivetan's Bible: *Apologie du translateur*.

[540] "Аб Ивониако, канна солвимус, и Вивиакум венимус пранум, уби де Христо, где ты живешь". — Адам Фарелу из Долин, 5 ноября 1532 г., Шупар, ср. Письмо, из которого мы берем эти сведения, до сих пор оставалось незамеченным.

[541] 'Ut si monerent invicem quemadmodum fratres et verbi veritatis ministros.'—Ibid.

- [542] 'Nullum erat cubiculum.'—Ibid.
- [543] 'Verum uxor garrula et duræ cervicis, pietate vacans, cœpit minari marito de discessu.'—Adam to Farel, Choupard MS.
- [544] 'Furibunda abivit.'—Ibid.
- [545] 'Ne divortii causa essemus.'—Choupard MS.
- [546]"Собственный язык в Альпах". —Там же.
- [547] 'Quo mærore in pede Alpium me colera tam crudeliter invasit.'—Ibid.
- [548] 'Gratia illius, qui quum videtur nos ducit ad inferos et reducit.'—Choupard MS.
- [549] 'At crumenæ nostræ linteria cœperunt laborare tam aspere, ut nihil prorsus in illorum corpore remanserit.'—Ibid.
- [550] 'Veniunt a locis distantibus a nobis itinere duorum dierum.'—Choupard MS.
- [551] 'Ad typographum dati sunt quingenti aurei.'—Ibid.
- [552] 'Gladiis omnes ejusdem factionis præter consuetudinem cincti.'—Fabri to Farel, Choupard MS.
 Подробности, которые мы извлекаем из этого письма, до сих пор были неизвестны.
- [553] 'Illi plusquam insani recta irruerunt in nos gladiis evaginati.'—Ibid.
- [554]"Волчья яичница бешенства при смертельном исходе". —Фабри-Фарелю, Шупар МИСС
- [555] 'Optimus pater qui pro nobis potenter adeo pugnavit.'—Ibid.
- [556] 'Accincti ad arma toto spectarunt die si Neocomenses proficiscerentur.'—Ibid.
- [557] Requête de MM. les gouverneurs de Bâle à MM. les maîtres bourgeois de Neuchatel.—МИСС
 Чупар
- [558] "Tête nue comme un brigand."—Requête de MM. les gouverneurs de Bâle, &c.—Choupard MS.
- [559] Шупар МИСС
- [560] Шамбре, *Ист. де Невшатель*, стр. 229.

ГЛАВА X.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ И КЛОДИН ЛЕВЕ.

(Ноябрь и декабрь 1532 г.)

=НОВЫЕ ПОПЫТКИ НАПАДЕНИЯ НА ЖЕНЕВУ.=

ФАРЕЛЬ, видя, что его труды в этих различных населенных пунктах увенчались успехом, который обещал быть прочным, с еще большим рвением обратил свой взор на Женеву. Многочисленные

победы при Невшателе и Во, казалось, предвещали новые победы в городе гугенотов. Однако были большие препятствия. Фанатичная партия, руководимая монахами и священниками, выступала против любых перемен, и даже просвещенные католики, желавшие отмены вопиющих злоупотреблений, постоянно повторяли, что церковь следует прежде всего сохранить, а затем реформировать. "Очищения недостаточно, - сказал Фарел. - требуется трансформация". Но кто должен был это осуществить? Он был изгнан из Женевы и какое-то время не мог туда вернуться.

Фромент, молодой, бедный, простодушный, но умный, отказался браться за столь трудную задачу. Фарел попробовал еще раз. Фромант не понимал, как штурм одной из сильнейших крепостей противника можно было доверить столь молодому человеку. "Ничего не бойтесь, - сказал Фарель. - вы найдете людей в Женеве, вполне готовых принять вас, и сама ваша безвестность защитит вас. Бог будет вашим проводником, и будет охранять ваше святое предприятие". [561] Фромант уступил, но почувствовал себя униженным; и, размышляя о возложенной на него задаче, он упал на колени: "О Боже, - сказал он, - я не полагаюсь ни на какие человеческие силы, но полностью отдаю себя в твои руки. Тебе я вверяю свое дело, моля тебя направлять его, ибо оно твое". [562] Он молился не один. Маленькая паства в Ивонанде, тронутая этим призывом, который вот-вот должен был лишить их пастора, сказала: "О Боже, дай ему благодать быть полезным для распространения твоего Слова!" Братья обнялись, и Фромант отбыл, "направляясь в Женеву, - говорит он нам, - с молитвами и благословениями". Это было 1 ноября 1532 года.

Он добрался до Лозанны, откуда направился вдоль берега озера в сторону Женевы. Бедный молодой человек иногда останавливался по дороге и спрашивал себя, не было ли предприятие, на которое он собирался решиться, чистым безумием. "Нет, - сказал он, - я не отступлю; ибо именно малыми и слабыми вещами этого мира Бог замышляет посрамить великих". И затем он продолжил свой путь.

Женевцы в то время были очень заняты небесными знамениями. Странное сияние сияло на небесном своде; каждую ночь их взоры были прикованы к длинной полосе света, и самые ученые пытались угадать, какие предсказания можно извлечь из этого. "В новолуние, - говорится в рукописи, - в два часа ночи появилась комета, которая была видна с 26 сентября по 14 число следующего месяца. Примерно в это же время в Женеву прибыл Энтони Фромант". [563] Многие гугеноты, раздраженные приемом, оказанным Фарелю, отчаялись увидеть реформу Женевы и установление ее свобод на прочной основе. Некоторые, однако, знатоки астрономии задавались вопросом, не предвещает ли это чудесное сияние, что божественный свет также озарит страну. Они подождали, и появился Фромант.

=ФРОМАНТ БЫЛ ПРИНЯТ ХОЛОДНО.=

Молодой дофинец сначала был очень смущен. Он пытался завязать разговор то с одним, то с другим, но они были очень коротки с незнакомцем. Он надеялся найти "какого-нибудь знакомого, с которым он мог бы спокойно и фамильярно уединиться", но не увидел ничего, кроме незнакомых лиц. "Увы! - сказал он, - я не могу сказать, что мне делать, кроме как вернуться, ибо я не нахожу двери, чтобы проповедовать Евангелие". [564] Затем, вспомнив имена главных гугенотов, друзей Фареля, которые (как он сказал) окажут ему самый теплый прием, Фромант решил обратиться к ним и нанес визит Бодишону де ла Мезон-Нев, Клоду Бернару, Ж. Гулазу, Ванделю и Эми Перрен, ... но, как ни странно, он везде встречал

смущенные манеры и вытянутые лица. Убогий вид молодого дофинезийца привел в замешательство даже самых благонамеренных. Фарель (как они думали) мог бы, по крайней мере, прислать ученого, а не рабочего. Женева была важным и образованным городом. Среди римского духовенства были способные люди, которым должен был противостоять священник приятной внешности, хорошо зарекомендовавший себя врач.... Гугеноты с поклоном прогнали подлого маленького человечка. "Ах! - сказал Фромант, возвращаясь в свою гостиницу. - Я нашел их такими холодными, такими робкими и так пораженными тем, что сделали с Фарелом и его товарищами, что они не осмелились открыться и тем более принять меня в своих домах". Сбитый с толку и удрученный тем, что все его планы рухнули, он задумчиво брел по улицам, опустив глаза в землю. Он вошел в гостиницу, заперся в своей комнате и спросил себя, что делать дальше. Те, кто, казалось, хотел услышать Евангелие, смотрели на него презрительными глазами. Если он обращался к каким-либо людям, они отворачивались от него. Ни одна дверь не была открыта для Слова Божьего.... Его чувства были испорчены. Усталый и удрученный, он согнулся под тяжестью груза и потерял мужество. "Я испытываю сильное искушение вернуться", - сказал он. [565]

Фроман пошел к трактирщику, заплатил по счету, взвалил на плечи свой маленький узелок и, не попрощавшись с гугенотами, направился к швейцарским воротам и покинул город. Но не прошел он и нескольких ярдов, как остановился; ему показалось, что его удерживает невидимая рука; в его сознании послышался голос, говоривший ему, что он поступает неправильно; сила, превосходящая человеческую, заставила его вернуться по своим следам. Он вернулся в свою комнату, закрыл дверь и сел; облокотившись на стол и обхватив голову руками, он спросил, чего от него хочет Бог. [566] Он начал молиться и, казалось, стал свидетелем в себе осуществления обещания: *Я поведу тебя тем путем, которым ты должен идти*. Он вспомнил, что сказал ему Фарел и что реформатор сделал в Эгле. Вспышка света озарила его душу. Они не будут иметь с ним ничего общего в Женеве, потому что у него отвратительная внешность. Да будет так; он со смирением возьмется за работу, которую поручает ему Бог; и поскольку его отвергли как евангелиста, он станет школьным учителем.

=ФРОМАНТ РЕКЛАМИРУЕТ СВОЮ ШКОЛУ.=

Во время своих прогулок Фроман встретился с неким Ле Пату, человеком малоизвестным, которого он спросил, может ли тот найти для него место под школу. Ле Пату ответил, что есть большой зал у Бойте, на Ор-Круа, недалеко от Молара. [567] Они отправились туда вместе; Фромант измерил его размеры на глаз и снял комнату. Он снова перевел дыхание; теперь одна нога его была в стремени; оставалось только вскочить в седло и тронуться в путь. Необходимо было найти ученых; с Божьей помощью Фромант ни в чем не отчаивался. Вернувшись в гостиницу, он составил рекламный проспект, сделал несколько копий своим лучшим почерком, вышел с ними на улицу и расклеил их во всех общественных местах. Они гласили следующее: "В этот город только что прибыл человек, который обязуется в течение месяца обучать чтению и письму по-французски всех, кто к нему придет, молодых и старых, мужчин и женщин, даже тех, кто никогда не ходил в школу; и если они не смогут читать и писать в течение указанного месяца, он ничего не просит за свои труды. Его можно найти в большой комнате Бойте, рядом с Моляром, у знака Золотого Креста. Многие болезни также излечиваются бесплатно.

Эти газеты были расклеены по городу, и многие прохожие останавливались, чтобы почитать их. "Мы слышали, как он говорит, - сказали те, с кем он беседовал. - он хорошо говорит". Другим

показалось подозрительным обещание научить читать и писать за месяц; на что более доброжелательные люди ответили, что в любом случае он не целился в их кошельки. Но священники и набожные были раздражены. "Это дьявол, - сказал священник в толпе. - Он околдовывает всех, кто приближается к нему. Едва вы услышали его, как его волшебные слова сбили вас с толку". [568]

Однако школа открылась, а он не хотел принимать маленьких учеников. Фроман, у которого был талант (его книга *о действиях и поступках Женевы* доказывает это), учил просто и ясно. Прежде чем отпустить своих учеников, он открывал Новый Завет и читал несколько стихов, интересно объясняя их; после чего (поскольку у него были некоторые познания в медицине) он спрашивал их, болен ли кто-нибудь в их семьях, и раздавал им безвредные лекарства. Наставляя разум и исцеляя тело, евангелист проложил путь к обращению сердца. Школа и медицина являются великими вспомогательными средствами миссионерства. Дети побежали домой и рассказали все своим родителям; матери прервали свою работу, чтобы послушать их, а отцы, особенно гугеноты, заставили их рассказать это снова. Некоторые мальчики и девочки постоянно болтали об этом; они даже "приставали к мужчинам и женщинам на улицах, приглашая их подойти и послушать *этого человека*". [569] За короткое время город наполнился школьным учителем, который так хорошо говорил по-французски.

{379}

=УСПЕХ ФРОМЕНТА.=

Несколько взрослых решили послушать его либо из желания учиться, либо из любопытства, либо из спортивного интереса. Жены, однако, останавливали своих мужей; шуты разыгрывали их шутки, а священники произносили свои анафемы. Но ничто не могло остановить это течение, потому что люди думали, что школьный учитель выступит против жизни священников, мессы и Великого поста.... Эти достойные гугеноты, проходя по улицам, слышали вокруг себя "множество громких шуток и намеков шепотом". [570] Они заняли свои места позади детей и слушали. Начал Фромант: "Он хорошо говорит", - сказали его слушатели. Он сделал даже больше, чем обещал; он преподавал арифметику, что было очень приемлемо для женеццев, которые по натуре довольно расчетливы. Однако слушатели ждали именно проповеди, и она сильно отличалась от того, что они ожидали, — проповеди вместо филиппики. В ходе своих уроков Фромант читал в одно время историю из Библии, в другое - проповедь нашего Господа, излагая Священное Писание как Священное Писание Бога, объясняя по ходу трудные слова, а затем с любовью применяя доктрину к сознанию своих слушателей. Все они были обращены в слух; наклонившись вперед и приоткрыв рот, каждый, казалось, боялся пропустить хоть слово. Несколько мальчиков обратили торжествующие взгляды на тех, кого они привели сюда. Фромант с радостью отметил эффект, произведенный его учением. "Они были очень удивлены, ибо никогда не слышали такого учения". [571] Некоторые начали понимать, что евангельское христианство состоит не в насмешках над священниками и мессой, а в знании и любви к Спасителю. "Те, кто слушал его, постигли в своих сердцах некоторое понимание истины". [572]

За короткое время успех этого простого наставления превзошел все надежды учителя. Те, кто слышал его, говорили о прекрасных речах, произнесенных на Крест д'Ор. "Пойдемте, — сказали они, - ибо он проповедует совсем не так, как священники, и ничего не просит за свои хлопоты". - "Хорошо, - сказали некоторые горожане, более невежественные, чем остальные, - мы пойдем и послушаем его; мы научимся читать и писать и послушаем, что он говорит". [573] Мужчины,

женщины и дети поспешили в зал, стремясь попасть туда первыми. [574] Бедняга, которого женевцы прогнали, внезапно вырос в их глазах. Споры между гугенотами и мамлюками, притязания герцога Савойского и епископа Де ла Бом были забыты; ни о чем не думали, кроме евангелиста. В эпоху Реформации не было ничего более поразительного, чем огромная разница между наставлениями, даваемыми священниками, и наставлениями реформаторов. "Их учение, - было сказано, - не такое холодное, скудное, безжизненное, как учение папства. Правда, наши хозяева поют достаточно громко и проповедуют все, что заблагорассудится их покровителям, но они выкрикивают божественные вещи в нечестивой манере; в их речах нет почтения к Богу, они полны красивых слов и аффектации.... В других, напротив, вместо простых слов и праздной болтовни есть добродетель и действенность, животворящий дух и божественная сила". [575]

=ЗАКОЛДОВАННЫЙ.=

Друзья священников не могли слышать таких замечаний, не испытывая глубочайшей тревоги. "ТЬфу ты!" - сказали они. "Ты говоришь так, как будто этот человек околдовал тебя. Какими звуками, фигурами или магическими действиями он околдовал вас? Или же это были красивые слова, громкие обещания или другие средства обольщения ... деньгами?" С тех пор, если они видели на улице мужчину или женщину, которые посещали собрания у Золотого Креста, они кричали: "Хо! хо! вон идет один из одержимых!" [576] Раздавались жалобы и горькие упреки: слышались признаки неодобрения; но "несмотря на все это противоположное движение, число слушателей увеличивалось с каждым днем. Многие из тех, кого привлекло любопытство, были заинтересованы, просветлены и тронуты, и, вернувшись домой, они восхваляли Бога". [577]

Однако не все были привлечены к Евангелию. Некоторые лидеры гугенотов, Ами Перрен, Джон Гулаз, Стивен д'Адда и другие, не получали большого удовольствия от проповедей проповедника; но, веря, что это новое учение, упавшее с небес, свергнет власть священников и мамлюков, они без колебаний присоединились к слушателям Фромана и энергично поддерживали его в городе. [578] Вскоре дела в Риме пошли еще хуже. Некоторые из слушателей Фроманта пригласили некоторых священников, склонных к либерализму, прийти и послушать школьного учителя. Мысль о том, чтобы сидеть на скамейках у Золотого Креста, встревожила этих церковников, гугеноты повторили слова француза: "Воистину, - сказали священники, - эти доктрины хороши, и мы должны поступить правильно, приняв их". — "Хо! хо! - воскликнули некоторые горожане. - клерки, которые так хвастались, теперь сами обратились в христианство".

Тревога усилилась. Наиболее фанатичные монахи и священники входили в частные дома, обращались к группам, собравшимся в общественных местах, и глумились над доктриной и личностью Фромана. "Пойдешь и послушаешь этого дьявола?" - сказали они. "Что может знать этот маленький дурачок (*фолатон*), которому едва исполнилось двадцать два?" — "Этот дурачок, - ответили поклонники Фроманта, - научит тебя быть мудрым.... Этот дьявол изгонит дьявола, который в тебе". [579]

=КЛОДИН ЛЕВЕ.=

По правде говоря, в это время в Женеве происходила удивительная работа; многие души были обращены к евангельской вере, и, как и во времена апостолов, первыми уверовали выдающиеся женщины, [580] Пола, жена Джона Лева и, вероятно, такая же, как Пернетта де Бурдиньи, была дочерью сеньора де Бурдиньи из округа Пеней. Члены этого дома носили титул

дворян или *дамуазо* еще в тринадцатом веке, и многие из них были женевскими синдиками. [581] Эта дама, подготовленная учениями евангелистов, предшествовавших Фроману, "стала очень ревностной к Слову" и искренне желала приобщить к Евангелию свою невестку Клодин, жену достойного гражданина Эме Лева. Последняя, "честная, преданная и удивительно суеверная женщина", была прямой и искренней и не раз рьяно отстаивала мнение своей сестры. Однажды, когда Паула была в доме Клодин, она заклинала ее прийти и послушать школьного учителя. "Я испытываю перед ним такой ужас, - ответила ее невестка, - что из страха быть околдованной не хочу ни видеть, ни слышать его". — "Он говорит как ангел", - ответила Паула. "Я смотрю на него как на дьявола", - парировала Клодин. "Если вы послушаете его, вы будете спасены". — "И я думаю, что буду проклята". Так спорили эти две женщины. Пола не была обескуражена. "По крайней мере, выслушай его один раз", - сказала она, а затем добавила с чувством: "Прошу, выслушай его один раз из любви ко мне!" Наконец она одержала верх, хотя и с большим трудом.

Дама Клодин, хотя и уступила мольбам своей сестры, решила тщательно обезопасить себя. Она тщательно вооружилась всеми противоядиями, предусмотренными в таких случаях; она приложила к вискам свежесобранные листья розмарина, натерла грудь девственным воском, [582] повесила на шею реликвии, кресты и четки и, защищенная этими амулетами, сопровождала Паулу к Золотому Кресту. "Я иду к чародею", - сказала она, настолько обманутой [583] она была. Она пообещала себе вернуть мадемуазель де Бурдиньи в лоно общества.

Клодин вошла в зал и села перед фокусником в насмешку, говорится в хронике. Появился Фроман с книгой в руке. Он взобрался, по своему обыкновению, на круглый стол, чтобы его было лучше слышно, и, открыв Новый Завет, прочитал несколько слов, а затем начал применять их на практике. Клодина, нисколько не заботясь о собрании и желая заявить о своем католицизме, несколько раз перекрестилась на грудь, одновременно повторяя определенные молитвы. Фроман продолжил свою речь и раскрыл сокровища Евангелия. Клодин наконец подняла глаза, пораженная услышанным, и посмотрела на священника. Она слушала, и вскоре во всем собрании не было более внимательного слушателя. Один только голос Фроманта был бы "потрачен впустую", но он вошел в понимание женщины, как будто принесенный Духом Божьим. Она впитывала слова реформатора; и все же внутри нее происходила острая борьба. Может ли это учение быть истинным, учитывая, что церковь ничего не говорит об этом? она спросила себя. Ее взгляд часто падал на книгу школьного учителя. Это был не молитвенник.... Ей казалось, что она полна жизни.

=КЛОДИН НАЕДИНЕ С БИБЛИЕЙ.=

Фромант закончил свою проповедь, дети и взрослые встали и приготовились выходить. Клодина осталась на своем месте: она посмотрела на учительницу и наконец громко воскликнула: "Это правда, что вы говорите?" — "Да", - ответил реформатор. "Все ли это подтверждается Евангелием?" — "Да". — "Разве в нем не упоминается месса?" — "Нет!" — "А книга, по которой вы проповедовали, является подлинным Новым Заветом?" — "Да". Мадам Лева страстно желала заполучить ее: набравшись смелости, она сказала: "Тогда одолжите ее мне". Фроман отдал ее ей, и Клодин, бережно спрятав ее под плащ, среди своих реликвий и четок, вышла вместе со своей невесткой, которая начинала видеть, что все ее желания исполняются. Вернувшись домой, Клодин почти не разговаривала с Паулой: она была одной из тех глубоких натур, которые мало говорят с человеком, но много - с Богом. Войдя в свой дом, она направилась прямо в свою

комнату и заперлась, не взяв с собой ничего, кроме книги, и твердо решив не выходить оттуда до тех пор, пока не найдет решение великой проблемы, которая занимала ее совесть. на чьей стороне правда? В Риме или в Виттемберге? Договорившись, чтобы они не ждали ее с едой и не стучали в ее дверь, "она оставалась в стороне, - говорит Фромант, - три дня и три ночи без еды и питья, но с молитвами, постом и мольбами". Книга лежала открытой на столе перед ней. Она постоянно читала ее и, упав на колени, просила, чтобы божественный свет пролился в ее сердце. Клодин, вероятно, не обладала высшим пониманием, но у нее была чуткая совесть. Для нее первым долгом было подчиниться Богу, первым желанием походить на Него, первым желанием обрести в Нем вечное счастье. Она достигла Христа не через понимание; совесть была путем, который привел ее к Нему. Пробуждающаяся совесть - первый признак обращения и, следовательно, реформации. Иногда Клодин слышала в своем сердце голос, призывающий ее прийти к Иисусу; тогда ее суеверные идеи внезапно возвращались, и она отвергала приглашение Господа. Но вскоре она обнаружила, что практики, которым она предавалась, были высохшими колодцами, где никогда не было воды. Решив больше не сбиваться с пути, она пожелала идти прямо ко Христу. Именно тогда она удвоила те "молитвы и мольбы", о которых говорит Фромант, и с рвением читала Священное Писание. Наконец она поняла то божественное Слово, которое гласило: "Дочь моя, грехи твои прощаются тебе". О, чудесно, она спасена! Это спасение не надуло ее: она обнаружила, что "благодать Божья медленно просачивалась в нее", но малейшая капля, исходящая от Святого Духа, казалась никогда не пересыхающим источником. Так было проведено три дня: столько же времени Павел оставался в молитве в Дамаске. [584]

=ЕЕ ОБРАЩЕНИЕ.=

Мадам Леве, снова и снова перечитывавшая Евангелие, пожелала увидеть человека, который первым познакомил ее с ним. Она послала за ним. Фромант переправилась через Рону, потому что жила у подножия моста, на стороне Сен-Жерве. Он вошел, и, увидев его, Клодин в волнении встала, подошла к нему и, не в силах говорить, разрыдалась. "Ее слезы, - говорит евангелист, - падали на пол", другого языка у нее не было. Придя в себя, мадам Леве вежливо попросила Фромана присесть и рассказала ему, как Бог открыл ей врата рая. В то же время она проявила решимость без страха исповедовать перед мужчинами веру, которая принесла ей счастье. "Ах! - сказала она. - Смогу ли я когда-нибудь в достаточной мере поблагодарить Бога за то, что он просветил меня?" Фромант пришел, чтобы укрепить эту леди, и он сам был укреплен. Он был в большом восхищении, "услышав, как она говорит так, как говорила". [585] Столь духовное и серьезное обращение, должно быть, имело большое значение для Реформации Женевы, и, как говорит Кальвин при других обстоятельствах, когда также, кажется, была обращена только одна женщина: "Из этого крошечного ростка должна была вырасти превосходная церковь". [586]

[561] 'Obscuritatem nominis præsidio futuram, Deum itineri ducem et cœpto patronum.'— Spanheim, *Geneva restituta*, p. 47.

[562] Froment, *Gestes de Genève*, p. 12.

[563] Г-жа Бадолле в Бернской библиотеке, *История. Хелв.*

[564] Froment, *Gestes de Genève*, p. 13.

[565] Froment, *Gestes de Genève*, p. 13.

[566] 'Cum jam pedem ex urbe efferret, nescio qua vi humana majore, se vel reluctantem revocari sensit.'—Spanheim, *Geneva rest.* p. 47; Froment, *Gestes*, p. 13.

[567] Знак Золотого Креста все еще висит на доме, но это была не гостиница, как некоторые утверждают.

[568] Froment, *Gestes*, p. 14.

[569] Там же.

[570] Froment, *Gestes*, p. 14.

[571] Там же.

[572] Froment, *Gestes*, p. 14.

[573] 'Nous verrons ce que c'est qu'il dit.'—Froment, *Gestes*, p. 14.

[574] 'A viris et foeminis certatim ad Fromentium itum.'—Spanheim, *Geneva restit.* p. 48.

[575] Кэлвин, *пассим*.

[576] Рукопись Бадолле в Бернской библиотеке, *История. Helv.*

[577] Froment, *Gestes*, pp. 14-15.

[578] Регистры совета, 31 декабря 1532 года.

[579] Froment, *Gestes*, p. 13.

[580] "И некоторые из них общались с Павлом и Силой, и немало было знатных женщин" (Деяния xvii. 4).

[581] Galiffe, *Notices Généalogiques*, I. p. 446.

[582] 'Recente verbena tempora vincta, cera virginea pectus munita.'—Spanheim, *Geneva restit.* p. 50.

[583] 'Embabuynée,' Froment, *Gestes*, p. 16.

[584] Фроман, *Жесты*, стр. 16; Готье ср.

[585] Froment, *Gestes*, p. 16.

[586] Кальвин о Лидии, Деяния XVI. 14.

ГЛАВА XI.

ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕРКВИ. ДРУЗЬЯ И ПРОТИВНИКИ.

(Середина-конец декабря 1532 г.)

В то время как Евангелие, таким образом, проявляло свою силу в Женеве, епископ упорствовал в своей непреклонной враждебности. Женевские магистраты по-прежнему испытывали к нему большое уважение. 13 декабря 1532 года совет направил к нему депутацию, чтобы получить его согласие на налог, который был сочтен необходимым: сьер де Шапоруж, бывший капитан-генерал Филипп и другие почтительно предстали перед ним. Любовь к порядку и послушание установленной власти были характерными чертами женевских государственных деятелей, и как бы они ни были раздосадованы злоупотреблениями, источником которых была власть епископа, они не могли взять на себя что-либо без его согласия. Епископ, польщенный таким вниманием, пару дней радушно принимал делегацию, но на третий к нему вернулось все его дурное расположение духа. Когда послы снова предстали перед ним, он поспешно сказал: "Я ничего вам не дам, ни единой кроны, и я заставлю милордов Женевы просить у меня прощения на коленях". 26 декабря депутация сообщила об этих формулировках совету, который был раздосадован ими; и пока епископ отправлял в Женеву эти послания, которые не продвигали дело папства, реформация, напротив, всячески старалась просветить умы людей и завоевать их сердца. [587]

=ПРОДВИЖЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ.=

Фроман, находясь в контакте с Фарелем и реформатами Швейцарии, получал от них Заветы, трактаты и противоречивые работы, которые он и его друзья распространяли по всему городу, где их с жадностью читали. С каждым днем все больше людей обращалось в евангельскую веру. Они были из самых разных слоев общества. Некий торговец по имени Герен, шапочник, работая в своей лавке, прислушивался ко всему, что говорилось вокруг, и серьезно задумывался о религии и злоупотреблениях папства. Однажды он решил посетить Золотой Крест, и слова, которые он услышал там, тронули его сердце и просветили разум. Будучи здравомыслящим, интеллигентным, скромным человеком с решительным характером, он всем сердцем посвятил себя делу Божьему и вскоре стал помощником Фроманта. Среди новообращенных были люди всех возрастов. У Клода Бернара была дочь в возрасте от семи до восьми лет, которую он рано приобщил к знанию Священного Писания. Не по годам развитый разум ребенка был поражен некоторыми простыми и ясными отрывками, в которых осуждались народные суеверия; и маленький полемист (как нам сказали) поставил в тупик невежественных священников. Не имея возможности ответить ей, они распространили слух, что она одержима дьяволом. Знатный француз, проезжавший через Женеву, пожелал повидаться с ней и был очарован ее детской грацией и благочестием.

Вскоре стало очевидно, что существует нечто большее, чем новая доктрина: возрождение веры сопровождалось моральным преобразованием. Во времена своего фанатичного католицизма Клодин Лева очень любила одеваться; теперь ее совесть упрекала ее в том, что она была неразумна в своей любви к дорогим нарядам и больше стремилась украсить свое тело, чем душу. Однажды она заперлась в той комнате, где услышала зов Божий, сбросила с себя (говорит Фроман) " всю излишнюю храбрость (*bravete*), отложила в сторону те украшения и атрибуты, которые служили только для того, чтобы выставлять ее напоказ тщеславным образом, подобно павлину, распускающему свой хвост", и с тех пор носила простое и к лицу ей платье.

Продав свои красивые одежды и другие пожитки, она раздала деньги бедным, особенно евангелистам Франции, которые, будучи изгнаны из своих домов из-за истины, приехали в Женеву. Всю свою жизнь она любила принимать беженцев в своем доме. "Воистину, - говорили они о ней, - воистину, она следует примеру Табиты, которую звали Доркас (Деяния IX), и заслуживает вечной памяти".

Клодин сделала больше: она откровенно и кротко рассказала о драгоценной правде, которую получила, и "распространяла ее повсюду, где ей случалось бывать в городе". Священники, встревоженные таким удивительным преображением, попытались вернуть ее к церковным обычаям; но Клодин "нежно показала им с помощью Священного Писания, что необходимо" (а именно, веру и милосердие). Все в городе были удивлены, услышав, как она говорит. [588]

=ЖЕНЕВСКИЕ ДАМЫ.=

Известие о ее обращении произвело большую сенсацию, особенно среди женевских дам. Однажды, когда самые светские из них собрались вместе, они не говорили ни о чем, кроме мадам Лева и ее отчуждения от мессы и развлечений. Это были Пернетт Бальтасард, жена члена городского совета; жена Бодишона де ла Мезон Нев; жена Клода Пастора, Жанна Мари де Фернекс и многие другие богатые и почтенные дамы. [589] "Увы! - сказали они, - как же так получилось, что она изменилась за столь короткое время?" Они любили ее и еще больше сожалели о том, что она была *потеряна*.... Они выместили свой гнев на Фроманте. "Она слышала это существо, - сказали они, - и была им околдована". Эти дамы решили, что больше не увидят ее. [590]

Клодин не отчаивалась в своих друзьях. Она продолжала жить для Бога, и все могли видеть, что святая жизнь, полная добрых дел, проистекала из ее веры. Женевские дамы, хотя и не желали навещать ее, наблюдали за ней; и, заметив, "что она упорно добивалась добра и по-прежнему являла собой постоянный образец святой жизни", они приблизились к ней. Им было любопытно узнать причину этой странной перемены, и они начали заговаривать с ней при встрече, некоторые даже собирались повидаться с ней. Клодин приняла их с любовью, поговорила с ними о том, что переполняло ее сердце — именно этого желали ее друзья, — подарила им Новый Завет и умоляла их прочитать его и полюбить Спасителя. Несколько из этих дам обратились, особенно те, кого мы назвали. Клодин, которая была для них "образцом жизни и милосердия", настаивала на том, чтобы они приняли христианское поведение. "Отложите в сторону свое великопение, - сказала она им, - одевайтесь просто и без излишеств и посвятите свои мысли великой благотворительности. На первом месте стоит вера, но после нее идут добрые дела. "С того времени эти женщины действительно проявляли большое сострадание к несчастным. Слава об их добрых делах распространилась повсюду, и они почитали Евангелие. Казалось общепринятым, что никто не может быть христианином, *если у него в доме нет какого-нибудь бедного преследуемого иностранца*. [591] Таково было женевское христианство в тот момент, когда оно начало зарождаться, и таким оно оставалось в течение двух столетий.

Эме Лева, который поначалу был категорически против Фромана и Евангелия, постепенно смягчился. Святость и милосердие его жены заставили его по достоинству оценить Слово Божье: "так Клодин покорила своего мужа Господу". [592] С того времени у нее появилось больше свободы, и, поскольку собраний у Золотого Креста было недостаточно, небольшие собрания проводились в ее доме или в других. Когда среди присутствующих не было евангелиста, способного объяснить Библию, они умоляли эту благочестивую христианку

сделать это, говоря: "Никто не получал от Господа более великих даров, чем ты". Затем Клодин читала Священное Писание и с простотой излагала истины и благодать, которые она нашла в нем. Реформаторы вспомнили заповедь святого Павла: *Пусть ваши женщины хранят молчание в церквях*; но они добавили: "Это следует понимать как обычное обвинение, поскольку может случиться случай, когда женщине будет необходимо выступить публично". [593] Вскоре скромный Герен, который день и ночь изучал свою Библию, и другие христиане точно так же приняли активное участие в деле евангелизации.

=ЦЕРКОВЬ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.=

Церковь формировалась. Сначала в Женеве то тут, то там по отдельности пробуждалось несколько душ; теперь к элементу индивидуальности, который является первым, присоединился элемент общности, который не менее необходим, ибо христианство - это закваска, которая *заквашивает весь организм*. Те, кто начал верить, собрались, чтобы вместе продвигаться в вере. Несомненно, это еще не была церковь в ее полном виде, со всеми ее институтами. Верующие, даже не создавая церковь, могут оказывать влияние друг на друга, совместно молиться и праздновать Вечерю Господню; обычно все начинается именно так. Это переходное состояние, законность которого должна быть признана, доказывает, что церковная организация с ее служителями, старейшинами, диаконами, пресвитериями и синодами не занимает первого места в христианстве и что первенство принадлежит вере и христианскому освящению. Этот несовершенный способ существования недостаточен: он имеет много недостатков и подвержен многим опасностям. Церковь должна быть сформирована. Несколько позже, при Кальвине, она действительно обрела свою законченную форму в Женеве. Было бы глупо отказывать человеку в праве сначала быть ребенком, но не менее глупо было бы отказывать ему в праве и обязанности стать мужчиной.

Как раз в это время евангелисты получили неожиданную помощь. Францисканец, приехавший из-за границы, начал читать адвентистские проповеди в церкви Рив, и оказалось, что у этого монаха, по имени Кристофер Боке, была некоторая склонность к Евангелию. Будучи приглашенным проповедовать в город, где враждовали две партии, он воздерживался как от суеверий, так и от злоупотреблений — частых тем для многих католических проповедников, — но в то же время он воздерживался от некоторых отличительных доктрин Реформации, которые он не совсем понимал, и, придерживаясь определенной общей основы христианства, произносил "умеренные" проповеди. [594] Одетый в свое коричневое платье, с шнурком на поясе и смиренно склонив голову, он вошел в церковь Кордельеров, взошел на кафедру и, созерцая разношерстную толпу перед собой, провозгласил всем Спасителя, пришедшего не в великолепном облачении, но с милостивой любовью, и призвал каждое сердце возрадоваться при виде его. Евангелисты получали назидание, и число людей, посещающих церковь, увеличивалось с каждым днем. Но брат Кристофер "едва закончил свою проповедь", когда гугеноты поспешили к месту встречи Фромана, где *труба издавала отчетливый звук*. Они были не единственными людьми, которые ходили туда. Многие католики, услышав, как реформаторы говорят, что монах и школьный учитель проповедовали в сущности одно и то же, последовали за толпой, идущей к Золотому Кресту, и некоторым из них понравилось то, что они услышали.

Таким образом, люди становились все более и более просвещенными. Евангелисты встречались иногда в одном доме, иногда в другом; они читали и обсуждали небольшие

трактаты, которые им присылали, но прежде всего обращались к Священному Писанию. Только там эти простые христиане были готовы искать свет, в котором нуждалась их совесть. "Давайте специально изучим священные писания, - говорили они, - чтобы мы могли отличать в религии то, что исходит от Бога, от того, что к ней добавили люди". [595] Женевцы уходили с этих собраний окрепшими и полными радости, и их любовь к Слову Божьему продолжала возрастать.

Если Реформация встретила в Женеве верных приверженцев, то столкнулась и с решительными противниками. Изумленные и сбитые с толку священники, казалось, спали. Довольствуясь войной из-за пустяков, они не оказывали активного и объединенного сопротивления евангелическому движению. Именно миряне подняли крик тревоги. Разгневанные бездействием духовенства, они дали сигнал к "священной войне", призванной, по их мнению, изгнать неверных из их горячо любимого Сиона. Во главе их стоял Томас Мойн [596] — решительный, порывистый человек, бегло говоривший и пользовавшийся большим уважением в римской партии; он жаловался, что они позволили врагу мало-помалу утвердиться в древнем епископальном городе. Он сказал, что пора просыпаться, и упрекнул женевских священнослужителей в их трусости. Мойн говорил не зря.

=ПРОПОВЕДЬ В ЦЕРКВИ МАДЛЕН.=

Викарий Ла-Мадлен, тронутый его словами, решил возвысить честь своей церкви и корпорации и объявил, что будет проповедовать против школьного учителя-еретика и иностранного проповедника. Большая площадь вскоре была заполнена ревностными католиками, среди которых были некоторые реформаты, в частности Шот, Клод Бернар, Саломон и Перрен. Викарий восхвалял католическую апостольскую Римскую церковь, превозносил ее главу, который был (по его словам) представителем Бога, и защищал ее богослужение и институты. Затем, похвалив загон, он описал "волков", которые рыскали вокруг него, чтобы пожрать овец. Он обвинил Фроменга в невежестве и лжи и заклинал своих слушателей не бросаться в лапы диких зверей, воров и разбойников....

Выйдя из церкви, четверо гугенотов, которые слышали его, встретились, чтобы спросить, что делать. Эти люди, которые в первый момент, как и другие, оказали столь плохой прием школьному учителю, были тронуты (по крайней мере, трое из них) простой проповедью Евангелия. Библия, как мы видели, стала их апелляционным судом, что огорчило священников, которые не осмеливались отрицать божественность этой книги, но поскольку они никогда ее не изучали, были очень смущены, найдя в ней доказательства своих догматов. После некоторого раздумья Шот и его друзья пришли к викарию. "Фроман, - сказали они, - хороший и образованный человек; вы говорите, что он солгал; докажите это Священным Писанием?" Получив согласие викария, гугеноты потребовали, чтобы обсуждение состоялось публично, чтобы все могли извлечь из него пользу; но священник пожелал, чтобы оно состоялось в доме священника. Сторонники Реформации уступили, и были приняты меры к тому, чтобы диспут состоялся в последний день года. Бедный священник (по имени Клод Пеллиез) был сильно смущен: он удалился в свою комнату, взял Вульгату, которую открывал нечасто, и начал искать отрывки, которые можно было бы противопоставить реформатским доктринам; но тщетно, он ничего не мог найти.

=ПРОТИВОРЕЧИЕ.=

Днем 31 декабря, в день святого Сильвестра, Шот, Бернар, Перрен и Саломон отправились в дом священника церкви Мадлен, как обычно, при шпагах. Несколько священников, приглашенных викарием, уже были там, но им пришлось подождать поборника латинизма, который еще не смог найти ни одного текста. Четверо гугенотов сняли пояса, бросили шпаги на кровать и, сев за стол вместе со священниками, начали непринужденную беседу. Наконец викарий, которому было нелегко оторваться от своих фолиантов, в которых он все еще надеялся что-нибудь найти, появился с объемистым томом под мышкой. Гугеноты встали, когда он вошел; под столом, за которым они сидели, стояло несколько бутылок вина, которые они и священники опустошили, ожидая его, и за которые заплатил Перрен. Собрание началось. Викарий открыл свой большой том, в котором на нескольких полосках бумаги были указаны места, которые он считал благоприятными для себя, и зачитал длинный отрывок, противоречащий доктрине Фромана. "Что это за книга?" - спросил Перрен. "Это не Библия". Гугеноты добавили: "Вы не смогли найти в Библии ни одного слова, которым можно было бы ответить Фроманту", - и рассмеялись над ним. "Что вы такое говорите", — возразил священник, покраснев от гнева. "Этовечная почта в Библии знаменитого Николаса Лиры!" - "Но вы обещали опровергнуть это место из Священного Писания", — а Лира, - сказал священник, - самый опытный толкователь". Гугеноты были полны решимости не принимать комментарии человека так, как если бы они были самим Словом Божиим. Библия, неподкупная и непогрешимая, перед которой должны пасть все человеческие системы, была единственным авторитетом. "Лира плохой врач", — сказал Перрин. — "Да!" — "Нет!" — "Да!" - "Ты не держишь своего слова". У Перрина было скорее понимание, чем настоящее благочестие: он был лампой, но в ней не было масла. Высокомерный, вспыльчивый и своевольный, он хотел, чтобы все склонялись перед ним, как и викарий. Ссора разгорелась, и вместо обсуждения они оскорбляли друг друга. Затем один из церковников украдкой покинул комнату, и внезапно вошла группа священников с неким Де ла Рошем во главе, который держал обнаженный меч, выставленный перед собой. - Что? - воскликнул Клод Бернар. - Мы пришли по доброй воле, только мы вчетвером, в ваш дом, чтобы все обсудить; мы выпили с вашими друзьями, мы бросили наши шпаги на кровать... и ты предательски посылаешь за вооруженной бандой священников. Это ловушка". С этими словами четверо горожан схватились за мечи, пробились сквозь своих противников, вышли на улицу и заняли свои позиции, готовые защищаться. Один из священников подбежал к колокольне Мадлен и начал звонить в набат. [597] Так закончился первый теологический диспут в Женеве.

=ПЕРЕПОЛОХ В "МАДЛЕН".=

Было около полудня — время, благоприятное для беспорядков. Услышав церковный колокол, город пришел в смятение, и все поспешили на место. Говорили, что гугеноты хотели завладеть зданием, чтобы школьный учитель мог проповедовать в нем. Священники вышли вперед со своими приверженцами, чтобы защитить святилище; гугеноты взяли за оружие, чтобы защитить своих братьев, окруженных перед церковью. "Увы! - сказали "друзья мира", - священники бьют в набат и таким образом побуждают горожан убивать друг друга". Четверо гугенотов с обнаженными мечами, прижавшись спинами к стене, приготовились оказать церковникам теплый прием, в то время как их друзья, когда они прибыли, встали рядом с ними. Суматоха была всеобщей. "Давайте приблизимся к церкви", - сказали священники, которые хотели окружить ее, чтобы помешать евангелистам войти. Гугеноты и католики со всех сторон спешили к Мадлен. Ужас охватил самых робких. Бедные дамы Сент-Клера, которые были за обедом, услышав шум, в тревоге встали из-за стола и воскликнули: "Увы! они угрожали

поженить нас ... они собираются привести в исполнение свой отвратительный заговор", - совершили крестный ход вокруг своей церкви и сада с великой преданностью и многими слезами. [598]

Как раз в это время совет разошелся, и двум синдикам, Рамелю и Савойе, которые направлялись домой, пришлось пройти через разгар беспорядков. Обе стороны были готовы подраться. Синдикаты выступили вперед, остановили сражающихся, выставив вперед свои официальные посохи, и приказали им сложить оружие, что и было сделано. "Не было ни насилия, ни кровопролития". [599]

Но на этом все не закончилось. Некоторые члены капитула и несколько священников, услышав, что в церкви Мадлен происходит драка, собрались на улице Шануан, где Уильям Канал, настоятель церкви Сен-Жермен, обратился к ним с речью. Католическая вера находится под угрозой, трон папы римского поколеблен, великая честь, причитающаяся Марии, находится под угрозой.... Мы должны обрушиться на тех, кто ставит это под сомнение, и освободить город от их личностей и их заблуждений. Таков был итог его выступления.

Когда суматоха вокруг церкви утихла, [600] лейтенант юстиции (Шатонеф) повернул в сторону улицы Шануан, где, как ему сказали, священники были в смятении. Обнаружив, что они полны решимости следовать за Каналом с мечом в руке к "Мадлен", он приказал им остановиться. Священник церкви Сен-Жермен, не желая подчиняться приказам гражданского судьи, опрометью бросился к церкви. Шатонеф положил на него руку, когда мятежный пастор обернулся и направил свою аркебузу на этого офицера; но дружеская рука помешала ему выстрелить. Канал убежал, а остальные священники разошлись. [601]

=ФРОМАНТ НЕ ХОТЕЛ ПРОПОВЕДОВАТЬ.=

Совет вновь собрался вечером. Каждое мнение было представлено в этом органе, который колебался между двумя мнениями. После бунта, подобного тому, что только что произошел, необходимо было принять определенные меры предосторожности, тем более что завтра был день Нового года, а в такое время умы людей легче возбудить. Совет созвал главных сторонников реформы, и Фроман также был приглашен, хотя в Реестрах нет упоминания о его присутствии. "Мы призываем вас, - сказали синдики, - заставить Энтони Фроamenta прекратить споры и проповеди, а также других, кто преподает в частных домах; и мы закликаем вас жить так, как жили ваши отцы". Никто не давал никаких обещаний; напротив, реформаты удалились, сказав: "Мы будем слышать Слово Божье везде, где сможем: никто не имеет права скрывать это". Затем, повернувшись к Фроменту, они умоляли его не молчать под таким запретом. [602] "Мы вынуждены, - сказали они, - выслушать школьного учителя и его друзей, потому что постановление совета, предписывающее проповедовать Слово Божье в каждом приходе, не было соблюдено". Реформированные, желая прежде всего повиноваться Богу, отстаивали свою правоту: они апеллировали к законным постановлениям, и это было основанием, которого они намеревались придерживаться.

Совет, признав, что позиция евангелистов неприступна, послал за аббатом Бонмона, викарием-епископом, и умолял его задержать в Женеве кордельера, который так хорошо проповедовал Адвент, и оказать давление на доминиканцев, чтобы они также предоставили проповедника, способного назидать их паству. Далее они требовали, чтобы в каждом приходе были истинные

проповедники Слова Божьего. Викарий-епископал, будучи мирным человеком, обещал все, даже наказать священника.

Смятение улеглось, но в умах людей все еще царило сильное волнение. Одни видели, что буря миновала, другие - что она легко может разразиться снова. Поскольку это был канун дня святого Сильвестра, по всему городу проходили многочисленные собрания, католики и гугеноты были одинаково взволнованы и оба с нетерпением ждали завтрашнего дня. [603]

[587] Списки членов Совета, 13 и 26 декабря; Готье Г-жа

[588] Froment, *Gestes*, p. 18.

[589] Froment, *Gestes*, p. 18.

[590] Froment, *Gestes*, p. 17.

[591] Фромант, *Gestes*, стр. 16-18; Розет, *Хронология*. жизнь. х. глава ii.

[592] Froment, *Gestes*, p. 17.

[593] Кальвин, 1 Кор. xiv. 34.

[594] 'Moderatas ad populum conciones habebat.'—Spanheim, *Geneva restit.* p. 48.

[595] Рукопись ошибочно приписана Буивару в Бернской библиотеке, *История. Helv.* V. 12.

[596] Он подписал свое имя *Мохеннос*, которое произносилось как *Мойн*— написание государственных реестров.

[597] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 49.

[598] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 49.

[599] Муниципальные реестры, *ad diem*.

[600] "Ab invasione per eos ссепта". —Реестры Собора от 31 декабря 1532 г.

[601] Розет, *Хрон.* лив. ii. гл. iv.

[602] Бернская рукопись, приписываемая Бонивару.

[603] Списки Собора. Розет, *Хроника*. лив. ii. глава iv.

ГЛАВА XII.

ПРОПОВЕДЬ В МОЛАРДЕ.

(Новый год 1533 года.)

В течение почти двадцати лет либерти расчищала почву, на которой Евангелие должно было воздвигнуть свой храм. В течение почти восьми лет несколько благочестивых голосов говорили об учении о спасении в частных беседах и на собраниях, но Реформация еще не

проповедовалась перед лицом народа. Близился час, когда это должно было стать достоянием гласности и печальной известности; мир был готов стать свидетелем рождения принципов той моральной силы, которая на протяжении двух столетий, какой бы низостью ни было ее происхождение, влияла на судьбы христианского мира; которая, раздувая пламя, то есть вдохновляя друзей Реформации небесным мужеством, вела героические битвы против иезуитов и инквизиции и защищала Евангелие и свободу от опасных посягательств. Женева была близка к тому, чтобы услышать голос протестанта.

=НОВЫЙ ГОД.=

Прошла последняя ночь 1532 года, и начиналось начало 1533-го. В каждом доме родственники и друзья встречали новый год, который, как надеялись реформаты, будет лучше всего, что было раньше. Когда семейные поздравления закончились, они отправились в церковь. Бокке снова проповедовал в монастыре Серого монаха, куда пришло много евангелистов; но едва монах закончил, как множество его слушателей покинули часовню и нетерпеливо поспешили по Рю де Рив к Золотому Кресту. Среди них было много любопытных, которые, зная, что совет запретил проповедовать Фроманту, еще больше желали послушать его. Через мгновение зал был заполнен, затем лестница и коридор ... и вот, наконец, улица перед домом. Фромант прибыл с несколькими друзьями и, увидев толпу, заметил: "Улицы настолько переполнены, что это настоящая давка". Однако он пытался пробиться сквозь толпу, и его друзья помогали ему; но что бы он ни делал, все его усилия были безрезультатны.

Было ли все это непредвиденным, или это было заранее спланировано кем-то из гугенотов? Были ли эти энергичные люди полны решимости, наконец, вывести евангелиста из его тесной классной комнаты и заставить его проповедовать публично? Разве нет доли правды в заявлении сестры Жанны о том, что накануне вечером они хотели заставить его проповедовать на большой площади Мадлен? И можем ли мы не поверить, что, поскольку тогда им это не удалось, теперь они захотели компенсировать это, заняв еще большее пространство и заставив реформатора проповедовать на открытом воздухе? Эти предположения кажутся вероятными, но нет решительных доказательств в их пользу. Во всяком случае, толпа узнала Фроманта и увидела, что он не может добраться до обычного места своего служения. Те, кто был на улице, поняли, что если евангелисту удастся войти на Золотой Крест, они останутся снаружи, что им не понравилось. Один человек крикнул: "К Коренным зубам", и через короткое время крик стал общим: "К коренным зубам, к коренным зубам". [\[604\]](#)

=ОБРАЗОВАНИЕ ПЕНЫ НА КОРЕННЫХ ЗУБАХ.=

Молард располагался в самом густонаселенном квартале города, недалеко от озера и Роны. Это была большая площадь, примерно в 200 ярдах от Золотого Креста. Фромант колебался, но толпа, придя в движение, увлекла его за собой к юго-западному углу площади, где до сих пор находится рыбный рынок. Там были продавщицы рыбы, на прилавках которых были выставлены свежие товары. Гугеноты, не найдя другой кафедры, заняли один из этих прилавков и пригласили Фромана занять его. Он был полон решимости, как и его учитель Фарел, проповедовать истину везде.

Как только его голова показалась над остальными, толпа, заполнившая площадь, выразила свой восторг, и те, кто окружал его, закричали громче, чем когда-либо: "Проповедуйте нам, проповедуйте нам Слово Божье". Фромант, который был тронут, ответил громким голосом: "Это

также слово, которое пребудет вечно". Суматоха была настолько велика, что проповедник не мог заставить себя говорить: "Он сделал им знак рукой сохранять тишину, и они затихли". [605] "Помолись Богу вместе со мной", - сказал он, а затем, сойдя с прилавка, опустился на колени на землю. Он был взволнован: слезы текли по его щекам; [606] глубокая тишина царила на этой площади, которая в те дни так часто становилась ареной бурных движений. Некоторые преклонили колени, другие остались стоять; у всех были непокрыты головы, и даже те, кто не был знаком с Евангелием, казались задумчивыми. Фромант сложил руки, возвел глаза к небу и, говоря так отчетливо, что все могли его слышать, сказал: [607]

=МОЛИТВА У КОРЕННЫХ ЗУБОВ.=

"Вечный Боже, отец всех милостей, ты обещал своим детям дать им все, что они попросят с верой, и не откажешь им ни в чем разумном и справедливом; и ты всегда слышал молитвы твоих слуг, которые подвергаются различным притеснениям. Теперь ты знаешь, в чем нуждается этот народ, лучше, чем они или я.... Эта потребность заключается главным образом в том, чтобы услышать твое Слово. Это правда, что мы были неблагодарны, не признав тебя нашим единственным Отцом и твоим собственным сыном Иисусом Христом, которого ты послал умереть за нас, чтобы быть нашим единственным Спасителем и ходатаем. Но, Господи, ты обещал нам, что всякий раз, когда бедный грешник приблизится к тебе, ради твоего Сына, рожденного от Девы Марии, ты услышишь его. Мы знаем и даже уверены, что ты желаешь не смерти и истребления грешников, но того, чтобы они обратились и жили.... Ты желаешь, чтобы они не оставались под великой тиранией Антихриста и под рукой дьявола и его слуг, которые постоянно борются против твоего святого Слова и разрушают твою работу.... Отче наш! взгляни сверху вниз на твой бедный слепой народ, ведомый слепыми, чтобы они оба упали в канаву и могли быть подняты только твоей милостью.... Вознеси их Твоим Святым Духом, открой их глаза, их уши, их разум, их сердца, чтобы, исповедуя свои грехи, они могли взирать на доброту Твоего Сына, которого Ты отдал умереть за них. И поскольку тебе было угодно, Господь, послать меня к ним, дай и им, и мне бесконечную благодать, чтобы твоим Святым Духом они могли принять то, что ты вложишь в уста твоего слуги, который недостойн быть носителем столь великой вести. Но поскольку тебе было угодно избрать меня из числа слабых мира сего, дай мне силу и мудрость, чтобы твое могущество могло проявиться ... не только в этом городе, но и во всем мире. Как может раб твой устоять в присутствии такого множества противников, если тебе не угодно укрепить его? Покажи же, что твоя власть больше, чем у сатаны, и что твоя сила не похожа на силу человека". Фромант закончил молитвой Господней.

=ПРОПОВЕДЬ В МОЛАРДЕ.=

Люди были тронуты: они часто слышали механические молитвы священников, но не молитву сердца. Они признавали, что реформаторы, безусловно, были не партизанами, а христианами, желавшими спасения всех людей. Евангелист поднялся и снова взошел на трибуну, которой предстояло стать первой кафедрой Реформации в Женеве. Он слышал о действиях викариев церковей Мадлен и Сен-Жермен и был тронут яростным противодействием священников проповеди Евангелия. У него все еще были перед глазами их мечи и аркебузы, и он решил противостоять им мечом Духа, который есть Слово Божье. Необходимо было увести женец от учителей, которые обманывали их, и направить их к Священному Писанию; необходимо было порвать с папством. Все взгляды были прикованы к нему: они видели, как он взял книгу — это было Евангелие. Он открыл его на седьмой главе Евангелия от Матфея и прочитал эти слова:

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть хищные волки: по плодам их узнаете их. Затем, устремив взгляд на свою многочисленную аудиторию, Фроман начал с выражения своей веры в тайны Божьи: "Наш Господь и Спаситель Иисус Христос, истинный Бог и истинный Человек, зачатый от Святого Духа и рожденный от Девы Марии, зная о том, что должно было произойти, предвидел, что придут лжепророки не с отвратительными лицами, но с самой приятной внешностью в мире, под цветом святости и *вовечьей шкуре*, чтобы дети Божьи могли быть обмануты. По этой причине он увещевал своих учеников быть *мудрыми, как змеи, и безвредными, как голуби*. Наш Бог желает иметь не глупый, легкомысленный народ, а народ, наделенный великой мудростью, который может отличить учение о Боге от учения о человеке. Те, кто не знает этого, сбиваются с пути и подобны свиньям, которые не могут отличить хорошее от плохого и глотают все без разбора.... Ах, если змей, который всего лишь животное, так мудр в своем поколении, если он затыкает свои уши, чтобы не слышать голоса чаровницы, если он сбрасывает свою старую кожу, когда для этого приходит время, не побоимся ли мы следовать хитро придуманным доктринам людей? Не сбросить ли нам нашу старую кожу, чтобы надеть новую? Да, мы должны отбросить нашу старую природу, которая есть грех, сатана, идолопоклонство, нечистота, грабеж, лицемерие, гордыня, алчность и ложное учение, и облечься в нового человека, которым является Христос.... Было бы бесполезно слушать Слово Евангелия, если бы мы не изменили своих злых намерений, и различать лжеучителей, если бы мы не избегали их. Что?! если мы распознали ядовитых зверей, должны ли мы жить среди них? Если мы увидели блюдо с ядом, не должны ли мы остерегаться есть его?

Но Христос желает, чтобы мы и дальше были *безвредными, как голуби*. Не с простотой монашеского лицемерия или фанатизма, но с простотой сердца, без желчи, прекрасного, как у голубки.... Если мы будем ходить в такой простоте, мы победим всех наших врагов, как Иисус Христос победил своих врагов своей кротостью.... Давайте не будем начинать сражаться, убивать и жечь, как это делают тираны. У дитя Божьего нет другого меча защиты, кроме Слова Божьего; но это обоюдоострый меч, проникающий даже до мозга костей".

Все поняли намек Фроманта, и многие, вспомнив о буйстве вчерашнего вечера, посмотрели друг на друга и улыбнулись. Но в то время как эти энергичные слова взбудоражили толпу, собравшуюся в Моларде, в остальной части города царил еще большее волнение. Священники были раздражены; они пытались закрыть классную комнату Фроманта, и теперь он проповедовал на большой площади. Они переходили от одного к другому и будоражили мирян. "Лютеране, - сказали они, - отвезли своего *цдола* в Молар, чтобы заставить его там проповедовать". Викарий-епископ, получив от них инструкции, уведомил синдиков, которые послали за главным билетером (*гранд Сотье*) Фальке и приказали ему прекратить проповедь. Этот офицер немедленно спустился к Молару, сержанты расчистили путь сквозь толпу и, подойдя к Фроманту, который в то время говорил с большой смелостью, он протянул к нему свой посох и сказал: "Именем моих лордов я приказываю вам прекратить проповедь".

Фромант остановился и, повернувшись к старшему билетеру, громко ответил ему: "*Мы должны повиноваться Богу, а не людям*. Бог повелевает мне проповедовать Его слово, вы запрещаете это; поэтому я не обязан вам повиноваться". Присутствие общественной силы вызвало, однако, некоторую сенсацию в аудитории. Евангелист, заметив это, повернулся к людям и сказал: "Не беспокойтесь, друзья мои, но послушайте, что говорит наш Господь — что мы должны остерегаться лжепророков". Воцарилась тишина, все успокоилось, и Фальке, обнаружив, что

евангелист полон решимости проповедовать, счел самым безопасным обратиться к своим хозяевам и удалился со своими офицерами. Затем Фроман продолжил свою речь: "Чтобы быть настороже против лжепророков, мы должны знать, кто они такие, какова их доктрина и жизнь, и во что они облачены. Когда они будут описаны вам в их естественных красках, вы будете избегать их учения и их жизни как более смертоносной, чем чума. Язвы, которыми Бог посещал вас до сих пор, [608] касались вас только внешне; но это, более ядовитое, чем все другие яды земли, заражает душу, убивает ее и ввергает в погибель. Этой чумой мы и наши отцы были заражены почти тысячу лет назад. Не то чтобы это пришло к нам внезапно, в злодейском и уродливом обличье; нет, это пришло постепенно, под маской святости и в овечьей шкуре, у этих хищных волков были даже какие-то благие намерения. Но хотя Иисус Христос предупредил нас об их пришествии и указал нам на них, мы были ослеплены и за нос приведены ко рву обмана, как скот к водопою.... Сын погибели, которому, сидящему в храме Божьем, поклоняются как Богу — ему вы поклоняетесь и соблюдаете его заповеди. О! какому прекрасному хозяину вы служите, и какие у вас пророки! Вы их знаете? Чтобы не держать вас в напряжении, я открыто заявляю, что говорю о папе римском и что лжепророки, которых я призываю вас остерегаться, - это священники, монахи и все остальные из его свиты.

Но некоторые из вас, которые сами принадлежат к этой группе, скажут: "Это вы - лжепророки! Наш закон стар, а ваш - всего лишь вчерашний день, и вносит смятение среди людей каждой страны. Пока правили наши друзья, мы наслаждались таким количеством добра, таким количеством счастливых лет, что это было просто чудесно; но с тех пор, как вы пришли проповедовать этот новый закон, начались войны, голод, эпидемии, разделения, раздоры и недоброжелательство. Конечно, ты не от Бога".

"Что ж, давайте рассмотрим это утверждение; давайте выясним, кто эти лжепророки — мы или ваши священники?... Чтобы проводить дискриминацию в таком вопросе, обе стороны должны иметь компетентного судью, который не принимает лиц, и чтобы стороны не были судьями в своем собственном деле. Ибо если в гражданских делах нам нужны хорошие судьи, хорошие ходатайства, хорошие свидетели, веские доводы и патенты, то насколько больше это необходимо в делах Божьих!... Поэтому мы обратимся к компетентному судье и представим свидетелей, документы и древние обычаи для защиты нашего права".

Любопытство было возбуждено; слушатели спрашивали друг друга, как зовут судью. До сих пор к папе обращались как к единоличному судье в спорах: кого Фроман собирался поставить на его место?

"Во-первых, - продолжал он, - судьей будет Бог. Да, Бог, Который судит праведным судом, не обращая внимания ни на богатых, ни на бедных, ни на мудрых, ни на глупцов, и который отдает право тому, кому оно принадлежит; — судьей будет Его истинный Сын Иисус Христос, сопровождаемый Его добрыми и законными свидетелями пророками и апостолами; и вот, - сказал он, поднимая Новый Завет и показывая его людям, - вот запечатанные письма, подписанные драгоценной кровью нашего Господа, и облако мучеников, которые были преданы смерти, чтобы нести это свидетельство. Что мы там прочитали?

Во-первых, Господь осуждает фарисеев как *слепых лидеров*. Итак, не думаете ли вы, что ваши (римские священники) осуждены им?... Те, кто называют себя святыми благодаря своим собственным заслугам, единственными святыми церкви, и кто хочет провести вас своими буллами, помилованиями, исповедями в ушах, мессами и другими уловками или маневрами,

которые они придумали из своих собственных голов ... чего фарисеи никогда не осмеливались делать.

Более того, Господь в евангелии от Матфея свидетельствует следующее: в последние дни восстанут лжепророки, которые скажут вам: *смотрите, здесь Христос или там!* [609] Разве они не говорят вам, что Христос там ?.. во внутренней части святого дома, спрятанный в самом дальнем месте, *в сосуде?* Не верьте им. Истинный Христос - это тот, кто искупил нас своей кровью. Ищите его истинной верой по правую руку от Отца, а не в доме, в чулане, на помойке... как это делают ваши новые искупители и первосвященники.

- А что говорит Иисус Христос сегодня для более полного выявления лжепророков? Он не только говорит, что они приходят в овечьих шкурах, но и что *они ходят в длинных одеждах, пожирают дома вдов и для вида совершают долгие молитвы.* [610] Господь запрещает носить длинные одежды не для телесных нужд, а связанные с ними лицемерные суеверия, те, кто их носит, считают себя более святыми, чем миряне, потому что одеты, выбриты и подстрижены не так, как мы.... Да, таким образом они пожирали вдов; я не хочу сказать, что они поедают женщин; это просто способ говорить, как мы говорим о тиранах, что они пожирают свой народ, а об адвокатах, что они пожирают своих клиентов, то есть их имущество; а не то, что они едят мужскую плоть, как это делают канныбалы. *Они ломают свои кости* (чтобы добраться до мозга костей), говорит пророк, *и едят плоть моего народа, как мясо в котле.* [611]

- Смотрите теперь, о люди, молю вас, и судите сами. Скажи нам, кто те, кто носит такую одежду, такие *длинные одеяния*, кто *пожирает вдов*, напоказ произнося долгие молитвы.... Вы очень хорошо знаете, что это не мы, потому что мы одеты как другие люди; но если бы ваши священники одевались как мы, они были бы вероотступниками и отлучены от церкви.

Более того, мы не даем бедным людям понять, что они должны принести нам часть своего имущества, и тогда мы спасем их; что, молясь за них и за умерших, мы выведем их из чистилища.... Но ваши священники делают это, и под такими предложениями они утащили в свои лапы почти все богатства земли; и об этом не должно быть сказано ни слова... ибо всякий, кто заговорит об этом, будет внезапно предан смерти, или будет отлучен от церкви, или назван еретиком и лютеранином.

-Ах! Иисус Христос, святой Павел и другие апостолы настолько верно описывают их в жизни, что нет никого настолько слепого или глупого, чтобы не распознать их легко, за исключением тех, кто боится потерять свои талоны на суп. Священное Писание называет их колодцами без воды, антихристами, презирающими Господа, и говорит, что они *прислушиваются к учениям дьяволов, запрещающим вступать в брак и повелевающим воздерживаться от мяса, которое Бог сотворил, чтобы верующие принимали его с благодарностью.*" [612]

Пока Фроман таким образом обращался к народу в Моларе, магистраты, собравшиеся в отель-де-виль, узнали от главного билетера, что проповедь все еще продолжается. Синдикаты были взбешены. Каноники и священники утверждали, что, поскольку гражданская власть беспомощна, они должны взять дело в свои руки, и, схватившись за оружие, приготовились спускаться. В то же время совет, решив подать пример, приказал задерживать проповедников, где бы они ни были обнаружены; и, следовательно, лейтенант полиции, фискал-прокурор, с сержантами, солдатами и священниками большим отрядом направились в Молар, разгневанные и возмущенные смелостью евангелиста и полные решимости бросить его в

тюрьму. Если Фарел находился вне их досягаемости, то Фроман, по крайней мере, не должен был сбежать. В то время как эта возбужденная группа спускалась по Перрону со смертоносными намерениями, Фроман, который либо ничего не подозревал, либо ему было наплевать на это, продолжал свою речь к жителям Женевы.

"Есть много других отрывков из Священного Писания, - сказал он, - которые можно привести для более убедительного доказательства; но этого должно быть достаточно, чтобы вы могли судить, являемся ли мы или ваши пасторы лжепророками. Среди вас нет никого, кто не знал бы, что мы не запрещаем брак или употребление мяса; что мы объявляем брак священным, предписанным от начала мира всем, у кого нет дара воздержания, без какого-либо различия лиц. Но папа поступает иначе и говорит, что тот, у кого нет законной жены, может содержать наложницу (*Distinctio* xxxiv. глава xvi. *Qui non habet uxorem, loco illius concubinam habere potest*); ибо, добавляет он, я желаю, чтобы они были святыми.... Поистине, это удивительная святость!... Я назначаю вас судьями. Вы давно знаете их лучше, чем я.

Что касается мяса, то мы оставляем каждого человека свободным, как это сделал наш Господь, призывая людей употреблять его с пользой, без излишеств, благодаря Бога.... Но они делают прямо противоположное. Хотя Христос был послан Отцом, чтобы научить нас истине, они приносят нам ложь, сны, лжеучения, запреты на брак и употребление мяса и всякую ерунду, как если бы они были святынями."...

=ПРОПОВЕДЬ ПРЕРВАНА.=

В этот момент послышался непонятный шум. Клод Бернар, чьи глаза и уши были настороже, заметил группу вооруженных людей, входивших на площадь. Городской наместник, прокуратор-фискал, солдаты и вооруженные священники, раздраженные и нетерпеливые, оккупировали Молард. Бернар видел, что сопротивление было бы опасным и бесполезным; кроме того, Реформация не должна устанавливаться в Женеве насилием, она должна прокладывать свой путь убеждением. Нельзя было терять ни минуты; каждый знал, какова была бы судьба евангелиста, если бы он был схвачен.... Он должен быть спасен. Поэтому Бернард вскочил со своего места и "в большом возбуждении" бросился к Фроману, крича ему во весь голос: [613] "Здесь все священники с оружием в руках ... с ними прокуратор-фискал и наместник города.... Ради чести Божьей, спустись, слезь с прилавка и позволь нам спасти твою жизнь!... Спасайтесь!" Фромант не спускался вниз: они напрасно умоляли его; сердце его горело, ибо он понимал, что его речь волнует их души.... Как он мог бросить свою работу в такой решающий момент? Но священники и аркебузиры приближались; некоторые из гугенотов уже хватались за мечи и готовились оказать сопротивление банде священнослужителей. Это привело бы к кровопролитию и смерти. "Молитесь, ради чести Господа, давайте избежим пролития крови", - воскликнул Бернард. Фроман не смог удержаться от этих слов. Несколько его друзей схватили его, подняли с прилавка и потащили прочь. Они провели его через узкий частный проход и таким образом добрались до дома Жана Шот-Ампа. Дверь открылась, и евангелист был помещен в потайное место. Священники и солдаты тщетно пытались добраться до него; между ними и ним была масса слушателей. Лейтенант приказал людям, "подвергнутым суровому наказанию", удалиться; и когда проповедник оказался в безопасности, собрание разошлось. Магистраты и священники вернулись сердитые и разочарованные, чтобы сообщить синдикам об этой второй неудаче. Слово было посеяно не напрасно; многие слушатели обнаружили, что получили великолепный новогодний подарок. Таков был первый день 1533 года в Женеве.

=ФРОМАНТ В БЕГАХ.=

Все священники и их последователи не вернулись в отель де Виль. Фроман исчез, но он не мог быть далеко. Некоторые из них бродили по прилегающим улицам, пытаясь обнаружить убежище реформатора. Наконец один из них нашел его. Шот был известен как убежденный евангелист, и они вспомнили, что Оливетан жил в его доме. Несколько католиков расположились под его окнами, и когда наступила ночь, они начали поднимать шум. Это встревожило друзей Фроманта, и, придя в его убежище, они сказали ему, что "он должен переехать в дом другого гражданина". Они вышли через черный ход, и из-за темноты его провели незамеченным в дом энергичного Перрена, которого боялись больше, чем честных Шот-Анов. Вскоре, однако, священники и их приверженцы последовали за ним туда: "Друг Перрен, - кричали они, - мы снесем твой дом и сожжем тебя в нем, если ты не выгонишь лютеранца". Перрен прибегнул к хитрости: выйдя к буйствующим католикам, он сказал: "Мы вольны держать честного слугу в наших домах без помех со стороны кого бы то ни было". Затем он сказал Фроманту: "Ты мой слуга, я нанимаю тебя как такового, и ты будешь работать на меня". В то же время несколько человек сказали: "Мы вольны держать честного слугу в наших домах". один из друзей Перрена, стойкий гугенот, прошел по улице, представив священникам такой угрожающий вид, что они были вынуждены удалиться. Синдики решили созвать великий совет завтра. [614]

Обстоятельства были серьезными: новая доктрина проповедовалась публично, и смелое выступление Фромана произвело впечатление, особенно на гугенотов. Они обнаружили, что самым надежным средством гарантировать их политическую эмансипацию было проведение религиозной реформации. В Моларе свобода и Евангелие пожали друг другу руки. Католики спросили, не собирается ли суверенитет папы пасть ниц. Различные партии разгорелись, оскорбляли друг друга, и между ними завязались оживленные дискуссии. Политики утверждали, что если город разделится по таким важнейшим вопросам, то их непримиримый враг Савой водрузит свой белый крест на стенах, о которых он так долго мечтал. Некоторые непрофессионалы, полные уверенности в своих собственных способностях, сомневались, следует ли позволять незнакомцам и безумцам (*последователям*) повсюду изливать свою чушь?... Громче всех говорили священники: они спрашивали женеццев, откажутся ли они от веры своих предков; должны ли католическая и апостольская религия, подвергшаяся нападкам, низвергнутая и уничтоженная, уступить место новой доктрине, которая приведет к разорению Женевы. Гугеноты ответили, что если религия, провозглашенная реформаторами, не была религией папы римского, схоластов, соборов и, возможно, даже Отцов Церкви, то она, по крайней мере, принадлежала апостолам и Иисусу Христу и, следовательно, была древнее религии Рима. Они утверждали, что поскольку папское правительство было не чем иным, как деспотизмом в церкви, оно не могло породить ничего, кроме деспотизма в государстве. Две партии с каждым днем становились все более отчетливыми. Синдики и советники, желая восстановить согласие, переходили от одного к другому, пытаясь утихомирить более буйных; но это была очень трудная задача.

=СОВЕТ СОБИРАЕТСЯ.=

2 января, когда собрался совет Двухсот, главный синдик предложил, "чтобы было запрещено проповедовать в частных домах или в общественных местах без разрешения синдигов или викариата-епископата, и чтобы все, кто знал о проповедниках, виновных в нарушении этого закона, были обязаны донести на них под страхом наказания в виде *трех ударов веревкой*". При

этих словах гугеноты воскликнули: "Мы требуем Священного Писания". На что друзья священников ответили: "Мы желаем, чтобы это было сделано". секта должна быть полностью искоренена.' Совет думал восстановить гармонию между всеми, приняв резолюцию о том, что серый монах Боке должен проповедовать до следующего Великого поста. [615]

Премьер-синдик, который был огорчен раздорами и ненавистью, разделявшими граждан, предложил, чтобы "все люди, граждане и обитатели, простили друг друга". Женевцы, склонные к гневу, были столь же склонны к примирению. "Да, да, - восклицали они, поднимая руки, - мы желаем любить тех, кто придерживается противоположного мнения". И вскоре можно было увидеть группы людей, марширующих по улицам, на которых люди самых противоположных мнений нежно держали друг друга за руки. [616]

Тем временем Фромант оставался в доме Перрина и плел ленты, "иначе он не смог бы там оставаться", как он сообщает нам. Сидя в тишине за ткацким станком, передавая челнок взад и вперед, он размышлял, следует ли ему оставаться в укрытии или снова открыто проповедовать Евангелие? Решив ходить от дома к дому, чтобы укрепить тех, кто уверовал, он вышел и постучал в определенные двери; несколько его друзей, вооруженных толстыми палками, следовали за ним на расстоянии, без его ведома, чтобы предотвратить оскорбление. Однако однажды вульгарная женщина, грубо оскорбившая его, Жана Фавра, вспыльчивого гугенота, и его телохранителя, подошли и дали ей "звонкую пощечину". Фроман обернулся, огорченный поспешностью своего друга: "Не насилием, - сказал он, - мы приобретем друзей, а мягкостью и дружбой".

=НАПАДЕНИЕ НА ФРОМЕНТА.=

В другой раз Фроман переходил мост через Рону, чтобы зайти к Эме Леве. [617] Это был праздник, и священники во главе процессии продвигались по одному концу моста, в то время как Фроман прибыл на другой. Они несли кресты и реликвии, бормоча молитвы и взывая к святым: *Святой Петр*, скандировали одни; *Святая Поля*, скандировали другие. Фроман, будучи застигнутым врасплох и смущенным, решил проявить умеренность и не бросать святых в реку, как это сделал Фарель в Монбельяре. Поэтому он стоял неподвижно, но не поклонился изображениям. Увидев это, священники прекратили пение и начали кричать: "Падите на него!... падите на собаку!... к Роне с ним!" Последовавшие за ними благочестивые женщины, сломав свои ряды, бросились на реформатора; одна схватила его за руку, другая за платье, в то время как третья толкнула его сзади: "К Роне!" - кричали они вместе с ним и пытались сбросить его в реку. Но его телохранители, состоявшие из Джона Гумберта и нескольких других гугенотов, находившихся немного поодаль, подбежали и вырвали Фромана из рук этих фурий. При этих словах женщины, священники и ризничие, видя, что лютеране спасли их *идола*, закричали еще громче, чем прежде. Шумная толпа заполнила мост. Гугеноты, желая укрыть Фромана в безопасном месте, поспешно втолкнули его в дом Леве, расположенный на углу моста. [618] Население, возбужденное духовенством, немедленно осадило дом: они бросали камни в окна, забрасывали лавку грязью и, наконец, ворвались внутрь и разбросали лекарства и бутылки по полу. Леве был аптекарем — профессия очень уважаемая. Гугеноты, поместив Фромана в безопасное место в потайной комнате, вышли и с помощью нескольких друзей прогнали священников, женщин и бунтовщиков с моста.

Ночью Фроман покинул свое убежище и вернулся к Перрену, где собрал нескольких друзей и сказал им, что считает своим долгом покинуть город из-за этих "бушующих бурь". Шот, Перрен,

Леве и Герен были очень огорчены, но они признались, что жестокость его врагов сделала дальнейшее пребывание евангелиста в Женеве бесполезным. Клод Маньян вызвался сопровождать его, и когда наступила ночь, Фроман попрощался со своими братьями. Осторожно продвигаясь вперед, он покинул город, пересек реку Пэй-де-Во и прибыл в деревню Ивонан, где отдохнул после женевских сражений.

Фроман не был одним из тех выдающихся людей, которые играют важную роль благодаря своему выдающемуся характеру и чье влияние постоянно растет. Его служение в Женеве в течение части зимы 1532-1533 годов было героическим периодом его жизни, после которого он появлялся редко, кроме как во втором или третьем ранге: его затмили учителя, которые были выше его. Краткостью своего служения он напоминает те небесные тела, которые привлекают всеобщее внимание на несколько недель, а затем исчезают; но он напоминает их также тем влиянием, которое люди приписывают их эфемерному прохождению. Пребывание Фромана в Женеве потрясло римские традиции, спасло Священное Писание от забвения, пролило несколько лучей света в город и заложило первые основы Церкви. Вскоре Слово Божье было принесено туда Фарелем и Кальвином с большей полнотой: солнце излило весь свой свет, и на фундаменте, заложенном бедным школьным учителем, было построено прочное величественное здание.

[604] Froment, *Gestes*, p. 22.

[605] Там же.

[606] Там же.

[607] Эти подробности, эта молитва и последовавшая за ней первая проповедь были записаны самим Фроментом в его "*Жестах Женевы*", опубликованных М. Ревиллод, стр. 22-42.

[608] Чума тогда была довольно частым явлением в Женеве.

[609] Matth. xxiv. 23.

[610] Matth. xxiii. 14; Марка xii. 38; Луки xx. 46.

[611] Мика третий. 3.

[612] 1-е Тимофею iv. 1-3.

[613] "Анхело пульмоне, в излишествах по поводу слабости".—Спанхайм, *остаток Женевы*. стр. 52.

[614] Froment, *Gestes*, pp. 43, 44. La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c. p. 50.

[615] Регистры совета, 2 января 1533 г.; Готье, г-жа Розет, г-жа *Chron.* liv. ii. ch. v. La Sœur J. de Jussie, *Hérésie de Genève*, p. 50.

[616] Регистры совета, 2 января 1533 г.; Готье Г-жа Розет Г-жа *Chron.* liv. ii. ch. v. La Sœur J. de Jussie, *Hérésie de Genève*, p. 50.

[617] 'In Leveti ædes, in ponte quo flumen Rhodani transitur sitas, migrat.'—Spanheim, *Geneva restit.* p. 50.

ГЛАВА XIII.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ И ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ В ЖЕНЕВЕ.

(Январь и февраль 1533 г.)

=ЖАЖДА ЕВАНГЕЛИЯ.=

Уход ФРОМАНТА лишь усилил любовь к Евангелию в серьезных умах. Лишенные того, что они считали своим правом — слушать проповедуемое Евангелие, — они страдали от нужды и были полны решимости освободиться от духовной нищеты, до которой их довела клерикальная система. Другие испытывали не менее решительное стремление к свободе и невольно стали инструментами более масштабной революции, чем они себе представляли. Эти женевцы почувствовали, словно по наитию, что в начале шестнадцатого века общество переживало кризис и что для человечества открывался новый этап. Они не просто наблюдали за этим: они лично были главными действующими лицами революции, которая вот-вот должна была свершиться в мире. Оставив бесплодные народы в их безжизненном застое, жители этого маленького городка закричали "Вперед!" и бросились на арену.

Едва Фроман покинул Женеву, как сторонники реформации подняли головы. Римская церковь имела на своей стороне князя-епископа, духовенство, фрибуржцев и даже большинство совета и народа; но если друзья реформы были в меньшинстве в отношении материальной силы, они превосходили своих противников моральной мощью. Историк утверждает, что с этого момента обе партии были почти равны по силе. [619] Седой монах Боке, который, как говорится в рукописи, "вел себя так убедительно, что обе стороны пришли послушать его с одинаковым рвением", [620] теперь начал проповедовать христианскую истину более открыто. Изумленные священники были еще более разгневаны на монаха, чем на реформатора, и потребовали, чтобы он замолчал.

Вскоре руки духовенства укрепил могущественный союзник. 23 февраля шесть членов совета Фрибурга, убежденных католиков, вошли в Женеву с письмом с угрозами. "Если вы хотите стать лютеранами, - сказали они совету, - Фрибург отказывается от вашего союза". Синдики напрасно заявили, что хотят жить так, как жили их предки: фрибуржцы подняли большой шум из-за проповедей серого монаха, и совет постановил, "из любви к миру", что Боке должен покинуть Женеву.

=BAUDICHON DE LA MAISONNEUVE.=

Друзья Евангелия, видя, что у них отняли даже францисканца, не пали духом. Священное Писание осталось: они читали у себя дома Новый Завет Лефевра и организовывали собрания, на которых разъяснялось Слово Божье. Собрания, "которые происходили в домах здесь и там, умножались", и число верующих увеличивалось с каждым днем. [621] Обычно они встречались в конце улицы Аллеман, в доме Бодишона де ла Мезоннева, который с тех пор стал самым ревностным протестантом. Происходивший из знатной и влиятельной республиканской семьи, он обладал решительным характером и некоторым талантом и доводил до крайности свои

убеждения и желание добиться успеха. Индивидуальная жизнь преобладала во времена феодализма; в шестнадцатом веке социальный элемент усиливался с каждым днем. Были, однако, определенные натуры, которые все еще сохраняли свой независимый индивидуализм, и Бодишон был одним из них. Соответственно, пока речь шла только о разрушении старого порядка вещей, он доблестно проявлял себя; но он был менее полезен, когда было необходимо установить новый порядок. Однако, похоже, он осознавал свою собственную несостоятельность. Его герб был изображен в виде дома (*maison*), а над гербом - раскрытая ладонь с такими словами: *Если Господь не построит дом, напрасно трудятся те, кто его строят*.

Господь действительно строил: были сформированы собрания, и дом Бодишона стал *катакомбами* (говорит старый автор), в которых новые христиане проводили свои скромные собрания. [622] Они прибыли, по-братски поприветствовали друг друга, сели в большой комнате и несколько минут оставались в молчании. Они знали, что, хотя их было много, у всех них был один-единственный Посредник, присутствующий среди них, хотя и невидимый. Затем один из них читал отрывок из Священного Писания, другой, более информированный, объяснял и применял его на практике, а третий молился.... Верующие ушли наставленные со своих собраний, "которые так отличались (по их словам) от папской мессы".

Иногда им доставлялось большое удовольствие. Какой-то иностранец-евангелист проезжал через Женеву; новость немедленно распространилась по каждой семье; были названы место и время, когда он будет проповедовать, и верующие стекались туда со всех сторон. "Как его зовут?" - спросили они однажды. - Питер Манери. - "Кто он?" - "Священник". - "Где он остановился?" - "У Клода Пасты". - И комнаты Клода Пасты немедленно заполнились.

Эти первые евангелисты Женевы не довольствовались просто тем, что им преподавали здравую доктрину; они знали, что холодное знание Бога не может спасти человека и что необходимо жить с Духом Христа и так, как Он жил. Они создали между собой фонд, и Соломон был казначеем. Каждый вносил свою лепту на помощь бедным, будь то женеvцы или иностранцы. Таким образом, эти христиане сразу научились верить, любить и отдавать.

Однако в Женеве уже начали появляться два вида протестантизма, которые не прекратили своего существования и, возможно, никогда не прекратят своего существования, — внешний и внутренний протестантизм. У благочестивого и скромного Герена был слуга, который, преисполненный восхищения проповедями своего господина, к тому же был великим оратором. Однажды, желая поступить так же, как его учитель, он начал проповедовать на улице перед множеством людей. "Почему вы ходите на мессу?" - сказал он. "Вы идолопоклонники.... Вместо того чтобы поклоняться Богу, вы обожаете облатку!" Бедный оратор был схвачен и вынужден покинуть город из-за своей проповеди. В другой раз несколько гугенотов зашли в кондитерскую: была суббота Великого поста. Они попросили тарелку мяса. "Невозможно", - сказал мастер. "Не так много церемоний", - грубо ответили гугеноты. Повар побежал доносить на них, и они были приговорены к уплате штрафа в размере шестидесяти су каждый, что вызвало некоторый переполох. "Лютеране, гугеноты, еретики!" - кричала одна партия. "Фарисеи, мамлюки, паписты!" - отвечала другая. [623]

=РАБОТА ОЛИВЕТАНА.=

В разгар этих беспорядков в Женеве продвигалась важнейшая работа реформации. Благочестивый Оливетан день и ночь трудился над переводом Библии. Он верил, что для Церкви его времени не было ничего более необходимого, и в своей великой любви к ней он решил сделать все, что в его силах, чтобы восполнить нужду. "О бедная маленькая Церковь, - сказал он, - хотя ты опустошена, уродлива и отвергнута, и в твоей семье по большей части есть слепые, хромые, увечные, глухие, паралитики, сироты и чужаки, простые и глупые... почему мы должны стыдиться делать тебе такой царственный подарок? Разве мыне все нуждаемся в утешении Христа? Для кого Господь предназначает свое Писание, если не для своего маленького непобедимого отряда, которому, как истинному предводителю войны, он желает своим присутствием придать мужество и отвагу?" [624]

Ничто так не волновало Оливетана, как вид Церкви его времени. Чем больше он изучал его, тем больше сокрушался о его убожестве и убеждался в необходимости тотальной реформации, совершенной Словом Божиим. Возможно, никогда еще его состояние ни у кого не вызывало такой глубокой и острой печали. Когда он был один в своей комнате и сидел за столом, к нему возвращались эти горькие воспоминания: "Я люблю тебя", - восклицал он. - "Я видел тебя на службе у твоих суровых хозяев; я видел, как ты приходил и уходил, обеспокоенный и измученный; я видел, как с тобой плохо обращались, плохо одевали, с тобой плохо обращались, ты был в лохмотьях, грязный, растерзанный, растрепанный, продрогший, в синяках, избитый и обезображенный.... Я видел тебя в таком плачевном состоянии, что люди скорее приняли бы тебя за бедную рабыню, чем за дочь вселенского Правителя и возлюбленную его единственного Сына. Послушай, - добавил он, - твой друг зовет тебя; он пытается научить тебя твоим правам и дать тебе контрольное слово, чтобы ты мог достичь совершенной свободы.... Ошеломленный и сбитый с толку столькими ударами, согнутый столькими заботами, навлеченными на тебя твоими грубыми хозяевами, будешь ли ты упорствовать? пойдешь ли ты своим путем и завершишь грязную и тяжкую задачу, которой они тебя обременили?" [625]

=ПЕРЕВОД БИБЛИИ.=

Но вскоре Оливетан остановился посреди своей работы и спросил себя, способен ли "скромный переводчик" (как он себя называет) выполнить такую задачу. Он считал себя самым ничтожным из верующих, "одним из самых маленьких пальчиков на скромных стопах тела Церкви". [626] Но само его смирение побуждало его возрастать в усердии. Он раздобыл лучшие экземпляры Священного Писания и сравнил, как он говорит нам, "все переводы, древние и современные, от греческого до итальянского и немецкого". Прежде всего, он широко использовал французский перевод Лефевра из Этапля, но некоторые отрывки перевел по-другому. Он изучал различные тексты, использование масоретских точек, знаков, согласных, придаточных и необычных выражений. Он размышлял, следует ли ему сохранить во французском языке некоторые греческие термины, такие как *апостол* и *епископ*, или выразить их соответствующим словом по-французски. "Если я сохраню греческое слово, - сказал он, - то то, что оно означает, останется неизвестным, как это было и по сей день". Поэтому он перевел греческое слово *"апостол"* by the French word *envoyé* (sent); instead of *bishop* он написал *"надзиратель"* (надзиратель); и *"ancien"* (старейшина) вместо *"священник"*. Затем он лукаво добавил: "И если кого-то удивляет отсутствие в моем переводе определенных слов, которые у простых людей постоянно на устах, воображающих, что они есть в Священном Писании, таких как *папа*, *кардинал*, *архиепископ*, *архидьякон*, *аббат*, *приор*, *монах*". [627]

13 марта печатник Де Вингль попросил разрешения напечатать Библию на французском языке. В совете были большие разногласия, поскольку друзья духовенства выступили против его молитвы. С одной стороны, они взывали к *Писанию!* а с другой - к *Церкви!* Синдики сочли своим долгом придерживаться среднего курса и разрешили перепечатать Библию Лефевра, не добавив и не сократив ни слова. Они боялись перевода Оливетана, и мы скоро увидим, почему он был вынужден напечатать его. [628]

Примерно в это же время евангелистов Женевы охватило другое желание. Когда Герен, Леве, Шот и другие собирались вместе в какой-нибудь скромной комнате, они выражали радость, которую они должны были испытывать, собравшись за Господним столом в память о его смерти. Они давно перестали принимать участие в общении Римской церкви, оскверненной, как они считали, жалкими суевериями, и искренне желали, чтобы Вечеря Господня была восстановлена среди них в ее апостольской чистоте. Христиане Женевы просили, во-первых, Библию, а во-вторых, Причастие. Это является обычным делом. Слово Божье создает христианина: Вечеря Господня укрепляет его. Христос сначала передает своим ученикам знание истины, что Он делает через служение Слова. Затем Он желает, чтобы они поняли, что он дает верующим не только христианские идеи, но и самого себя, свою собственную жизнь — что он приходит (по его собственным словам), чтобы *пребывать в них*. [629] Это вторая фаза веры, и Вечеря Господня является ее знаком.

=ГЕРЕН.=

Христиане Женевы, просвещенные Священным Писанием, жаждали Святого Причастия. Но, говорили они, кто даст его нам? У них не было служителей. Разве десять лет назад Лютер не заявил, что во избежание беспорядков собрание, используя свое право, должно избрать одного или нескольких верующих для исполнения обязанности Слова от имени всех. [630] Они обратили свои взоры на Герена. Немногие из реформированных пользовались таким уважением, как он. Будучи евангельским христианином, а не политическим гугенотом, он обладал "горячей любовью к своим братьям" и рвением, полным смелости исповедовать Евангелие. Требовалось определенное мужество, чтобы председательствовать на Вечере Господней в Женеве в присутствии римской мессы. "Плоть всегда труслива, - сказал христианин из Женевы, - и тянется назад, как старый осел; и, соответственно, она нуждается в подстрекательстве не меньше, чем он сам". [631] Герен, кроме того, обладал развитым пониманием и был сведущ в теологии. [632]

Оставался один вопрос: где проводить причастие?— "У Бодишона", - ответил один из них. "Нет, - сказал более благоразумный, - не в городе, опасаясь противодействия священников, которые и без того очень раздражены". На это Стивен д'Адда сказал: "У меня есть небольшой огороженный садик у городских ворот, где нас никто не сможет потревожить". Было выбрано место, назван день и назначен час, который позволил бы им встретиться без помех. Судя по всему, было раннее утро. [633]

=ПЕРВОЕ ПРИЧАСТИЕ В ЖЕНЕВЕ.=

Когда настал день, многие люди вышли из города и спокойно направились к саду Д'Адды, расположенному в местечке под названием Пре-л'Эвек, потому что там был дом епископа. Стол был накрыт в комнате или на открытом воздухе. Прибывшие верующие молча заняли свои места

на грубых скамьях, не без опасения, что священники узнают о тайном собрании. [634] Герен сел перед столом. Как раз в тот момент (как нам сказали), когда церемония должна была начаться, взошло солнце и осветило своими первыми лучами сцену, более впечатляющую в своей простоте, чем горы, покрытые вечными снегами, над которыми начинала свой путь дневная звезда. Благочестивый Герен встал и после молитвы раздал хлеб и вино, и все вместе вознесли хвалу Господу. Причастники покинули сад Д'Адды, преисполненные благодарности к Богу.

Однако прошло совсем немного времени, прежде чем их покой был нарушен. Их враги не могли сдержаться и пригрозили не чем иным, как отлучением от церкви и тюремным заключением. Начались споры. Священники пожимали плечами при виде этих ничтожных собраний. Они говорили, что реформаты, так много занимаясь *Христом*, лишили себя *Церкви*; в то время как Оливетан и Герен утверждали, что католики, так много говоря о *Церкви*, лишили себя *Христа*. Собрание нескольких душ, наделенных живой верой, пришедших прославить Иисуса Христа, было (по их мнению) более истинной церковью, чем папа римский, кардиналы и вся помпезность Ватикана. Разгневанные священники выместили свой гнев особенно на Герене, и опасность, угрожавшая ему, была так велика, что ему пришлось покинуть город. Поспешив прочь, он нашел убежище в Ивонанде у своего друга Фромана, от которого получил столько просветления. [635]

Таким образом, Фарель, Фроман и Герен были вынуждены один за другим покинуть Женеву; но католики трудились напрасно: "реформаты каждый день собирались в домах или садах, чтобы помолиться Богу, распеть псалмы и христианские гимны и объяснить Священное Писание. И народ начал спорить со священниками и дискутировать с ними публично". [636]

Таким образом, в Женеве дули в разных направлениях два ветра — один с севера, другой с юга. Они не могли не вступить в жестокое столкновение и не вызвать страшную бурю.

[619] "Ручат", iii. с. 186.

[620] Бернская рукопись, приписываемая Бонивару, *Hist. глава. v. 12.*

[621] Фромант, *Gestes*, стр. 47. — "Домашний монастырь". — Турретини Ср.

[622] "In Domonovani Baudichonii édibus, quæ concionum ordinarium *крипта* вечная". — Спанхайм, *остаток Женевы*. стр. 58.

[623] Регистрация членов совета состоится 4 и 26 марта. Froment, *Gestes*, p. 47.

[624] Библия Оливетана, *Посвящение*.

[625] Библия Оливетана, *Посвящение*.

[626] 'Comme l'un des plus petits orteils des humbles pieds du corps de l'église.' — Olivetan's Bible, *Apologie du translateur*.

[627] Olivetan's Bible, *Apologie du translateur*.

[628] Муниципальные реестры, Беллард, 1533 год.

[629] Святого Иоанна xv. 4, 5.

[630] 'Wie man Kirchen Diener wählen und einsetzen soll.' — Luth. *Opp. lib. xviii. c. 433.*

[631] Кельвин.

[632] Спон, *История. de Genève.*

[633] Из рассказа Фромент (стр. 48) кажется очевидным, что первое причастие состоялось до беспорядков (стр. 51), и, следовательно, вероятно, до середины марта. Спон подтверждает учетную запись Froment (i. стр. 481). С другой стороны, сестра Жанна де Юсси говорит, что причастие было совершено после первого бунта, в Страстную субботу, 10 апреля ("*Леван кальвинизма*", стр. 61). Единственный способ согласовать эти два утверждения - признать (как мы уже сделали) два разных празднования (в марте и апреле), а не только одно.

[634] "Тайный монастырь".—Спанхайм, *остаток Женевы.* стр. 45.

[635] Froment, Gestes, pp. 48-51. Готье, МИСС Спон, *Здравствуйте. de Genève*, i. p. 481.

[636] *Vie de Farel.* Шупар МИСС

ГЛАВА XIV.

ФОРМИРОВАНИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА.

(Великий пост, 1533 год.)

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ рвение было причиной гонений. Его враги были разгневаны; они не могли понять незаметную жизнь, которая тогда кипела среди их народа. Если собрание подавлялось в одном доме, оно проводилось в другом. "Они не могли найти никакого средства против этого".

Один, однако, предложил себя. Доминиканский монах, инквизитор Веры, только что прибыл в Женеву. "Он великий оратор, - говорилось в сообщении в сити, - ревностный католик, полная противоположность Боке". Он приехал, чтобы произнести великопостные проповеди вместо грейфрайара, и все надеялись, что он исправит зло, причиненное другим. "Избавь нас от этой ереси", - обратились к нему главы доминиканцев. Монах, польщенный таким доверием и гордый своей миссией, подготовил прекрасную речь, и на следующий день или через день после ухода Герена он поднялся за кафедру. Церковь Святого Доминика была переполнена, и присутствовало довольно много евангелистов, включая Оливетана. После короткого вступления монах начал громким голосом и с горячим рвением порицать Библию, ругать еретиков, [637] и превозносить папу римского. "Он без стеснения высказывал все, что приходило ему в голову". "Я так очерню их, - сказал он, - что они никогда не будут отмыты дочиста".

=ОЛИВЕТАН ИЗГНАН ИЗ ЖЕНЕВЫ.=

Велико было волнение среди гугенотов. "Если кто-нибудь из нас осмелится шевелить губами, - сказали они, - такая маленькая вольность заставит наших учителей вопить как сумасшедших; но им позволено изливать свой яд и заражать им мир". Оливетан, присутствовавший во время проповеди, едва сдерживался, но как только она закончилась, он сел на скамью, думая, что с его стороны было бы неправильно не обнародовать правду. "Учитель, - сказал он, - я хочу честно показать тебе из Священного Писания, где ты допустил ошибку в своих рассуждениях". Эти слова вызвали великое изумление. Что? мирянин осмеливается учить Церковь.... Священники и

несколько их приспешников окружили Оливетана, оскорбляли его, столкнули со скамьи и хотели избить. "После чего появились Клод Бернар, Жан Шот и другие, которые забрали своего друга у монахов и людей, желавших его убить".... Но ему так легко не удалось сбежать: совет приговорил его к изгнанию, не заслушав и не подав апелляцию. Все сожалели о нем: "Он был человеком, - говорили они, - такой учености, благочестивой жизни и бесед!" Оливетан был вынужден уехать. Женева, охваченная сильным волнением, выбрасывала евангелистов одного за другим, как море выбрасывает обломки затонувшего корабля. [638]

Клерикальная партия начала сомневаться, достаточно ли этих изгнаний.... Когда Фареля исключили, появился Фроман; когда Фроман сбежал, Герен возглавил лютеранское таинство; когда Герену пришлось совершить побег, Оливетан забрался на скамью в церкви и публично выступил против инквизитора! Он тоже ушел, но другие не преминули бы заявить о себе.... Каноник Вернли, конюший Де Песмес, отважный Томас Мойн и другие католические вожди считали, что такому положению вещей следует положить конец. Реформаты видели грозившую им опасность. Бодишон де ла Мезоннев посоветовался со своим другом Клодом Саломоном. Они утверждали, что, поскольку Фрибург желает поработить их совесть, они должны обратиться в Берн с просьбой освободить их. Salomon хотел проконсультироваться с женовскими советниками, поддерживающими Реформу. - Нет, - сказал Бодишон, - давайте не будем спрашивать ничьего мнения; давайте делать дело в одиночку. Кто из членов совета присоединится к нам? Джон Филипп, Джон Луллин, Майкл Септ, Стефан Шапоружский, Фрэнсис Фавр, Клод Розет? Верно, все они друзья независимости, но у них есть официальная позиция. Если мы обратимся к ним, мы только скомпрометируем их. Мы вольны подвергать опасности наши собственные жизни, но не жизни наших друзей. Давайте поедем в Берн одни". Тем не менее два магистрата, Домен д'Арлод и Клод Бернар, были проинформированы об их намерении. Они были смущены, поскольку знали, что такой шаг может стоить жизни тем, кто отважится на него. Мужество двух патриотов подействовало на них. "Мы верим, что следуем Божьей воле", - сказал Мезоннев. "В таком случае, - ответил Арлод, - мы не будем давать вам никаких инструкций ни устных, ни письменных, мы только скажем: *делайте все, что Бог вдохновит вас сделать*". С этими словами, занесенными в регистрационные книги, двое женовцев отбыли в Берн. [639]

=БЕРН И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ.=

Как только они прибыли, они предстали перед советом и объяснили, как духовенство пытается заглушить ростки веры в их зародыше. Бернцы не колебались: сильно раздраженные насилием, которое женовцы применили по отношению к Фарелю, [640] несмотря на свои рекомендательные письма, они ответили, что сделают все, чтобы поддержать Евангелие в Женеве.

25 марта состоялось заседание Женевского совета. Очевидно, произошло что-то новое: у многих членов был озабоченный вид; другие казались веселыми. Дю Крест, премьер-синдик, человек, преданный Римской церкви, с испуганным видом объявил, что он только что получил письмо из Берна, в котором Женевскому совету был сделан строгий выговор. По правде говоря, бернцы не придавали значения: они жаловались на насилие, совершенное в отношении Фареля, и на организованные в Женеве преследования евангелической веры. "Мы удивлены, - сказали они, - что в вашем городе так порочат веру в Иисуса Христа и тех, кто ищет ее.... Вы не

потерпите, чтобы Слово Божье свободно провозглашалось, и изгоните тех, кто его проповедует". [641]

Это письмо обеспокоило совет. "Если мы уступим требованиям Берна, - сказали они, - священники устроят новые беспорядки. Если мы откажемся, Берн разорвет союз, и реформаты взбунтуются". Каким бы путем они ни пошли, опасность, казалось, угрожала им. "Так что они не знали, какой дать ответ", - добавляет the register. Почти все они были в ярости против Мезоннева и Salomon. Они предстали перед советом и признались, что ездили в Берн и просили передать письмо, которое было отправлено. После этого несколько мамелюков заявили о "государственной измене", но совесть этих двух благородных граждан свидетельствовала, что они служили делу свободы и справедливости. Они остались непреклонны, и совет, будучи взволнованным и пребывая в нерешительности, перенес на следующий день рассмотрение вопроса о том, что следует предпринять. [642]

Волнение перекинулось из зала совета в здание капитула и распространилось по городу. Все говорили о требовании Берна о полной свободе проповеди Евангелия. Каноники, священники и самые набожные миряне были единодушны в своем отказе; отважный Томас Мойн стал душой этого движения. По его предложению они решили запугать совет и добиться от него полного подавления евангелических собраний. Тотчас же самые рьяные из отряда отправились в город и ходили от дома к дому. [643] В то же время Мойн собрал нескольких своих друзей и предложил всем вместе пойти на собор: он не сомневался, что их количество внушит синдикам благоговейный трепет, и католики добьются своих требований. Эта мера была принята, и заседание назначили на завтра.

=ПРОТЕСТ ДВУХСОТ.=

На следующий день, когда совет собрался, им сообщили, что значительное число граждан желают аудиенции. Их было допущено около двухсот человек, в том числе Томас Муан, Б. Фолшон, Франсуа дю Крест, Персиваль де Песмес и Эндрю Майяр: на их лицах читались неистовые страсти. "Почтеннейшие лорды, - сказал Мойн, который был умным оратором, - несмотря на эдикт, предписывающий нам жить как братья, многие люди пытаются посеять среди нас беспорядок и рознь. Некоторые из них отправились в Берн, и тамошние лорды написали вам письмо, которое взволновало весь город.... Кто эти виновные люди, которые идут и доносят на свою страну иностранцу? Были ли они посланы советом? Какие инструкции они получили? Какой ответ они принесли вам? Мы просим информировать нас по этим вопросам. Мы хотим знать их, и было ли сделано что-нибудь, что привело бы к краху республики.

Премьер-синдик, пораженный такой речью, попросил Мойна и его друзей удалиться, и смущенный совет решил тянуть время.

"Мы сделаем все на свете, чтобы довести это трудное дело до счастливого завершения", - ответили они. - Мы соберем шестьдесят, двести человек, глав семейств, даже генеральный совет, если потребуется... всю республику. Будьте довольны этим обещанием.

- Нас уполномочили, - ответил Мойн, - потребовать, чтобы вы представили нам тех, кто уехал в Берн. Мы не покинем эту комнату, пока не увидим их. Если ты не позовешь их, мы пойдем и приведем их.

Услышав эти слова, совет встревожился. Какой переполох и какое насилие поднялось бы в зале совета, если бы два гугенота предстали перед этими взволнованными католиками!... Синдики ответили, что они дадут ответ. Это промедление вывело мамлюков из себя. Протестовал не только Мойн: двести человек, окружавших его, подняли руки и угрожающим тоном закричали: "Правосудие, правосудие! Давайте сдержим наше обещание, данное господам Фрибургу, — что Женева сохранит веру своих отцов. Встревоженные синдики попытались с помощью чрезвычайной мягкости (говорится в рукописи) утихомирить беспорядки, и двести недовольных католиков вернулись по домам с надменным видом и решительным видом. "Если совет еще будет торговаться, - сказали они, - мы воздадим себе должное!" В городе люди говорили: "Мы думали, что католики одряхлели, удручены, спят или мертвы ... но они открывают свои отяжелевшие глаза; к ним возвращаются силы, и быстролетные стервятники вот-вот набросятся на свою добычу". [644]

На самом деле, двое из синдиков и несколько членов совета вместе с другими мирянами католической партии и несколькими священниками отправились в город и пытались убедить всех, кого встречали, присоединиться к заговору, организованному против Евангелия. Они сказали им, что от совета нечего ожидать. "Чтобы вера наших отцов устояла, мы должны поддерживать ее нашими собственными руками", - сказали они. "Держите себя в готовности выступить против лютеран".

=АГИТАЦИЯ ПРОТИВ ЛЮТЕРАН.=

The *Лютеране*, сказали они. Действительно, именно Реформация тогда вызвала весь гнев клерикальной партии. Некоторые из его членов, без сомнения, ненавидели свободу так же сильно, как и Евангелие; но большинство католиков смирились бы с древними привилегиями народа. Пункт, в котором все они были согласны, заключался в непримиримом противостоянии тому новому учению, которое они называли *лютеранством*, поскольку Лютер, по их мнению, был его великим апостолом. Это лютеранство по сути было тем, что впоследствии было названо кальвинизмом, поскольку Лютер и Кальвин были едины в великих евангельских принципах. Все реформаторы шестнадцатого века проповедовали в Европе, и особенно в Женеве, что чистая благодать Божья была единственной силой вечного спасения и что Церковь состояла из всех тех, кто обладал истинной верой, а не из тех, кто рабски придерживался господствующей иерархии. Доктрины лютеранства и Реформы [645] могли различаться в отношении определенных абстрактных вопросов, например, касающихся конечного и бесконечного: лютеранство могло более рельефно заявлять о *имманентности* Бога, в то время как Реформа склонялась к его *трансцендентности*, выражаясь языком философов и теологов; но они были и остаются согласны во всем, что существенно; и именно эти живые доктрины могущественная партия пыталась изгнать из Женевы.

=ТАЙНЫЕ ЗАГОВОРЫ.=

В четверг вечером каноники, священники и главные "приверженцы папской религии", такие как Вернли, Де Песмес, Муан и их друзья, встретились в большом зале викариатско-епископальной церкви. Они прибывали один за другим, большинство из них были вооружены до зубов и дышали жадной мести: вскоре комната наполнилась, и многие стояли во дворе. Их намерением было тщательно спланировать заговор, который должен был освободить их от Реформы. Некоторые гугеноты, осведомленные о заговоре, подошли поближе, чтобы понаблюдать за своими противниками. Обстоятельства, надвигавшийся бурный кризис,

интересы, которые предстояло обсудить, неистовые страсти, которыми были охвачены обе стороны, поздний час, в который проводилась эта конференция, — все это в совокупности придавало ей торжественный характер. Умы людей затуманились, и некоторые гугеноты с пылким воображением, которые издали смотрели на стены, за которыми собрались эти заговорщики, предаваясь фантастическим видениям, воображали, что видят фурий с факелами в руках, сеющих раздор; [646] но это были всего лишь монахи, одетые в свои длинные рясы и держащие факелы, которыми был освещен зал. Наконец началось разбирательство.

[647] Некоторые из выступавших утверждали, что число мятежников увеличивается с каждым днем; что жреческая власть пропорционально уменьшается; и что, если позволить событиям продолжаться таким образом, вскоре никто не будет считаться с Церковью. "Давайте не будем опускаться до споров с еретиками. Давайте не будем ждать помощи от магистратов. Совет шестидесяти вот-вот соберется, но они будут колебаться, как и обычный совет. Эти органы слишком слабы; мы должны действовать без правительства; мы самые сильные. Если дело дойдет до драки, защитников католицизма будет десять, может быть, двадцать к одному. Когда евангелисты будут побеждены, мы пригласим епископа обратно, который вернется со всеми изгнанными мамлюками и наложит на мятежников заслуженное ими наказание. Женева, сохранившаяся со времен Реформации, больше не сможет распространять ее по окрестным странам и в будущие века будет опорой папства. Давайте сами вершить правосудие; давайте возьмемся за оружие, ударим в набат, обнажим меч и призовем верующих выступить против этих собаки покажем поразительный пример двум предателям, которые отправились в Берн. Давайте убьем всех, кто называется лютеранами, не пощадив ни одного; [648] это сослужит Богу добрую службу. Мы уверены в помиловании епископа: его светлость уже прислал нам бланки для помилования. При звуке большого колокола пусть все вооружатся и отправятся в Молард, и пусть городские ворота будут закрыты, чтобы никто не мог сбежать". Вот что было сказано в доме викария-епископа. Лидеры договорились о месте встречи, количестве вооруженных банд, именах тех, кто будет ими командовать, и способе нападения на реформированных; все было устроено. Собрание заплодировало; заговорщики, подняв руки, связали себя торжественной клятвой привести план в исполнение и хранить тайну; [649] после чего они удалились, чтобы ненадолго отдохнуть. Приближался праздник Пасхи: более двух столетий назад сицилийская вечерня наполнила Палермо и всю Сицилию резней; враги Реформации в Женеве также хотели отметить тот же праздник реками крови.

Совет шестидесяти заседал на следующий день (пятница, 28 марта 1533 г.). Возможно, никогда еще не было столь разделенного органа. Когда католики потребовали, чтобы обещание, данное Фрибургу, было выполнено, гугеноты заявили, что, если совет примет решение в пользу партии романистов, епископ не только вернет себе прежнюю власть, но и, увидев, что Реформа вот-вот восторжествует, бросится в объятия Савойи, как единственной силы, способной спасти римскую веру. Совет, оказавшийся между этими двумя яростными течениями, оставался в своей обычной нерешительности и не высказался ни за то, ни за другое. Это было именно то, чего ожидали лидеры романистской партии. Все было подготовлено для осуществления *заговора* (по выражению Фромана), который был спланирован накануне вечером. [650]

=СТОРОНЫ СОБИРАЮТСЯ.=

Местом встречи был выбран кафедральный собор. Первым, кто вошел в него, был доблестный каноник Питер Вернли. Он был вооружен с головы до ног и вошел в святилище, как генерал, идущий на битву. Вернли владел мечом не хуже своего брата, который был капитаном на службе

у короля Франции. Наделенный силой Геркулеса или Самсона, он задумал, подобно первому, изгнать Цербера из города и, подобно второму, разрушить колонны храма. Он сказал тем, кто собрался вокруг него в церкви Сен-Пьер: "Мы отрубим головы тем, кто отправился в Берн, и всем их друзьям". За ним последовали триста вооруженных каноников и священников, а затем и множество их последователей-мирян. "Лютеране угрожают нам, - говорили некоторые из этих разгневанных горожан. - Они хотят ограбить церкви и монастыри". Такая история не могла не взволновать их умы еще больше.

Гугеноты, узнав о заговоре, устроенном в доме генерального викария, и наблюдая, как католики готовятся к нападению, сразу поняли, что их первым действием будет схватить Бодишона де ла Мезоннева за его поездку в Берн и подвергнуть его участи Бертелье и Леврье. Поэтому они собрались в количестве шестидесяти человек вокруг своего друга, чтобы ценой своей крови защитить его жизнь. Некоторые из сторонников Муана отправились сообщить собранию в Сен-Пьере, что они видели, как несколько человек входили в дом Мезоннева.

Эта информация послужила сигналом к сражению для заговорщиков. "Вперед!" - кричали они. "Давайте пойдем и нападём на них!" Двое католиков, сторонников мира, случайно оказавшихся в церкви (Б. Фолшон и Жирарден де ла Рив), опасаясь гражданской войны, прибежали в собор. "Обе партии вооружены, - говорили они. - одни в Сен-Пьере, другие в Бодишоне: первые готовятся выступить против своих противников.... Если они это сделают, начнутся большие беспорядки: [\[651\]](#) смотрите сами". Совет, отложив все остальные дела, приказал четырем синдикам проследовать со значками их ведомства сначала в больницу Сен-Пьера (поскольку там были агрессоры), а затем в больницу Мезоннева и приказать обеим сторонам немедленно вернуться в свои дома. [\[652\]](#)

Задача была трудной, но четверо магистратов без колебаний взяли за нее. В сопровождении своих помощников они вошли в собор с посохом синдиката в руках. При виде их толпа успокоилась. - Мы желаем знать, - сказал премьер-синдик, - причину этого собрания. Собрание ответило в один голос: "Мы собираемся бороться с лютеранами, которые собрались на улице Аллеман. Они всегда держат нас в страхе, и мы должны положить этому конец. Мы больше не можем терпеть в городе такого вредителя.... Они хуже турок". [\[653\]](#)

=ВАНДЕЛЬ РАНЕН.=

В этот момент двое реформатов, обеспокоенные тем, что может произойти, подошли к собору и, поднявшись по ступенькам перед папертью, некоторое время стояли там, заглядывая в церковь, не решая, стоит ли им входить. Священники и мамелюки, увидев их, воскликнули: "Посмотрите на нечестивых негодяев, они пришли шпионить за христианами!" Наконец, с большим рвением, чем благоразумием, вошли два евангелиста. Это были Ж. Гулаз и П. Вандель, последнему было двадцать шесть лет, он принял Реформу, но всегда сохранял большую привязанность к своим старым друзьям-католикам. [\[654\]](#) Обращаясь к синдикам с большой мягкостью, он сказал: "Молитесь, прекратите это волнение, иначе из этого выйдет хуже". Когда мамелюки услышали его слова, они разгневались и обнажили мечи, чтобы ударить двух гугенотов. Портье, епископальный секретарь, человек вспыльчивый и фанатичный, увидев Ванделя, воскликнул: "Как так получилось, что ты здесь, предатель!" Несколько из них бросились на Ванделя, повалили его на землю и топтали ногами; Портье, выхватив свой кинжал (*sanguidede*) и схватив молодого человека "трусливо за спину" (говорится в Реестре Совета), ударил его ножом в

районе левого плеча, намереваясь убить. Вандель лежал тяжело раненный на тротуаре собора "с большим потоком крови". [655]

Вокруг него немедленно собралась толпа священников и начала громко причитать, но не потому, что человека зарезали, а потому, что кровь осквернила храм. "После этого ни разу не звонил колокол и не совершалось богослужение в этой церкви или даже в других церквях, потому что церковь-мать была закрыта, пока ее не очистил милорд суфражист", - говорит сестра Жанна.

Сообщается, что Гуляз, увидев своего друга на земле, побежал к евангелистам и рассказал им все. Некоторые из них, несмотря на опасность, которой подвергались, проследовали в собор и получили разрешение синдиков увезти Ванделя. Они перенесли его в дом Бодишона, где уложили в постель. Несколько гугенотов назначили себя его сиделками и, глядя на своего бледного и окровавленного друга, спрашивали друг друга, что будет дальше.

[637] Лютеране проскиндентские". —Турретини Ср.

[638] Фроман, *Гестес*, стр. 49. —Готье Ср.

[639] Муниципальные реестры, 20 марта 1533 г. —Готье Г-жа

[640] 'Violentia qua in Farellum sævitum.'—Spanheim, *Geneva restit.* p. 57.

[641] Письмо из Берна, 20 марта 1533 г. — СР. Архив Женевы, № 1090.

[642] Реестры совета, 25 марта 1533 г. —Готье Г-жа

[643] 'Accendunt clerici plebem sibi obnoxiam.'—Spanheim, *Geneva restit.* p. 57.

[644] Реестры совета, 26 марта 1533 г. — Готье Ср.; Розет *Хроника*. лив. ii. гл. ix.

[645] Слово Реформа применяется исключительно к франко-гельветической или кальвинистской части Реформации.

[646] 'Nocte furiis facibusque strenue a clero subditis.'—Spanheim, *Geneva restit.*

[647] Froment, *Gestes*, p. 51.

[648] Froment, *Gestes*, p. 51.

[649] "Соленни сакраменто".—спанхайм, *остаток Женевы*.

[650] Фроман, *Гестес*, стр. 50.—Розет ср., *Хроника*. лив. ii. ч. x.—Готье СР.

[651] В реестре есть слово *ovaille* (оваллиум), Регистры Совета, 28 марта 1533 года.

[652] Розет ср. *Chron.* liv. ii. ch. x.—Готье Г-жа Муниципальный реестр *ad diem*. La Sœur de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 51.

[653] *Le Levain du Calvinisme*, p. 51.

[654] Galiffe, *Notices généalogiques de Genève*, I. p. 80.

[655] La Sœur de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 52.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 50-51.

ГЛАВА XV.

ПЕРВОЕ ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ КАТОЛИКОВ НА РЕФОРМАЦИЮ.

(28 марта 1533 г.).

ЭТО кровопролитие отнюдь не успокоило умы людей, а лишь распалило их. "Все добрые христиане были взволнованы больше, чем раньше", - говорит сестра Жанна. Стычка, в которой семьсот человек против двух получили преимущество, была предзнаменованием победы! Они посмотрели друг на друга и подсчитали свое количество. "Нас большинство, и мы хорошо вооружены, - сказали они. - Мы должны сделать смелую вылазку и сразиться с этими негодяями". Главные лидеры, миряне и священнослужители, удалившись в уединенную часть собора, провели заключительный совет. Наиболее влиятельные из них утверждали, что гугеноты совершили причастие, что они продолжали проводить свои собрания "здесь и там", что власть священнослужителей уменьшалась, а число еретиков увеличивалось, и что осталось только одно средство спасти римскую веру — предать смерти каждого еретика. [656] Синдикаты тщетно протягивали свои волшебные палочки и приказывали им поддерживать мир. Все было бесполезно. "Настало время", - воскликнули священники. - "Давайте побежим к большому колоколу и подадим сигнал". При этих словах многие поспешили на башню церкви и начали бить в набат. В то же время те, кто был в церкви, приготовились к маршу.

=КАТОЛИКИ ГОТОВЯТСЯ К БИТВЕ.=

Трое из синдигов были преданы католической партии: Николас дю Крест, Пьер де Мальбуиссон и Клод Бод. Обнаружив, что они не могут остановить бунт, они решили, если возможно, направить его. Клод Бод, лорд Трош, в замке которого было состряпано множество заговоров против независимости Женевы, хотел бы положить конец Реформе, но не насильственными средствами. Видя, однако, что остановить этот поток невозможно, он поставил себя во главе *эмута*, но с надеждой обуздать его, а затем и подавить Реформу законными средствами. "Закройте двери церкви", - сказал Бод. Это произвело неожиданный эффект: католики внезапно успокоились. Синдик опасался, что если дело дойдет до драки, то обе стороны могут запутаться в битве и что друзья будут наносить удары друзьям, не узнавая друг друга. Он приказал принести большую связку лавровых ветвей и, обращаясь к окружавшей его толпе, сказал: "Раньше, граждане, победителям дарили гирлянды; я дарю вам эти лавры перед победой: они отличат вас от нечестивцев". Каждый из сражающихся взял по веточке и прикрепил ее к своим шапкам; а затем находившиеся в толпе благочестивые католики, желая придать *эму* турелигиозный характер, предложили, чтобы они попросили благословения небес, прежде чем отправятся в путь. Священнослужители немедленно замолчали и, повернувшись к хору, в пылом благоговении пали ниц перед главным алтарем. Все присутствующие преклонили колени "с великим обилием слез" и спели знаменитый гимн из римского требника:

Vexilla regis prodeunt. [657]

Как только мелодия закончилась, один из священников сказал: "Давайте вверим себя Пресвятой Деве, чтобы она заступилась за нас и за святую веру!" И все, как один,

присоединились к *Salve Regina* — молитве, которую люди привыкли петь при казни преступника. Когда эхо этого зловещего пения затихло в пределах огромного собора, священники поднялись с колен: один из них взял крест, в то время как некоторые встали за другие хоругви. "Смотрите, - говорили они, - смотрите, как продвигаются знамена короля". Волнение росло с каждой минутой. Была пятница, предшествующая Страстной неделе. "Давайте сегодня вспомним день, в который наш Господь был готов пролить свою кровь за нас, и поэтому давайте не пощадим нашу. Давайте отомстим его врагам, которые снова распинают его более жестоко, чем это делали евреи". [658] Они издавали такие крики, что "было довольно жалко их слышать", и "не было сердца настолько ожесточенного, чтобы не расплакаться". [659]

=КОРПУСА СФОРМИРОВАНЫ.=

Все эти эмоции были неспроста. Религия средневековья исчезала. Мы считаем, что она должна полностью исчезнуть; и все же мы тронуты энтузиазмом, проявленным ее приверженцами, который был достоин лучшего дела. Синдик Бод, желавший придать видимость законности клерикальному движению, вызвал Персиваля де Песма и приказал ему отправиться с отрядом людей и принести знамя города. Наконец большой колокол, который продолжал звонить, смолк; звонари спустились с башни и присоединились к остальным членам своего отряда. Затем церковники объединились в отряды и избрали своих капитанов; все были полны мужества и рвения, и собор Сен-Пьер напоминал скорее плац, чем церковь. Толпы дефилировали перед главным алтарем, и синдик, приказав распахнуть двери, вся армия священнослужителей покинула храм, твердым шагом спустилась по крутой улице Перрон и направилась к Молару, который был общим местом встречи для тех, кто желал в этот день уничтожить как реформатов, так и Реформацию в Женеве.

Как только прозвучал набат, город взбудоражился до самых уединенных кварталов, и даже жители окрестных кварталов с тревогой прислушивались к его зловещему звуку. Пораженные и встревоженные горожане схватили оружие, поспешно выбежали из своих домов и побежали, "как бедные заблудшие овцы без пастуха", кто в одну сторону, кто в другую, не зная, куда идти, в чем дело и находится ли враг внутри стен или снаружи. Окрестные крестьяне, предупрежденные агентами каноников, вошли в город с оружием в руках. Смятение продолжало увеличиваться: одни кричали "Пожар", другие "Падайте!"; все кричали "Тревога, тревога!" - одни побежали к воротам, другие к ратуше, третьи к крепостному валу; но священники, которые устроили это дело и которые маршировали "большими отрядами" из разных кварталов к Молару, побуждали невежественных людей следовать за ними и кричали так, что заглушали все остальные крики: "Долой лютеран", - таким образом давая понять, кто были враги, на которых предстояло напасть. "За Моляра, - добавили они, - Долой собак, которые хотят уничтожить нашу святую мать-Церковь". Ни один ревностный католик не колебался; все выбежали на улицы, поодиночке или группами; они обнажили мечи, затем загремели аркебузы.... Это было похоже на стаю птиц, которые в поисках своей добычи разжимают когти и стремительно набрасываются на Коренной зуб. [660]

=СБОР ХОЗЯЕВ.=

Тем временем прибыло главное духовенство, то, что начиналось с собора Сен-Пьер. В нем насчитывалось от шестисот до семисот человек — каноники, священники, монахи, ризничие и набожные миряне, все хорошо вооруженные, синдик Бод маршировал во главе их и "носил свою большую шляпу с перьями". Когда это объединение вышло на площадь у аркады форта

л'Экюз, Молар и прилегающие улицы были заполнены взволнованной и растерянной толпой. Но немедленно, по приказу синдика, были сформированы роты по образцу роты Сен-Пьера, и все люди привели себя "в боевой порядок". Бод, таким образом выстроив свой отряд, приступил к подсчету: их было около 2500 человек, [661] не считая стариков, женщин и детей, которые кричали и плакали и, хотя были безоружны, усиливали суматоху. Католики были полны надежды. Для большинства из них борьба была просто партийным делом; но другие, более образованные и лучшие богословы, чем остальные, чувствовали, что это была попытка навсегда изгнать из Женевы доктрины протестантизма, касающиеся превосходства Священного Писания, оправдания, дел, мессы, Церкви и особенно благодати, которой одной Реформация приписывала спасение, в то время как Римская церковь претендовала на роль в обращении естественных сил человека и рассматривала это различие между двумя Церквями как существенный момент. В то же время, однако, следует признать, что как раз тогда они очень мало интересовались теологией. Будучи готовыми сразиться с оружием в руках военных, эти две организации были особенно воодушевлены политическими страстями. Католики опасались, как бы их врагам не удалось скрыться. "Закройте ворота города, - сказал синдик, - чтобы никто не мог убежать". Снова послышались крики: "Вперед, веди нас к Бодишону". "Нет, - ответил Бод, - давайте подождем другой корпус, прежде чем атаковать".

Оставалось еще три отряда: первый, которым командовал конюший епископа Персиваль де Песмес, должен был выступить прямо из ратуши, неся знамя, как мы уже говорили; второй, под командованием каноника де Вейги, спускавшийся с запада, должен был направиться к Молару по улице Сите; третий, шедший из предместья Сен-Жерве, должен был пересечь мост через Рону, и им командовал капитан Бельессер. "Он был крепким парнем и походил на сумасшедшего", - говорит Фромант. Оркестр, которым он дирижировал, был самым буйным в республике. Эти три корпуса, объединенные с 2500 человеками, уже находившимися у Молара, не могли не нанести смертельный удар реформатам и Реформации.

Но поскольку они не появлялись, католики и мамелюки, готовые к бою, ревностные к делу папы и переполненные ненавистью к Реформе, потеряли терпение и, ударяя по земле прикладами своих ружей, пожелали выступить немедленно. - Вперед! - закричали они. "Давайте подождем", - сказал синдик, то ли потому, что он опасался, что "их дела пойдут плохо", как говорится в хронике; или потому, что он хотел внушительной силой принудить реформированных сдаться без боя; или, наконец, потому, что он надеялся, что, если он будет медлить, может случиться какое-нибудь непредвиденное обстоятельство, которое обезоружит сражающихся. "Нам нужна артиллерия, - сказал он, - чтобы осадить дом Бодишона". Это успокоило самых пылких, дав им какое-то занятие; они поспешили в арсенал, но было сомнительно, что им откроют дверь, так как генерал-капитан был настроен против них. Артиллерийский смотритель по имени Боссу (горбун), вследствие своей немощи человек с вульгарным характером и сомнительной моралью, а также убежденный сторонник священников, не колебался. Он передал артиллерию католикам, которые с большим шумом утащили пушки, установили их на площади и зарядили. [662]

В этот момент прибыл отряд во главе с потомком крестоносцев, молодым и отважным Персивалем де Песмесом, горящим желанием сражаться, как и его отцы, за папу римского и его Церковь против этих новых сарацин. Он с гордостью нес большое знамя и, дефилируя со своим корпусом, выстроил его в боевую линию. Синдик Бод взял знамя из его рук и водрузил его посреди площади. Люди, наэлектризованные этим зрелищем, "подняли громкий крик". [663]

Больше нет никаких сомнений: республика вооружается, знамя города реет над рядами католиков, а гугеноты - всего лишь мятежники.

=МОНАХИНИ СЕНТ-КЛЕР.=

Монахи принимали самое активное участие в этом деле; поэтому монастыри были пусты, все, кроме монастыря Сен-Клер, который единственный не был заброшен. Монахини, однако, пожелали принять участие в борьбе: "Увы! - сказали они. - Наши достойные отцы отправились сражаться вместе с несколькими монахами, потому что это делается во имя веры.... Давайте преклоним колени перед Богом, чтобы Он проявил милосердие к бедному городу". Мать-настоятельница начертила пеплом крест на лбах сестер, после чего они процессией обошли монастырь, призывая в благочестивых литаниях защиту всего небесного хора. Затем, образовав крест, они заняли свои места в середине хора и там, растерянные и плачущие, упали на колени и громко воскликнули: "Помилуй, о Боже! благодаря заступничеству славной Девы Марии и всех Святых! Даруй победу христианам и верни бедных странников на путь спасения". [664]

В этот момент сестры услышали шум у ворот монастыря: это были несколько добрых католичек, которые, сами очень напуганные, пришли сообщить сестрам весть, рассчитанную усугубить их горе. "Если еретики одержат победу, — говорили они, - они, несомненно, заставят вас всех жениться, молодых и старых - всех на вашу погибель". [665] Это было обычным пугалом бедных монахинь. Они были суеверны и даже фанатичны, но ничто не указывает на то, что они не были чисты. Предание о том, что между их монастырем и монастырем серых монахов существовала подпольная связь, является вымыслом, столь же беспочвенным, как и ужасная весть о *принудительном браке*, принесенная их нескромными друзьями. Перепуганные монахини перекрестились, еще раз пропели свои литании и воскликнули громче, чем когда-либо: "О Святая Дева, даруй победу христианам!"

=ЖЕСТОКИЙ МУЖ.=

Волнение в городе было тогда в самом разгаре; крики священников были ужасающими, [666] Они громко лаяли на тех, кто отставал, увещевали тех, кто казался равнодушным, и оживляли все тело голосом и жестами, как охотники подгоняют своих гончих за оленем. Католики откликнулись на неистовые крики этих служителей беспорядка и вражды. Но буря разразилась не только на улицах: в домах происходили сцены еще более ужасные. "Увы! - говорили мудрейшие мужи, - человечности не осталось, и они не принимают во внимание узы природы". Один из самых пламенных католиков, услышав набат, поспешно надевал свои доспехи, когда его жена, такая же ревностная католичка, как и он сам, отец которой стоял во главе лютеран, пришла в ужас, увидев оживление своего мужа, и посмотрела на него с удрученным видом. Это была Мика, дочь Бодишона де ла Мезоннева. Ее католическая вера не заставила молодую жену забыть о нежных и святых узах, которые связывают ребенка с ее отцом. Она содрогалась при каждом проклятии, произносимом ее мужем в адрес виновника ее дней. Наконец ее горе вылилось в поток слез. Ее фанатичный муж, в высшей степени озлобленный против Мезоннева, который считался главной опорой ереси, обернулся и, не проявляя ни малейшей жалости, сказал: "Жена, плачь столько, сколько тебе заблагорассудится. Если мы дойдем до драки и я встречу твоего отца, он будет первым, на ком я испытаю свою силу.... Я убью его, или он убьет меня." А затем, черствый при виде Мики, у которой слезы потекли быстрее при этих словах, пронзивших ее сердце, муж—варвар сказал, уходя от нее: "Он плохой христианин, отступник, худший из худших - этот несчастный Бодишон!" [667] Мика был дважды женат: сначала на

Бернаре Комбе, а затем на Гийо Тайоне. Нам не удалось выяснить, кто из двух ее мужей был таким жестоким; вероятно, это был первый.

Эти печальные сцены с каждой минутой становились все более душераздирающими. В домах не было слышно ничего, кроме криков и стонов матерей и жен, дочерей и маленьких детей. Улицы оглашались проклятиями людей, проклинавших *этот закон* (Реформацию), и первого человека, который принес его сюда. "По правде говоря, невозможно, - говорит хронист, - описать крики и слезы, которые тогда наполнили весь город". Но заунывные звуки скорби и скорби, которые поднимались в воздух, не могли заглушить фанатичных и звучных голосов священников. [668]

В это время в доме Бодишона царил глубокий и торжественный трепет. Евангелисты не были бесчувственны к ненависти, которая была направлена против них, но величие опасности придавало им то спокойствие, которое христианин испытывает перед лицом смерти. Сильные ободряли слабых, обращаясь к ним со словами благочестия и чувства: "Ах! - говорили они, - если бы весь мир согласился с истиной, мы были бы в мире; но поскольку большинство борется против этого, мы не можем исповедовать Христа, не встречая сопротивления и ненависти. Это злоба нечестивого, которая разделяет нас на противоположные группы и повсюду разжигает раздоры и споры". [669]

=НОВОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ.=

Неожиданное подкрепление увеличило численность католического отряда. Не все женщины из этой партии обладали нежной душой и израненным сердцем, как дочь Бодишона: добродетели женщин-евангелисток, рвение, с которым они отказались от своих драгоценностей и нарядов в пользу бедных, вызвали неудовольствие многих из них; и мысль о том, что они больше не преклонят с ними колени перед алтарем Марии, наполнила их гневом и ненавистью. Буря, пронесшаяся тогда по городу, раздула порочные страсти слабого пола. В каждом доме жены и сестры и даже матери католиков были готовы; они собрали детей от двенадцати до пятнадцати лет и отправились с ними на площадь Армии, где они договорились встретиться. "В этом собрании женщин, - говорит сестра Жанна, которая была с ними очень близка, - было целых семьсот детей в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, твердо решивших служить добру вместе со своими матерями".

Когда эти дамы встретились, у них был парламент нового типа, и их речи были гораздо более страстными, чем у мужчин. Они не сомневались, что их мужья предадут смерти всех своих противников, но были раздосадованы мыслью, что их жены останутся в живых. "Если случится, - сказал один из них, - что наши мужья будут сражаться с неверующими, давайте также начнем войну *иубьем их жен-еретичек, чтобы истребить этот род*". [670] Эти благочестивые дамы считали, что это был единственный способ сохранить Женеву католической; если бы жены и дети были пощажены, ересь вспыхнула бы снова через несколько лет. Женщины и даже сопровождавшие их дети издали единодушный крик одобрения, и амазонки немедленно приготовились к бою. Они вооружили своих детей, раздав им маленькие топоры и мечи; когда оружия больше не было, их матери велели им набить камнями свои шляпы и кепи. Они тоже яростно подобрали свои фартуки, которые наполнили ракетами. Сестра Жанна не опускает ни одной детали в своем повествовании, ибо именно этим она больше всего гордится. Некоторые из этих женщин расположились у окон, чтобы сокрушить евангелистов в момент сражения, обрушив на них свои снаряды; но более решительные направились с детьми к Моларду, куда

они прибыли с громкими криками. Странное безумие! как будто Бог, который требует от христианки *кроткого и тихого духа* и запрещает ей украшаться "заплетенными в косы волосами и дорогими нарядами", тем более не запретил ей вооружаться камнями и идти на битву. Обезумевшие и виноватые женщины! Несколько гугенотов, наблюдавших за ними издали, с удивлением спросили, что могло означать такое необычное сборище. Они казались похожими на тех друидесс, которые (как рассказывают), когда их святилищу угрожала опасность, бегали взад и вперед по берегу озера, в черных одеждах, с растрепанными волосами и размахивая факелами в руках. [671]

Обрадованные этим зрелищем, священники, не желая отставать, воскликнули: "Мы будем первыми, кто защитит нашу супругу Церковь". На площади было около ста шестидесяти вооруженных священников. Если духовенство и женщины подадут пример, должны ли горожане остаться позади? Все собравшиеся у Молара снова и снова кричали: "Вперед, вперед!" Синдикаты не собирались атаковать, но возбужденная толпа увлекла их прочь. [672] План состоял в том, чтобы направиться к дому Бодишона, где собрались гугеноты, поджечь его и, таким образом, вынудив их выйти, убить их, когда они будут спасаться от огня через двери и окна. [673] Горожане, священники, женщины и даже дети желали иметь привилегию первыми нанести удар Мезонневу, Саломону и их друзьям; на улицах должны были пролиться потоки еретической крови. "Вперед!" - повторили они, но среди общего волнения красивые перья, украшавшие шляпу синдика, оставались неподвижными. Бод, желая потянуть время и избежать кровопролития, отказался подать сигнал: "Для большей уверенности, - сказал он, - и для того, чтобы никто не мог ускользнуть от наших рук, давайтеждемся корпуса из Сен-Жерве". [674] Синдик все еще надеялся, что реформированные сложат оружие и сдадутся по своему усмотрению внушительной силе.

=ЧУВСТВА ИСПРАВИВШИХСЯ.=

Реформаты, собравшиеся в доме Бодишона на левом берегу реки, на углу улиц Аллеман и Корратери (примерно в 450 шагах от Молара), постепенно замечали, что их число увеличивается. Многие из их друзей, которые поначалу хотели остаться дома, видя опасность, угрожавшую их братьям, пришли им на помощь, полные решимости победить или умереть вместе с ними. Энтузиазм распространился даже на детей и побудил их к проявлениям преданности не по годам. "Молодой ученик пошел туда, несмотря на отца, мать и священников, и увещевал их всех быть бодрыми". [675] Старшая часть не была слепа к серьезности ситуации, но они оставались твердыми, будучи полными доверия к Богу. "Как искра, - говорили они, - может внезапно поджечь целый город, так и Женева в одно мгновение была охвачена бунтом.... Но пусть наши сердца не смущаются; Господь держит бури и вихри в Своей руке и может успокоить их, когда Ему заблагорассудится".

Зловещие предзнаменования могли напугать их. Перед ними был несчастный Вандель, ослабевший и истекающий кровью.... Они с состраданием подошли к раненому молодому человеку. "Смотрите, - говорили они, - смотрите, как епископ и его чиновники обращаются с лучшими гражданами". Заметив бледность его лица, они отчаялись в его жизни, и мрачные мысли наполнили их сердца.

=МОЛИТВА ИСПРАВИВШЕГОСЯ.=

Это было не единственным предзнаменованием грозившей им опасности; крики католиков, становившиеся все более яростными, доносились даже оттуда. Они посмотрели друг на друга с удивлением и даже с тревогой. "Какая ярость!" - говорили они. "Как велико число против столь малого числа!" А некоторые из них добавляли: "Если Бог не за нас, нам конец". Но другие, изменив слова, ответили: "*Если Бог за нас, кто может быть против нас?*" Де ла Мезоннев был самым твердым. Обладая вспыльчивым и даже буйным нравом, энтузиаст свободы и истины, он был в этот торжественный час спокоен, вдумчив и подобен христианину. Никто не был более уязвим, чем он: его дом должен был стать как бы полем битвы; но, забыв о себе, он подошел к тем, кто был удручен, и сказал: "Мы должны проявить наше великодушие, даже если они доведут нас до отчаяния. Нечестивые уже возводят триумфальные арки ... в воздухе. Бог смотрит не на численность, будь она большой или малой, а на дело, за которое они сражаются. Если мы будем под знаменем Иисуса, Бог будет для нас медной стеной". Эти слова ободрили тех, кто был потрясен, и наполнили радостью их измученные сердца; и едва Бодишон произнес их, как те, кто стоял вокруг него, упали на колени и склонились перед Господом. Один из них молился: "О Боже, ты даешь поводья нечестивым только настолько, насколько это необходимо, чтобы испытать нас. Поэтому остановите их и сдерживайте, чтобы они не причинили нам вреда. Измени сердца наших врагов и смотри только на дело, за которое мы собираемся сражаться". Эта простая молитва подействовала больше, чем *Бальзам Регины*. Встав с колен, друзья Реформы протянули руки и сказали: "Мы клянемся умереть за дело Божье и сохранить веру и верность друг другу". И, подобно мученикам ранних веков, они ждали удара, которым им угрожали, потому что они отказались отказаться от Евангелия, которое Бог тогда восстанавливал в христианском мире.

Пока евангелисты молились, оркестр, которого с таким нетерпением ждали из Сен-Жерве, наконец начал переходить мост. Бывший синдик Жан-Филипп, ныне капитан-генерал, который склонялся к Реформе по политическим мотивам, будучи призван своим ведомством подавлять все беспорядки, занял свой пост между мостом и городом, недалеко от дома Бодишона, и те, кто не принадлежал ни к одной из партий, сплотились вокруг него. Как раз в тот момент, когда корпус из пригорода спускался с моста и входил в город, Филипп приказал им возвращаться. При этих словах их предводитель, Беллессерт мясник, разъяренный попыткой остановить его, пришел в ярость и с ужасными ругательствами так сильно ударил капитан-генерала своей алебардой, что тот упал на землю. В тот же миг Клод Женевский и другие горожане, последовавшие за Филиппом, бросились вперед, навстречу нападавшим; капитан вскочил на ноги и, повернув шпагу на человека, который его ударил, ранил Бельессера. В то же время его последователи, нанося удары направо и налево, оттеснили сент-джервезианцев обратно на мост. Последние тщетно пытались возобновить наступление; отряд Филиппа не давал им времени перевести дух. Многие были ранены, и в их рядах царил беспорядок; они были слишком горды и вспыльчивы, чтобы уступить, если бы не понесли больших потерь. Наконец они сбежали и удрученные вернулись в свои дома. [676] Последователи капитана немедленно закрыли ворота моста, чтобы помешать жителям пригорода вернуться в город. [677]

Эта мера подвергла реформатов в Сен-Жерве некоторой опасности. Эме Леве жил, как мы уже говорили, на другом конце моста. Его жена, огорченная борьбой и ранами, которые собирались нанести и получить ее братья, вышла, возможно, по неосторожности, и, стоя на улице, попыталась выяснить, что происходит. В этот момент католические кварталы, воспламененные видом ран своего кумира Беллессерта и преисполненные решимости не отставать от женщин города в воинственном рвении, заметили Клодин Леве, которой они приписали все злодеяния.

С громким криком они бросились на нее, восклицая: "Давайте начнем войну, сбросив эту собаку в Рону". Клодина, увидев приближающихся фурий, издала пронзительный вопль и, "будучи хитрой", по словам сестры Жанны, поспешно вернулась в дом и закрыла дверь. Это, безусловно, был очень законный *трюк*. Католички немедленно бросились на нее, но, как они ни пытались выломать дверь, им это не удалось. Затем они выместили свою ярость на лекарствах аптекаря: сначала они взяли то, что служило для галочки, а затем, войдя в магазин, "с презрением выбросили все это на улицу". [678] Эта акция против наркотиков не успокоила их: выйдя из магазина и остановившись перед домом, они обратили свои сердитые взгляды к окнам Клодин и использовали оскорбительные выражения. Мадам Лева оставалась спокойной посреди этой суматохи и "вознесла свои мысли к небесам, где она нашла великую радость, которая изгладила все ее печали". Наконец католики удалились, "очень разгневанные тем, что не смогли добраться ни до этой женщины, ни до любой другой". Клодин была спасена. [679]

=ПЛАН ПО ВЫЖИГАНИЮ ГУГЕНОТОВ.=

Пока это продолжалось, в верхней части города собралась третья группа, ожидавшаяся в Моларде, которую возглавлял каноник Вейги. Неподвижность реформаторов, которые не покидали дом Бодишона, беспокоила каноника и тех, кем он командовал. "Они ведут себя тихо, как зайцы, - сказал он. - Мы должны заставить их покинуть свою форму". Это они и приготовились сделать. Как мы уже говорили, Мойном и его друзьями, руководителями движения, было решено, что они должны окружить и поджечь дом Бодишона, чтобы еретики были задушены, сожжены, изгнаны и рассеяны. По мнению некоторых, это была отличная идея гугенотов - запереться в одном доме, ибо таким образом одной спички было бы достаточно, чтобы избавиться от них.... Но план разведения огня пришелся не всем по вкусу. "Это не может быть сделано без большого вреда, - говорили более мудрые головы. - вся улица может быть сожжена дотла".... Однако варварский план был одобрен, и его исполнение было поручено корпусу каноника Вейги. Это был священник, на которого была возложена жестокая обязанность. "Каноник де Вейги должен был пройти по узкой улочке Труа-Руа, [680] за Роной, поджечь дом Бодишона и выгнать *остальных* на улицу, чтобы им некуда было деться". [681]

Отряд каноника готовился спуститься в город для выполнения своей задачи, когда несколько католиков, прибежав в отель-де-виль, объявили о поражении войск из Сен-Жерве. "Мы можем ожидать подобной встречи", - сказали каноник и его подчиненные; и, вовсе не стремясь померяться силами с главнокомандующим, они решили присоединиться к толпе на Моларде, пройдя на восток, чтобы оказаться вне досягаемости атаки Филиппа и получить подкрепление для уничтожения гугенотов. Изменив направление, они спустились по улице Верден. Когда они прибыли в Молар, их очень плохо приняли. Все упрекали их, называя трусами и предателями. Священники были "сильно удивлены и раздосадованы, потому что они не подожгли дом, как было условлено". [682]

=ГУГЕНОТЫ В ОБОРОНЕ.=

Весть об этом плане по их выжиганию достигла цитадели реформированных. Мезоннев и его друзья больше не колебались. До сих пор они отвечали на ярость своих противников молчанием; они желали, насколько это было возможно, избежать кровопролития; но теперь их сдержанность стала бесполезной. Сначала их было всего шестьдесят, их численность увеличилась, но они по-прежнему уступали своим противникам: однако они решили отразить нападение силой. [683] Поэтому они отправились в путь спокойные и безмолвные, ибо

чувствовали серьезность момента. Прибыв на улицу Аллеман, они выстроились в боевую линию в пять рядов, согласно швейцарской практике. Передняя шеренга находилась примерно в 250 шагах от противника. Они были полны решимости не переходить в наступление. "Мы будем ждать наших противников, - сказали они, - но если они нападут на нас, мы скорее умрем, чем отступим хоть на шаг".

Хотя их, как мы уже говорили, было отнюдь не много по сравнению с несколькими католическими группами, они были тверды и полны надежды. С ними не было ни священников, ни женщин, ни детей, которые могли бы смутить их: все были крепкими, решительными, дисциплинированными мужчинами, которые не боялись сражаться один против десяти. Однако они не полагались на свои силы; они "не переходили с одной стороны на другую, возлагая напрасные надежды"; самые благочестивые из них "повторяли, что для них нет ни единой искры верной помощи, кроме как в одном Боге".

Драка вот-вот должна была начаться. Реформированные, зная, что городская артиллерия была сдана боссом их противникам и направлена на Молар, раздобыли несколько пушек, вероятно, благодаря вмешательству генерал-капитана. Гугеноты, смело маршировавшие по двум сторонам большой площади, установили свои ружья — одни на улице дю Рон, другие на улице Марш, всего в девяносто шагах от католиков. С каждой стороны артиллерия была готова к стрельбе, аркебузы заряжены, в руках сражающихся были копья и алебарды, женщины и дети римской партии приносили камни. Послышались взрывы гнева, крики и ужасные угрозы. [684] Все были готовы к нападению, и резня казалась неизбежной. [685]

В этот момент слышался звук трубы; это был не сигнал к битве, а прелюдия: городской глашатай, остановившись на углу какой-то соседней улицы, провозгласил, "что каждый иностранец должен удалиться в свое жилище под страхом трех ударов веревкой". Таким образом, они расчистили место, где должна была состояться битва. Звук трубы и пронзительный голос глашатая вскоре затихли, и наступила гробовая тишина. С каждой стороны были благородные души, любители мира, которые были охвачены глубочайшими эмоциями при мысли о том, что братья вот-вот нападут на братьев, и многие с печалью смотрели на улицы, которым вскоре предстояло обагриться кровью их сограждан. Эти сострадательные люди хотели бы обуздать братоубийственное оружие, но они трепетали перед священниками. "Никто, - говорит современник, - не осмеливался обратиться к духовенству с предложением мира; великая гордыня священников пугала их, и они боялись называться лютеранами". [686] Желать предотвратить пролитие крови - значило быть сторонником Реформации. [687] Стороны бросали друг на друга угрожающие взгляды, и две армии были готовы вступить в жестокое столкновение.

=МОЛИТВЫ И СЛЕЗЫ.=

Затем началась агония. Некоторые жены, матери и дочери, находившиеся на площади дю Молар и до этого момента полные рвения к битве, были тронуты и не могли сдержать своей тоски. Нежность их пола возобновила свое господство: они выпустили свои фартуки, и находившиеся в них камни упали на землю. Они разразились слезами и издали долгий и горестный стон. "Увы! - говорили они. - отец вооружен против сына, брат против брата, сосед против соседа.... Они все готовы убить друг друга". [688] Это чувство стало почти всеобщим.

В то время как многие католички таким образом преобразились, женщины-евангелистки, оставшиеся дома, молились. Они размышляли о том, что, как бы мир ни мучил и досаждал, не может произойти ничего, кроме того, что предопределил Сам Бог. Они противопоставляли непреложный указ Господа, который желает вечно поддерживать царство Своего Сына, нечестивым заговорам, посредством которых люди мира нападают на него, и не сомневались, что Бог обратит на них внимание и поможет им в их нужде.

"Божьей волей, - сказал Фромант, - было избежать кровопролития, и Он распорядился так".[689]

[656] Froment, *Gestes*, p. 51.

[657] "Поднимаются королевские штандарты". — Рамбах, *Антология христианского веселья*, i. 104. Хорошо известно, как Данте использовал первую строку этого гимна:

Vexilla Regis prodeunt Inferni.—*Инферно*, xxxiv. 1.

[658] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 53.

[659] Там же. Froment, *Gestes*, &c. p. 51.

[660] Реестры совета, *ad diem*.—Фроман, *Вести Женевы*, стр. 51. Готье г-жа

[661] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 51. Это число, вероятно, преувеличено.

[662] Froment, *Gestes de Genève*, p. 52.—La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 53.—Roset MS., liv. ii. ch. viii.

[663] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c. p. 53.

[664] Там же. стр. 57.

[665] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c. p. 57.

[666] Розет ср. *Хроника*.

[667] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c. p. 54.

[668] Froment, *Gestes de Genève*, p. 54.—La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 54.—Roset MS., *Chron.* liv. ii. ch. x.—Gautier MS.—Chonpard MS.

[669] Там же.

[670] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c. p. 54.

[671] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, pp. 54, 55.—Gautier MS.

[672] "Плебс мота синдикос кодем траксит". —рукопись Турретини в библиотеке Берна.

[673] 'Civis cujusdam domus concursu facto petitur; jam tormenta majora dirigebantur.'—Turretini MS.

[674] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, pp. 54, 55.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 50.—Gautier MS.

[675]Шупар МИСС

[676] Фроман, "Вести Женевы", стр. 52.—Списки Собора от 28 марта 1534 г. —Сюр Ж. де Юсси, "Леван кальвинизма", стр. 54. —Готье Г-жа

[677]Там же.

[678] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c. p. 57.

[679] Там же.

[680] Трех королей до сих пор можно увидеть вырезанными над воротами большого дома (называемого Trois Rois) в Бель-Эйр.

[681] Froment, *Gestes de Genève*, p. 53.

[682] Chopard MS.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 52-54.—Gautier MS.

[683] 'Erumpunt qui convenerant a protestantibus, vim vi repulsaturi.'—Turretini MS. at Berne.

[684]"Шум, сакса, мина, фурор". — Турретини Ср.

[685] Utrique ad cædes in proximo.'—Ibid.

[686] Froment, *Gestes*, &c. p. 54.

[687] Там же.

[688] Froment, *Gestes*, &c. p. 54.

[689] Там же, стр. 55.

ГЛАВА XVI.

ПЕРЕМИРИЕ Между ДВУМЯ СТОРОНАМИ.

(С 28 марта по 4 мая 1533 г.)

КАК раз в это время в Женеве находилось несколько иностранцев, в частности семь фрибургских купцов, приехавших на ярмарку. Они с грустью смотрели на окружавшее их зрелище и не могли понять, как граждане могли зайти так далеко, чтобы убивать друг друга, "чтобы удовлетворить аппетиты своих священников", - говорится в рукописи. [690] Эти достойные швейцарцы выступили посредниками. Руководители католической партии, не сомневаясь, что они на их стороне, попросили их поддержки. "Мы не вмешиваемся в дела такого рода, - мудро ответили фрибуржцы, - за исключением восстановления мира, поскольку мы - сограждане и хорошие друзья как с вами, так и с другими". Они отправились на улицу Аллеман и сказали реформатам: "Посмотрите на великое множество людей, которые против вас. Этот вопрос должен быть решен до того, как с вами случится худшее". Реформированные, которые были готовы к битве, ответили: "Беспорядки начались не с нас, и мы были бы огорчены, если бы сделали что-либо во вред Совету или народу. Мы только просим оставить нас в покое и

жить по-Божьи, повинуюсь властям, как повелевает Евангелие. Мы действуем в целях самообороны, потому что они сговорились убить нас. Если на площади по-прежнему собралось так много священников и монахов, будьте уверены, что мы будем защищаться до последнего, если Богу будет угодно помочь нам. Но нас не радует необходимость бороться против отцов, братьев, родственников, друзей и соседей ради удовлетворения appetites священников и монахов". [691]

=УМЕРЕННОСТЬ ВО ФРИБУРГЕРАХ.=

Фрибургцы, ободренные этими словами, вернулись в Молар и, обращаясь к священникам, сказали: "Это нехорошо и нечестно, и, прежде всего, это не соответствует вашей должности - таким образом подстрекать людей убивать друг друга. Ваш долг - находиться в своих домах или в церкви, молясь Богу, а не быть таким образом с оружием в руках. Когда люди расходятся во мнениях, вы должны примирять их, а не подстрекать к пролитию крови". Это были христианские слова, и миряне выступили с прекрасным увещанием для духовенства; но последние были настолько разъярены, что ничего не хотели слушать. После миролюбивого обращения фрибургцев "они проявили себя более горячими, чем когда-либо, в своем желании, чтобы все были убиты".

Эти достойные купцы, пораженные тем, что священнослужители так рвутся в бой, подумали, что миряне будут более умеренными, и отправились на переговоры с магистратами. "Если произойдет какое-либо кровопролитие, - сказали они, - вся вина будет возложена на вас. Выполняйте свой долг: вы можете командовать; прикажите обеим сторонам разойтись по домам". Честь магистратов, которые в глубине души желали мира, была затронута, и они решили подавить беспорядки. Обратившись к священникам, от которых зависело все дело, они сказали им при народе: "Вы должны восстановить мир". Но духовенство ничего не хотело делать и тем самым еще больше подстрекало народ к нападкам на лютеран. Возмущенные фрибургцы решили напугать их. "Мы молим вас, господа, не заноситься так высоко, - сказали они, - ибо, если дело дойдет до драки, мы предпочли бы быть на их стороне, а не на вашей.... Это совсем другие солдаты, чем вы, в лучшем порядке и хорошо вооруженные ... мы видели их". Затем, указав на слушающих людей, они продолжили: "Как вы думаете, господа священники, эти люди, у которых есть дети, родители и друзья на другой стороне, хотят убить их или быть убитыми ими из любви к вам?... Более того, мы молим их отступить. И если после этого вы захотите напасть на своих врагов, подумайте, что вы делаете; возможно, у вас не будет возможности вернуться.

Достойные фрибургцы на этом не остановились; поговорив с магистратами и священниками, они начали разглагольствовать перед народом. Подойдя к горожанам, они обратились к ним поодиночке: "У вас есть сыновья, родственники и друзья на стороне гугенотов; вы хотите убить их или быть убитыми ими? Мы советуем вам предоставить священникам самим разбираться с этим.

Многие высоко оценили это замечание. "Мы очень глупы, - говорили они, - почему нас должны убивать из-за священников?"... Пусть они защищаются, если хотят. Пусть они борются со Священным Писанием, а не с мечом". Некоторые, кого разум не мог убедить, были охвачены страхом. [692] Здравый смысл фрибургцев рассеял очарование жреческого фанатизма. Естественные чувства, подавленные на мгновение, вновь обрели силу. "Пусть дело будет улажено", - раздались крики со всех сторон.; "Судите, судите".

=КОНСУЛЬТАЦИЯ.=

Магистраты, увидев, что священники покинуты, вновь обрели мужество. Нельзя было терять ни минуты. Совет собрался посреди Молара, приставы держались подалеже от толпы; синдики были первыми, кто протестовал против пролития крови; многие влиятельные члены совета поддержали их, и большинство людей, казалось, высказалось за мир. Затем премьер-синдик Николя дю Крест, Клод Бод и Пьер де Мальбуиссон в сопровождении нескольких капитанов выступили вперед, чтобы поговорить с Де ла Мезонневым и его друзьями. Передовой отряд гугенотов, увидев их приближение, подумал, что начинается сражение, и один из них, расторопный и энергичный человек, приготовив артиллерийское орудие, прицелился в центр группы и приготовился пустить в ход спичку. "Выстрел пробил бы ужасную брешь", - говорит Фромант. Это быстрое движение встревожило приближавшихся; со всех сторон раздались крики: "Мир заключен". При этих словах артиллерист остановился, солдаты отступили, синдики выступили вперед с одной стороны, Бодишон и его друзья - с другой, и обе стороны посовещались. [693]

Доверие еще не было восстановлено. Было решено предоставить заложников: с каждой стороны было выдано по три знатных человека, и среди шестерых был каноник по имени Гуэт. В городе немедленно раздался звук трубы, и герольд провозгласил: "Каждый мужчина должен сложить оружие и спокойно вернуться домой, без ссор и препирательств, под страхом быть повешенным; и никто не должен петь песни или баллады, провоцирующие на ссору, под страхом быть выпоротым и изгнанным".

В тот момент в городе преобладали самые разные мнения. Священники и ревностные последователи Рима не могли найти утешения. Желая уничтожить Реформацию любой ценой, они считали, что казнить реформированных - это очень по-христиански. Они были особенно озлоблены против капитан-генерала; некоторые из них публично называли его предателем. "Этот мир сильно раздражает христиан", - пишет сестра Жанна; и соответственно было слышно, как они восклицали: "Теперь мы должны *изгнать их из мира*, чтобы больше не бояться и не досаждать из-за них". "По правде говоря, - добавляет набожная монахиня, - это было бы лучше, чем оставить их в живых". [694]

Но в то время как некоторые католические лидеры, такие как Вернли и Мойн, вернулись домой мрачные и недовольные, надеясь, что дело просто отложено; другие, как реформаты, так и католики, с радостью переступили порог своих домов, и их встретили со слезами радости. Жены обнимали своих мужей, маленькие дети прижимались к своим отцам, в то время как старшие снимали мечи. Политики улыбались, видя радость одних и огорчение других; они качали головами и думали, что та или иная сторона нарушит перемирие, как только сочтут, что это будет в их интересах. "Это фиктивный мир", - говорили они. [695] Но ничто не могло утешить некоторых монахов. "Увы! - бормотали они в своих монастырях. - Христиане легко бы смутили и подчинили еретиков, а теперь эти нечестивцы получают господство в городе". [696]

=ПРОЕКТ ПРИМИРЕНИЯ.=

На следующий день (29 марта) совет шестидесяти собрался, "чтобы уладить вчерашние разногласия". Буря еще не совсем утихла; члены совета-католики с угрозой смотрели на самых выдающихся своих коллег, Жана Филиппа, Франсуа Фора, Клода Розе и других. Они думали, что на этих людей следует напасть, поскольку сила антиклерикального движения была на их

стороне. Но какое-то время примирение было в моде. Они решили найти компромисс, который удовлетворил бы обе стороны; и некоторые из магистратов и видных граждан встретились, чтобы выработать систему объединения Рима и Евангелия". [697]

Собрав 30 марта двести человек, к которым присоединились многие другие граждане, премьер-синдик сначала освободил заложников, а затем предложил знаменитый проект примирения. Приняв его, совет разослал копию капитанам каждой роты; и, повернувшись к аббату Бонмонта, который довольно регулярно исполнял обязанности епископа, учитывая постоянное отсутствие прелата, главный судья сказал ему: "Господин викарий, я дам вам также копию этого указа, чтобы вы могли позаботиться о том, чтобы ваши священники жили должным образом". Все миряне согласились с тем, что именно в этом заключалась главная трудность. Заседание закончилось.

Каждая рота немедленно была выстроена на своем боевом посту; капитан встал в центре; гугеноты и мамлюки слушали этот странный указ, который, регулируя религиозные вопросы, был издан гражданскими властями и провозглашен солдатами.

=СТАТЬИ О МИРЕ.=

"Во имя Бога, Творца и Искупителя, Отца, Сына и Святого Духа", - прочитал капитан, и все обнажили головы. "В интересах мира решено, - продолжал офицер звучным голосом, - что весь гнев, обиды и неприязнь между кем бы то ни было из наших граждан и обывателей, как церковных, так и светских, а также все побои, оскорбления и поношения, совершенные той или иной стороной, будут полностью прощены".

Слушатели, казалось, были довольны.

'Пункт. Чтобы каждый гражданин, какого бы состояния он ни был, жил отныне в мире, не предпринимая никаких новшеств до тех пор, пока ему не будет *приказано жить иначе*.' — "На самом деле, это реформа, - сказали гугеноты, - но это в будущем".

'Пункт. Чтобы никто не выступал против святых Таинств, и чтобы в этом отношении каждый был *оставлен на свободе в соответствии со своей совестью*.'

Свобода и совесть! какие странные слова. Если народ Женевы обрел это, значит, обрел все.

- Чтобы никто, - продолжал капитан, - не проповедовал без разрешения настоятеля, синдигов и совета; и чтобы *проповедник не говорил ничего, что не было бы доказано Священным Писанием*.

Ни одна статья не вызвала большего удовлетворения. "Хорошо, — сказали некоторые из реформатов, - наше учение основано на Священном Писании". - "Хорошо, - сказали некоторые католики, - настоятель позаботится о том, чтобы еретик не проповедовал".

Капитан добавил запрет есть мясо в пятницу, петь песни друг против друга или говорить "Вы лютеранин", "Вы папист". Более того, он приказал главам семей сообщить об указе своим женам и детям. Дамы-католички и их мальчики были достаточно настойчивы во время битвы, чтобы их не забыли.

Закончив, капитан обратился к своей роте: "Пусть те, кто желает мира и любви, поднимут руки и принесут клятву перед Богом".

Реформаторы, получившие Священное Писание и свободу совести, подняли руки. Католики, видя, что епископальная власть и постные дни оставлены им, сделали то же самое; но в одной из компаний гугенот, которому не понравилась эта смесь, сказал: "Я отказываюсь!" — "К Роне с ним!" - немедленно воскликнули католики. "К Роне. Безжалостно бросьте его в Рону, как бешеную собаку". [698] Однако никто не утонул, и на следующий день по городу прошла всеобщая процессия, возблагодарившая Бога за мир.

Католики восторжествовали. Свобода вероисповедания и Библия казались такими странными вещами, что им нечего было их бояться. Впоследствии они узнали обратное; но в то время эти слова выглядели как приманка, которая не имела реальности, а просто предназначалась для привлечения и поимки гугенотов. В Вербное воскресенье очень образованному доминиканцу (как говорили), прибывшему из Осера, было поручено проповедовать о победе Рима. Толпа была так велика, что монастырская церковь не могла ее вместить. Его провели на открытое пространство перед зданием, где он взошел на специально подготовленную для него кафедру. Гордо стоя перед своей паствой, ученик святого Доминика сказал: "Здесь я готов выйти на ристалище вместе с этими проповедниками. Пусть милорды Берна присылают столько, сколько захотят, я возьмусь поставить их всех в тупик". У него был обильный поток "громких слов, к великому презрению Слова Божьего". [699] Гугеноты, едва сдерживаясь, воскликнули: "Эти хитрые негодяи хотят завязать глаза простым людям, чтобы они не видели солнца, которое возшло над нами во всем его блеске".

Доминиканец продолжал метать молнии без перерыва, затем внезапно собрание пришло в смятение. Женщины закричали, мужчины были взволнованы ... считалось, что гугеноты совершают вылазку из города (поскольку монастырь находился в пригороде) и вот-вот нападут на прихожан. "Закройте ворота" (города), - закричали некоторые; и набожные были еще больше напуганы этим восклицанием. Одни обнажили мечи, другие кинжалы, все приготовились защищаться. Бедный монах, вообразивший, что лютеране уже там и собираются предать его смерти, испугался, побледнел ... "и упал с кафедры в обмороке". Но гугеноты так и не появились. Прихожане начали расспрашивать о причине тревоги и обнаружили молодого зайца, которого выпустили на волю среди людей и который бегал туда-сюда между женскими платьями. Это был трюк, разыгранный каким-то глупым шутком. В городе много смеялись над бесстрашными чемпионами Рима, которые так героически обнажили свои кинжалы против зайчонка. [700]

=ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ.=

Готовилась церемония другого рода, более серьезная и увлекательная. Это была Страстная неделя, и евангелисты почувствовали необходимость собраться в духе христианского братства за трапезой Господней. В Страстной четверг (10 апреля) восемьдесят мужчин и несколько женщин собрались в саду при Пре-л'Эвеке. Сначала один из них омыл ноги остальным в память о подобном поступке, совершенном нашим Господом. У них это не было праздным подражанием: они поняли смысл слов Христа: "напоминание им о том, что никто не должен отказываться нисходить, чтобы служить своим братьям и равным, каким бы низким и подлым ни было это служение"; и они чувствовали, что "если милостыня оставлена, то это потому, что каждый берет больше, чем хочет, и презирает почти всех остальных". После омовения ног было совершено святое причастие. Эти энергичные люди смирились перед Богом, как малые дети, и,

подходя к столу с искренней верой, многие ощутили, что присутствие Искупителя, хотя и духовное, реально и укрепляет внутреннего человека.

Как только стало известно об этом празднике, о нем заговорил весь город, и не обошлось без сарказмов. "Эти евреи, - говорили они, - один за другим откусили по ломтю хлеба и сыру в знак мира и единения.... И вслед за этим католики рассмеялись", - сообщает нам сестра Жанна. [701]

Но вскоре смех сменился страхом. Когда они возвращались с Пре-л'Эвек, несколько гугенотов (и среди них были самые страшные) вместе прогуливались по улицам. Несколько глупых сплетников, завидев их издали, повсюду сообщали, что большие группы еретиков собираются на площадях и замышляют помешать проведению мессы в Пасхальное воскресенье. Был Страстной четверг, и в церквях собирались совершить причастие, но женщины, напуганные услышанными рассказами, не осмеливались выйти. Мужчины взяли за оружие; священники и монахи сделали то же самое; и оба пастора и паства начали праздновать вечерю мира, защищенные нагрудниками, кинжалами и дубинками. Все они держали ухо остро; они волновались при малейшем шуме, но никто не пришел их потревожить, и причастие прошло спокойно. [702]

=УДОБНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.=

"Значит, это будет в Страстную пятницу", - сказали несколько католиков. - "Хорошо известно, что гугеноты готовятся устроить демонстрацию в этот день в доминиканской церкви, где будет проповедовать монах из Осера". Чтобы предотвратить такое несчастье, было решено, что добрый отец будет проповедовать в церкви Сен-Пьер, "подобной которой никогда не видели на памяти человека, в такой день". Каноники считали себя в безопасности в своем соборе, как в крепости. Для большей безопасности многочисленные отряды людей патрулировали город; один из главных католиков, г-н де Торанс, гордо расхаживал взад и вперед в окружении отряда браво. В пятницу утром священники и верующие с оружием в руках отправились в собор Святого Пьера. Некоторые из реформированных были поражены, увидев их при оружии в такой день, и напомнили им слова нашего Господа: *Вложи свой меч в ножны*. Это означает, сказали жрецы, "что его нужно держать под рукой до тех пор, пока не придет время его извлекать". Всегда можно найти подходящие толкования.

Эти добрые люди были встревожены без причины: не было ни малейшего волнения, и осерский проповедник говорил все, что ему заблагорассудится. [703] Но он чувствовал себя не в своей тарелке в городе гугенотов, и едва миновал День Пасхи, как он "поспешно вернулся в свою страну". После его отъезда никто не осмеливался проповедовать, что очень удивляло набожных католиков. [704]

Постановление совета обеспечило свободу вероисповедания в Женеве, но это было немногим больше, чем в теории; практика была более сложной. По мнению одних, Женеве должна быть полностью реформирована; по мнению других, полностью католической: решительные люди спрашивали: "Как долго они будут колебаться между двумя мнениями?", а отважные сторонники повторяли, что только меч может разрубить сложный узел. Премьер-синдик Николас дю Крест и член совета Рой отправились в Берн, чтобы умолять сенат не поддерживать Реформу; в то время как евангелисты, с другой стороны, желали, чтобы ей было позволено свободно развиваться. У многих был пылкий ум, искренний голод и жажда праведности; их души стремились к вечному спасению; и они были так же честолюбивы в отношении небесной истины, как завоеватели

стремятся к славе и империи. Духовенство, лишив их служителей, свело их к простым попыткам взаимного назидания; но они желали полной проповеди Евангелия, без которой Церковь чахнет. "Мы страдаем от нужды, - говорили они, - мы лишены наших прав. Смелый монах постоянно кричит, что он готов посрамить всех министров, которых Берн готов нам прислать.... Что ж, тогда давайте попросим в Берне министров, чья ученость и красноречие могли бы заставить замолчать этих наглых и болтливых доминиканцев".

=ПОСОЛЬСТВО В БЕРНЕ.=

Путешествие Синдика дю Креста встревожило Мезоннева. Кто может сказать, что уважение, оказываемое верховному судье республики, может побудить могущественный кантон Берн сделать ложный шаг?.. Он постарается предотвратить столь великое несчастье. Он сообщил о своих намерениях верному Саломону, который, будучи полон доверия к своему другу, немедленно отправился с ним в это опасное путешествие. [705]

Дю Кресту и члену совета Руа, прибывшим в Берн 6 апреля, однажды показалось, что они увидели Мезоннева и Саломона на улице. Они удивленно остановились, оглядели их обоих с головы до ног и словно окаменели.... Это действительно были два гугенота. Премьер-синдик был взбешен и, подойдя к ним, грубо спросил: "Что вы здесь делаете?" "Нам сказали, что у вас есть инструкции выступить против нас, - ответил Мезоннев. - Мы здесь, чтобы защищаться". На следующий день, когда два магистрата отправились на совет, они были еще более удивлены, обнаружив двух реформированных лидеров во внешнем зале. Они надеялись, по крайней мере, войти в зал совета поодиночке; но нет! едва дверь открылась, как два гугенота бесцеремонно прошли вперед в сопровождении двух магистратов и спокойно сели слева от них. Была ли тогда в Женеве вторая держава, которая тоже прислала своих послов?

Мезоннев на самом деле был послом; его сердце горело ради великого дела — Евангелия и новых времен. Истина, которую он олицетворял, наполнила его мужеством: он поднялся первым, еще до того, как заговорил женевский магистрат, и сказал со святой смелостью: "Достопочтенные лорды, мы и огромное количество наших сограждан желаем, чтобы в Женеве проповедовалось чистое Слово Божье. Голос Евангелия, который так мало слышали в былые времена, сейчас звучит по всему христианскому миру, и мы не хотим переставать слышать его. Ни изгнание, ни угрозы не могут принудить нас к беспечности и бездействию". А затем, не боясь премьер-синдика, который слушал, он продолжил: "Милорды, знаете ли вы, до какой крайности мы доведены? Наши магистраты ведут с нами войну и пытаются изгнать из Женевы то Евангелие, которое вы установили в Берне. После недавнего визита, который мы нанесли вам, они вызвали нас к себе.... И этот Николас дю Крест, присутствующий здесь, растоптал наши свободы и разговаривал с нами так, как будто мы воры.... Вместо того, чтобы отвечать на ваши письма, они ходили от дома к дому, призывая своих сторонников взяться за оружие. Они позвонили в набат, собрали каноников, священников и простых людей и составили коварный и кровавый заговор.... И почему, милорды? Мы должны (сказали они) отрубить головы тем, кто отправился в Берн.... Смотрите, достопочтенные лорды, какое значение они придают вашему гражданству!... О свободы Женевы! О союз Лиги! О правосудие законов!... Все попирается священниками, решившими оставить нам в наследство ничего, кроме рабства и суеверий, слез, вздохов и стенаний.... Необходимо применить средство, и только вы можете это сделать, почтеннейшие господа. Фанатичный монах, проповедующий против чистой религии, предложил внести себя в списки против каждого служителя Евангелия, которого вы можете нам

прислать.... Сделай то, о чем он просит.... Предоставь нам и нашим братьям одного из твоих проповедников. Найди для него общественное место, где он сможет свободно провозглашать Слово Божье. Пусть он сразится с этим доминиканцем в должным образом организованной дискуссии и таким образом обеспечит триумф Евангелия".

Мезоннев знал, какому риску он подвергался, говоря с такой откровенностью, и поэтому добавил: "Возможно, вы также увидите, что эта справедливая просьба не мешает нам вернуться домой и жить там в мире". [706]

=ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО ПОСЛАННИКА.=

Синдик и женевский советник, не ожидавшие такой речи, были смущены. Придя в качестве обвинителей, они оказались обвиняемыми сами. Сердитые взгляды бернских советников встревожили магистрата Женевы еще больше, чем слова протестантского посла. Избегающий, повернувшись к синдик, спросил его, может ли он что-нибудь ответить. "У нас нет приказов по этому поводу, и, следовательно, нам нечего сказать", - был его ответ. "Что ж, - сказали лорды Берна, - в ближайшее время мы отправим депутацию в Женеву, чтобы посмотреть, что там происходит в отношении религии". [707]

Совет встал. Казалось, что на евангелический корабль вот-вот подует попутный ветер. Но готовился шторм, который, возможно, мог разбить его вдребезги.

[690] Шупар МИСС. *Vie de Farel*.

[691] Froment, *Gestes*, p. 57.

[692] Розет ср. *Хроника*.

[693] Фроман, "*Вести Женевы*", стр. 55.—Регистры совета, 28 марта 1533 г. —Розетт Ср. *Хрон.* лив. ii. гл. 10.

[694] La SurUr J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, стр. 56.—Списки Соборов от 28 и 29 марта.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 56.

[695] Froment, *Gestes de Genève*, p. 56.

[696] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, pp. 55-56.

[697] Регистрация совета, 29 марта.

[698] Регистрация совета назначена на 30 марта.—La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 59.—Gautier MS.

[699] Готье Ср. Извлечено из петиции, представленной в Берн Мезонневым и Саломоном.

[700] Регистрация совета проводится со 2 по 11 апреля.—Готье МИСС—Спон, *История. Еккл.* стр. 490-492.

[701] La Sœur J. de Jussieu, *Le Levain du Calvinisme*, p. 61.

[702] Там же, стр. 60.

[703] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, p. 60.

[704] Там же. стр. 61.

[705] Списки заседаний Совета от 2 и 11 апреля. Готье СР.—Спон, *История. Экклз.* I. стр. 490-492.

[706] Прощение короля Женевы.—Списки собора от 11 апреля 1583 г. —Готье СР.—Спон, *История. Экклз.*, стр. 491.

[707] Реквием короля Женевы.—Реестр Совета от 11 апреля 1533 г. —Готье, госпожа

ГЛАВА XVII

ВТОРАЯ АТАКА, В КОТОРОЙ ПОГИБАЕТ ЛИДЕР.

(4 мая 1533 г.)

Женевская реформация насчитывала в своих рядах сторонников не только евангельской истины, но и политической свободы. В этом было и добро, и зло. Возможно, энергичная рука гугенотов была необходима, чтобы обуздать бесстрашных мамлюков; но, к сожалению, руки плоти блистали рядом с руками духа. Если рассуждения с помощью силлогизма плохи в религиозных предметах, то рассуждения с помощью шуки еще хуже. Некоторые сторонники Реформы предложили новую версию *Принуждения их входить* в Римскую церковь, немного попрактиковавшись в *Принуждении их выходить*. Им обоим нужно немного побаловать себя. Человеческий разум, находившийся во тьме в течение десяти веков, нуждался в длительном образовании, прежде чем смог понять, что нечестиво использовать в религии какое-либо иное оружие, кроме свободного убеждения.

=ЯЗЫКОВАЯ ВОЙНА.=

Существовал еще один вид враждебности, довольно частый в те времена и более соответствующий обычаям наших дней, чем мечи и ружья, — использование насмешек. Женевцы обеих школ обычно начинали с законных дискуссий, католики утверждали непогрешимость папы римского, а реформаты противопоставляли им непогрешимость Слова Божьего. Они спорили на эту тему на улицах и в монастырях, у костров и даже в совете. Но они часто переходили от обсуждения к насмешкам. Однажды, когда священники шли процессией и громко распевали молитвы об обращении еретиков, несколько гугенотов, стоявших на углу улицы, почувствовав сходство между их резкими песнопениями и голосом некоего толстокожего животного, со смехом сказали друг другу: "Дайте немного чертополоха этим шумным ревушим ослам". "Увы! - восклицали монахини в своем монастыре, - они отпускают столько шуток, что вы не смогли бы записать их и за год!" Этот факт зафиксировала сестра Жанна, но ее рассказ настолько полон небылиц, что мы не можем гарантировать его достоверность. [708]

Большинство жрецов были сильнее руками, чем разумом, и предпочитали схватку на мечах словесной. Этот набожный каноник и доблестный рыцарь мессир Пьер Вернли был вне себя от ярости. Он выступал с речами в монастырях, в частных домах и даже на улицах; он хотел сражаться и доказать с алебардой в руке, что папству принадлежит высочайшее уважение. Он

часто проводил совещания с главами партии, как мирянами, так и священнослужителями, у Персиваля де Песма, у месье де Торанса или у викария-епископала. Все держали глаза и уши открытыми, полные решимости воспользоваться первой возможностью, чтобы обеспечить триумф своего дела. Они думали, что наконец пришло время действовать.

Было начало мая, день проведения ярмарки в Лионе, в то время очень посещаемой женевцами. Однако некоторые из главных гугенотов колебались ехать туда. Им казалось трудным покинуть Женеву именно в тот момент, поскольку в небе были видны все признаки грозы. Однако они полагали, что у них должно быть время совершить это небольшое путешествие до того, как наступит кризис. Некоторые из наиболее смелых расклеили плакаты со словами: "Пойдем на ярмарку перед войной и освобождением Женевы". Они ушли, и на некоторых тайных собраниях говорилось, что оставшихся гугенотов следует убить, а ворота закрыть перед теми, кто уйдет: таким образом, религия Женевы будет спасена. Но, по мнению других, было бы правильно, если бы пышность религиозного богослужения стала прелюдией к этим битвам за веру.

=БОЛЬШАЯ МАССА.=

Воскресенье, 4 мая, было праздником Святой Намотки. Ленная ткань, в которую было завернуто тело Иисуса Христа и на которой (как говорили) остался отпечаток его лица, была выставлена в тот день в Женеве, а в другие дни в десяти или двенадцати различных городах, которые все претендовали на ее обладание. В тот момент, когда Реформа была направлена на восстановление истинного образа Христа в Церкви, такого, какой он содержится в Священном Писании, были обнаружены самые ярые приверженцы католицизма, изображавшие на листе бумаги черты, которые шестнадцать веков, как они утверждали, не смогли стереть. Чтобы придать празднику большее значение, главный викарий поручил службу Пьеру Вернли, который считался одним из самых важных каноников и возглавлял самых воинственных. Собрание было многочисленным. Большое рвение, внутреннее волнение и горячие молитвы сделали службу в тот день более торжественной, чем обычно. Вернли, облачившийся в свои лучшие священнические одежды, руководил церемонией с религиозным энтузиазмом и растущей гордостью. Он был фанатичным, но искренним. Его девизом было: "Все для чести Бога и святой Церкви". Убеденный в эффективности жертвоприношения во время мессы, он повторил *вступление*, пропел молитву, освятил воинство и прошел через возвышение. Сочувственные слова, исходившие из его сердца, разносились под сводами собора. "Какой прекрасный голос!" - говорили некоторые. "Какой прекрасный человек! В мире нет другого такого священнослужителя, и мы не видели столь прекрасного богослужения в Женеве за эти десять лет!" [709] После мессы Святого Листа католики не могли сомневаться в приближающемся торжестве Церкви.

Вот-вот должно было начаться новое состязание. Мы не забываем о небольшой площади поля битвы. Мы описываем судьбы не империи персов или римлян, русских или германцев, а маленького городка, окруженного узкой территорией. Здесь все происходит в небольших масштабах; однако борьба, о которой мы собираемся рассказать, привела к возвращению принца-епископа; и если бы планы, выработанные этим церковным принцем, герцогом Савойским, и самим императором, были приведены в исполнение в тот момент, как все, казалось, предвещало, свобода и Реформация в Женеве погибли бы. Неужели эта потеря не произвела бы никакого эффекта? Ошибаемся ли мы, думая, что великая битва, которая должна была длиться весь 16 век — битва, которую Евангелие и свобода вели против Рима, иезуитизма

и инквизиции, и которая, несомненно, является самой важной в наше время, — могла бы не иметь такого исхода, если бы этот маленький город, столь полный живой веры и героического мужества, не сражался в рядах и не придал протестантизму силы, необходимой для победы над грозными врагами? Услышав об этой мелкой борьбе, многие друзья свободы и Евангелия, возможно, скажут: "Давайте не будем пренебрегать такими мелочами. Это мы, кого касается повествование. Эти люди были первыми, кто сражался за драгоценные дары, которыми мы теперь наслаждаемся в мире".

Вернли не собирался довольствоваться мессой: он считал, что борьба необходима. Едва он снял свою рясу, крест и крагу, как ему пришло в голову надеть доспехи: это было частью его благочестия. Ему не составило труда убедить своих братьев, поскольку священники были более ревностны в этих беспорядках, чем миряне. [710]Потерпев неудачу в первом сражении, они приготовились ко второму. В преобразовании Женевы факты играют не менее важную роль, чем идеи. Великие вопросы прав, свободы и истины разрабатывались не просто в исследованиях нескольких юристов или богословов, но обсуждались у очагов бюргеров, на собраниях евангелистов и в генеральном совете граждан, и решались на улицах в разгар ожесточенной борьбы. Идеи становились действиями; доктрины порождали события; теории заставляли биться сердца людей, вооружали их руки и приводили к великим избавлениям. Возможно, в этой могучей деятельности и было какое-то зло, но это было неизбежное зло.

Во второй половине дня фестиваля Вернли и множество других священнослужителей собрались на совет в викариатско-епископальном доме. Они горько сожалели о том, что добродушие фрибургцев и слабость синдиката стали причиной провала их заговора. Они проиграли игру и должны начать все сначала. Отложенный проект не обязательно должен быть прекращен по этой причине. Католики должны воспользоваться временем, когда отсутствие основных гугенотов облегчит победу.

=ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР.=

Во время этой дискуссии несколько граждан обеих партий прогуливались неподалеку от Роны, очевидно, думая только о том, чтобы немного отдохнуть. Был праздничный вечер, и заходящее солнце заливало озеро огненными потоками своих лучей. Запад был в огне, вода отражала изображение неба и переливалась яркими и мерцающими красками. Но горожане мало думали в этот момент о красотах природы. Каким бы великим ни было кажущееся спокойствие снаружи, их души были взбудоражены неистовыми страстями. Постепенно они разговорились; они говорили о религии, как это было у них в обычае; они горячо спорили, затем начали спорить и оскорблять друг друга, и, наконец, были подняты руки и нанесены удары.

Солнце село; яркость угасла, все побледнело вокруг города, и дневной свет сменился темнотой. Час, столь благоприятный для прогулок, привлек многих за границу; шум привлекал еще больше. Гугеноты и мамлюки, католики и реформаты спешили в Молар. "В чем дело?" - спросили они. Стороны уже разделились на две отдельные группы. Каждый по прибытии присоединялся к своим друзьям; они выстраивались по порядку, вскоре они сосчитали свою численность, и две группы выстроились лицом к лицу. Некоторые из наиболее порывистых вышли вперед и взбудоражили толпу. Тюремщик епископальной тюрьмы и его брат, оба великие скандалисты, ловко обращавшиеся с кинжалом, "очень буйные люди" (говорится в рукописи), настоящие бравады 16 века, были одними из самых жестоких. Монахи и священники низшего ранга смешались с народом на площади, в то время как их начальство совещалось у

викария-епископата. Они возбуждали толпу и громко жаловались, что фрибургцы 28 марта помешали им уничтожить еретиков, что, по их мнению, было бы необходимой жестокостью.

Между тем обе стороны, хотя и стояли лицом к лицу, по-видимому, и не думали вступать в драку. Некто Пине, посланный духовенством "применить спичку, начал воздействовать на людей". Он переходил от группы к группе и стремился воспламенить умы католиков. "Кто будет сражаться вместе со мной во имя своей религии?" - спросил он. Затем, повернувшись к гугенотам, он бросил им вызов, выкрикнув с ругательством: "Ваше вероисповедание - нечестивое, вы, лютеране! Если среди вас есть человек, готовый утверждать обратное, пусть он придет сюда и сразится". [711] Этот вызов повторялся несколько раз, но реформированные опасались беспорядков. "Мир заключен, - сказали они, - не нарушайте его". Некоторые из них добавили: "Будьте настороже, Пине - жалкий негодяй". Никто не "клюнул бы на приманку". Однако один гугенот, нетерпеливый Ами Перрен, не смог сдержаться; спровоцированный агентом священников, он бросился на него и чуть не убил. И гугеноты, и католики бросились между ними, чтобы разнять их. Мир был восстановлен или, по крайней мере, казалось, что был восстановлен; но была высечена искра, и огонь вот-вот должен был разгореться. [712]

=МАРИН ДЕ ВЕРСОНЕ.=

Молодой католик Марин де Версоне, взволнованный сценой, свидетелем которой он только что стал, покинул площадь и поспешил вверх по улице дю Перрон. Версоне был человеком ограниченного ума, но с пылким воображением и фанатично привязанным к Римской церкви, которую он считал единственным источником святости и вечного счастья. Более того, он испытывал безграничную привязанность к своему кузену Персивалю де Песму и глубочайшее уважение к верховной власти епископа. Его предки оказали Женеве большие услуги. В 1476 году его дед Аймон, советник епископа Иоанна Луи Савойского, одолжил городу свою тарелку, чтобы успокоить швейцарцев, которые угрожали ему разграблением. Молодой дворянин хотел сделать для Женевы больше, чем сделал его дед, — он хотел уничтожить ересь. Его жена, с которой священники были большими друзьями, уговаривала его день и ночь. [713]

Все члены епископального совета, каноники и первосвященники, были вооружены и ждали в доме мессира де Бонмона исхода этой стычки. При каждом шуме они наостряли уши, воображая, что слышат шаги посыльного; но никто не появлялся, и все, казалось, свидетельствовало о том, что мир не будет нарушен. Пине в замешательстве удалился, а Перрен, несмотря на свою природную порывистость, очень хорошо знал, что реформаты не хотели проявлять инициативу и нарушать общественный порядок. Спокойствие было восстановлено. Несколько граждан обеих партий все еще оставались в Моларе, но многие католики и гугеноты уехали и, чтобы скрепить свое согласие, отправились вместе выпить, заявив, что намерены остаться друзьями. Спичка погасла. [714]

Молодой де Версоне и пылкий каноник собирались разжечь его заново. Первый, чье воображение было возбуждено, направился к дому де Бонмона. Он яростно колотил в ворота и громко кричал: "Помогите! помогите! они убивают всех добрых христиан!" При звуке этих неосторожных слов каноники и священники загорелись; некоторые оставались в сомнении и неподвижности, но Пьер Вернли, "этот добрый рыцарь", немедленно вскочил на ноги. Едва закончилась служба, которую он отслужил в соборе, как он подумал о другой и сказал себе, что в этот самый день Реформация должна быть похоронена под покровом, из которого она никогда больше не восстанет. Соответственно, сняв свое священническое облачение, он надел

нагрудник и кушаки, пристегнул меч к поясу, схватил тяжелую алебарду и, вооруженный таким образом, [715] отправился к викарию-епископу. Как только Вернли услышал голос Версона, он подумал, что час настал. Стоя посреди жрецов и сжимая свое оружие, он взглядом пригласил своих коллег следовать за ним. Многие колебались, а затем, "горя любовью к Богу", - говорит один из его величайших почитателей, - "этот добрый поборник веры, видя, что никто не готовится к битве, потерял терпение, не захотел ждать других церковников и вышел первым с пламенной отвагой". [716] Жребий был брошен; битва вот-вот должна была начаться, ибо никто не мог остановить стремительного каноника.

=ЗВУЧИТ НАБАТ.=

Однако трое других священников, менее известных, но столь же жестоких — Бертоле, Манилье и Слуга - побежали в собор Святого Пьера и приказали звонарям бить в набат громко и поспешно. Эти люди, сами встревоженные тем, что им рассказали о беспорядках, немедленно позвонили, "к великому ужасу христиан", - говорит сестра Жанна. Над всем городом разносился величественный голос Клеманс, старинного колокола, хорошо известного в Женеве, на ободке которого есть такая надпись:

ГОЛОС МИЛОСЕРДИЯ.
ABE МАРИЯ, БЛАГОДАРЕНИЯ ВСЕМ.
PLEBEM VOCO, CONVOCO CLERUM,
VOX MEA CUNCTORUM
FIT TERROR DEMONIORUM.

По правде говоря, Клеменс в этот момент "созывала народ и духовенство", а что касается "демонов, которых ее голос должен был устроить" ... они были реформатами — по крайней мере, в глазах священников. Гугеноты, оставшиеся в Моларе, думали, что паписты намеревались вернуться к нападению и убить их в их домах. Темнота усилила волнение, вызванное мрачными звуками с колокольни. "В чем дело?" - спросили горожане. "Еретики собираются на главной площади, чтобы грабить церкви", - ответили некоторые католики. "Давайте соберемся с другой стороны, перед партером", - последовал ответ. Некоторые действительно говорили, что это была ложная тревога; что гугеноты отправились на берег реки просто прогуляться, как это везде принято в воскресный вечер, и что они уже возвращаются домой; но самые буйные ничего не хотели слушать; они спешили со всех сторон, призываемые набатом, и выставляли свои знамена. Со стороны партера они кричали изо всех сил: "Соберитесь здесь, все христиане, и проявите добросердечие в защиту святой веры". И велико было смятение среди них. Было довольно жалко слышать их крики на улицах. [717] Другие церковники, которые в первый момент колебались следовать канону, набрались смелости и, покинув дом викария, спустились в Молар.

В глазах священников это был решающий момент. Многие из них, без сомнения, думали только о своих личных интересах, но многие считали, что вопрос борьбы был вопросом жизни и смерти для католицизма в Женеве. Они содрогнулись, когда увидели тех, кого они называли неестественными детьми, отворачивающимися от лона своей матери - папства. "Эти любопытные и мятежные умы, - говорили они, - воображают, что они свергнут Церковь... но врата ада не одолеют ее.... О невеста Христова! ты, дарующий нам целомудренные и вечные объятия (*castos ethernosque amplexus*) божественной Супруги, мы твои навеки!"

=АПЕЛЛЯЦИЯ ВЕРНЛИ.=

Вернли принял решение отдать свою жизнь, если потребуется, за дело Рима. Это было не его поспешное решение, принятое в какой-то момент. Видя прогресс Реформации, он поклялся пожертвовать всем ради ее разрушения, и именно с этим намерением он теперь спустился из окрестностей Сен-Пьера в Молар. 4 мая было необходимо совершить то, чего не удалось сделать 28 марта. "Вернли хотел быть первым, - говорит Фромант, - кто поддержал святую мать-Церковь как военный человек". Он был одновременно героем и жертвой этого важного дня. Тщетно люди кричали ему со всех сторон, что "Заключен мир"... он ничего не хотел слышать. "Он был самым упрямым и безумнейшим из священников". [718] Полный яда и преданности делу папства, он воскликнул: "Хо! все добрые христиане ко мне на помощь". К нему присоединились многие миряне и священнослужители, и они поспешно направились к площади. "Каноники и другие церковники первыми встали под знамя", - говорит сестра Жанна. За короткое время собралось полторы тысячи человек, "многие из которых были священниками". [719]

В это время другие священнослужители собирались с оружием во дворе Сен-Пьера, чтобы остановить гугенотов, которые могли захотеть отправиться на место беспорядков. Трое реформаторов, прибывших из Бург-дю-Фор, вскоре поспешными шагами появились перед собором. Корпус священнослужителей немедленно преградил им путь, и священники начали нападать на них. Одному из них "не повезло, он получил от их рук *двадцать восемь* ран и упал на землю". Что касается двух других, "собаки обратились в бегство", - говорится в "Вестнике Сент-Клера". [720]

=ВЕРНЛИ ВОЗГЛАВЛЯЕТ БОЙ.=

В этот момент Вернли и его последователи добрались до Моларда. Ночь была темной, звезды над головой давали слабый свет; люди казались тенями, и было трудно отличить друзей от врагов. Неясные и сбивчивые звуки, нечленораздельные выкрики, знаки одобрения или гнева, доносились из темноты. Это было похоже на хриплый рев моря перед началом шторма. На несколько секунд воцарилась мертвая тишина, затем внезапно раздался громкий крик. Когда прибыл каноник, вооруженный с головы до ног, он услышал крики реформаторов и, охваченный гневом, взмахнул алебардой и, направив ее в их сторону, прокричал на своем фрибургском наречии: "Боже милостивый! где эти лютеране, которые плохо отзываются о нашем законе?... Кровь Господня! где они?" [721] Грубо выругавшись, он повернулся к своим последователям и сказал: "Мужайтесь, добрые христиане! не щадите этих негодяев". Можно было бы представить его великаном Голиафом, который в медном шлеме на голове и вооруженный кольчугой вышел с копьём в руке, чтобы бросить вызов армии Израиля. [722]

Едва воинственная канонада подала сигнал, как началось сражение. Стояла прекрасная весенняя ночь, все было бледным и серым; как мы уже говорили, легко было ошибиться; тишина и мрак придавали борьбе определенную торжественность. Тени, двигавшиеся вокруг Молара, пришли в волнение; они бросались друг на друга и наносили частые удары в темноте. Одна тень бежала за другой, но с обеих сторон они дрались отчаянно и в упор. Время от времени появлялся краткий проблеск; меч встречался с мечом, и вспыхивал огонь. Неистовый Перрен и ревностный Клод Бернар стояли во главе гугенотов и нанесли решительный удар. Среди католиков Джон Розетти и каноник Виоле были теми, кто с наибольшей яростью бросился на своих противников. Все четверо упали ранеными на месте. Другие, кроме них, были ранены, и

текла их кровь; но на них не обратили внимания, и сражающиеся топтали раненых ногами, пока их друзья, узнав их, не отнесли в какой-нибудь соседний дом. Вот-вот должен был быть нанесен удар, более знаменитый, чем все остальные; жертва, более заметная, вот-вот должна была превратиться в прах.

Вернли, который оставался наверху площади, не видя своих врагов, бросал им вызов изо всей силы своих легких. "Где они? - продолжал он кричать и ругаться. - где эти лютеране, которые плохо отзываются о нашем законе?" Несколько гугенотов, находившихся не на площади, а на улице Круа д'Ор (все прилегающие улицы были полны католиков и реформаторов), ответили ему: "Они здесь". Каноник, который не мог видеть, но мог слышать, с алебардой в руке бросился в ту сторону, откуда донесся ответ. Он добрался до своих врагов, нанося им удары головой и рукоятью своего оружия, с которым обращался так же легко, как со своим требником. Убивая лютеран, он надеялся убить само лютеранство.

Гугеноты, на которых он напал, не бездействовали, а парировали удары священника своими обнаженными шпагами. Наконец один из них, которого спровоцировал длинный и заостренный клинок, прыгнул вперед, схватил алебарду, переломил ее надвое и отшвырнул обломки в сторону. Герой духовенства, обнаружив, что лишился своего любимого оружия, не терял ни минуты; он выхватил свой двуручный меч и бросился на своих противников, рубя и колотя, как швейцарский внук. Гугеноты, подвергшиеся столь яростному нападению, больше не защищались; они обрушились на защитника папства. "Они напали на него", - говорит сестра Жанна, которая добавляет: "но он доблестно защищался". Нагрудник защищал его тело от шеи до пояса, так что все удары, направленные в его сторону, отражались, "настолько совершенным и хитроумным было его вооружение". [723] Наконец человек по имени Пьер л'Ост, как полагают, бедный возчик, потерявший терпение от долгой борьбы и смотревший на Вернли как на солдата, а не как на священника, подошел к нему и, обойдя вокруг в поисках слабого места в его доспехах, вонзил свой меч в его тело. Каноник пошатнулся и упал. "Так был убит богохульник, и он лежал на площади, не шевеля ни рукой, ни ногой". [724] Драка произошла перед домом советника Шотемпа, одного из самых ревностных евангелистов. Вернли упал на ступеньки. *Взявшие меч погибли вместе с мечом.* [725] Несколько священников, находившихся поблизости, увидев падение своего капитана, убежали каждый в свой монастырь или в монастырь Сен-Пьер. [726]

=СМЕРТЬ КАНОНИКА.=

Смерть генерала, однако, не положила конца сражению. Священники со своими приверженцами и гугеноты все еще обменивались ударами, когда прибыл синдик гвардии, глава военного ведомства. Он поднял свой официальный батон и приказал горожанам разойтись по домам. Де Шапоруж, командующий кавалерией, рьяно помогал ему. "Стойте!" - воскликнули они оба. Все их призывы были бесполезны, так велико было народное волнение и так воспламенено было их мужество, говорится в хронике. Синдик, войдя в гущу сражающихся, заклинал их разойтись; но священник ударил его по голове. [727] То, чего не смогла сделать смерть каноника, завершила рана магистрата. Этот инцидент положил конец состязанию. Реформированные, полные уважения к синдик, вложили мечи в ножны и разошлись по домам.

Однако некоторые священники и несколько их сторонников отказались повиноваться. На этот раз они не хотели потерпеть неудачу и не хотели, чтобы их проект провалился. Они были полны решимости похоронить Реформу. Разъяренные банды маршировали по улицам, бросая вызов и

оскорбляя гугенотов, которые отказались наказать хвастливых священников. Даже эта снисходительность не успокоила фанатиков; они продолжали свои провокации до рассвета. "Всю ночь христиане были с оружием в руках, - рассказывает сестра Жанна, - разыскивая этих злых собак; но это было бесполезно, потому что все они попрятались!" [728] Когда начало светать, духовенство и их союзники, утомленные бурной ночью, отправились спать, и таким образом закончилась их вторая атака. Теперь они попытаются путем интриг и террора добиться того, чего им не удалось добиться оружием.

[708] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 62.

[709] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, p. 63.

[710] Froment, *Gestes de Genève*, p. 55.—Gautier MS.

[711] Froment, *Gestes*, p. 57.

[712] Froment, *Gestes de Genève*, p. 57.—La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 61.

[713] Contemporary MS.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 58.

[714] Froment, *Gestes de Genève*, p. 57.—La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 61.—Galiffe, *Notices généalogiques*, I. p. 48.

[715] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, &c. p. 62.

[716] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, pp. 61-62.

[717] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain*, pp. 67-68.

[718] Froment, *Gestes de Genève*, p. 58.

[719] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 61.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 57-58.

[720] 'Ces chiens prirent la fuite.'—*Le Levain du Calvinisme*, p. 63. Gautier MS. Council Registers of May 11.

[721] 'Char Dey, o sont tey ces toux Luthérians..... Sang Dey, o son tey?'—Choupard MS. Froment, *Gestes de Genève*, p. 58.

[722]1 Царств XVII.

[723] La Sœur J. de Jussie, p. 63.

[724] Froment, *Gestes de Genève*, p. 59.

[725]Святого Матфея xxvi. 52.

[726] Шупар МИСС—Розет МИСС *Хрон.* лив. ii. гл. xvi.

[727] Шупар г—жа—Розет г-жа-*Хроника.* жизнь. ii. глава. xvi.

[728] La SurUr J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, стр. 63.—Списки заседаний Совета от 4 и 23 мая.

ГЛАВА XVIII.

СМЕРТЬ КАНОНИКА СТАЛА ОРУЖИЕМ ПРОТИВ РЕФОРМЫ.

(С мая по июль 1533 г.)

Смерть ВЕРНЛИ должна была привести к серьезным последствиям. Священники собирались показать, что может означать насильственная смерть священнослужителя и какие ужасные последствия она влечет за собой. Принести в жертву свободы Женевы и евангелическую реформу на его могиле было, по их мнению, единственным подношением, которое могло умиловить небеса.

На следующее утро на рассвете несколько горожан вышли из своих домов и направились к полю битвы. Они увидели человека, одетого как воин, лежащего на ступеньках дома; в нескольких шагах от него лежал огромный меч. Они подошли, наклонились и прикоснулись к нему ... он был совершенно мертв ... это был каноник, мессир Пьер Вернли. Его тело всю ночь пролежало на улице, никем не замеченное. Поскольку советник Шотемпс, мирный человек, оставался в помещении, тело не было обнаружено. На кирасе были следы ударов, полученных защитником жрецов. Его одежда была окровавлена, а на лице все еще застыло свирепое выражение. Те, кто смотрел на него, были тронуты. Каноник, глава Церкви, тот, кто накануне так торжественно служил в соборе Святого Пьера, окруженный всей пышностью службы, был убит гугенотами ... и там он лежал мертвый. Некоторые побежали распространять новость: "Мессир Пьер лежит, залитый кровью, возле Молара". Каноники и священники, монахи и мамлюки, и даже гугеноты, выбежали и окружили мертвое тело. "Весь город был встревожен, когда нашли труп". [729] Набожные люди преклонили колени и, ударяя себя в грудь, восклицали со слезами: "О благословенный мученик, принесенный в жертву Богу!" По мнению некоторых добрых католиков, он занял свое место в рядах исповедников, которые, подобно Томасу Бекету, были преданы смерти за почитание святой Римской церкви. Этот вид канонизации вызвал отвращение у гугенотов: "Как! - говорили они. - Священник сражается с алебардой и проливает кровь граждан — он становится солдатом, а вы делаете его святым! Скорее признайте в его смерти справедливый суд Божий". [730] В этот момент подошла женщина отвратительной внешности, которая с криком упала на тело. Она прижала его к себе со многими вздохами и стонами. Они сказали, что она была экономкой каноника, но в рукописи, описывающей этот инцидент, ее имя более значимо. [731]

Эта смерть была великим событием, и члены совета испытывали самые живые опасения. Вернли был не только каноником, но и фрибургом и принадлежал к могущественной семье. Какой бы гнев ни вызвали его сограждане! "Если бы мы узнали об этом убийстве вчера вечером, - сказали мамелюки, - меч отомстил бы убийцам мессира Пьера, и эта ночь была бы ночью ужаса и смерти". Их ярость была бы так велика, что они вошли бы в каждый дом и устроили всеобщую резню. Но более способные люди из партии поднимали меньше шума и думали о выгоде, которую они могли бы извлечь из катастрофы. Теперь самые крайние меры стали законными, и смерть каноника должна была привести к триумфу папы. Даже сейчас несколько католиков, собравшихся вокруг трупа, наблюдали за происходящим и, обнажив раны Вернли, указывали на них людям и таким образом пытались вызвать их гнев. Другим удалось помешать

открытию ворот, чтобы гугеноты, скрестившие шпаги с каноником, не сбежали. Когда реформаты узнали, что город закрыт, хотя было уже совсем светло, они спросили, не намеревались ли они убить их, и некоторые немедленно вооружились и отправились в дом Бодишона де ла Мезоннева. [732]

=ХОРОНИТЬ МЕРТВЫХ.=

Около девяти часов тело подняли и отнесли в дом Шот-Темпа, где его благопристойно уложили на кровать. Кираса была снята, пятна крови смыты; он был облачен в каноническую мантию священника, и набожные люди преклонили вокруг него колени. Каждое мгновение другие католики, мужчины и женщины, занимали места тех, кто ушел. В тот же день, в пять часов пополудни, огромная процессия спустилась от собора Сен-Пьер, чтобы почтить память этого "блаженного мученика". Священники положили каноника на пышные носилки, и когда они вышли из дома, "народ издал громкий крик". [733] Некоторые из реформированных присоединились к похоронной процессии; вся вражда (как они думали) должна была исчезнуть в присутствии мертвых. Тело было перенесено в собор и похоронено у подножия большого распятия. Совет, желая уравновесить баланс сил, заключил в тюрьму нескольких человек, которые считались самыми жестокими из обеих сторон. [734]

= ПРИБЫВАЮТ РОДСТВЕННИКИ ВЕРНЛИ.=

Пять дней спустя герольд из Фрибурга и многие родственники Вернли появились в глубоком трауре и потребовали, чтобы им выдали тело; они также потребовали возмещения ущерба. В пять часов того же дня тело было эксгумировано в присутствии огромной толпы, и - неслыханное чудо! каноник выпрямился, и кровь потекла из его раны так свежо, словно он был жив. "Поистине, - говорили собравшиеся в соборе, - это чудо, свидетельство святой римской веры, ради поддержания которой его тело было изуродовано. Его кровь вызывает к мести". [735]

Но реформат сказал, что папство полно таких обманов (*пирогов*) и праздных мечтаний, противоречащих здравому смыслу, с помощью которых самозванцы обманывают простых людей. Они верили, что когда Сын Божий стал человеком, это великое чудо сопровождалось многими признаками божественной силы; и что если солнце воздействует на землю и превращает бедное пшеничное зерно в великолепный кукурузный колос, то очень разумно признать, что Тот, Кто создал солнце, осуществляет здесь свое суверенное действие, когда пожелает, и производит преобразования еще более чудесные; но они не допустили бы, чтобы уловки людей были поставлены в один ряд с вмешательством высшей силы Творца. По словам сестры Жанны, после того как *восемьсот свидетелей* подтвердили чудо, тело положили в гроб и отнесли к озеру под пение всех священников, в то время как женщины и некоторые набожные заставляли воздух оглашаться их криками и стонами. Гроб погрузили в лодку и доставили во Фрибург. [736]

=РЕФОРМА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОДАВЛЕНА.=

Священники решили, что теперь настал момент навсегда избавиться от евангелистов. Сначала реформа была всего лишь струйкой воды, но эта нить внезапно увеличилась и стала подобна высокогорному потоку, который, если его не остановить, опрокинет алтари и сметет кресты, изображения и святую воду, священников и прелатов. Разве прославленный каноник не подвергся нападению и не был унесен этим разрушительным наводнением? "Теперь, - сказали священники, - должно быть исполнено то, что наш Господь сказал апостолам: у кого нет меча,

пусть продаст свою одежду и купит другую. Если мы не сокрушим этих проклятых лютеран сейчас, они никогда не перестанут беспокоить церкви, грабить, избивать и убивать.... Давайте продадим все, даже наши кошельки, чтобы приобрести копья и мечи". [737] Они подавали пример; они никогда не выходили на улицу, если у них под платьями не было хорошо прикрытого оружия. Сестры Сент-Клер и все набожные женщины Женевы с восторгом воскликнули, увидев такую решимость духовенства: "Ах, если бы клерки не были такими храбрыми, эти хищные волки истребили бы нас". [738] Но более разумные из мужчин увидели, что одних дубинок священников недостаточно. "Час пробил, - говорили они в Женеве и Фрибурге, в Шамбери и везде, где у Рима были верные последователи. - Епископ должен вернуться в Женеву и восстановить свою прежнюю власть". Депутация отправилась из Фрибурга в Арбуа, чтобы умолять Пьера де ла Бом вернуться в его епископский город.

=ЕПИСКОП В АРБУА.=

После смерти Безансона Хьюза епископ не предпринял никаких шагов для восстановления своей власти. Уязвленный тем, что произошло в его княжестве, он держал свою досаду при себе, решил вести себя тихо и искал утешения в Арбуа в хорошей жизни. "Я получил ваших каплунов, - написал он. - Пришлите мне немного рыбы. Я наслаждался жизнью, и здесь у меня гораздо больше провизии, чем в Женеве". В душе он не был ни злым, ни жестоким; у него были вкус, образование и талант, а его разговор изобиловал остроумием. Но у него были две страсти — стол и деньги, помимо слабого и эгоистичного характера, который заставлял его то склоняться к герцогу, то к Женеве и казаться раболепным или тираническим, в зависимости от того, чего он надеялся добиться низостью или деспотизмом. Женевцы, и особенно гугеноты, хорошо знали его. "Он хочет оседлать *одного* и вести за собой *другого*, - сказал Роберт Вендель, - и не делает ничего, кроме как для собственной выгоды".

Когда фрибургцы прибыли в Арбуа, они вывели его из тупого спокойствия, помешали его пиршеству и твердо заявили ему, что хотят знать, желает ли он сохранить католицизм в Женеве или позволить ему погибнуть. Они даже атаковали его личными аргументами, которые, как они знали, должны были иметь для него огромную силу. "Возвращайся в свой город, мой господин, - сказали они, - чтобы восстановить утраченную власть и защитить свою ренту, которой угрожают". Но Ла Бом был слишком робок и охотно жил бы где угодно, только не в своей епархии и княжестве. Он защищал свой прогул необычным образом. "Многие из этих еретиков высказывали в мой адрес страшные угрозы, - сказал он. - они убьют меня, как беднягу Вернли". [739] Теперь послышался более могущественный голос, чем у Фрибурга.

Положение в Женеве было известно во всех католических странах. Люди повсюду чувствовали себя неловко; даже папа Климент VII. чувствовал беспокойство. Он не восхищался теми священнослужителями, которые, следуя примеру Льва X, пренебрегали бизнесом ради удовольствия. В некоторых местах католики воображали, что если Реформа будет подавлена в Женеве, то отдача подействует на Реформацию в целом; что другие протестантские нации почувствуют ее последствия и что такое поражение станет началом конца. Сообщения на этот счет доходили до папы со всех сторон, и он, будучи искусным политиком и заботясь о спасении римского двора, написал епископу: "Я приказываю вам отправиться в Женеву немедленно, как только вы получите эту буллу, под страхом отлучения от церкви. Разве не странно, что вы проводите свою жизнь в чужой провинции так, как будто вы не пастор этого города? Вы, своим отсутствием, являетесь причиной всех несчастий, которыми оно поражено.... Идите, говорите,

действуйте ... защити стадо, которое Иисус Христос и Святой престол доверили тебе, и спаси своих овец от хищного волка, который готовится пожрать их". [740]

Бедный епископ, когда он прочел буллу, был охвачен самыми сильными эмоциями. Он видел себя между двумя опасностями, почти одинаково большими: папой, который угрожал ему отлучением, и гугенотами, которые угрожали ему смертью. Что было делать? Его уговаривали обе стороны. Наконец он принял героическое решение и преисполнился решимости повиноваться папе римскому. Он оставит Арбуа и приятную жизнь, которую он там вел, со всеми ее земными преимуществами, и отправится в этот ужасный город, который кажется ему населенным дикими зверями, жаждущими его крови. "Только вы должны получить для меня охранную грамоту от господ женевцев", - сказал он фрибургским послам, которые были очень удивлены тем, что им пришлось просить охранную грамоту для принца, желавшего посетить свое княжество, для епископа, желавшего войти в свою епархию. Однако они обещали все.

=ЕПИСКОП ПРИГЛАСИЛ ВЕРНУТЬСЯ.=

Смерть Вернли не только привела в ярость врагов Реформации, но и ослабила ее друзей и вызвала благоприятную для католицизма реакцию в Женеве. Синдики и совет теперь решительно придерживались этого мнения, и возвращение епископа казалось им единственным средством восстановления порядка. "Епископу не нужна охранная грамота, - сказали они, - только позвольте ему прийти. Если кто-нибудь будет угрожать ему, мы накажем его так сурово, что у монсеньора будут основания быть довольным". — "Пусть он возвращается, пусть он возвращается", - таков был общий крик, за исключением благочестивых евангелистов и гордых гугенотов. Едва началась эмансипация, как сильная контрреволюция пригрозила ее задушить. 26 мая совет избрал Домен Франка, Стивена д'Адду и Бона Офицера отправиться туда и смиренно призвать своего епископа и принца вернуться. Таким образом, Женеве сама готовилась похоронить свою Реформацию и свою свободу.

Другие женевцы прибыли в Арбуа раньше депутатов совета. Главные вожди мамелюков, будь то изгнанники или эмигранты, которым хлеб изгнания казался горьким, отправились в Арбуа, как только услышали о смерти каноника. Полные того раздражения и взволнованные теми мечтами, которые обычно посещают самоизгнанных людей, они попытались заставить епископа разделить их надежды и ненависть. "Нет ничего справедливее и легче, - говорили они, - чем посадить ведущих гугенотов в тюрьму по подозрению в причастности к нападению на Вернли. Они будут казнены, или, если народ воспротивится, их можно будет внезапно перевезти в какой-нибудь замок в Савойе, как раньше был Левье, и тогда мы сможем доставить им наше удовольствие. После этого ничто не сможет нарушить священный союз Женевы с Савойей и папой римским". Но Пьер де ла Бом уже немного оправился от героической решимости, которую он принял после прочтения папской записки. Неистовый язык мамлюков пробудил в нем все страхи. "Женевцы, - сказал он, - горды, независимы и любят шумиху; при малейшем слове, которое им не нравится, они хватаются за оружие. Нет... как бы мне ни было страшно, я не осмелюсь поехать в Женеву. ""Не бойся, мы будем сопровождать тебя", - ответили мамлюки. - Фрибургцы, со своей стороны, предоставят вам охрану; женевские католики, которых десять против одного, сделают то же самое; герцог полон решимости поддержать вас.... Невозможно, чтобы мы не сокрушили повстанцев". Расчет был правильным, а аргумент неопровержимым. Пьер де ла Бом, оказавшись вызванным папой и окруженным копьями и копьеносцами,

лошадьми и колесницами, снова проявил героическую отвагу и почти решился явиться в город гугенотов.

Как раз в этот момент прибыли женевские депутаты, и принц-епископ поначалу проявил очень вежливый юмор и дружелюбно ответил, что вернется в Женеву *через месяц*. Всегда обеспокоенный, он все еще пытался тянуть время. За месяц может произойти так много событий — возможно, в конце концов, он никогда не вернется в свой епископальный город. "Я считаю вас своими горячо любимыми подданными, - сказал он, - и желаю выглядеть вашим истинным и добрым принцем". Стивен д'Адда, убежденный член оппозиции, мало доверял этим прекрасным словам. На самом деле в приорате Арбуа разыгрывалась маленькая комедия: епископ боялся идти, а один или два помощника предпочли, чтобы он не приходил. [741]

=НЕОБХОДИМ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ.=

Пойдет он или нет? Никто не мог сказать. Были определенные моменты, когда Ла Бому хотелось пересечь Юру, а потом он внезапно почувствовал себя так, словно был *пригвожден* к своему монастырю Арбуа. Никогда еще прийти к решению не было так трудно — это было похоже на ночной кошмар. Его друзья начали раздумывать; они вполне согласились с ним в том, что если он хочет просто восстановить свою резиденцию в епископальном городе, то для него было бы лучше вообще туда не ездить. Ему всегда приходилось начинать все сначала с независимости гугенотов и ереси реформатов, с тревог и бунтов. Зло будет еще хуже, чем раньше, ибо дело свободы и реформ сильно продвинулось вперед с тех пор, как епископ покинул Женеву. Следовательно, он вынужден одержать две победы, если вернется: во-первых, он должен растоптать привилегии народа и избавиться от гугенотов; и, во-вторых, он должен заставить замолчать евангелическое учение и изгнать реформаторов и их приверженцев. Князь-епископ и его неосмотрительные советники были убеждены, что *государственный переворот* и (если можно употребить этот термин) *государственный переворот* были единственным выходом из критического и почти отчаянного положения дел. Женеве предстояло вернуться к суевериям и раболепию средневековья. Необходимо было погасить двойной факел политической независимости и христианской истины, зажженный божественной рукой, и таким образом сделать христианский мир недостижимым для этих предательских огней. Но робкий Ла Бом испуганно отшатнулся от такой геркулесовой задачи; он знал свою слабость и чувствовал, что это предприятие будет слишком трудным для него.

Тем временем фрибургские послы в Женеве готовили ему дорогу. Они громко спросили, что он собирается делать втайне. Будучи допущенными в Совет 23 мая, они заявили: "Мы обвиняем всех, кто находился в Моларде в момент смерти Вернли, включая синдика гвардии и командующего кавалерией". Они говорили высокомерно и требовали немедленной сатисфакции. Целая часть населения — самые невинные в этом деле, даже партия, подвергшаяся нападению, — подлежала уголовному преследованию! Это было чудовищное требование. Однако фрибургцы говорили громко, и многие гугеноты были удручены. Совет, разделенный и запуганный, в конце концов дал ответ, что они разрешат лейтенанту и прокурору-фискалу "арестовать всех, кого обвиняют господа Фрибургские". Таким образом, заговор удался: свобода и реформы получили, однако, минутную передышку. [742]

=ДЕКЛАРАЦИЯ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ.=

Два посла из Берна, член совета Себастьян де Дисбах и баннерет Джон де Вайнгартен, прибыли в Женеву и провели переговоры с представителями обеих партий. Их идеи постепенно прояснялись, и из конфликта мнений проистекала истина. Они увидели, что такое положение дел, которое казалось неразрывным хаосом, имело одно возможное решение, а именно свободу. "Мы все видели и слышали, - сказал Дисбах. - Единственное средство наслаждаться миром - это *позволить каждому следовать велениям своей совести, чтобы никто не был принужден*. [743] Пусть мессы, праздничные дни и изображения останутся для тех, кому они нравятся; но пусть проповедь Евангелия будет предоставлена тем, кто этого желает, и пусть для этой цели им будет выделена одна из семи приходских церквей. Пусть никого не высмеивают за то, что он ходит на мессу. *Пусть каждый пребывает в своей собственной свободной воле и выборе*. [744]... Более того, поскольку Ветхий и Новый Заветы являются основой нашей веры, и поскольку те, кто следует Евангелию, не могут существовать, не читая их, пусть книготорговцам будет разрешено публично продавать Священное Писание и любые другие книги благочестия". Таким образом, "свобода для всех" была великим спасительным принципом, провозглашенным тогда в Женеве. Эта теория, воздающая честь Богу и независимость человеку, получила всеобщее признание только двести или триста лет спустя. Но мы обратим внимание на эпоху, когда это право было впервые провозглашено. Иногда утверждается, что идея свободы для всех появилась только в 18 веке и что впервые она была выдвинута свободомыслящими Англии, Франции и Голландии. Это не так: религиозные и политические свободы заявили о своих справедливых и священных притязаниях в Женеве более трех столетий назад. Швейцария и Реформа являются первыми в этой области. Эти принципы были настолько просты и верны, что Совет был убежден; однако перед лицом грозных противников они испугались собственной слабости. Синдикаты ответили господам из Берна: "Оставайтесь с нами, чтобы помочь нам!" 27 мая 1533 года заслуживает почетного знака в анналах религиозной свободы.

[729] Списки членов Совета от 4 и 25 мая.

[730] 'Justa Nemesis gloriosus ille miles foedo ictu,' &c.—Spanheim, *Geneva restituta*, p. 60.

[731] La SurUr J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, стр. 63.—Списки заседаний Совета от 4 и 5 мая. —Roset MS. *Хроника*.

[732] Списки соборов от 4 и 5 мая 1533 г.—La SurUr J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, стр. 63-64.—Готье Г-жа

[733] La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 64.

[734] Там же.—Реестры Собора от 2 июля 1533 г. —Фроман, *Вести Женевы*, стр. 59.

[735] La Sœur J. de Jussie, p. 65.

[736] Council Registers of 9th May.—La Sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, pp. 64-66.—Gautier MS.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 59.

[737] *Le Levain du Calvinisme*, p. 66.

[738] *Le Levain du Calvinisme*, p. 66.

[739] Сорде, *Мемуары археолога*, ii. стр. 19.—Регистры Совета, 19 мая. —Готье Г-жа

[740] *Mémoires pour les Diocèses de Genève*, &c. par le curé Besson, p. 62.

[741] Реестры Совета от 21 мая, 2-го и 22-го июня.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 62.—Gautier MS.

[742] Списки Совета от 22 мая 1533 года.

[743] 'Permettre à chacun de suivre les mouvements de sa conscience, en telle sorte que personne ne soit contraint.'—Council Registers, 27th May.

[744] 'Que chacun demeure en sa volonté et en son franc arbitre.'—Council Registers, 27th May.

ГЛАВА XIX.

КАТАСТРОФА.

(Начало июля 1533 г.)

В то время как эти прекрасные либеральные теории провозглашались в ратуше и с радостью приветствовались благородными умами, некоторые враги Реформы утверждали, что они были придуманы только по случаю, потому что реформированные еще не были самой сильной партией, а основная масса людей, смотревших на них как на простой мусор, была занята другими вещами. С каждым днем становились все громче слухи о том, что епископ наконец принял решение, что его решимость непоколебима и что, повинаясь папе, он собирается вернуться в Женеву. Таким образом, свобода, столь недавно провозглашенная, оказалась под серьезной угрозой.

=ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРИЕМУ ЕПИСКОПА.=

Были сделаны все необходимые приготовления к приему принца, приближение которого начало кружить людям головы, как обычно бывает в подобных случаях. Священники, мамелюки и сторонники герцогов верили, что час их триумфа близок и что независимость и реформы будут окончательно похоронены. Каждый мужчина, у которого была лошадь, был одет, поскольку никому не разрешалось идти навстречу епископу пешком. [745] Трубачи отрепетировали, артиллеристы достали свои орудия. Жак де Мальбуиссон, один из руководителей католической партии, считая, что нет ничего слишком изысканного для епископа и принца, особенно для того, кто привозит в город в знак приветствия покорность папе римскому в религиозных вопросах и церковному суверену в мирских делах, увесил стены епископского дворца прекрасными гобеленами, покрыл столы и полы шелковыми и шерстяными тканями и наполнил комнаты богатой мебелью. Пьер де ла Бом назначил его квартирмейстером, и добрый католик намеревался, чтобы красота украшений помогла женеvцам осознать величие своего принца.

Если раболепствующая толпа готовилась принести в жертву священнику свободы народа и Слово Божье, то те, кто ценил эти сокровища гораздо выше всех других, с печалью ожидали, что все старые обиды вот-вот возродятся. Двести человек были в сборе: один гордый гугенот, ревниво относившийся к политическим свободам, не смог сдержаться и, поднявшись на Совете, сказал: "Есть сведения, что мамелюки, покинувшие город около семи лет назад, должны сопровождать епископа и вернуться вместе с ним: Я спрашиваю, правда ли это?"

Мгновенно разразилась буря. Одни говорили "Да!", другие "Нет!", спор становился все жарче; они провоцировали и оскорбляли друг друга, обвиняли друг друга во лжи и использовали очень раздражающие выражения. [746] Наконец гугеноты победили, и Двести человек приказали не пускать мамлюков в город, опасаясь, что вместо гармонии в нем воцарится раздор.

Синдики предвидели, что такое решение, вероятно, вызовет замешательство в процессии, сопровождавшей епископа; и поскольку они хотели избежать любых споров, они искали возможность объединить умы людей. Собрав лидеров противоборствующих партий, они попросили их в знак мира отобедать вместе. Они думали, что такой банкет примирит фракции и рассеет опасения прелата. Это был *аргумент против человека*. Как мог Пьер де ла Бом бояться мужчин, которые пили вместе? Возлияния действительно были обильно разлиты в честь согласия, ибо женевцы всегда были готовы на этот счет; но убеждения обеих сторон остались прежними. Вино не имело силы изменить ни сторонников папы, ни народа, ни гвельфов, ни гибеллинов. [747]

Во вторник, 1 июля, принц-епископ спустился по реке Юра в сопровождении своих канцлеров, президента Де Жевиньи и многих представителей знати, обдумывая контрреволюцию, которую он надеялся осуществить. Фрибургские депутаты, "зная робкий нрав прелата", [748] выехали ему навстречу в Гекс, чтобы обезопасить его въезд. Они повернули назад вместе с ним и приблизились к городу. Это событие, наполнившее радостью католиков, стало большой бедой для гордых гугенотов и благочестивых евангелистов и едва не разбило им сердца. Процессия казалась им похоронной процессией. Неужели независимость, свободу, набирающие силу Реформы — те бесценные богатства, которые составляют жизнь человека, — должны были быть унесены в могилу, как мертвое тело? Были ли эти колокола, только что начавшие звонить, похоронным звоном? Казалось, все указывает в ту сторону.

Как раз в тот момент, когда блестящий эскорт, выехавший навстречу епископу, пересек мост через Рону, появился отряд примерно из восьмидесяти католиков, у всех были аркебузы. Главный синдик, наблюдавший за ними с беспокойством, приказал им возвращаться. "Мы идем к нашему принцу", - с воодушевлением ответили они. Магистраты и их эскорт на несколько мгновений потеряли их из виду, но отряд снова появился, когда процессия вышла из города. "Они самые жестокие в партии", - говорили некоторые из последователей синдика. "Они сыграют с нами какую-нибудь мерзкую шутку". Во второй раз синдик приказал им возвращаться, и во второй раз они ответили: "Мы идем к нашему принцу", - и продолжили свой путь.

=ВХОД ЕПИСКОПА.=

Кортеж, отъехав на пол-лиги от города, стал ждать епископа, который появился в поле зрения около четырех часов пополудни. Рядом с ним были магистраты Фрибурга, а за его спиной вожди мамлюков, изгнанные из Женевы, но гордые тем, что бросили вызов тем, кто их изгнал. Запуганные синдики не посмели запретить им въезд в город. И это было еще не все: восемьдесят аркебузирова окружили прелата, взяв на себя обязанности личной охраны. Зазвонили колокола, загрохотала артиллерия, и друзья духовенства неоднократно выкрикивали *виваты*. Трон вновь обретал силу; величие принца усиливало его великолепие, и Его Высочество внушал уважение всем, кто его видел. [749]

Этим вспышкам радости вскоре пришел конец. Едва епископ вошел в город, как его облик изменился. Повсюду виднелись новые лица — лица, которые, казалось, не дышали ничем, кроме мести. По ночам во дворце проводились совещания среди каноников и других сторонников деспотического правления. Все говорили об ужасных резолюциях, принятых на этих собраниях — все равно, были ли эти резолюции правдивыми или вымышленными. Многие из реформированных были чрезвычайно огорчены. "Еретики испытывали великое раскаяние, - говорит сестра Жанна, - ибо они прекрасно знали, что епископ не принес им ничего хорошего, но хотел причинить им столько вреда, сколько мог". [750]

Прелат был твердо намерен прибегнуть, в случае необходимости, к силе, изгнанию и смерти. Но его характер и интересы склоняли его также к тому, чтобы мирным путем, если бы он мог, совершить великую революцию, которой он так сильно желал. Он хотел действовать таким образом, чтобы, по крайней мере, видимость была на его стороне.

Желая дать своему восстановлению двойную санкцию религии и политики, епископ приказал провести грандиозную процессию в четверг, 3 июля, после чего должен был состояться всеобщий народный собор. Процессия состоялась: каноники, священники и монахи, идя по порядку, с большим рвением пели свои литании и молились, чтобы Богу и Пресвятой Деве было угодно сохранить святую Римско-католическую церковь в Женеве. Когда пение закончилось, состоялся общий совет. Беженцы, которые ничего не забыли и ничему не научились, предпочли бы быстрое и энергичное подавление этого либерального митинга; но епископ не желал начинать с заключения граждан в тюрьму. Кроме того, нетерпеливые изгнанники ничего не потеряют, если будут ждать. [751]

=ЕПИСКОП НА ГЕНЕРАЛЬНОМ СОБОРЕ.=

Все сторонники епископа, гордые и радостные, направились к народному собранию; магистраты - с беспокойством, а несколько гугенотов - с печальными и страдающими лицами. Как только собрание было сформировано, появился прелат в сопровождении своей знати. Он был полон решимости заявить о своей полной суверенной власти в Женеве и отнять ее силой, если она будет оспорена. Два великих принципа — благоволение государя и конституции народа — встретились лицом к лицу 3 июля в генеральном совете Женевы. Ла Бом принял меры предосторожности; он привез с собой из Франш-Конте нескольких выдающихся людей, и среди них судебного пристава Дола, ученого и красноречивого магистрата. Этот оратор, воображавший завоевать женеццев льстивыми и цветистыми речами, произнес очень прекрасную речь; но его бургундское красноречие не произвело большого эффекта на гугенотов. После него вперед вышел князь-епископ и, говоря прекрасным чистым голосом и на очень понятном языке, спросил синдигов и народ, признают ли они его своим князем и господином. Вопрос был поставлен умело. Если они отвечали *Нет*, они становились мятежниками, и суровые меры становились законными; в то время как, если они отвечали *Да*, они сдавались прелату, и все заканчивалось свободой и Евангелием. Судьи, которые были осторожны, чтобы не попасть в ловушку, увидели, что необходимо проводить различие. Убеденные в том, что они получили свои хартии, привилегии и законодательство от Бога в той же степени, в какой принц получил свою власть, они сделали резерв. "Конечно, милорд, - ответили они, - мы считаем вас нашим принцем и готовы повиноваться вам; *но, приняв за руководство наши свободы, обычаи, и привилегии, писанные и неписанные, которые мы просим*

вас уважать, как вы обещали это делать давным-давно". [752] Смущенный принц-епископ считал необходимым не затрагивать деликатный вопрос о конституции, которую он ратифицировал, и, оставив на данный момент в покое все, что касалось его светской власти, он говорил только как епископ и передал собравшимся Женевцы благочестиво увещевают о спасении своих душ. На самом деле главным объектом его ужаса была Реформация; великим желанием его сердца был триумф папства. "Имейте страх Божий перед глазами, - сказал он, - и соблюдайте заповеди святой Церкви". Он прекрасно знал, что "святая Церковь" порекомендует людям признать его власть без каких-либо ограничений. Он произнес эти слова "в такой благочестивой и смиренной манере, что все заплакали, и генеральный совет разошелся без споров и суматохи, за что хвала Богу". [753]

=С УСТАВАМИ БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ КОНСУЛЬТАЦИИ.=

Однако женевцы не были готовы склонить свои шеи, чтобы принять ярмо, которое им преподнес епископ. Едва различные члены собрания разошлись, как вспыхнула агитация. Гугеноты и независимые католики смело и единодушно заявили, что они будут поддерживать конституцию; только придворные и мамлюки поддерживали абсолютные привилегии прелата. "Никакой деспотической власти", - заявила одна сторона. "Никакого сопротивления приказам нашего принца", - сказала другая. Оскорбленные новыми притязаниями епископа, горожане решили противопоставить ему древние памятники своей свободы. В отеле de ville была сводчатая комната, называемая *Гротом*, в которой почтенные хартии женевского народа были заперты на множество засовов и решеток. Не позволяя беспокоить себя ни произволу епископа, ни красноречию его ораторов, ни ужасным бандам Фрибурга и Турина, горожане решили обратиться к священным документам своих привилегий. Синдики проследовали в Грот; ржавые засовы поддались крепким рукам их офицеров; они достали благородные пергаменты своих предков, и все взоры жадно обратились к документам о праве собственности, в которых были записаны обязанности, права и свободы народа. Свиток положили на стол; его развернули, и, пока остальные слушали, один из магистратов прочитал написанные в нем слова. "Во имя святой, совершенной и нераздельной Троицы, Отца, Сына и Святого Духа". Мог ли епископ растоптать хартию, которая покоилась на столь священном основании? Судья продолжил свой допрос. Этот документ, составленный епископом Адемаром в 1387 году, содержал (используя его собственные слова) "свободы, привилегии и иммунитеты, которыми граждане Женевы пользовались так долго, что человеческая память не говорит об обратном". Женевцы были тронуты и, передавая пергамент из рук в руки, прочитали некоторые его отрывки и поклялись защищать свои права. [754]

Синдики, не сомневаясь, что эти старинные документы будут приняты епископом с глубочайшим уважением, покинули ратушу, унося с собой свои почтенные грамоты, которые они положили перед прелатом. Они указали ему на иммунитет, который был им обеспечен, и удалились, полные надежды. Но Пьеру де ла Бому было наплевать на эти старые бумаги, и он не стал утруждать себя расшифровкой столь неприятных документов: он спешил поскорее вернуть их в подвал, где они так долго пролежали. Он намеревался править на более современный лад. Реформация, с другой стороны, должна была завершиться поддержанием, в противовес епископальной узурпации, наиболее законных прав древнейшей свободы. [755]

=ДЕСПОТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ.=

Епископ больше не колебался. Когда он попросил генеральный совет признать его суверенитет, магистраты ответили ограничением его в соответствии с конституциями народа. Поэтому было необходимо отказаться от всякой идеи мягкого правления и править силой. Пьер де ла Бом был не первым епископом, изгнанным из своего епископального города, который вернулся в него с мыслями о насилии. Рассказы о неслыханных жестокостях запечатлелись в памяти народа. В десятом веке епископ Камбрэ, изгнанный из своего города горожанами, которые были озлоблены против него, вернулся с иностранными солдатами; и эти наемники, служители его мести, преследовали горожан даже в церквях, убивая одних, отрубая руки и ноги другим, выкалывая глаза некоторым и клеймя многих на лбу раскаленным железом. [756] Примерно два столетия спустя, когда другой епископ также насильно вернулся в свой город, его последователи схватили одного из самых уважаемых и богатых граждан, несмотря на обещание сохранить ему жизнь, и привязали его за ноги к хвосту лошади, которую они пустили галопом. [757] Епископ Женевы не имел намерения подражать этим епископским процедурам; манеры, хотя и грубые, были смягчены; он намеревался довольствоваться меньшим. Он схватил бы главных сторонников Реформации и Женевы и избавился бы от них просто с помощью меча — либо в Женеве, как в случае с Бертелье, либо в каком-нибудь уединенном замке, как в случае с Леврье. Тогда князь-епископ осуществлял бы бесконтрольно и по-своему тот суверенитет, который казался ему абсолютно необходимым для того, чтобы подавить протестантизм одних и независимость других.

Освободившись от назойливых антикваров, которые доверяли пыльным хартиям, епископ начал готовиться к осуществлению своих замыслов. Он подсчитал свои силы и был уверен в победе. На первом месте был Совет, который, будучи в основном католическим, всем сердцем поддерживал его; затем были священники и их приверженцы; затем фрибургцы; затем изгнанные мамелюки и, наконец, определенный класс людей, искусных в обращении с аркебузой, "и которые хорошо с ней обращались", - сказал епископ. Подсчитав таким образом общее число своих сторонников, епископ спросил, от кого из вождей гугенотов ему следует избавиться. Маловероятно, что Ла Бом сделал это в одиночку или просто с помощью одного из своих секретарей или должностных лиц министерства юстиции. Слабость была одной из самых заметных черт его характера; у него не было энергии, хотя иногда он делал вид, что наоборот. Но окружающие компенсировали это. Запрет, который он собирался привести в исполнение, был, по существу, вызван поощрениями и домогательствами врагов Реформации и независимости. "Чувствуя себя сильным и могущественным, - говорит современник, - как со стороны фрибургцев, так и со стороны врагов Бога и города (а именно мамелюков), которые теперь находились за стенами, епископ пожелал осуществить свою тиранию". [758] Некоторые из его друзей испугались такой суровости и хотели бы отвлечь его от нее; но самые жестокие люди одержали верх. "Мой господин, - говорили они, - должен применить свою власть против определенных граждан и бюргерства и этим путем искоренить лютеранскую секту и ересь". [759]

=ЗАПРЕЩЕНИЯ.=

Запрещенные отбирались безразлично из числа евангелистов и гугенотов. Одним из первых, на кого указали, был Шот-Темп. Он был не только еретиком, но и его дети были воспитаны в ереси, и он долгое время держал в своем доме Оливетана, переводчика Библии, который осмелился сделать выговор доминиканскому проповеднику при полном составе церкви. Следующим был Эме Леве; в его доме чаще всего проводились религиозные собрания. Пьер Вандель —

младший сын того Клода, которого за двадцать лет до этого епископ Иоанн Савойский бросил в тюрьму [760]— человек решительного характера, с готовностью выдвигавший себя на передний план, присоединился к двум другим. Эми Перрен не принадлежал к евангелистам в собственном смысле этого слова, но он был вождем четырех гугенотов, чье рвение к полемике привело в замешательство викария церкви Мадлен, и считался самым смелым из всей группы. Впоследствии были указаны и другие: Жан Пеколат, имя, плохо звучащее в ушах епископа; Домен д'Арлод, Жан Вейяр, Антонин Дерби, Анри Дулен, Жак Фише, Клод де Женев и Филибер де Компей, пользующийся большим уважением дворянин. Хотя Филибер был савойцем благородного происхождения, в душе он был гугенотом; граф Женевский воспользовался случаем, чтобы конфисковать все его земли и поместья, "и бедный извращенец был лишен своего имущества", - говорит современник. Оставалось еще несколько человек, чей арест был решен, и среди них Паста и Розетта. [761] Епископ и его друзья, преисполненные рвения, надеялись поймать после этого других граждан; [762] но они сочли благоразумным не делать всего сразу. Если первая попытка увенчается успехом, они предпримут вторую и приберут к рукам таких граждан, о которых поначалу и не подумали. "Я запретил всех, кого смог вспомнить; тех, кого я забыл, я буду запрещать по мере того, как они будут приходить мне на ум". Это высказывание великого мастера в этом искусстве нашло свое применение в Женеве. [763]

Епископ, выполнив свое первое задание, начал обдумывать, как ему заполучить запрещенных, что было нелегким делом. Самым естественным способом было бы схватить каждого из них в его собственном доме; но он боялся, что, если он приступит к работе таким образом, одни спрячутся, другие сбегут, а третьих спасут на улицах. Тревога распространилась бы в одно мгновение, и отважные гугеноты окопались бы в доме Бодишона де ла Мезоннева. Прежде всего Пьеру де ла Бому не хватало откровенности; он преуспевал, когда ему заблагорассудится, в том, чтобы казаться дружелюбным с теми, кого ненавидел. Он решил пригласить их и милостиво протянуть руку людям, смерть которых он замышлял. Он пригласит их в свой дворец, "полагаясь на свою веру", но не соблюдая ее. [764] Таким образом, он поймает их всех одним забросом сети, затем он свяжет себя узами брака, и бедняги покинут салоны дворца только для того, чтобы спуститься в его подземелья. Это было сочтено превосходной стратегией, и к ее осуществлению были предприняты все необходимые приготовления.

На следующий день, 5 июля, служащие епископа посетили граждан, внесенных в черный список, и от его имени передали им приглашение, которое, должно быть, показалось им либо большой честью, либо коварной ловушкой. Если кто-либо из них высказывал возражения, посланники от имени прелата заверяли их, что им не причинят никакого вреда. Одни по искренности, другие по невежеству, а третьи также по опрометчивости направились к епископскому дворцу. Они надели свои лучшие костюмы и были при шпагах. Что могло понадобиться от них епископу?... Вероятно, чтобы добиться каких-то уступок, и они твердо решили не идти ни на какие.

Другие, более дальновидные или благоразумные, обратились в бегство. Церковные беспорядки, предшествовавшие приезду епископа, неудовлетворительная компания, которой он был окружен, и выдвинутые им требования — все это в совокупности дало пищу для размышлений умам, обладающим хоть какой-то проницательностью. Женщины, более проницательные или более робкие, обычно видят в таких случаях яснее мужчин: их супружеская любовь вызывает тревогу. Похоже, что Клодин Леве и Жакема Шот почувствовали всю нежную заботу, свойственную их полу, и заклинали своих мужей не отдавать себя в жестокие руки епископа и

покидать свои дома, своих детей и свою страну, которой они теперь могли бы лучше служить за границей. Эти два прекрасных христианина были в числе тех, кто спасся. Мезоннев, на которого мамлюки были сильно раздражены, отправился в Берн, полный негодования против тирании епископа. В этом городе, рядом с Богом, он всегда искал избавления. Несколько других также покинули Женеву. [765]

=ГУГЕНОТЫ В ЛОВУШКЕ.=

Тем временем Перрен, Д'Арлод, Вендель и их друзья направились ко дворцу. Ворота перед ними открылись, и они вошли в приемные милорда. Но едва они прибыли, рассчитывая на обещанную им любезную аудиенцию, как их схватили, заковали в тяжелые кандалы и отвели в епископальную тюрьму. [766] Стремительный Перрен и отважный Вендель были вынуждены уступить силе. Офицеры епископа отвели их в темницу, и, словно веревоч, железных дверей и засовов было недостаточно, их ноги заковали в колодки, а на руки надели наручники. [767]

=СУПРУЖЕСКАЯ ПРЕДАННОСТЬ.=

Когда принцу-прелату сообщили эту новость, это было самое приятное известие, которое он когда-либо получал. Он снова вздохнул, и все же он не был полностью удовлетворен: ему нужны были заключенные, к которым он особенно привязался сердцем, особенно Лева и Шотан. Но если бы мужья исчезли, их жены могли бы пострадать из-за них. Пьер де ла Бом приказал схватить Жакему Шот, но Клодин Лева осталась на свободе. Клодин была благочестивой христианкой, твердой в вере, но с мягким характером, и ее пощадили; но Жакема, которую, как мы помним, учил Оливетан, возможно, обладала некоторой долей того мужества, которое было присуще кузену Кальвина и самому Кальвину. Клодин была женщиной из Нового Завета; Жакема, похоже, скорее напоминает нам героинь Ветхого Завета. К сожалению, у нас нет о ней такой же информации, как о Клодин. Во всяком случае, она заплатила за своего мужа. Хрупкую женщину, жену одного из первых лиц города, привыкшую к комфорту жизни, привыкшую к обществу одного из самых оригинальных французских писателей того времени, воспитательницу своих детей, заперли в узкой камере и обращались с ней грубо, как с заговорщицей. Древние и современные времена были свидетелями не одного случая супружеской преданности. Многие жены, видя, что их мужьям угрожает жестокая смерть, могли сказать им:

. Et quel autre que moi

A le droit d'y prétendre et de mourir pour toi? [768]

Реформация также дала много подобных примеров.

Поскольку часть лидеров гугенотов теперь находилась в тюрьме, епископ и его приближенные обсуждали, что с ними делать. О том, чтобы публично казнить их в Женеве, как Бертелье, не могло быть и речи. Самым простым способом было бы тайно обезглавить их в их подземельях; но это немедленно стало бы известно и вызвало бы ужасный ажиотаж. "Они не осмелились убить их в городе из страха перед народом". [769] Советники епископа предложили ночью отправить их из Женевы на лодке и доставить либо во Фрибург, который призывал жертв отомстить за смерть Вернли, либо в шильонский замок, где был заключен Бонивар, либо в Жюсси близ горы Вуарон, либо, наконец, в укрепленный замок Гайар у подножия Салева, "и там

поступать с ними, как им заблагорассудится". [770] Они определились с последним планом, и были отданы приказы о его выполнении.

Таким образом, все шло к удовлетворению епископа. Поскольку некоторых из главных гугенотов собирались выслать из Женевы, возникла необходимость "поймать вслед за ними других граждан и сделать им то же самое", то есть вывести их также из города, поскольку страх перед народом постоянно преследовал епископа. Он планировал, как продолжить начатую работу, когда ему принесли новость, которая его сильно встревожила.

Один из его агентов, которому он поручил фиксировать все, что происходило в городе, пришел и сообщил ему, что не только Бодишон де ла Мезоннев сбежал, но и что он отправился в Берн за помощью.... Какая проверка! какая опасность! Если беглец вернет бернцев, они возьмутся за защиту ереси ... она восторжествует. Чем тяжелее был удар, который Ла Бом хотел нанести, тем опаснее было бы, если бы он не удался. Поэтому он был в большой тревоге и также в сильном гневе. Он приказал своим офицерам преследовать тех, кто сбежал, взять лошадей, чтобы догнать их, и вернуть связанными в тюрьму, где их ждали друзья. Но он не удовлетворился тем, что отправил в погоню за беглецами тех людей, которые подчинялись его собственным приказам, он хотел, чтобы другие выследили их, поймали с тыла или с фронта: это побудило его предъявить весьма необычное требование.

Как только синдики услышали об аресте некоторых из самых известных горожан, они созвали совет. Пораженные этим тираническим актом и встревоженные за будущее республики, они обдумывали, что делать. Должны ли они оставить своих сограждан на произвол незаконной мести епископа или им следует восстать против своего князя? Они были погружены в безмолвное оцепенение, когда появился гонец от епископа. Без сомнения, он пришел дать какие-то объяснения, оправдаться и, возможно, заявить, что епископ отменит свой роковой указ! Ничего подобного: совет вскоре узнал, что ему было поручено передать экстраординарное сообщение.

=СТРАННАЯ ПРОСЬБА ЕПИСКОПА.=

Епископский посланник, произнеся обычные приветствия, сказал: "Мой господин решил послать своих офицеров за границу, чтобы схватить определенных *преступников* (так он называл этих благородных граждан). Поэтому наш высокочтимый принц требует, чтобы совет выделил ему нескольких городских офицеров, чтобы они сопровождали его людей и преследовали беглецов на территории Савойи. Это было уже слишком. Де ла Бом потребовал, чтобы магистраты Женевы использовали для угнетения граждан ту власть, которую они получили для их защиты. Такое дерзкое предложение вызвало отвращение у синдиков; они без колебаний отказали в его требовании; желая, однако, сохранить с ним хорошие отношения до последнего, они привели благовидный мотив для своего отказа. "Прошу простить нас, - ответили они епископу, - если мы не можем этого сделать; мы должны опасаться, как бы герцог, на территорию которого должны будут вторгнуться наши офицеры, не рассердился на нас за нарушение договоров". Этот отказ привел его в ярость. Он полагал, возможно, не без оснований, что герцог Савойский не обратит внимания на нарушение границ, поскольку целью было поймать гугенотов. "Возвращайся, - сказал он своему офицеру, - и скажи этим джентльменам, чтобы они свершили правосудие, а если они этого не сделают, то в городе есть восемьдесят человек, которые помогут мне это сделать. Добавь, что они должны действовать

прямолинейно". Судьи остались непреклонны. Но прелат находил слабое утешение в сотрудничестве людей, более склонных, чем женевские синдики, сдерживать его гнев. [771]

Эме Леве, вместо того чтобы бежать по правому берегу, на котором стоял его дом, выбрал левый берег и направился в ту прекрасную страну, которая простирается между Роной и озером с одной стороны, и горой Вуарон и горой Салев с другой, и где широкий проход, который эти две горы оставляют между собой, позволяет путешественнику созерцать великолепную гряду Альп Монблан. Хотел ли Леве избежать обычной дороги беглецов, на которой его наверняка арестовали; или же он намеревался спрятаться в горах, поскольку погожий июль приглашал его взобраться по легкому и изящному склону Вуарона или взобраться по дороге, называемой Эшель (лестница), на крутые стены Салева, огромные скалы которого нависают над равниной? Это возможно; другие беглецы поступали так же. Некоторое время Леве бродил по той части долины, где тихо журчит песчаный поток Арве; но, думая только о том, как бы ему спастись от преследователей, у него не было времени созерцать ослепительный вид Альп, освещенных июльским солнцем, которое составляло такой разительный контраст с мрачными тропами, по которым он тогда шел. Он знал, что мамелюки, священники, сторонники герцога и, прежде всего, сир де Монтаньи, кастелян Гайяра, пойдут по его следу. Как странна его судьба! Всего несколько месяцев назад он был ревностным католиком, а затем неожиданное обращение его жены привело к его обращению.... Теперь он скитался как беглец, не имея места, где приклонить голову. Мы не можем передать все муки, через которые он прошел, и все стоны, которые он издавал. Однако он не пал духом, потому что знал Того, кто был его защитником и кто отстаивал это право. Он был уверен, что сможет предстать перед Богом и Его ангелами в тот самый момент, когда люди охотились за ним. За ним стояли волки, готовые разорвать его на куски, но "Бог спасает Своих бедных овечек даже из пасти львов". [772]

=ЛЕВЕ ПРЕСЛЕДУЕТСЯ И ВЗЯТ В ПЛЕН.=

Они действительно преследовали его. Мессир де Шаранзоне, каноник Женевы, не спускал глаз с Леве: он знал, что тот скрылся в направлении гор и что его следует искать либо в бейливики Гайяр, либо в приходе Бонн. Поэтому он побеседовал с кастеляном Гайяра, месье де Монтаньи, добрым католиком и савояром, который оказал ему помощь; группа людей покинула замок, и началась погоня, каноник шел впереди. Вскоре бедный Леве услышал шаги людей, которые искали его: его схватили. Каноник, желая выплеснуть свой гнев, приказал выпороть его без всякого суда, а после того, как он был основательно избит, отправил в замок Гайяр. [773] Леве, окруженный стражей, был препровожден в эту крепость, расположенную в том месте, где река Арве, выходя из гор, переходит в равнину, и где было заключено в тюрьму много невинных людей. Подъемный мост опустился и снова поднялся, массивные ворота открылись, вооруженные часовые остановились, чтобы посмотреть, как проходит гугенот, и, наконец, Леве, виновный вдвойне, как либерал и как евангелист, был брошен в глубокую темницу. С этого момента пленение мужа гарантировало свободу жене.

=ДЕПУТАТЫ ФРИБУРГА ПРИЗЫВАЮТ К МЕСТИ.=

Другие обстоятельства, произошедшие в тот же день (6 июля), обрадовали епископа и его двор и доказали твердость совета, а также спокойствие граждан. Человек, посланный из Пэй-де-Во,

сообщил, что несколько хорошо вооруженных фрибургцев прибыли в Ньон и угрожают Женеве. Они были мстителями за кровь Вернли. "Идите и скажите капитан-генералу, - сказали синдики, - и прикажите ему позаботиться о безопасности города". Вскоре после этого один гражданин сообщил совету, что фрибургцы, находившиеся в Женеве, готовятся отправиться в замок Гайяр. Вскоре появился третий человек и сообщил синдикам, что фрибургцы пересекают озеро из Ньона и что их лодки можно отчетливо различить в верхней части города, они направляются на юг. Наконец, от Гайяра пришло известие, что родственники Вернли в сопровождении большого количества фрибургских латников вошли в крепость, поклявшись, что омоют ноги в крови евангелистов. Совет не знал, что делать, и город был полон опасений. [774]

Дома заключенных испытывали крайние муки. По городу ходили самые зловещие истории о жестокости, применяемой епископом к своим пленникам. Некоторые начали терять мужество и спрашивать — этот вопрос часто задавался во времена Реформации, — почему ученики Евангелия должны были терпеть не только скорби, общие для всех людей, но и бедствия, от которых были избавлены их враги? "Ах! - отвечали те, что поумнее. - зерно сначала обмолачивают в амбаре вместе с соломой; но потом оно прессуется и измельчается только на жерновах". [775] Не всем было дано утешиться, и из многих охваченных горем домов до небес возносились вопли скорби.

Тем временем сторонники Фрибурга настаивали на том, чтобы совет предоставил родственникам Вернли правосудие, которого они требовали, и настаивали на том, чтобы женевцы, арестованные 23 мая и 4 июня, были немедленно привлечены к суду. Мамелюки кричали еще громче, чем фрибургцы, и требовали суда над одиннадцатью лицами, заключенными в тюрьму 5 июля. В то время как дело фрибургеров было полностью судебным, дело мамлюков носило политический характер: они хотели воспользоваться судебным процессом, чтобы совершить революцию. Совет поручил прокурору-фискалу доставить обвиняемого к нему, как того требует конституция Женевы; но фискал заявил, что не может этого сделать из-за приказа принца, который сам рассматривал это дело. Епископ намеревался быть одновременно судьей и заинтересованной стороной и заменить клерикальный деспотизм защитными формами светских судов. Встревоженные магистраты немедленно обратились к принцу со своим скромным, но решительным протестом. [776]

Пьер де ла Бом только что пообедал, когда появились члены синдиката. "Я изложил причину, стоявшую передо мной, - сказал он. - У меня есть свои причины". Синдикаты сообщили ему, что он может помиловать людей после вынесения приговора, но не судить обвиняемых, которые обязательно должны предстать перед законными трибуналами. "Я излагаю представленное мне дело", - повторил епископ. Возмущенные синдики поклонились и удалились. Себастьян де Дизбах, знаменосец Вайнгартена и другие депутаты от Берна прибыли в Женеву, и Бодишон де ла Мезоннев, как представляется, вернулся вместе с ними. Синдикаты молили о вмешательстве, и бернцы обратились к епископу; но страстный упрямый церковник не захотел их слушать. Он натянул шнур, рискуя его порвать. "Я привел представленный мне случай", - снова сказал он.

Дух слепого фанатизма ощущался и в других местах, помимо дворца: он взволновал мамлюков, увлек за собой приверженцев епископальной церкви и даже нескольких фрибургцев. Они поклялись покончить со свободой и Реформацией и уже обдумывали способы навсегда предотвратить свое возвращение в Женеву. Они ходили взад и вперед по городу и были совершенно неумолимы. Глядя на них, можно было бы сказать — в то время проводилось

сравнение, — что, придя после потопа и желая предотвратить повторное вторжение воды в их жилища, они сказали друг другу: "Давайте построим башню, вершина которой достанет до небес". "Они построили Вавилонскую башню, - говорит современник, - предполагая, подобно великанам, сражаться против Бога".

=НАПАДЕНИЯ НА ГУГЕНОТОВ.=

Они действительно подрались. В тот самый день (7 июля) несколько всадников епископальной партии, которые проезжали в Плейнпале перед монастырем своих друзей доминиканцев, увидели, как мимо проезжали трое самых значительных граждан Женевы: это были Филипп, капитан-генерал, Джон Луллин, впоследствии синдик, и Фрэнсис Фавр, который в следующем году был членом ординарного совета. Кавалеры немедленно набросились на них, называя предателями и лютеранами. Трех гугенотов ненавидели и боялись мамлюки, которые знали, что они люди, готовые пожертвовать своей жизнью за древние свободы своей страны. Если они не были включены в первое запрещение, то отчасти из-за страха, поскольку их смелость была неукротимой; а также потому, что было предпочтительно начать с благочестивых евангелистов, таких как Шот и Леве. Правда, Ами Перрен был арестован; но, не претерпев той великой перемены, которую Священное Писание называет "новым рождением", он по-прежнему был в первых рядах, когда речь заходила о деле Реформации. Именно он активно защищал Фарела. Кроме того, епископальный *сбирри* не мог четко отличить протестантов, которые были такими внутренне, от тех, кто были такими только внешне. Однако ни преследования, ни оскорбления не уменьшили мужества горожан. Они знали, что Бог часто позволяет нечестивым действовать в течение нескольких дней и позволяет им возводить высокие башни против его избранных. Затем внезапно он ударяет по огромной массе, расшатывает соединения и разбрасывает материалы, так что могучее здание, вершина которого должна была возноситься к небесам, превращается в пыль и развеивается по ветру.

Синдики, будучи полны решимости противостоять епископу и его узурпации, созвали совет шестидесяти 8 июля и объяснили им, что он намеревается подчинить Женеву правительству по своему усмотрению и для начала готовится судить в своем собственном суде благороднейших из граждан. Будущее, угрожавшее Женеве, наполнило Ассамблею эмоциями и страхом. Что было делать? Прибегнуть к силе, политике или дипломатии? Женевцы в целях самозащиты искали более простые и действенные средства; они прибегли к одной из тех мер, которые являются почти уникальными в истории и от которых веет древностью.

=СТАРЕЙШИНЫ ЖЕНЕВЫ ПЕРЕД ЕПИСКОПОМ.=

В Женеве были некоторые поборники свободы, которые, поднимая свои седые головы среди трех поколений своих детей, изрекали мудрые слова. К ним они и прибегли. Члены совета — вероятно, их сыновья — отправились за ними, и эти почтенные свидетели древних свобод вошли в зал совета, где для них были приготовлены места. Хотя сила их тел была ослаблена, их сердца теперь бились сильнее за свою страну, чем в дни их молодости, и их память отчетливо напомнила им о былых временах. Соответственно, когда они услышали об опасностях, которые угрожали республике, и о намерении епископа узурпировать судебную власть, они преисполнились печали и тревоги. "Уголовные дела, - сказали они, - принадлежат гражданскому судье; практика никогда не менялась в этом отношении, и заявление епископа о том, что он сам их рассмотрит, является беспрецедентной новинкой". Совет шестидесяти постановил направить к принцу депутацию, состоящую из четырех синдигов и шести этих

престарелых граждан, которые чувствовали себя счастливыми принести перед смертью последнее свидетельство о свободах своей страны. Если бы епископ смеялся над древними документами древней Женевы, стал бы он смеяться и над этими древними людьми?

Депутация, медленно двигаясь по улицам, направилась ко дворцу. Отцы страны шли нетвердыми шагами, поддерживаемые младшими, и приближались к резиденции надменного священника, которого Рим отправил на берега Лемана и который попирает ногами самые почтенные права. Никогда еще люди, выступавшие за независимость нации, не внушали такой нежности, сочувствия и уважения. Люди смотрели и благословляли их, когда они проходили мимо, и возносились молитвы к небесам, чтобы Бог своей силой сопровождал этот экстраординарный шаг в пользу свободы. [777]

Епископ, узнав об этом движении, пожелал окружить себя всем, что могло придать благовидный вид его узурпации. И соответственно, войдя в зал, депутация обнаружила не только прелата, восседающего с помпой — вокруг него столпились не только его советники, офицеры и послы Берна и Фрибурга, — но и родственников каноника. Пьер де ла Бом объединил просителей из Фрибурга против старейшин Женевы. Синдики почтительно выразили ему свое удивление по поводу того, что он, по-видимому, относился к совету с подозрением, что несколько известных граждан были брошены в тюрьму и, наконец, что его светлость, вопреки законам, передал дело на рассмотрение своего собственного трибунала. Но в то время как старейшины обратили на принца одновременно кроткий и пронизательный взгляд, и их седые головы, казалось, напомнили ему о старых временах, родственники Вернли, потрясая своими черными одеждами, снова призвали к отлучению, заявив, что принц обещал воздать им по справедливости, и умоляли его быть верным своему слову. "Да, - немедленно ответил епископ, - да, я излагаю причину, стоящую передо мной". Синдики, преисполненные решимости не поступаться самыми почитаемыми законами государства, положили перед ним древнюю конституцию народа и, указав на двенадцатую статью, прочитали следующее: "Что никакое расследование мирских правонарушителей или какой-либо другой процесс не может и не должен проводиться, кроме как путем вызова четырех синдиков и четырех граждан упомянутого города Женевы, которые будут выбраны другими гражданами. [778] И что суд и вынесение приговора вышеупомянутым злоумышленникам принадлежат и будут принадлежать вышеупомянутым гражданам, а не каким-либо другим лицам вообще." После этих слов конституции синдик умолк.

=ЕПИСКОП НЕ УСТУПИТ.=

Затем вперед вышли старейшины, которые до сих пор хранили молчание и чьи серьезные, скромные и решительные взгляды внушали уважение. Один из них, выступая от имени всех, поднял дрожащие руки и заявил, что таков всегда был закон Женевы и что никогда за всю их долгую жизнь им не было больно видеть, как принц попирает его ногами". Тихие голоса и спокойные взгляды этих почтенных людей придавали их свидетельству странную, можно сказать, почти божественную силу. Эта смиренная речь в защиту свободы обладала красноречием более проникновенным, чем самые замечательные речи Цицерона или Демосфена. Но если свобода никогда не была более трогательной, то деспотизм никогда не был более упрямым. Синдики тщетно умоляли епископа, во имя законов и Бога, передать им заключенных в соответствии с законом, чтобы они могли судить их в соответствии со своей должностью; Пьер де ла Бом продолжал повторять: "Я не могу, я изложил передо мной причину". Фрибургские послы умоляли синдиков согласиться с ссылкой епископа "только на

этот раз", но магистраты Женевы не желали, чтобы привилегии города были нарушены ни сейчас, ни позже. Они с печалью покинули епископский дворец, и шестеро старейшин последовали за ними. [779]

Когда они прибыли в отель-де-виль, совет шестидесяти все еще заседал. Они дали точный отчет о своей миссии. Они сообщили, что князь-епископ упорствовал в своем беззаконии *pol rossumus*, и хотя совет испытал глубокую боль, услышав это заявление, никто не дрогнул. Эти жене́вцы знали, какой верностью свободные люди обязаны институтам своих предков. Затем послы Берна попросили впустить их. По настоянию своих союзников, фрибургцев, и советников епископа, эти надменные бернцы, неверные своей славе, вообразили, что жене́вцы вполне могут *разв* этот торжественный день отказаться от своей хартии и своих прав. Поэтому Себастьян де Дисбах предложил совету попробовать, не смогут ли они "согласиться с этой ссылкой, которую прелат категорически не стал бы повторять". Таким образом, единственные союзники Женевы просили их добровольно встать на путь уступок.... Совет обсудил это, и Шестьдесят членов были единодушны. Вот резолюция, которую секретарь внес в реестр: "Приказано ответить милордам Берна, что мы не согласимся с этой ссылкой, поскольку она полностью противоречит нашим привилегиям, и решили попросить их сообразоваться помочь нам своим советом". Милордам Берна не понравилось, что их совет отвергнут, но, уходя, они сказали, что такие люди заслуживают свободы. [780]

Этот новый отказ привел мамлюков в ярость. Они были полны решимости использовать смерть Вернли как орудие войны, чтобы разрушить древнее здание жене́вских свобод, подорвать основы Реформации и утвердить на руинах свои собственные теории относительно абсолютной власти папы и принца. Следовательно, они потребовали созыва Двухсот, надеясь найти среди них благосклонные голоса. Великий совет собрался на следующий день, и фрибургские послы предстали перед ним в сопровождении множества родственников и друзей каноника — все удрученные, мрачные и молчаливые, как просители древних времен. Большую часть из них вдохновлял не фанатизм. Они играли с Вернли в детстве; они любили его в юности; они чтить его память теперь, когда в результате ужасной катастрофы он был распростерт замертво на улицах города. Если они не смогли защитить его в час опасности, то теперь, когда настал час мести, они хотели сделать все, что в их силах. Недостаточно было окропить его тело их слезами, кровь жертв должна была пролиться на том самом месте, где был повержен мученик. - Достопочтенные лорды, - сказал брат каноника, - справедливость, которой люди обязаны друг другу, начертана на земле, в сердцах справедливых; почему же тогда вы должны попира́ть ее ногами? Вы еще не свершили правосудие за смерть того, кто был нашим братом и другом; напротив, вы оставили преступников на свободе приходить и уходить в течение шести недель. Его тело лежит в могиле, но его кровь, окропившая камни вашего города, взывает к отмщению. Если вы вооружены мечом, то это не для показухи, а для того, чтобы поражать злоумышленников. И все же ваши суды немые, и ваш меч дремлет в ножнах. Позвольте милорду епископу изложить дело, находящееся на его рассмотрении. Если вы откажетесь, можете быть уверены, что мы найдем другие способы отомстить за смерть нашего друга и утопим нашу скорбь и гнев не в водах правосудия, а в крови". Фрибургцы говорили так, как будто это было убийство: они забыли, что каноник надел кирасу, что он схватил алебарду, что он в полном вооружении отправился на место беспорядков, что он вновь разжег угасающий огонь и напал на гугенотов, которые использовали свое оружие только для законной самообороны. Избегатель Фрибурга поддержал красноречивые угрозы брата Вернли. [781]

=ОТКАЗ ОТ ДВУХСОТ.=

Двести человек понимали, что следствием их отказа станет война с Фрибургом и Савойей, но они твердо стояли на скале справедливости, и их нельзя было сдвинуть с места. "Мы не знаем ни о каких виновных лицах, которым было позволено свободно приходить и уходить по городу", - сказали они. - Если это так, то вина лежит на прокураторе-фискале, в чьи обязанности входило задерживать их, а не на нас, судьях. Что касается разрешения милорду изложить перед ним причину, мы не можем этого сделать; это было бы нарушением привилегий, ради которых мы и наши предки часто рисковали нашими телами и нашим имуществом ". Синдик добавил, что совет согласится с назначением епископом двух человек для присутствия на допросе, но при условии, что у них не будет права совещательного голоса. Фрибургцы и мамлюки никак не могли решиться принять это предложение. Они были особенно раздосадованы тем, что Коке, начальник охраны, которого они считали преданным реформе, оказался среди судей, в то время как, по их мнению, он должен был находиться на скамье подсудимых. [782]

=АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ВРЕМЕННОЙ ВЛАСТИ.=

Если бы речь шла просто о наказании виновника смерти каноника, прелат, возможно, доверился бы синдикам; но он стремился уничтожить и свободу, и Реформацию в Женеве, и в этом он доверял только себе. К мольбам, угрозам и насилию некоторые согласились добавить доводы. Существовал своего рода аргумент, используемый только в схоластических дебатах для доказательства того, что священники были лучшими судьями как в гражданских, так и в политических вопросах. Это странное утверждение было продемонстрировано с помощью силлогизма. Главным было: "Он лучше всех подходит для того, чтобы судить, кто ближе всего к Богу". Второстепенным было следующее: "Священнослужители ближе к Богу, чем миряне". Вывод очевиден. Они прибегали также к аргументам, почерпнутым из астрономии. "Как есть два великих света во вселенной, - говорилось, - так есть два и в обществе. Церковь - это солнце, а Государство - луна. Теперь у луны нет собственного света; весь ее свет исходит от солнца. Следовательно, очевидно, что церковь сама по себе, формально и фактически, обладает временной юрисдикцией государства". [783]

Такие аргументы имели большую силу в глазах прелата: он назначил двух заместителей, своего судебного пристава и своего адвоката, и отправил их в Двести с приказом защищать права солнца. Объединение двух сил в одном человеке послужило им главным аргументом. Епископ почти не упоминался в их речи, а только князь. "Епископ - ваш принц, - заявили они, - а вы, синдики, - его офицеры. Поэтому он может командовать вами как своими подданными, и когда он передает своему трибуналу дело, которое находится в ваших руках, вам остается только повиноваться". Эта теория абсолютной власти не могла пройти в Женеве. "Мы не чиновники принца, - ответили магистраты, - а городские синдики, избранные народом, а не моим господином. У него нет власти учредить нас, и даже его собственные офицеры, назначенные им самим, приносят нам присягу, в то время как мы не приносим присяги никому". Затем синдики, повернувшись к фрибургской депутации, продолжили: "Господа, вы помогли нам во времена Бертелье, помогите нам снова сейчас. Не мы, а епископ и его чиновники одни виноваты в задержке, на которую вы жалуетесь. Пусть два представителя епископа, двое из Берна и двое из Фрибурга, помогут на суде и будут свидетелями нашей правоты". [784]

Епископ настаивал на своем требовании: депутаты от Берна, желая прекратить разногласия, предложили передать дело двум судьям, назначенным советом, двум епископом, двум от Берна

и двум от Фрибурга. Женевцы ответили, что народ не волен жертвовать ни малейшей частью своих прав; и, утомленные этими бесконечными приставаниями, они добавили: "Если наше предложение будет отклонено, мы созовем общее собрание народа и сделаем то, что оно предпишет". Бернцы, прекрасно зная, что, если дело будет передано народу, никакое урегулирование будет невозможно, воскликнули: "Прошу вас, не делайте ничего подобного".

В то время как даже Берн уговаривал синдиков уступить, жены, родственники и друзья заключенных умоляли их продолжать сопротивление. Они боялись каждое утро слышать, что действовать уже слишком поздно. "Пришло время положить этому конец", - сказали синдикаты бернцам. "Заключенных всего лишь обвиняют; неужели это только для того, чтобы заставить их страдать, как если бы они были виновны? Идите и откровенно поговорите с принцем; заставьте его понять долг, который налагают на нас наши свободы". Бернцы отправились в епископский дворец, но ни епископ, ни фрибургцы, которые были с ним, не уступили ни на дюйм. "Господа Женевцы не поступят иначе, чем они сказали", - холодно ответил Пьер де ла Бом. "Очень хорошо! и мы, со своей стороны, не поступим иначе, чем мы заявили". Фрибургеры угрожающим тоном добавили: "Мы собираемся вернуться домой и там ... мы рассмотрим другое средство. "Этим средством была война: фрибургские депутаты вернулись бы с армией. [785]

=ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В СВОИХ КАМЕРАХ.=

Пока все это происходило, гугеноты и евангелисты, схваченные по приказу епископа, все еще находились в тюрьме, связанные по рукам и ногам. Пьер Вандель, Клод Паста, сир де Компей, Домен Д'Арлод, энергичная Ами Перрен и другие, не забывая Жакему, ожидали своей участи в мрачных подземельях епископальной резиденции. В каждом доме Женевы и в ратуше люди постоянно говорили о них. "Заключенные, - сказали они, - содержатся в строгих условиях". Такая суровость вызвала всеобщее сострадание, и секретарь совета упоминает об этом в Регистрационных списках. [786] Однако, если епископ и смог лишить их свободы передвижения, то была еще одна вещь, которую он не мог у них отнять, и это было сладким утешением для тех, кто принял Евангелие в свои сердца. "Хотя они были связаны и закованы в колодки, - говорит Кальвин, - все же, молясь, они восхваляли Бога". Речь идет о Павле и Силе, заключенных в тюрьме в Филиппах, о которых говорит реформатор; но то, что он говорит о свободе молитвы, которая существует даже несмотря на цепи, может быть применено к некоторым из тех, кто сейчас находился в темницах прелата.

Как раз в это время по городу распространился слух, что епископ тайно готовит лодки для перевозки заключенных в какой-то замок. Говорили, что несколько дюжих лодочников готовы были взяться за весла, что пленников будет сопровождать вооруженный отряд и что, как только офицеры епископальной церкви окажутся на открытом озере, они будут смеяться над синдиками и гугенотами. Эти сообщения еще больше возбудили гнев горожан. Один из них, отважный человек по имени Пьер Верн, наблюдая за лодками, пришвартованными к берегу, искал способ предотвратить это незаконное похищение: он думал, что нашел простой и, по его мнению, безошибочный способ, и ждал (как мы сейчас увидим), пока завеса ночи не скроет его от глаз врага. [787]

Если советники принца придумывали, как увезти пленников-гугенотов, то некоторые мамлюки были раздосадованы тем, что на свободе все еще оставалось так много людей и что епископ так медленно арестовывал их всех без исключения. Им казалось, что *государственный переворот*, или, скорее, *главный переворот*, о котором они мечтали, давно назревал; и они

знали, что для успеха смелого шага его исполнение должно быть быстрым. Поэтому некоторые из них начали компенсировать медлительность властей отдельными актами насилия.

=ПОПЫТКА УБИЙСТВА КЕРТЕ.=

Наступило время сбора урожая, и Жан Ами Куртет, или Куртети, человек, благосклонно относящийся к Евангелию и принадлежащий к семье, которую герцог Филибер ле Бо облагородил, отправился утром на поле, которым владел на берегах Арве. Он осмотрел колосья и стебли: все обещало хороший урожай. Зная, что когда пшеница созреет, нельзя откладывать ее сбор, он приказал сопровождавшему его работнику начать ее срезать. Но ему было суждено упасть перед своей кукурузой, и на том самом месте.... Внезапно послышался шум, несколько переодетых людей набросились на него, сбили с ног, избили и оставили умирать на его собственном поле. Новость вскоре достигла города. "Его убили какие-то переодетые джентльмены", - говорили люди. Услышав печальную весть, родственники и друзья Куртета схватили свои аркебузы, и около сорока человек поспешили к мосту Арве. Они подняли беднягу, который был серьезно ранен, и, неся свою печальную ношу, медленно вернулись в город, их сердца разрывались от гнева. Когда процессия проходила перед домом, где проживали несколько фрибургцев, один из женецев назвал их "Негодями и предателями!" Фрибургцы, невинные в покушении, поклялись, что потребуют удовлетворения за такое надругательство; но печальная процессия, медленно проходящая по главным улицам Женевы под окнами знатных горожан, навевала совсем другие мысли. Люди спрашивали друг друга, намерены ли сторонники князя-епископа добавить убийство к незаконному аресту; достаточно ли носить маску и странную одежду, чтобы лишать граждан жизни без какого-либо риска для убийц; и может ли каждый гугенот, занимающийся самыми невинными занятиями, быть внезапно убитым врагом в маске на полях, завещанных ему предками? [788]

В то время как эти опасности нависали над головами друзей Реформации в самой Женеве, не менее серьезные опасности сгущались вокруг города. Люди, прибывающие из страны на левом берегу Роны и озера, сообщали, что вооруженные фрибуржцы и савояры в большом количестве собираются в замке Гайяр и что частью из них командует один из вернли. Было хорошо известно, что этот человек, разгневанный смертью своего родственника каноника, сочетал в своем сердце, наряду с любовью и уважением, которые он питал к его памяти, более энергичное чувство — чувство мести. Рыцари и солдаты, собравшиеся вокруг него, заразились его гневом. Но, согласно сообщениям местных жителей, вооруженные люди собирались не только в Гайяре: некоторые были выше, в направлении гор, в Этрембьере, где была переправа через Арве в округ Морнекс. Другие собирались еще выше, вокруг живописного холма Монту, и особенно у деревни Коллонж, у подножия холма. В то же время люди, прибывшие в Женеву с правого берега Роны и озера, со стороны Юры, приносили похожие вести и говорили о вооруженных людях в районе Жекс, и особенно в Гранд-Саконнекс, в трех четвертях лье от Женевы. Город начинал быть окружен врагами. [789]

Казалось, близилось время, когда проекты, задуманные епископом в Арбуа, должны были вот-вот осуществиться. Этот прелат, который упрекал своего друга Безансона Хьюза в том, что тот недостаточно громко "лаял", чтобы предотвратить падение своего авторитета, предложил не только самому облаять "волков", но и укусить их. Один из тех священников, которых Рим возвел в ранг князей народов, сказал: "Я привык действовать энергично.... Я подумаю, каким это должно быть". Понтифик готовился исполнить свои собственные пророчества.

=ЖЕНЕВА И КАЛЬВИН.=

Будущее Женевы действительно было угрожающим. 10 июля над этим благородным городом, казалось, опустилась мрачная завеса. Фанатичная партия готовила саван, в котором она намеревалась похоронить независимость граждан и реформацию Церкви. Этому городу, для которого многие люди уже предвкушали более славную судьбу, предстояло превратиться в простой провинциальный городок, занимающий ничем не примечательное место в мире и находящийся под ослабляющим влиянием Рима, лишенный жизни и свободы.

Но на небесах было написано и другое. Бог готовил Женеву и Кальвина к совместной битве, от результата которой должен был зависеть триумф Евангелия и свобода современных наций. И чтобы подготовиться к этим славным событиям, шаги великого реформатора вскоре были направлены, незаслуженно с его стороны, в сторону этого маленького, но энергичного города, единственного в своем роде в Европе, о котором тогда не думал человек Божий.

Мы не должны забывать, что другие нации также добавили свой камень в здание гражданской и религиозной свободы. Из Швейцарии, Германии, Нидерландов, Британских островов, Франции, а затем и Америки, а также других стран должны были начаться некоторые действия, призванные обеспечить торжество Божьего права и человеческих свобод.

И все же Кальвин и Женева кое-что сделали. Кальвин обладал непреклонной решимостью. Бог сказал этому человеку так, как в древности сказал одному из своих пророков: *Я сделал твое чело твердым, как камень; не бойся их и не ужасайся их виду, хотя они и мятежный дом.* [790] Не случайно, как это называется, что такой персонаж был призван в среду народа, который в ужасной борьбе, политый кровью своих лучших граждан, проявил неукротимое сопротивление абсолютной власти. В описываемый нами исторический период Бог готовил Кальвина и Женеву порознь; но союз этих двух натур, predeterminedенных (если можно так выразиться) друг для друга, не мог не произвести замечательных последствий в мире. Реформатор собирался сосредоточить в этом маленьком уголке земли моральную силу, которая способствовала бы спасению Реформации в Европе и сохранению в нескольких более благоприятных местах тех драгоценных свобод, на которые все нации имеют равные права.

В 16 веке было необходимо, чтобы великий человек и маленький народ служили центром Реформации. Твердость одного, энергия другого, закаленные, как сталь, в водах Евангелия, должны были задать тон народам, которые были более великими, хотя, возможно, и менее решительными, и запечатлеть печать единства на других энергиях. *Посмотрите, какое великое дело разжигает маленький огонек!*

В ожидании этого нового рассвета в Женеве царила печаль. Реформаторы были изгнаны, их самые ревностные ученики сидели в тюрьме или скитались по стране, а меч был занесен над головами всех друзей слова Божьего. Мамлюки восторжествовали. Дружья Евангелия и свободы с тоской спрашивали, наступил ли наконец день великой скорби.... Жены заключенных и беглецов каждую минуту ожидали услышать о какой-нибудь новой трагедии. Дети звали своих отцов, которые не пришли на зов. Повсюду слышались стоны и причитания, опасения и даже крики гнева.

=ВЕРА И НАДЕЖДА.=

Лишь несколько душ, уповая на Бога, сохранили хоть какую-то слабую надежду. Зная, что "Бог не является Богом, пока Он не воссядет на трон, то есть пока он не будет править миром, они не боялись ничего, каким бы ужасным это ни было", [791] от рук земных сил. Среди взволнованных сердец и удрученных лиц были глаза, которые, хотя и были затуманены слезами, были подняты к небу с надеждой и верой.

[745] "Пешеходный переход". —Списки совета от 22 и 30 июня.

[746] "Вальде ирритатория". —Списки совета от 22 и 30 июня.

[747] Списки заседаний Совета от 22 и 30 июня. Готье Г-жа

[748] *Mémoires du diocèse de Genève*, par le curé Besson, p. 63.

[749] Списки совета от 1, 2 и 3 июля. Froment, *Gestes de Genève*, p. 61. Gautier MS.

[750] La sœur Jeanne de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 67. Gautier MS.

[751] Реестры Совета от 2 и 3 июля 1533 года. La sœur J. de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 67. Gautier MS.

[752] Реестры Совета от 3 июля 1533 года.

[753] La sœur J. de Jussie, *Le Levain*, p. 68.

[754] 'Senatus, sua libertate subnixus, jus suum strenue tuetur.'—Spanheim, *Geneva restituta*, p. 62.

[755] 'Libertates, franchises, immunitates, usus, et consuetudines civitatis Gebennensis.'—*Mémoires d'Archéologie de la Soc. d'Hist. de Genève*, tome ii. p. 312. Реестры Совета от 4 июля 1533 года.

[756] 'Alios interfecerunt, alios truncatis manibus et pedibus demembraverunt; quibusdam vero oculos fodiebant, quibusdam frontes ferro ardente notabant.'—*Scriptur. галльский. et franc.*, viii. p. 281.

[757] 'Ad equi caudam pedibus alligatus . . . vir dives et probus.'—G. de Noviguto, *Op.* p. 510.

[758] Froment, *Gestes de Genève*, p. 61.

[759] Там же.

[760] Том первый, стр. 73.

[761] Их имена приведены Фроманом в его "*Женевских жестах*", стр. 61-62.

[762] Там же.

[763] См. *Жизнеописание Суллы* Плутарха. Списки Совета от 5 июля.

[764] Froment, *Gestes de Genève*, p. 61.

[765] Списки Совета от 5 июля. La Sœur Jeanne de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*, p. 64. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 61, 62.

[766] Froment, *Gestes de Genève*, p. 62.

[767] Froment, *Gestes de Genève*, p. 62.

[768]

... Кто, кроме меня

Могут ли я претендовать на право умереть за тебя?—*Альцест*.

[769] Froment, *Gestes de Genève*, p. 62.

[770] 'Et illec en faire à leur plaisir.'—*Ibid*.

[771] Реестры Совета от 5 июля 1533 года.

[772] Кельвин.

[773] Реестры Совета от 5 июля и 6 августа 1533 года.

[774] Списки членов Совета от 6 и 7 июля.

[775] Кальвин, *Соч. passim*.

[776] Реестры Совета от 6 и 7 июля 1533 года. Розет г-жа лив. iii. глава xiv. Готье СР.

[777] Реестры совета от 8 июля 1533 года. Готье Г-жа

[778] 'Nisi vocatis sindicis et quatuor civibus dictæ civitatis.'—*Mémoires d'Archéologie de la Société d'Histoire de Genève*, ii. p. 323.

[779] Реестры Совета от 8 июля 1533 года. Розет ср. *Хроника*. лив. iii. гл. xiv. Готье СР.

[780] Реестры Совета от 8 июля 1533 года. Розет ср. *Хроника*. лив. iii. гл. xiv. Готье СР.

[781] Реестры Совета от 9 июля 1533 года. Розет ср. *Хроника*. лив. iii. гл. xiv. Готье СР.

[782] Реестры Совета от 9 июля 1533 года. Розет ср. *Хроника*. лив. iii. гл. xiv. Готье СР.

[783] 'Cum tota claritas lunæ sit a sole, patet quod jurisdictio spiritualis, quæ comparatur soli, habet in se formaliter vel virtualiter jurisdictionem temporalem.'—Goldasti, *Monarchia*, ii. p. 1461 et seq.

[784] Реестры Совета от 9 июля 1533 года.

[785] Реестры Совета от 9 июля 1533 года.

[786] Списки Совета от 12 июля 1533 года.

[787] Списки Совета от 12 июля 1533 года.

[788] Реестры Совета от 14 июля 1533 года.

[789] Списки Совета от 10 июля 1533 года.

[790]Иезекииль, ііі. 9.

[791] Кельвин.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ТОМА.

ЛОНДОН

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ"

НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР